

2017 №2

История российской психологии в лицах: Дайджест

Электронный научный журнал проекта
"История российской психологии в лицах"

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№2 – 2017

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель Московского государственного университета дизайна и технологии; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Faculty Member of Department of Psychology, Moscow State University of Design and Technology; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teurung» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. – 2017. – № 2. – 323 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. – 2017. – № 2. – 323 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 07.05.2017

© Авторы статей, 2017

Содержание

От редакции 10

Биография

Бермус А.Г. Шпильрейн Сабина (Шейвэ) Николаевна (Нафтульевна): данные биографии #1 14

Стоюхина Н.Ю. Малис Георгий Юрьевич: данные биографии #1 58

Библиография

Зверева Т.В., Носкова О.Г. Платонов Константин Константинович: данные библиографии #1 72

Стоюхина Н.Ю. Малис Георгий Юрьевич: данные библиографии #1 94

Хусяинов Т.М. Бжалава Иосиф Теймуразович: данные библиографии #1 96

Урусова Е.А., Хусяинов Т.М. Сохин Феликс Алексеевич: данные библиографии #1 99

Возвращение памяти...

Мазилов В.А. Человек непростой судьбы: Виктор Васильевич Карпов 105

Костригин А.А. «В поисках правильной линии»: Стенограммы заседаний по делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) 113

Вопросы истории и методологии психологии

Зверева Т.В., Носкова О.Г. К вопросу о периодизации научного творчества К.К. Платонова	185
Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Об истории исследований по психологии деятельности в ярославской школе	193
Няголова М.Д. О влиянии психологической теории Б.Г. Ананьева на развитие болгарской психологии.....	214
Ясницкий А., Ламдан Э., Ван дер Веер Р. «В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии.....	225

Читаем забытую классику...

Залкинд А.Б. Ленин как психофизиологический тип	293
Богданчиков С.А. Предисловие публикатора к статье: Мерлин В.С. Об обучении и развитии	301
Мерлин В.С. Об обучении и развитии.....	303

Table of contents

Editorial 10

Biography

Bermus A.G. Spielrein Sabina (Sheive) Nikolaevna (Naftulievna): facts of biography #114

Stoyukhina N.Yu. Malis Georgy Yurievich: facts of biography #1 58

Bibliography

Zvereva T.V., Noskova O.G. Platonov Konstantin Konstantinovich: facts of bibliography #1 72

Stoyukhina N.Yu. Malis Georgy Yurievich: facts of bibliography #1 94

Khusyainov T.M. Bzhalava Joseph Tejmurazovich: facts of bibliography #1 96

Urusova E.A., Khusyainov T.M. Sokhin Felix Alekseevich: facts of bibliography #1 99

Retrieval of memory...

Mazilov V.A. Man of uneasy fate: Viktor Vasilievich Karpov 105

Kostrigin A.A. "In search of right line": Verbatims of sessions on case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology in 1930 (archival materials) 113

Issues of history and methodology of psychology

Zvereva T.V., Noskova O.G. To question of periodization of scientific work of K.K. Platonov 185

Mazilov V.A., Slepko Yu.N. On history of research on psychology of activities in Yaroslavl school..... 193

Nyagolova M.D. On impact of psychological theory of B.G. Ananiev on development of Bulgarian psychology 214

Yasnitsky A., Lamdan E., Van der Veer R. “In the August of 1941”: Alexander Luria’s Unknown Letter to the USA in the Light of Revisionist Revolution in the Historiography of Russian Psychology..... 225

Reading of forgotten classics...

Zalkind A.B. Lenin as psychophysiological type 293

Bogdanchikov S.A. Publisher’s foreword to article: Merlin W.S. On training and development..... 301

Merlin W.S. On training and development..... 303

От редакции

Уважаемые читатели!

История отечественной психологии постоянно пополняется новыми исследованиями. Так, совсем недавно вышли следующие работы:

- сборник материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций» («VI Московские встречи») (под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника) [3];

- «Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное» (Под ред. Е.Ю. Завершневой и Р. Ван дер Веера) [1];

- «Философия психологии» (под ред. В.А. Лекторского) [7];

- сборник статей «Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы» (под ред. М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлевой, Н. Е. Харламенковой) [5];

- монография Т.В. Зверевой и О.Г. Носковой «Психологическое наследие К.К. Платонова» [2];

- монография Н.А. Логиновой «Антропологическая психология Бориса Ананьева» [4];

- монография Н.Ю. Стоюхиной «Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг.» [6].

Результаты, полученные данными исследователями, позволяют по-новому взглянуть на историю советской психологии и помогут дальнейшим исследователям в других перспективных проектах.

Журнал «История российской психологии в лицах: Дайджест» так же рад представить вам новые результаты изучения истории отечественной психологии в научно-исследовательских статьях, ведь статья – это, с одной

стороны, самый быстрый, а с другой, самый концентрированный формат оповещения о собственных находках и размышлениях.

В рубрике «Биография» вы можете познакомиться с жизнью и творчеством:

- Сабины Николаевны Шпильрейн: А.Г. Бермус рассказывает о нескольких судьбоносных сюжетах из жизни С.Н. Шпильрейн, ее сотрудничестве с З. Фрейдом и К. Юнгом, ее трагической гибели. Статья наполнена большим количеством живых строк из личных писем;

- Георгия Юрьевича Малиса: Н.Ю. Стоюхина знакомит нас с архивной находкой – Curriculum Vitae Г.Ю. Малиса, его педагогической и психотехнической деятельностью;

В рубрике «Библиография» авторы публикуют советских психологов: К.К. Платонова (Т.В. Зверева, О.Г. Носкова), Г.Ю. Малиса (Н.Ю. Стоюхина), И.Т. Бжалава (Т.М. Хусяинов), Ф.А. Сохина (Е.А. Урусова, Т.М. Хусяинов).

В открытой в прошлом номере рубрике «Возвращение памяти...» продолжается работа по поиску и восстановлению фактов репрессий и идеологического давления на психологическую науку:

- В.А. Мазиллов посвящает свою работу ярославскому психологу, педагогу, организатору образования В.В. Карпову (репрессированному в студенческие годы);

- А.А. Костригин продолжает публикацию архивных материалов (на этот раз стенограммы) по «Делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии» (1930).

В рубрике «Вопросы истории и методологии психологии» включает в себя следующие материалы:

- Т.В. Зверева и О.Г. Носкова, применяя метод контент-анализа, составляют периодизацию научного творчества К.К. Платонова;

- В.А. Мазиллов и Ю.Н. Слепко рассматривают историю развития исследований по психологии деятельности в ярославской психологической школе, сосредоточиваясь на работах В.Д. Шадрикова и А.В. Карпова;

- М.Д. Няголова прослеживает влияние психологических идей Б.Г. Ананьева на развитие болгарской психологической науки;

- А. Ясницкий, Э. Ламдан, Р. Ван дер Веер обсуждают проблемы и перспективы выготского ведения (Vygotsky Studies) и рассматривают в этом контексте уникальный документ – неизвестную переписку А.Р. Лурии и Х. Каллена.

Рубрика «Читаем забытую классику...» представлена статьями:

- А.Б. Залкинда «Ленин как психофизиологический тип» (подготовленную Н.Ю. Стоюхиной);

- В.С. Мерлина «Об обучении и развитии» (подготовленную С.А. Богданчиковым).

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся вас увидеть среди авторов нашего журнала!

Редакция

Список литературы:

1. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
2. Зверева Т.В., Носкова О.Г. Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
3. История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи».

Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2016.

4. Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
5. Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
6. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.
7. Философия психологии / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 396 с.

References:

1. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe / Pod obshh. red. Ekateriny Zavershnevoj i Rene van der Veera. M.: Izd-vo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2017. 608 s.
2. Zvereva T.V., Noskova O.G. Psihologicheskoe nasledie K. K. Platonova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.
3. Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержanie koncepcij Materialy vserossijskoj konferencii po istorii psihologii «VI Moskovskie vstrechi». Otvetstvennye redaktory: A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Ju.N. Olejnik. M., 2016.
4. Loginova N.A. Antropologicheskaja psihologija Borisa Anan'eva. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.
5. Psihologicheskie issledovanija lichnosti: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.
6. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2016. 429 s.
7. Filosofija psihologii / pod red. V.A. Lektorskogo. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2016. 396 s.

Биография

Шпильрейн Сабина (Шейвэ) Николаевна (Нафтульевна): данные биографии #1

Бермус Александр Григорьевич
Южный федеральный университет, Россия
e-mail: bermous@donpac.ru

Аннотация. В статье обсуждаются несколько известных сюжетов из жизни одной из первых российских женщин-психоаналитиков Сабины Николаевны Шпильрейн (1885-1942), в том числе, длительное знакомство с К.Юнгом и З.Фрейдом, активное участие в становлении детского психоанализа в первой половине 20-ых гг., трагическая гибель во время оккупации г.Ростова в 1942 в Змиевской балке. При этом, основной целью становится понимание событий, участницей которых была С.Н.Шпильрейн, в единстве с созданными ею текстами как публичного (статьи), так и частного характера (дневники, письма матери, Карлу Юнгу и др.). Каждый из эпизодов рассматривается в качестве некоторого «урока» жизни и судьбы С.Н.Шпильрейн, продолжающего быть актуальным и в начале XXI века.

Ключевые слова: Сабина Шпильрейн, Карл Юнг, Зигмунд Фрейд, диагноз, психоанализ, деструкция, становление.

Spielrein Sabina (Sheive) Nikolaevna (Naftulievna): facts of biography #1

Bermus Aleksandr Grigorievich
Southern Federal University, Russia
e-mail: bermous@donpac.ru

Abstract. The article discusses several well-known stories from the life of one of the first Russian women-psychoanalysts Sabina Nikolaevna Spielrein (1885-1942), including a long acquaintance with C. Jung and S. Freud, active participation in the development of child psychoanalysis in the first half of the 20s, the tragic death during the occupation of Rostov in 1942 in the Zmievsy Balka. At the same time, the main goal is to understand the events of

which S.N. Spielrein was a participant, in unity with the texts she created, both public (articles) and private (diaries, mother letters, Karl Jung, etc.). Each of the episodes is seen as a "lesson" of the life and destiny of S.N. Spielrein, which continues to be relevant at the beginning of the XXI century.

Keywords: Sabina Spielrein, Carl Jung, Sigmund Freud, diagnosis, psychoanalysis, destruction, becoming.

Судьба памяти о большинстве людей – проста и печальна. В жизни каждый из них окружен большим или меньшим количеством родственников и знакомых, но с уходом из жизни, и еще более – с уходом тех самых родственников и знакомых, память о нем постепенно стирается, пока не сократится до размеров надписи на памятнике. Существует другая крайне малочисленная категория «национальных гениев», чье имя достигает славы еще при жизни, но после ее окончания – последовательно превращается в мифологический образ «классика и основоположника».

Однако случай Сабины Шпильрейн – чья жизнь началась в Ростове в 1885 г. и была варварски оборвана в Змиевской балке 11-12 августа 1942 г. – видится парадоксальным преодолением этой противоположности. Не только ее трагическая гибель, но и два последних десятилетия ее жизни – плохо документированы, а имя забыто почти на полвека. Так, в ставшем классическим труде Эрнста Джонса «Зигмунд Фрейд» (1953) ее имя не упоминается ни разу. Более того, даже Nancy Chodogow, которая исследовала «вклад женщин в психоаналитическое движение и терапию» (1987), просто «забывает» о Шпильрейн. На протяжении всего этого времени о ней напоминала лишь постраничная сноска в книге З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» - при этом нередко комментаторы склоняли ее фамилию, даже не подозревая, что «S.Spielrein» – женщина.

Возвращение С. Шпильрейн из исторического небытия начинается в 1974 г. после публикации В. Мак-Гиром переписки З. Фрейда и К. Юнга. В 1977 г. в подвале женевского дворца Вильсон, где раньше находился институт психологии, был обнаружен ее дневник за 1908-1912 гг., описывающей ее любовную привязанность к лечащему доктору, а также – многочисленные письма, которыми обменивались с 1906 по 1923 гг. Фрейд, Юнг и Шпильрейн. В 1980 г. выходит книга итальянского психоаналитика Альдо Каротенуто «Секретная симметрия. Сабина Шпильрейн между Фрейдом и Юнгом», в основу которой были положены дневниковые записи самой С. Шпильрейн и ее переписка с К. Юнгом и З. Фрейдом.

С конца 80-х – начала 90-х гг. статьи и книги о жизни и творчестве Сабины Шпильрейн активно публикуются в разных странах Европы и Америке (М. Люнгрен, Дж. Керр, М. Сифали, В.И. Овчаренко, Ц. Лотан, Б. Миндер, Р. Хёфер, А.М. Эткинд, Е. Шепелер и др.). Сабина Шпильрейн стала героиней нескольких литературных произведений, сценических постановок, документальных и художественных фильмов, ряда международных научных конференций, проходивших, в Ростове-на-Дону и зарубежом.

Значительное внимание привлекли книга и художественный фильм итальянского режиссера Роберто Фаензы, известный в российском кинопрокате под названием «Сабина» (2002). В июне 2003 г. на кинофестивале «Кинотавр» постановочно-документальному фильму (совместного производства Швеции, Швейцарии, Дании и Финляндии) режиссера Элизабет Мартон «Меня звали Сабина Шпильрейн» был присужден приз ФИПРЕССИ (Приз международной кинопрессы) «За чуткое отношение к личности и истории».

20 октября 2002 г. на доме, где проживала С.Н.Шпильрейн в Ростове-на-Дону по ул. Пушкинской, 83 была торжественно открыта мемориальная доска Сабины Шпильрейн, а 19 апреля 2003 г., в соответствии с одним из мотивов девичьего завещания С.Н.Шпильрейн на месте ее гибели был посажен памятное дерево – дуб. И уже совсем недавно, в 2008 г. были изданы переводы на русский язык наиболее известных ее трудов [3]. Все приведенные здесь фрагменты публикаций С.Шпильрейн даны в соответствии с этим изданием.

Едва ли полная биография Сабины Шпильрейн будет когда-нибудь написана – свидетельства о долгих периодах ее жизни во второй половине 20-ых и 30-ые гг. слишком неопределенны, поверхностны и недостоверны. Но уже то, что мы знаем о Сабине Шпильрейн, кажется вполне достаточным для того, чтобы увидеть в ее человеческой биографии – отражение духовной истории еврейского народа в один из самых драматичных периодов его существования. По этой же причине мы не можем претендовать на сколь-нибудь полное представление жизни Сабины Шпильрейн, но попытаемся услышать сквозь шум времени несколько уроков, которые история и жизнь дают всем нам.

Рис. 1

Мистика рождения.

Вначале скажем несколько слов о странных, отчасти удивительных, отчасти – почти мистических совпадениях, с которыми связано рождение Сабины Шпильрейн. Прежде всего, отметим, что день ее рождения – 25 октября по старому стилю (7 ноября по новому) в 1885 г. служит некоторым намеком на изначальную – и неразрывную связь ее человеческой биографии с будущей драмой, которая будет явлена в день ее 32-летия. Как писал ее младший современник (и соплеменник!) Осип Мандельштам: «Попробуйте меня от века оторвать! – Ручаюсь вам, – себе свернёте шею!».

Другим немаловажным обстоятельством является и то, что ее имя и отчество «Сабина Николаевна» – есть результат русификации идишского имени «Шейвэ Нафтульевна». И здесь начинается некоторая мистика. Само имя «Шейвэ» созвучно ивритскому числительному «шива» - семь (однокоренным этому слову является и «Шаббат» – седьмой, завершающий день недели, и «Шева» - еврейский обычай проводить семь дней после похорон в доме покойного, никуда не отлучаясь и сидя на низеньких скамейках).

Заметим, что каждый из этих смыслов осуществился в жизни С.Шпильрейн: ее собственная гибель была седьмой в череде трагических случайностей и преступлений послереволюционного времени (в 1922 г. умирает мать, в 1937 – 1938 гг. репрессируют ее родных братьев Яна, Исаака и Эмиля, тогда же, в 1938 г. умирают отец и муж).

Есть и более глубокие совпадения, которые выявляются в свете Торы. Имя отца Сабины – Нафтали является именем одного из сыновей Яакова –

прародителя соответствующего колена. Известно, что большинство колен получили два благословения – одно – от Яакова, другое – от Моше. В благословении Яакова о Нафтали говорится всего одна фраза: «Нафтали – пряткая лань, произносит он речи изящные». Раши, комментируя этот пасук, цитирует мидраш Брейшит Раба (99), где говорится о лани, что она «вольна бежать, куда пожелает» и «будет Нафтали благодарить за свой удел речами прекрасными и восхвалением» (Таргум). Известно, что отец Сабины был весьма образованным человеком, сторонником европейского просвещения и культуры...

Но есть еще один важный для нас комментарий: говорится, что именно колено Нафтали первым откликнулось на призыв Дворы и Барака, а после одержанной победы присоединяется к песне, восхваляющей В-вышнего. Именно пророчица Дебора выступала в роли судьи, и именно через нее В-вышний передал повеление «Вот что повелел Господь, Б-г Израиля: пойд и собери на горе Тавор, и возьми с собою десять тысяч человек из сынов Нафтали и из сынов Звулуна. А я приведу к тебе, к потоку Кишон, Сисру, военачальника Явина, и колесницы его, и полчища его, и предам его в руки твои» (Шофтим 4:6-7).

Смысл песни Деворы – в обращении евреев к В-вышнему: «*Не стало открытых селений в Израиле, не стало, пока я не восстала, Двора, я восстала, мать в Израиле. Избрать Б-гу новых, чтоб тогда воевать во вратах; щит ли виден будет и копье среди сорока тысяч в Израиле. Сердце мое к законникам Израиля, доброволившим в народе – благословите Господа!* Кто ездит на белых ослицах, восседает в суде и идет по дороге, молвите! При гласе бряцающем меж водопоев, там да воздадут за милости Господа, милости в открытых селеньях Его в Израили. Тогда, спустились они к воротам, народ Господень. *Воспрянь, воспрянь, Двора, воспрянь, воспрянь, изреки песнь!*» (Шофтим, Гл. 5:7-12)

Если прочитать всю Песню Деворы, строку за строкой – в этом воззвании можно найти объяснение специфической духовной ситуации, когда через женщину приходит к Израилю благословение, и женщине выпадает жребий укорять слабых и маловерных мужчин, сохраняя религиозное чувство. Есть основания полагать, что многие жизненные проблемы и странности в судьбе Сабины Шпильрейн имели в своем основании – ту самую неудовлетворенную духовную потребность.

Рис. 2

Тайна диагноза.

17 августа 1904 г. Сабина Шпильрейн в возрасте 18 лет поступила в психиатрическую клинику Бургхёльцли в Цюрихе. Вообще, эта клиника специализировалась на лечении пациентов с острой и хронической шизофренией и другими психозами. Вполне естественно, что предварительный диагноз, поставленный Сабине Шпильрейн ее лечащим врачом Карлом Юнгом, звучал как «психотическая истерия». В своем дневнике он делает примечательную запись о «необходимости обратить внимание на инстинктивную садомазохистскую линию взаимоотношений, которые базировались на проникнутых сексуальностью влечениях Шпильрейн к отцу».

Проблема этого диагноза заключается в том, что еще до встречи с Сабиной Карл Юнг находится под обаянием психоаналитических идей, с восхищением, цитируя известного художника, доктора медицины, наркомана и бисексуала Отто Гросса «Истинно здоровым состоянием невротика будет сексуальная распущенность». Немаловажно и то, что гомосексуальные устремления Гросса, хотя и внешне неприятны Юнгу: «Он [Гросс] отнимает просто уйму времени... это несомненный невроз навязчивого состояния... все искажения инфантильной идентификации носят гомосексуальный характер» [13, Р. 151], но признаются внутренне близкими: «Ничего более неприятного испытывать мне еще не приходилось, поскольку в Гроссе я обнаружил нечто, свойственное мне самому, и он часто бывает похожим на моего близнеца, хотя и по причине *dementia praecox*» [13, Р. 156].

Естественно, что от проницательного психоаналитика-арийца Юнга скрыты гораздо более глубокие, нежели «распущенность» мотивы Сабины. Их описание она доверяет только своему дневнику:

«С трех-четырёх лет я прекрасно помню своего прадеда – благодушного мужчину в черном. Еще более сильное впечатление произвело на меня то, что я услышала о нем: он был весьма уважаемым раввином в Екатеринославле.

Когда он шел по улицам нашего города, его сопровождала толпа. Ходило много слухов об его пророческом даре...

Мой дед еще жив. Он одряхлел, но сохранил веселый и нежный нрав... Примечательно, что мой отец отзывается с уважением о дедушке, признавая, что кое в чем тот неподражаем... К тому же он был хорош собой. Его избранницей стала дочь одного врача... который слыл неверующим, и мой прадед никогда бы с этим не смирился... пришлось ему отказаться от этой мечты и жениться на девушке, которую выбрал для него отец...

Должно быть, мой дед хранил в душе образ своей первой возлюбленной, ибо постижение христианской науки ставил превыше всего... Его дочери нужно было учиться, и только; помогать по хозяйству ее не заставляли. Несмотря на риск, которому он себя подвергал, будучи лицом духовного звания, он определил дочь в христианскую начальную гимназию... и одобрил ее поступление в университет.

Моя любознательная мать, которой легко давалась наука, была его величайшей гордостью. Как же проявился этот комплекс у моей матери?.. Моя мать очень боялась, что может влюбиться в христианина или стать возлюбленной христианина... Некому мужчине... христианину, уважаемому в Петербурге человеку, она сказала... что никогда не выйдет за него замуж, поскольку это могло бы убить родителей; на следующий день он застрелился.

На протяжении долгого времени моя мать отказывала моему отцу... которого сосватал ей мой дед... моя мать так и не обрела покой в любви к мужу. И вот появилось третье поколение... Думаю, мой дед был самым счастливым человеком на свете, когда я объявила о своем решении изучать медицину» [4, Р. 21-23].

Несомненно, что развитие личности Сабины происходило под воздействием слишком разных источников и образов, и единственным свидетелем этих сложностей оставался ее дневник: «До тринадцати лет я была очень набожной. Вопреки многим противоречиям, которые не ускользали от моего взгляда, и, несмотря на насмешки моего отца, я не отказывалась от веры в Бога. Я не могла предать Бога.

Но из этого ничего не вышло. У меня появился «ангел-хранитель»... в пятом классе гимназии. Учитель истории. Христианин... Он сразу произвел на меня глубокое впечатление. На первом же уроке меня поразили его ум, покорили мятежность и печаль в его темных глазах. Именно оттого, что я старалась сохранять особую серьезность в его присутствии, мне не удавалось совладать с собой, и я раздражалась судорожным смехом при виде его странных ужимок...

Потом... я увлеклась этим мужчиной, который раскрыл мне доселе неизвестную область чувств, чьи пределы стремительно расширялись. Я мечтала чем-нибудь пожертвовать ради него, пострадать за него. Моя подруга, еврейка, тоже души не чаяла в этом учителе. Ее тоже восхищал его ум. Мы вместе читали книги по истории и культурологии... и он поставил нам самый высокий балл — 5... потом я к нему охладела...

*После моего отъезда он нашел себе наперсницу в лице моей матери. Должно быть, он тоже полюбил ее, и когда она уехала в Париж, он выбросился из окна, желая покончить с собой. Ему поставили диагноз *dementia praecox* (шизофрения – прим. А.Б.).*

Я разрывалась между ним и дядей Адольфом, о котором я уже упоминала, — это был прекрасный пример переноса образа отца. По уму он не мог сравниться с учителем, но обладал отцовской настойчивостью и несомненными артистическими способностями... В конце концов, дядя тоже влюбился в мою мать... Впоследствии, когда меня отправили в Варшаву, его место занял мой нынешний друг [т. е. Юнг], который оказал на меня куда большее влияние, чем кто бы то ни было» [4, Р. 26-26].

Перед выпиской из клиники Бургхольцли **Блейлер** вручил Сабине медицинское свидетельство, удостоверяющее, что ее лечили от «*нервического расстройства с истерическими симптомами*» [8, Р. 119], и содержащее рекомендацию, необходимую для зачисления в Цюрихский университет в течение летнего семестра и обучения на медицинском факультете. К этому же периоду относится декларация «Последней воли» Сабины Шпильрейн – записанная и подшитая к истории болезни самим Карлом Юнгом. Перевод этого небольшого текста мы приводим полностью:

«После моей смерти я позволяю анатомировать только голову, если она будет не очень страшной. При секции не должно быть юноши. Из студентов могут смотреть только самые прилежные. Мой череп я посвящаю нашей гимназии. Его надо поместить в стеклянный ящик и украсить бессмертными цветами.

На ящике напишите следующее: “И пусть при входе в гроб играет молодая жизнь, и равнодушная природа пусть сверкает вечным великолепием» [13].

Мой мозг я даю Вам. Только поместите его чистым в красивый сосуд, также украшенный, и напишите на нем те же самые слова.

Тело следует сжечь. Но при этом никто не должен присутствовать. Пепел разделите на три части. Одну положите в урну и пошлите домой. Вторую часть развейте по земле посреди нашего большого поля. Вырастите

там дуб и напишите: «Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн». Что делать с третьей частью – скажет Вам брат»» [13].

Разумеется, в этом завещании нет ничего, что, хотя бы в минимальной степени, соответствовало еврейской традиции похорон, но, при этом несомненна причастность этого текста еврейской религиозной традиции.

Прежде всего, обратим на эту деталь – только голова (и то, только при условии, что она «будет не очень страшной») достойна сохранения. Мудрецы Талмуда считают, что именно голова Эсава – похоронена вместе с праотцами в пещере Махпела, и этот факт является залогом того, что рано или поздно потомки Эсава совершат покаяние (тшуву).

Более того, по мнению некоторых современных комментаторов Торы (Арье Барац), изначальная близость Яакова и Эсава – столь же непреложный факт, как и их последующее расхождение. В каждом поколении, путь Эсава остается соблазном для потомка Яакова, равно как и путь Яакова – вызов для потомков Эсава. И здесь, в этом странном, почти безумном тексте, внутренняя двойственность Яакова и Эсава проявляется наиболее очевидным образом (Кстати, день рождения Сабины Шпильрейн приходится на 29 Хешвана – день, когда в синагогах читается Недельная Глава «Толдот», повествующая о полных драматизма отношениях между близнецами Яаковом и Эсавом).

Обращает на себя внимание и следующий фрагмент – очевидно, что Карл Юнг записывает со слов Сабины переложение известных стихов А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных»:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Именно в этом – сознании и ощущении вечности и абсолютной ценности красоты природы и мира – проявление Б-жественного благословения, данного Яфету-Эсаву.

Не менее интересна и мысль о разделении пепла – на три части.

Указание относительно первой части представляется вольным переложением известного стиха из Книги Брейшит (3:19): «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо **прах ты и в прах возвратишься**».

Вторая часть явным образом отсылает к сюжету встречи Авраама с тремя ангелами (Книга Брейшит, Гл. 18:1-2): «И явился ему Господь у **дубравы** Мамре, когда он [Авраам] сидел при входе в шатер свой, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него.

Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер свой и поклонился до земли».

И, наконец, третья часть – представляется наиболее загадочной. Неясно даже, о чьем брате идет речь – самой Сабины или того, к кому обращено послание, и именно это заставляет пренебречь буквальным истолкованием этого обращения (у Сабины, действительно, было три брата, но никто из них не был так близок ей, как единственная сестра Эмилия) – и обратиться к символическому пониманию.

В одном из наиболее известных текстов Сабины Шпильрейн, написанным ею в 1911 г. и ставшем основанием для присвоения ей степени доктора. Он озаглавлен «О психологическом содержании одного из случаев шизофрении (dementia praecox)» и в этом же году опубликован в журнале [12]. Перевод этого текста на русский язык выполнен уже в наши дни С.Г. Жигулевой.

В основе этого текста, как пишет сама С.Шпильрейн, «случай параноидной деменции», выбранный для описания *«потому что пациентка, образованная, начитанная женщина, представляет обширную продуктивность, которая на первый взгляд кажется полной неразберихой совершенно бессмысленных предложений. Я считаю это наилучшим материалом, по возможности полно представленным, а именно в общих чертах дословно, как это сообщила мне пациентка, так что у читателя есть возможность проверить правомерность моих заключений. Я хотела бы только попросить читателя не считать на основе лишь какого-либо фрагмента мои заключения вольными: здесь нельзя избежать того, что я, учитывая весь анализ, забегаю вперед практически с единственным объяснением; далее будет предъявлено доказательство правильности «толкования» [3].*

Достаточно странно, что, несмотря на значимость этого текста в жизни и профессиональном становлении С. Шпильрейн, напрочь отсутствуют какие-либо сведения, кем могла быть эта неназванная женщина, многие из симптомов которой удивительно перекликаются с тем, что было записано в истории болезни самой Сабины. Не менее удивительно и то, что в качестве правильности выводов являлись «непосредственные, спонтанные сведения пациентки», а в самом процессе терапии ей приходилось «овладевать языком пациентки», защищаться от ее внушения и т.д.

В любом случае, гипотеза о том, что диссертация Сабины Шпильрейн была, по сути дела, рефлексией ее дневника, своеобразным «средством исцеления» - слишком смела и едва ли найдет какие-то обоснования. Но нас, в данном случае, интересует нечто другое. Комментируя «бредовые симптомы», в заключении С.Шпильрейн пишет: *«Фрейд и Юнг показали нам, что бредовая*

система больных ни в коей мере не является бессмысленной, а следует тем же законам, что и сновидение, которое всегда раскрывается как разумная комплексная обработка... Сравнение с мифологическим образом мыслей указывает на особое родство механизма сновидений с архаическим мышлением. Во время обследования этой больной у меня действительно сложилось такое впечатление. Если Фрейд и Юнг главным образом сначала сравнили феномены невроза и сновидения с проявлениями шизофрении, то я считаю, что при помощи филогенетического способа рассмотрения можно дополнить существенную часть точки зрения Фрейда и Юнга» [3].

«У человека двойное переживание: сознательное и бессознательное; бессознательному переживанию подходит важная функция создания чувственных тонов... Лишь благодаря присоединению бессознательного к сознательному переживанию последнее становится действительным переживанием. Бессознательное дополняет весь сложившийся соответствующим образом материал воспоминаний...» [3].

«Если мы, например, радуемся какой-либо сказке или стиху, то это происходит потому, что в бессознательном возникает отмеченное радостью представление, которое мы теперь переживаем, поскольку новое содержание представления вступает в связь со старым и тем самым принимает участие в общем чувстве радости. При этом нам кажется, что чувство радости относится к новому содержанию представления, что мы в соответствии с этим радуемся в настоящем, в то время как в действительности наша радость все же относится к предшествующим переживаниям, а именно не только нашим личным, поскольку мы также унаследовали результаты переживаний наших прародительниц...» [3].

«Теперь мой материал показывает, что эти глубины Я отчасти состоят из «представлений», которые, кажется, принадлежат прошлому, простирающемуся над индивидуумом. В это прошлое пациентка приносит свое настоящее переживание» [3].

«...Таким образом, мне кажется, что своим появлением символ вообще обязан стремлению комплекса к умножению, к растворению в общей совокупности мышления. Незначительное умножение — это представление собственного комплекса в другом человеке; вместо «я переживаю» говорят «она переживает». Вследствие этого комплекс лишает индивидуальности. В большой степени для этого растворения подходят только что упомянутые неясные общие понятия. Бессознательное растворяет настоящее в прошлом. Но мы также знаем, что сновидение — это исполнение желания и в соответствии с этим занимается будущим» [3].

«Будущее также превращается в прошлое, потому что конфликты представляются через древние символы и также прекращаются этой символикой, как если бы они произошли давно и были исчерпаны. Итак, бессознательное также придает собственное значение будущему: индивидуальное будущее превращается в общее филогенетическое прошлое, и наряду с этим оно приобретает для индивидуума значение будущего» [3].

«Таким образом, мы видим в бессознательном что-то, что находится за пределами времени или одновременно настоящее, прошлое и будущее. В соответствии с этим бессознательное позволяет нам судить о настоящих личностных конфликтах, о конфликтах филогенетического прошлого, из которого происходят личные переживания и, возможно, о будущем развитии вещей, потому что будущее состоит из прошлого (собственно, это лишь форма прошлого)» [3].

...Сказанное требует огромного труда понимания, осмысления, комментирования, явным образом выходящего за пределы нашего сегодняшнего разговора о Сабине Шпильрейн. Поэтому, ограничимся все одним ключевым фактом из Торы, и кратким вопросом. Факт заключается в том, что известный «Тетраграмматон» («йуд-hey-вав-hey»), который воспринимается (хотя и не является!) в большинстве нееврейских источников в качестве Имени В-вышнего, есть совмещение признаков трех времен – Прошлого, Настоящего и Будущего в их неразрушимом Единстве. И в этой связи, возникает вопрос – не являлась ли та самая пресловутая «болезнь» Сабины, равно как и ее удивительно быстрое выздоровление – лишь различными проявлениями внутреннего религиозного чувства, в равной степени переживающего как собственную судьбу, так и вечные слова Торы?

Рис. 3

Шпильрейн – Юнг – Фрейд.

Единственный факт, признаваемый всеми исследователями истории психоанализа, заключается в том, что еврейка из России Сабина Шпильрейн на протяжении многих лет была пациенткой и корреспонденткой Карла Юнга, а также – состояла в активной переписке и общении с Зигмундом Фрейдом. Мнения о сущности, значении этих отношений существенно расходятся: большинство уверено в наличии любовной связи Сабины и Карла; существуют и более радикальные воззрения – одни полагают, что существовавшее между ними чувство не имело ничего общего с интимной близостью (Цви Лотан); другие – с меньшей уверенностью говорят о том, что интеллектуальный роман Сабины со стареющим Фрейдом был одной из причин отхода Юнга от психоанализа и создания им своеобразной «аналитической психологии».

Стоит отметить, что ни одна интерпретация этого конфликта не является, исчерпывающей, и требует не только детализации всех относящихся к этому делу фактов, но, прежде всего, качественного осмысления.

Как пишет один из современных психоаналитиков Альдо Каротенуто [1]: «Столь пристальное внимание к теме, очевидно, объясняется ее глубинным символизмом, который, выходя за рамки конкретного эпизода, захватывает любого (историка, клинического врача, художника), кто намеревается

исследовать значение страсти, не только в индивидуальной судьбе, но и в истории человеческой мысли...»

Между тем, нам представляется, что, несмотря на множественность интерпретаций этого треугольника, духовный аспект и религиозный смысл произошедшей драмы еще не вполне осознан. Итак, с августа 1904 г. по июнь 1905 г. Сабина проходит лечение у Карла Юнга. В этот период она начинает интересоваться психоанализом, и летом 1905 г. ее состояние настолько улучшается, что она может покинуть клинику и даже поступить в Университет Цюриха на Медицинский факультет, который оканчивает в 1911 г. Примерно в те же годы (с 1906 по 1913 гг.) происходит интенсивная переписка Юнга и Фрейда, в которой мотивы почтительного ученичества Юнга постепенно сменяются взаимным непониманием и указанием на недооценку иных (не только сексуальных) мотивов в психических расстройствах.

Впервые имя Сабины появляется в письме Юнга З.Фрейду от 25 сентября 1905 г.: *«Дорогой профессор Фрейд, дочь фрау Шпильрейн, фройляйн Сабина Шпильрейн, студентка медицинского факультета, страдает истерией. Пациентка имеет серьезный наследственный порок, ее отец и мать были истериками, в особенности, таковой была мать. Брат пациентки с юных лет страдает истерией в тяжелой форме. В настоящее время пациентке 20 лет, ее болезнь отчетливо проявилась на протяжении последних трех лет. Тем не менее, патогенные эпизоды и переживания, разумеется, относятся к ранней поре ее жизни... Благодаря анализу, ее состояние заметно улучшилось, и оказалось, что она – весьма интеллигентный и талантливый человек, способный на самые тонкие чувства. Впрочем, она проявляла известную неосмотрительность и пристрастность, совершенно не понимая, как подобает себя вести в соответствии с правилами хорошего тона, что, несомненно, следует отнести на счет ее русского характера...»*

В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен».

Как показывают последующие события, реальная картина взаимоотношений Юнга и Шпильрейн гораздо сложнее, чем пытается изобразить Юнг. Так, летом 1908 г. Юнг пишет Сабине, которая в это время находится в Ростове на каникулах:

*«Для фройляйн студентки медицины
Сабины Шпильрейн*

*на адрес господина **Н. Шпильрейн***

Ростов н/Дон

Россия

19. 08. 1908

Русский штемпель: Ростов-Дон 27. 08. 1908

Любимая!

Только что я получил Ваше дружеское письмо, и у меня возникло впечатление, что Вы чувствуете себя в Ростове не совсем хорошо. Понимаю Вас. Я благодарен Вам за Ваши добрые любимые слова. Теперь я вновь совершенно спокоен. Каникулы хорошо успокоили мои нервы. Каждый день я делаю большую прогулку по горам, чаще всего в полном одиночестве. Мне это приносит большую радость. Комплексы начинают занимать присущее им законное место, так что вновь приходит ясность. Вы можете извлечь из дружбы много пользы и моё сердечное пожелание, чтобы Вам удалась Ваша жизнь с минимумом несуразностей и вызываемых ими болей. Никогда не теряйте надежду, что труд, в который Вы вложили душу, приведёт к хорошему концу. Сегодня я могу писать Вам лишь вкратце, так как возвратился домой очень усталым после большой прогулки. Пишите мне постоянно в Бургхёльцли. С сердечной любовью, Ваш Ю.» [3].

В другом письме, написанном 30 июня 1908 г. Юнг пишет: «Как же велико было моё счастье найти в Вас человека, который »esprit fort« (фр. – «сильный духом»), который никогда не впадает в сентиментальность, чьим истинным и внутренним условием жизни является собственная свобода и независимость» [4, Р. 190]. И еще: «Ваше письмо, словно солнечный луч, блеснувший между облаками... Всю последнюю неделю я чувствовал себя не совсем здоровым, был несколько истеричен, да и простуда брала своё, она уложила меня на целый день в постель. Вот тут и пригодилось Ваше письмо для поднятия настроения, да так, что моя энергия возросла невероятно» [4, Р. 192] (письмо от 12 августа 1908).

Через несколько месяцев после возвращения Сабины из России, Юнг пишет: «Я во многом теперь раскаиваюсь, раскаиваюсь в моей слабости и проклинаю судьбу, угрожающую мне... Простите ли Вы мне то, что я таков, каков есть? Что я оскорбляю Вас этим и забыл по отношению к Вам обязанности врача?... Я ищу человека, достойного любви... которому удаётся не обременять любовь социальными достоинствами или недостатками... Моё несчастье заключается в том, что в своей жизни я не могу обходиться без бурной, вечно меняющейся любви... Иначе пострадает моя работа, а она кажется мне более важной, чем актуальные проблемы и страдания.

Предоставьте мне в это мгновение немного от той любви и терпенья, которые я предоставлял Вам во времена Вашей болезни. Теперь болен я...» [4, Р. 195-196] (письмо от 4 декабря 1908).

Для адекватного понимания происходящего, следует только напомнить, что к тому моменту Сабина уже 3 года не является пациенткой Юнга, Юнг – женат, у него две дочери; и они с женой ждут третьего ребенка – сына. Дополнительный драматизм истории сообщает тот факт, что родственники Сабинины оказываются в курсе происходящих событий: весьма вероятно, что мать Сабинины вскрывает письмо Юнга, направленное Сабине во время ее пребывания в Ростове. Уже находясь в Цюрихе, Сабина получает письмо от матери:

«Дорогая Сабиночка!

*«После твоего отъезда я никак не могу успокоиться, и я не знаю, что я должна писать. Я не могла успокоиться даже на минутку, занималась уборкой комнаты, чтобы не было времени подумать и заняться собой. По ночам я думала о тебе и о нём, а после того как у меня пропали все надежды получить от тебя какие-либо вести, и когда моё сострадание к твоей судьбе достигло критической точки, я неожиданно получила письмо, адресованное тебе. Я была настолько взволнована, что не могла прочитать ни слова. Тысячу раз прошу меня простить за то, что я вскрыла конверт. Я сделала это только потому, что была уверена в том, что ты и сама дала бы мне прочесть письмо. Я попросту должна знать, как он думает поступить с тобой, так как всё моё настроение полностью зависит от этого. Письмо его успокоило меня. Оно говорит о преданной дружбе с некоторой примесью чего-то другого, что наверняка никак иначе как естественным не назовёшь. Он часто вспоминает тебя, холеру (эпидемию), твою душу. Скорее всего, он пребывает сейчас в путях конфликта, мой совет тебе и ему: не позволяйте любви захватывать власть над вами, подавляйте её, чтобы она не вспыхнула в полной силе. Правильно ли я всё поняла? Победит тот, кому это удастся, остальные останутся на поле боя. Уверена, что ему удастся победить себя. Он пишет, что это необходимо в интересах его жизни, то есть жены и детей. А что будет с тобой? Возможно, я неправильно поняла? Как бы всё ни пошло дальше, мне понравился тон его письма, особенно границы, которые он ставит для тебя и себя. Думаю, что лучше быть не может. В нём ты нашла человека, преданного тебе, проявляющего к тебе некоторую любовь (а больше и **нельзя себе позволить**, ты должна удовлетвориться тем, что сейчас имеешь), человека, к которому ты питаешь уважение и признание, что ты и сама получаешь от него, что ещё тебе нужно? Ты должна испытывать счастье,*

так как получила гораздо больше, чем могла бы пожелать. Если ты желаешь, чтобы он развёлся со своей женой, тогда всё дело принимает совсем другой оборот, а если нет, не следует заходить дальше. Самое важное – это понять, что его можно завоевать, только ни к чему хорошему это не приведёт. Ваши отношения невозможно как-либо улучшить. Не мучай себя, подави свои чувства, чтобы потом не страдать и продолжай встречаться с ним лишь как с другом. Он, как и ты, также нуждается в тебе, только не страдает, а наоборот, ему становится с каждым разом лучше и лучше. Я очень сильно прошу тебя не рассказывать ему, что я вскрыла его письмо. А по поводу мармелада скажи ему, что ты привезла мне фрукты, но большего сделать не можешь. Сними для себя красивую комнату, пригласи его и напиши мне, как прошла ваша встреча. Ты можешь даже говорить с ним о любви, но не уклоняйся от своей позиции, это может послужить тебе хорошим уроком. Пока ты можешь не скрывать своих чувств» [6, Р. 49-50].

В ответ дочь пишет следующее:

«Дорогая мамочка,

я вообще не способна что-либо написать, так как невозможно рассказать в письме о важных вещах. Мне нужно сказать тебе очень много. К несчастью, Цюрих слишком далеко от Ростова. Я не могу послать тебе его письма, это слишком рискованно, а рассказывать всё было бы слишком долго и утомительно. Насколько чудесной бы могла оказаться возможность принять твёрдое решение; а вместо этого я всё время провожу в раздумьях, хотя смысла в этом никакого нет, так как *ducunt volentem Dei, nolentem trahunt* это обозначает, что Боги руководят принимающими и податливыми, а недовольных и возмущающихся превращают в пыль (более верно сказано **Сенекой-младшим**: *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*: принимающих и податливых ведёт судьба, сопротивляющихся же она устраняет). Совсем недавно **Юнг** завершил писать статью ›Über die Rolle des Vaters im Schicksaale [sic] des Einzelnen‹ (Роль отца в судьбе индивида), вызвавшую огромный переполох. В статье **Юнг** показывает, что выбор будущего объекта (любви) определяется первыми взаимоотношениями ребёнка со своими родителями. То, что я его люблю, также верно, как и его любовь ко мне. Для меня он отец, а я для него мать, или говоря точнее, женщина, ставшая первым объектом, заместившим мать (его мать заболела истерией, когда ему было всего два года); он настолько сильно привязался к (эрзац)женщине, что даже в её отсутствии продолжал её чётко видеть в галлюцинациях, etc., etc. Не знаю, почему он влюбился в свою жену... Допустим, что его жена не удовлетворяет его ›полностью‹, тогда он влюбляется в меня,

в истеричку; а я влюбляюсь в психопата, нужно ли мне пояснять это тебе? Я никогда не принимала своего отца за нормального человека. Его безумная страсть к «самопознанию» в такой же сильной степени проявляется и у Юнга, для которого его научная деятельность является самым важным делом в жизни... Неровный взрывной характер вместе с необычайно высокоразвитой чувствительностью, потребность в страдании и эмпатии *ad tagnit* [выступающие в чрезмерной мере]. Ты можешь делать с ним всё, что хочешь – и что хочешь от него получить, затрачивая только любовь и нежность. Дважды подряд в моём присутствии эмоции столь сильно завладевали им, что по его лицу начинали струиться слёзы. Если бы ты могла укрыться в соседнем помещении и слышать, как он заботится обо мне и моей судьбе, то ты бы и сама разразилась слезами. А затем он начинает бесконечно упрекать себя за испытываемые им чувства, например, говорит, что я являюсь для него чем-то святым, что он готов извиняться передо мной, etc. Я не могу назвать тебе в точности его слова, так как они немножко сентиментальны, но ты явно сможешь их себе хорошо представить. Вспомни хотя бы то, как любимый папа точно такими же словами извинялся перед тобой! Мне неприятно упоминать обо всех упрёках, адресованных им в свой адрес, так как в этом повинны или оба мы, или же никто. Подумай и о том, как много пациенток уже видели его и, несомненно, в него влюблялись, и, тем не менее, ему удавалось вести себя только как врач, так как он их не любил! Но ты знаешь и о том, как отчаянно он сражается со своими чувствами! Что тут можно поделать? Многие ночи ему пришлось страдать из-за мыслей обо мне. Мы даже искали способ расстаться. И, тем не менее, подобного рода попытки нам пришлось отбросить как несостоятельные, так как мы оба живём в одном городе, в Цюрихе... Он чувствует себя ответственным за мою судьбу и даже взвыл, когда стал говорить об этом... Он не желает стоять на моём пути к счастью... и у него есть достаточно веские причины тревожиться за моё будущее (в случае нашей разлуки). – Наша беседа об этом состоялась примерно две недели назад, оба мы почувствовали себя после неё совершенно разбитыми, неспособными сказать ни слова и т. д. Диалогу сердец пришёл конец. *Discunt volentem Dei, nolentem trahunt*. Мы неподвижно застыли, нас охватывала нежнейшая поэзия... А завтра будь хоть что, темнота и холод! Я желаю сегодня открывать моё сердце солнцу! Я хочу быть счастливым! Хочу быть молодым! Хочу быть счастливым, это именно то, чего я действительно хочу! [Последние четыре предложения написаны от мужского лица, словно бы Шпильрейн изображает настроение Юнга]. А потом я получила открытку и письмо о том, что не стоит печалиться.

В последнюю пятницу он вновь посетил меня. И опять поэзия, и как всегда я опять буду прощать ему в течение всей моей жизни любые его коварные планы: он не спал ночь, был изнурён; и более не мог защищаться. - Но одновременно я должна сказать: когда-либо он тоже простит мне всё плохое, что причинила я ему! Различие между нами лишь в том, что я знаю, что для него научная деятельность является самым важным делом в жизни, ради неё он может вынести всё... Для меня вопрос стоит только так: как мой интеллект относится ко всей этой истории, а проблема заключается в том, что интеллект не знает, как он должен к этому отнестись. Для меня остаётся вопросом, должна ли я всем своим существом предаться мощному водовороту жизни, радуясь сиянию солнца или же, когда накрывает мрачное настроение, направить свои чувства на ребёнка или науку, то есть, на научную активность, которую я так люблю? Во-первых, кто может знать, чем завершится эта история. »Неисповедимы пути Господни«. В любом случае, сегодняшняя молодёжь видит эти вещи по-иному, и вполне вероятно, что я влюблюсь заново, причём успешно, то есть найду для себя супруга. – Только, пожалуйста, не забывай, что такое может быть лишь в очень отдалённом будущем, так что об этом пока не стоит беспокоиться. А до этого мы будем пребывать на уровне поэзии, которая, конечно же, не представляет опасностей, на этом уровне мы будем долго оставаться, возможно, это продлится до тех пор, пока я и сама не стану врачом, если не изменятся обстоятельства» [6].

Я пишу только тебе, так как без твоего материнского благословения я не могу быть счастлива, то есть, без твоего одобрения моих намерений. А, кроме того, только ты и можешь радоваться, когда со мною всё хорошо. А что будет потом? В самом лучшем случае мы никогда не сможем сказать, что случится позднее, где нас поджидает счастье. Совсем недавний пример. Одна из **Юнговских** пациенток отправилась путешествовать по горам, чтобы преодолеть свою любовь к нему, и переспала с одним из молодых мужчин. Она забеременела, а мужчина, который её соблазнил, оказался необычайно ограниченной персоной, сразу же оставил женщину. Та больше не могла выносить его и в отчаянии хотела покончить с собой. Она бы это и сделала, если бы **Юнг** в очередной раз не спас её...» [6, Р. 51-53] (Перевод русского манускрипта письма Шпильрейн; с сохранением выделения, сделанного Шпильрейн).

В марте 1909 г. **Юнг** вновь начинает писать **Фрейд** о **Шпильрейн**, но тон его писем уже изменился: он начинает чувствовать, что его «чрезмерно эксплуатируют». **Фрейд** он пишет так: «и под конец о плохом. Мною сейчас

ужасно завладел один из комплексов: а именно, пациентка, которую я несколько лет назад с огромнейшей преданностью избавил от тяжелейшего невроза, разочаровала меня, нанеся немыслимо тяжёлый удар по моему доверию и дружбе. Она устроила мне разрушающий всё скандал, причём исключительно из-за того, что я отказался удовлетворить её желание иметь от меня ребёнка... Я несказанно многому научился в мудрости ведения брака, так как до этих пор, несмотря на весь проведённый мною самоанализ, у меня было недостаточное представление о моих полигамных компонентах. Теперь я знаю, где и каким образом пребывает чёрт... А в результате сильно выросли уверенность и глубина взаимоотношений с моей женой» [5, Р. 232; 13, Р. 229-230].

Шпильрейн тоже изменилась к этому времени. Она уже четыре года изучает медицину, специализируется в тех самых психических болезнях, с излечения от которых начались ее отношения с Юнгом. Несомненно, она склонна к эмоциональным порывам и депрессии, к бурным проявлениям эмоций, она может влюбляться и жертвовать собой, и, конечно, она самостоятельна и «амбициозна». Юнг продолжает амбулаторное консультирование Сабины и, в качестве врача, обсуждает некоторые проблемы с З.Фрейдом. Еще в 1908 г. он подал Блойлеру прошение об отставке, но она не принята. В марте 1909 г. отношения с Сабинной заходят в тупик, и Юнг принимает бесповоротное решение уйти из клиники.

В объяснительном письме Фрейду, Юнг говорит о том, что Сабина *«планомерно соблазняла меня, несмотря на то, что я считал это неуместным. А теперь она собирается отомстить. Недавно она распустила обо мне слухи, что вскоре я разойдусь со своей женой и женюсь на студентке, что вызвало возмущение у некоторых из моих коллег» [5, Р. 236; 13, Р. 252]. Фрейд сочувственно отвечает «дорогому другу»: «Такие переживания болезненны, но необходимы и почти неизбежны... И хотя сам я не попался на эту удочку, я не раз бывал в двух шагах от этого, и мне насилу удалось спастись».*

Ситуация окончательно запутывается, когда 30 мая 1909 г. сама Сабина Шпильрейн отправляет З.Фрейду письмо: *«Уважаемый господин профессор. Я была бы чрезвычайно Вам благодарна, если бы Вы смогли принять меня... Возможно, что Вы посчитаете меня за отважную искательницу славы, которая стремится загрузить Вас запутанной работой, «делающей Вас знаменитым на весь мир» или что-нибудь в этом роде. Но это отнюдь не так, меня к Вам приводит другое» [5, Р. 89]. 3 июня Фрейд передаёт это письмо Юнгу, сопровождая письмо своим вопросом: «Что это такое? Тщеславие, поклён или паранойя?» и просьбой «по телеграфу в нескольких*

словах дать сведения о даме, написавшей письмо, если Вы что-нибудь о ней знаете», а также совет «и, конечно же, **не** мучайте себя» [13, Р. 250] (от 3.6.09, S. 250).

В ответном письме от 4 июня Юнг пишет: «Дорогой профессор **Фрейд**, сейчас я и не знаю, что еще можно добавить к сказанному: я уже писал Вам о **Шпильрейн**. Об этом случае я упоминал вкратце в своей достопамятной лекции в Амстердаме. Это был, так сказать, мой образцовый случай, поэтому я вспоминаю о ней с особой благодарностью и нежностью. Зная по опыту, что она тотчас заболит снова, если лишится моей поддержки, я продолжал общаться с ней на протяжении нескольких лет и считал это дружеское участие своим нравственным долгом, но когда понял, что дело приобретает нежелательный оборот, тотчас порвал с ней всякие отношения. Она, несомненно, хотела меня соблазнить, а я счел это неприемлемым. Теперь она хочет взять реванш. В последнее время она распространяет слухи, будто бы я собираюсь развестись с женой и жениться на какой-то студентке, от чего бросает в дрожь многих моих коллег. Не знаю, что еще она задумала. Полагаю, ничего хорошего, — если только Вы не согласитесь стать посредником. Я хотел бы подчеркнуть, что порвал с ней начисто... Я пытался устранить ее *gratis* [безответственность] (!), проявляя невероятное терпение, и даже злоупотреблял ради этого нашей дружбой. Естественно, вдобавок ко всему для такого механизма мне понадобился бы разводной ключ нестандартных размеров. Как я уже отмечал, мой первый визит в Вену произвел на меня сильные бессознательные впечатления... эта неотвязная страсть к одной еврейке... которая внезапно объявилась в другом облике, в облике моей пациентки» [13, Р. 228-229].

История завершается в течение месяца: 21 июня 1909 г. Юнг пишет Фрейду: «Я рассказал Вам из моей аферы со **Шпильрейн** лишь хорошее... Наше расставание поражает своей банальностью. Позавчера фройляйн **Шпильрейн** зашла ко мне и **вполне прилично** говорила со мной, причём обнаружилось, что виновницей распространения слухов обо мне оказалась не она. Вполне понятно, что из-за охватившего меня бреда отношений я приписал это ей, в чём теперь должен признаться» [5, Р. 240; 13, Р. 260] (от 25.6.09). И далее: «Не впадая в беспомощное раскаяние, я сильно сожалею о грехе, который совершил, так как я в большой степени **виновен** в сформировавшихся у моей **прежней пациентки** больших надеждах. Так я вполне серьёзно обсуждал с нею возможность иметь детей, естественно, это не обошлось без сильного влияния Эроса. Я также полностью приписал надежды исключительно моей пациентке, вместо того, чтобы заметить их и

у себя... Охваченный моим бредом, я рассматривал себя как бы безвинной жертвой сексуальных преследований со стороны моей пациентки... которая совсем недавно была **моей подругой**... иначе как подлостью, спровоцированной страхом, мои действия назвать нельзя, в чём я вынужден признаться Вам как моему отцу» [5, Р. 240; 13, Р. 260-261] (выделение мест в тексте – Z. L.).

Видение ситуации со стороны Шпильрейн представлено в ее июньском письме к Фрейд: «Вы наверняка подумаете, что я обращаюсь к Вам ради того, чтобы Вы водрузили мир между мною и доктором **Юнгом**. Однако мы вообще никогда не ссоримся! **Моим самым горячим желанием является расставание с ним любя**. Я достаточно проанализирована, знаю себя достаточно и понимаю, что лучшим для меня было бы грезить на расстоянии... Более трёх месяцев я подробно всё анализировала, я уединилась на природу, пытаюсь этим спасти себя и свой идеал; ... а результатом было то, что я чувствую себя ещё более одинокой, так как мне не удалось спасти моего любимого и мысль о том, что он может превратиться в никчемного человека, что он провёл со мной первый эксперимент и т. д., и т. д. приводит меня в полное бешенство...

Единственное спасение я вижу в возможности поговорить с человеком, который его глубоко любит и честует, с человеком, обладающим глубокими познаниями в понимании людей. а когда я получила Ваше последнее письмо, сколь бы обидным оно для меня ни было, слёзы полились у меня из глаз: «Он любит его! Если бы ему удалось всё понять!»» [5, Р. 90-91] (Выделено Шпильрейн).

По просьбе **Юнга**, **Фрейд** отправил Сабине письмо, в котором всячески оправдывает Юнга: «Уважаемый коллега, доктор **Юнг** – мой друг и коллега; я полагаю, что хорошо знаю его и в другом качестве, и поэтому имею основания верить в то, что он не способен на легкомысленное и вульгарное поведение. Мне не по душе роль судьбы в его делах личного свойства... однако я не вправе забывать о древнем судебном законе, который гласит *audiatur et altera pars* [выслушаем и мнение другой стороны].

Не желаете же Вы, чтобы я поступил неразумно. Судя по Вашим письмам, Вы были близкими друзьями... а теперь перестали дружить. Возможно, эта дружба возникла благодаря врачебным консультациям, и, должно быть, его стремление помочь человеку, пребывающему в душевном смятении, вызвало у Вас симпатию? Я склоняюсь к этой мысли, ибо знаю много похожих случаев. Но я понятия не имею – как и по чьей вине все закончилось печально, да и не хочу об этом судить. И если после вышесказанного я обращаюсь к Вам, то лишь затем, чтобы убедить Вас

задуматься: не лучше ли Вам самой сдержатъ или искоренить в душе чувства, пережившие эти близкие отношения, избегнув вмешательства третьей стороны.

Если эти замечания покажутся Вам неуместными, то прошу Вас не толковать их превратно» [4, Р. 114].

Несмотря на примирительный тон письма, осторожный З.Фрейд видит в этом эпизоде нечто большее, чем досадное происшествие, и на Втором Психоаналитическом конгрессе в Нюрнберге (30-31 марта 1910 г.), делает доклад с говорящим названием «Будущие шансы психоаналитической терапии»: *«Мы должны уделить большое внимание личности врача. Обнаружен новый феномен – контрперенос, который возникает у врача под воздействием пациента на бессознательные чувства врача, причём мы недалеко от того, чтобы начать требовать от врача выявление в себе и преодоление такого рода контрпереноса. С тех пор мы наблюдали за большим числом персон, овладевающих психоанализом и обменивающихся своим опытом друг с другом. Мы обнаружили, что любой психоаналитик лишь настолько идёт вперёд, насколько это ему позволяют его собственные комплексы и внутреннее сопротивление...»*

Сабина по-своему переживает расставание. В своем дневнике за 1910 г. она пишет: *«Дружба. Неужели она может быстро исчезнуть?.. Мать сказала, что после того как мы одарили друг друга любовью, невозможно чтобы я и мой друг продолжали оставаться друзьями. Чистая дружба не может долго выдержать мужчину. Если я хорошо к нему отношусь – тогда я захочу любви, а если я постоянно проявляю холодность – тогда это отобьёт у него охоту продолжать отношения. Это привело меня в ужасно плохое настроение, как всё тяжело! О Господи, что же я должна делать? Если бы я могла быть уверена, что мне удастся умолить судьбу, что произнесённая мною просьба-мольба когда-нибудь реализуется, тогда бы я попросила её: судьба, сделай так, чтобы мы, я и мой друг, оказались исключениями, чтобы мы постоянно встречались, излучая дружеское участие, что мы поддерживали друг друга в счастье и страдании, чтобы даже расставаясь, мы образовывали одну душу, чтобы мы продолжали стремиться к дальним высотам или как говорит мой друг, «к добру и красоте», чтобы мы были опорой для слабых людей. Сделай так, чтобы я была его ангелом-хранителем, вдохновляющим его духом, не устающим подстёгивать его к Новым Великим свершениям. Но немного ли я хочу? Если слишком многого – тогда это не может интенсивно продолжаться в течение длительного времени. Но возможно мне удастся отыскать Кого-то, кто станет на его место, Кого-то, кого я смогу назвать*

своим мужчиной, испытывая наивысшее блаженство. А с моим сегодняшним возлюбленным мы могли бы оставаться хорошими старыми друзьями. Возможно ли такое? Что ожидает меня по возвращении в Цюрих? Я боюсь даже подумать об этом. Почему я не могу быть счастливой? Почему в свои лучшие молодые годы я день за днём должна ложиться в постель, обременённая тяжелейшими мыслями? Ах, нет, ангел-хранитель, сделай так, чтобы между нами сохранялась чистая, высокая дружба, именно в том смысле, которым я наделяю это слово, сделай так, чтобы мне было вполне достаточно этого чувства, словно бы это был лёгкий лучик солнца в моём одиночестве!?!»

Однако, постепенно, фокус во взаимоотношениях Сабины и Карла смещается от экзальтированной эмоциональности – к деловому сотрудничеству. В зимнем семестре 1910/11 гг. Сабина Шпильрейн завершает обучение медицине, и по условиям должна представить диссертацию. В ней она исследует «психологический материал случая шизофрении (dementia praecox)». Немаловажно и то, что это – первый в истории случай написания психоаналитической диссертации женщиной.

26 ноября 1910 г. С. **Шпильрейн** записала в своем дневнике: *«Да, первая цель, которой я хочу достичь, - сделать свою диссертацию столь хорошей, чтобы она обеспечила мне членство в Психоаналитическом обществе. Но гораздо важнее для меня мое второе исследование - "О влечении к смерти"»*, но еще за два месяца до этого, она отсылает свою диссертацию на проверку к Блойлеру. Вскоре она получает от Блойлера краткую записку, приведшую ее в восторг: *«Господи, насколько я в действительности счастлива! Только что получила от проф. Блойлера письмо: «Уважаемая фройляйн! Не могли бы Вы попытаться послать работу господину доктору Юнгу в Кюснахт, чтобы он проверил, насколько она подходит для журнала Jahrbuch. С превеликим уважением преданный Вам Блойлер»... Всё идёт так хорошо, как я даже ожидать не могла. Прекрасный папаша! Он всё-таки не забыл! Что следует мне ему написать? Я хотела бы ему так много сказать о том, насколько я ему благодарна, но уважение не допускает много слов... Осталась лишь одна последняя забота: посчитает ли доктор Юнг мою работу подходящей для журнала. Ах, ангел-хранитель, как хорошо бы быть теперь увереннее! Возможно ли, что и для меня когда-нибудь взойдёт счастливая звезда? Возможно ли, что в моих «фантазиях» содержится хотя бы кусочек истины? Благодарю тебя, благодарю тебя тысячу раз, благосклонная судьба... (запись в дневнике от 9 октября 1910 г.).*

Разумеется, возврата к прежним отношениям нет. Меняется и отношение Юнга к Сабине: теперь он склонен видеть в Сабине не «музу» и не источник своих переживаний, но младшего коллегу, за судьбу которого он несет определенную ответственность. В сентябре 1911 г. он пишет С. Шпильрейн: *«Я позволю себе откровенно дать Вам совет, поскольку после долгих размышлений мне удалось изгнать из своего сердца всю горечь по отношению к Вам. Конечно, она не имеет никакого отношения к опубликованной Вами диссертации, а лишь отражает те страдания, которые я пережил из-за Вас и которые Вы пережили из-за меня... Фрейд, конечно, примет Вас в свой круг. Он несколько раз упоминал Вашу диссертацию (на конгрессе в Веймаре в сентябре 1911 г. – А. В.) – доказательство того, что Вы произвели на него впечатление... Обратитесь к нему как к великому учителю и рабби, и все будет хорошо».*

Вскоре С.Шпильрейн направляется в Вену, где 29 ноября состоится ее доклад по теме «Деструкция как причина порождения бытия». Однако утраченное взаимное доверие между нею и Юнгом постоянно сказывается на ее состоянии, и за три дня до выступления, Сабина записывает в своем дневнике: *«Я очень опасаясь, что мой друг, который намеревался упомянуть мою идею в своей статье, опубликованной в июле, и признать мой приоритет, может просто присвоить идею, поскольку теперь он собирается говорить о ней, как о возникшей еще в январе. Может быть, это просто необоснованная недоверчивость с моей стороны? Я так хотела бы, чтобы дело оказалось именно в этом – ведь мое второе исследование должно быть посвящено ему, моему уважаемому учителю. Но как могу я уважать человека, который лгал мне, который украл мою идею, который оказался мне не другом, а мелочным корыстолюбивым соперником? Как могу я любить его? Ведь я люблю его, несмотря ни на что. Вся моя работа пронизана этой любовью. Я люблю его и одновременно ненавижу, потому что он мне не принадлежит. Было бы невыносимо оказаться в его глазах простофилей. Нет, я хочу быть благородной, гордой, всеми уважаемой! Я должна быть достойна его, и идея, которой я дала жизнь, должна появиться под моим именем».*

Выступление С. Шпильрейн перед Венским психоаналитическим обществом было достаточно удачным, и З. Фрейд в письме, отправленном К. Юнгу на следующий день после выступления (30 ноября 1911 г.), добавив о С. Шпильрейн: *«Она очень мила, и я начинаю понимать».* Позже, в письме от 21 марта 1912 г., он высказал свою оценку статьи С. Шпильрейн: *«что касается статьи Шпильрейн, я знаком только с одним ее разделом, который она читала на Обществе. Шпильрейн весьма неглупа, все, что она говорит, не*

лишено смысла. Однако ее идея о стремлении к разрушению мне не особенно нравится, поскольку я считаю, что это определяется личностью. Она представляется мне чрезмерно амбивалентной».

По сути дела, этими словами можно описать отношение к С. Шпильрейн как со стороны К. Юнга, так и со стороны З. Фрейда: внешнее выражение симпатии, некоторая снисходительность в оценках и, одновременно, смутное ощущение раздражения, а, возможно, и опасности в отношении их собственных построений, исходящей от этой невысокой худенькой женщины.

Так, в марте 1912 г. Юнг пишет ей: «Исследование превосходно и содержит замечательные идеи, и я счастлив признать Ваш приоритет», а неделей позже в письме З.Фрейду придерживается совершенно иного тона: *«Как раз перед своим отъездом я работал со статьей Шпильрейн. Должен сказать: «Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы» [цитата из Горация]. После весьма многообещающего начала следует беспомощное завершение... Она слишком мало читала... Кроме того, ее статья ужасно перегружена ее собственными комплексами».*

Если же говорить об отношении Шпильрейн к двум основоположникам психологии XX в., то оно остается всегда – серьезным и вдумчивым. Понимая все более углубляющееся между ними расхождение в качестве некоторого «недоразумения», она не оставляет попыток примирить их. В послании З. Фрейду, написанном в 1914 г., она пишет о Юнге: *«Я осуждаю его отношение к Вам, профессор Фрейд, и его отношение к обществу... и еще менее расположена простить ему это, чем историю со мной. Мы виделись лишь один раз после моего замужества... Несмотря на все колебания Ю., он мне по душе, и я была бы рада вернуть его в лоно нашей церкви. Вы, профессор Фрейд, и он даже не подозреваете, что принадлежите друг другу в большей степени, чем кажется» [4, Р. 112].*

В письме, адресованном Юнгу (1918), она также пытается смягчить взаимное ожесточение между ним и Фрейдом: *«Скорее всего, Фрейд никогда не поймет Вас, если Вы будете выдвигать новые теории. В свое время Фрейд совершил столько необыкновенного... С другой стороны, Вы... могли бы прекрасно понять Фрейда, если бы только пожелали, т.е. не поддавались бы сугубо личным чувствам. Фрейдовские теории были, есть и останутся необыкновенно плодотворными. Упрекать Фрейда в однобокости, на мой взгляд, более чем неблагоприятно, ибо любой из нас, и в особенности тот, кто создает целые миры, поначалу кажется королем, а затем, когда его пресыщенные подданные желают выбраться из сферы его влияния, его*

начинают осуждать за однобокость и выказывать свое отвращение» [4, Р. 85].

Между тем, с течением времени, противостояние Юнга и Фрейда все меньше соотносилось с особенностями их личностей или жизненного пути. Если в 1908 г. Юнг со всей возможной почтительностью просит З. Фрейда *«позволить наслаждаться дружбой с ним не как дружбой равных, а как отношениями отца и сына»*, то в 1913 г., когда тучи уже начали сгущаться, писал **С.Шпильрейн**: *«Я хочу быть его другом, но на равных, в то время как он стремится поучать меня как сына»*. Справедливости ради, следует отметить, что в представлении З. Фрейда К. Юнг был не столько «сыном», сколько – наиболее верным последователем и продолжателем дела психоанализа. Он действительно полагал, что **Юнг** *«продолжит и завершит [его] дело, применив в области психозов то, что было начато в области неврозов»*. **Фрейд** пишет: *«Учитывая твердость и независимость Вашего характера, Ваше германское происхождение, которое позволит Вам добиться расположения публики куда скорее, чем мне, Вы, наверняка, сможете лучше всех, кого я знаю, справиться с этой миссией»* [13, Р. 168].

Однако, вместо того, чтобы избавить учение **Фрейда** от репутации еврейской науки, в 1933 г. **Юнг** заявляет: *«Арийское бессознательное обладает бóльшим потенциалом, чем еврейское... Это подозрение возникло в связи с Фрейдом... В понимании немецкой души он не мог посоперничать со своими последователями германского происхождения»* [7]. Впрочем, история «арийского выбора» Карла Юнга имеет самое непосредственное отношение к Сабине, но об этом – в следующем уроке...

Зигфрид.

Трудно сказать, когда именно у Сабины Шпильрейн появляется мысль о желании подарить Юнгу «малыша Зигфрида», однако факт остается фактом – этот образ на протяжении нескольких лет находится в центре их отношений. Даже когда их «личная история» сходит на нет, в одном из писем, Сабина пишет: *«Нелегко отказаться от мысли... о моем чаемом Зигфриде, — но что поделаешь? Да, милый друг! Мне теперь нелегко, но иного выхода я не вижу»*.

Следует отметить, что само имя «Зигфрида» окружено в немецкоязычной культуре флером разнообразных смыслов. В первую очередь, Зигфрид – это герой древнего германского эпоса, наиболее близким к нему является греческий образ Прометея – благородного человека, восставшего против богов и похитившего огонь для людей. Соответственно, переход от зимы – к весне и лету трактовался как победа Зигфрида. В созданном во второй половине XIX в.

«Кольцо Нибелунгов», немецкий композитор Рихард Вагнер повествует о Зигфриде – герое, разбившем власть злых карликов Нибелунгов, и овладевший их кладом – золотом Рейна.

Но, помимо этих «архетипических значений», Зигфрид С.Шпильрейн несет еще один важнейший смысл. Как отметила она в одном из писем к Юнгу: *«Для меня Зигфрид — Христос, хотя и не совсем... Моя проблема, связанная с Зигфридом, могла разрешиться рождением реального ребенка или появлением символического младенца, сочетающего в себе арийские и семитские черты, например, в результате союза Вашего и фрейдовского учения».*

Подобно Христу, пришедшему к людям, чтобы их освободить ценой собственной жизни, Зигфрид должен также освободить людей. При этом миссия Зигфрида – труднее, поскольку он должен даровать «двойное» спасение – и иудеям, и христианам. Еще один немаловажный смысл явления Зигфрида обусловлен фундаментальной для С.Шпильрейна теорией деструкции как источника развития. Многие исследователи полагают, что основная идея статьи «Разрушение как основа становления» возникла именно из фантазии о Зигфриде – одновременно – вестнике смерти и спасителе мира.

Именно в связи с образом Зигфрида, к Сабине возвращаются события и воспоминания старших поколений ее семьи: дед, вынужденный прервать связь с любимой женщиной, поскольку она не была еврейкой. По мнению самой Шпильрейн, всю свою любовь дед передает «христианской науке». Матери, как и деду, не удалось обрести счастье в любви к христианину, и она становится женой Нафтуля Шпильрейна, брак с которым трудно назвать счастливым. Таким образом, Сабина Шпильрейн принадлежала к третьему (и, как станет понятным впоследствии, последнему) поколению семьи, пытавшемуся объединить иудаизм с христианством.

Еще в школе ее лучшими подругами становятся две девушки – одна еврейка, и одна – христианка. Впоследствии, они прилагают усилия для преодоления разрыва между евреем Фрейдом и немцем Юнгом. Но, самым значительным, в этом отношении, эпизодом ее жизни, становится мечта о Зигфриде. Более того, Сабина находит в этом желании определенную поддержку со стороны Карла. В своем дневнике она записывает: *«Он сказал мне, что ему нравятся еврейки, и ему хотелось бы полюбить черноволосую еврейскую девушку. Значит, он тоже стремился преодолеть инерцию своей религии и культуры, освежить кровь за счет новой расы, найти избавление от отцовских предрассудков в неверной еврейке».*

После разрыва с Юнгом, она продолжает думать о возможной его связи с еврейкой: *«Теперь мой друг, пожалуй, полюбит дочь Фрейда... Будучи дочерью*

повсеместно знаменитого человека, она превосходит меня. Мне же приходится полагаться только на свои силы, поэтому мне гораздо труднее»

Здесь вновь мы встречаемся с явным различием отношений к этой проблеме со стороны Карла и Сабины. Для Юнга Зигфрид остается некоторой эротической фантазией, поскольку, по собственному признанию Юнга, он остается неисправимым «филистером», и никогда не решится на развод. Для Сабины это гораздо серьезнее: *«Я совершенно уверена в том, что Зигфрид существует, существует, существует. Никто и ничто не разубедит меня в этом, кроме смерти».*

Кажется, фантазия развеивается, когда 14 июля 1912 г. Сабина выходит замуж за выходца из ортодоксальной еврейской семьи Павла Шефтеля. Однако, в 1918 г., уже будучи матерью маленькой Ирмы-Ренаты, Сабина бросает Юнгу упрек: *«В конце концов, Вы умертвили “реального” Зигфрида, как сказали мне сами (значит, у Вас тоже был “реальный” Зигфрид), т. е. пожертвовали им ради сублимированного Зигфрида. Я же, напротив, умертвила во сне того мужчину, который должен был стать отцом Зигфрида, а затем повстречала наяву другого».* В последующих письмах она вновь возвращается к осмыслению этой фантазии: *«Моя проблема, связанная с Зигфридом, могла разрешиться рождением реального ребенка или появлением символического младенца, сочетающего в себе арийские и семитские черты, например, в результате союза Вашего и фрейдовского учения».*

Между тем, в той же мере, в которой после разрыва с Юнгом, Сабина шаг за шагом освобождается от «комплекса Зигфрида», этот комплекс оказывает все возрастающее воздействие на отношение Фрейда к Юнгу. Еще в 1912 г., когда отношения с Юнгом дали безнадежную трещину, Фрейд признается в письме, адресованном Сабине Шпильрейн: *«Задним числом сообщаю, что Ваша фантазия о рождении спасителя от смешанного союза мне совсем не нравилась».* В начале 1913 г. Фрейд пишет: *«Мои личные отношения с Вашим германским героем окончательно испортились»*, а осенью того же года он впервые признается не только в ревности, но и в личной обиде на К.Юнга: *«Обидно слышать... что Вы изводите тоской по Ю., когда наши отношения испортились, и я почти уверен, что он не заслуживает того особого внимания, которое я ему уделял. Предвижу, что в скором будущем он разрушит то, что мы возвели с таким трудом, а сам ничего лучшего не создаст. Оставляя в стороне наши научные расхождения, его поведение в личных отношениях достойно строгого осуждения».*

В плане «окончательного излечения» Сабины от «комплекса Зигфрида», Фрейд возлагает особые надежды на ребенка, которого ожидает в это время

Сабина от Павла Шефтеля: *«Невыносимо слышать, что Вы все еще тоскуете по прежней любви и былым идеалам, поскольку я рассчитываю на дружескую поддержку лишь со стороны незнакомцев. Как Вы знаете, сам я избавился от последних остатков пристрастия к арийству, и мне хотелось бы надеяться, что, если родится мальчик, то он станет убежденным сионистом. Будет ли он черноволосым или нет, хватит этих блондинов, прочь заблуждения!»*

Письмо заканчивается совершенно неожиданным и нехарактерным для Фрейда признанием: *«Мы евреи и остаемся евреями. Другие всегда будут нас только использовать, никогда не поймут и не оценят»*. Дело в том, что еще в 1908 г. в письме, адресованном Карлу Абрахаму, Фрейд намекал на Юнга и Блейлера: *«Коллеги арийского происхождения нам совершенно необходимы, иначе психоанализ станет жертвой антисемитизма»*. Но всего через пять лет, в письме к Сабине он уже избавлен от этих несбыточных надежд: *«Разумеется, я желаю Вам найти в себе силы для того, чтобы выбросить, как тряпье, этот инфантильный идеал германских титанов и героев, на котором и покоится Ваше неприятие окружающих и своего происхождения, и пусть не этот фантом вызывает у Вас желание родить ребенка, коего Вы первоначально наверняка хотели иметь от отца»*.

Краткое косвенное упоминание об этом пожелании З.Фрейда в письме, написанном С.Шпильрейн – К.Юнгу, порождает у последнего эмоциональный взрыв: *«Мнение Фрейда – это греховное надругательство над святыней. За ним следует тьма, а не свет; это неминуемо, ибо только глубокая ночь может породить новый свет. Зигфрид – его искра. Эту искру можно и должно хранить... Я зажег в Вашей душе новый свет, который Вам следует хранить до мрачной поры. Нельзя его предавать, доверяя чужим доводам. Окружите этот внутренний свет благоговейной заботой, и он никогда не будет угрожать Вашей доченьке»*. Юнг почти запугивает беременную Сабину: *«С Вашей доченькой все будет благополучно, если Вы не погубите свое “особое знание”, которое Вы именуете “Зигфридом”»*.

Все заканчивается откровенным оскорблением с явным антисемитским подтекстом: *«Кое-что в еврейской душе Вам еще невнятно, поскольку Вы привыкли слишком многое делать с оглядкой. Таково, “увы”, проклятие еврея: самые сокровенные и глубокие свои чувства он именует “исполнением инфантильного желания”, он убивает своих пророков и даже своего мессию»*. Несомненно, говоря о «мессии», Юнг намекает Сабине – Зигфрид существует, и Зигфрид – это он сам. Сабина же остается «прототипом еврейки», олицетворением привлекательного и пугающего мифологического образа, и

обретение С. Шпильрейн собственного голоса и места было для него невыносимым.

Между тем, именно в краткой заметке С. Шпильрейн «Забытое имя» [9] содержится ключ ко всей этой истории. Приведем эту историю полностью (перевод С.Г. Жигулевой):

«Одна знакомая дама никак не могла вспомнить имя героя только что прочитанного романа. “Леон? — Нет. Георг? — Нет. Мартин? — Нет. Как же его звали? Его фамилия Мендлин. А! Теперь я вспомнила! Курт Мендлин”.

Я должна добавить, что дама хотела обратить мое внимание на сходство судеб героя и ее собственной. При этом она забыла о главном сходстве: ее возлюбленного звали так же, как и героя романа – “Курт” Она хотела забыть имя возлюбленного, поэтому забыла имя героя романа».

Удивительно, что никто до сих пор не обратил внимание на то, что имя «Курт» и фамилия «Мендлин» абсолютно противоположны: несмотря на стереотипы отечественной истории XX в., когда немцев называли «фрицами», именно «Курт» - самое популярное немецкое имя. Мендлин – несомненно – еврейская фамилия. Таким образом, причины «забывчивости» могут быть гораздо глубже и серьезнее, чем простое сходство имени возлюбленного и имени героя романа. Женщина – на интуитивном уровне – сопротивляется этому соединению арийского имени и еврейской фамилии.

Этот сюжет вновь возвращает нас к главным загадкам жизни Сабины Шпильрейн, включая ее германофилию, романтическую влюбленность в Юнга, неспособность поверить в зверства фашистов и, конечно, глубоко выстраданную идею о связи смерти и возрождения. По-видимому, именно противоречивость соединения и даже слияния с христианской Европой, пусть даже и ценой собственной жизни, и, одновременно, отталкивание от этой перспективы и потребность в сохранении собственной еврейской идентичности – обусловили трагизм и всевозрастающую внутреннюю напряженность ее жизни и судьбы...

Перманентная деструкция.

Люди старшего поколения помнят еще со школьных лет дискуссии о «перманентной революции», придуманная классиками марксизма-ленинизма, а впоследствии – «извращенная» (по крайней мере, так трактовала советская идеология) Львом Троцким. Не менее известен и другой факт: в 1920 г. в книге «По ту сторону принципа удовольствия», З. Фрейд делает крайне важное для всей последующей истории психоанализа, утверждая наличие у человека (и человечества!) влечения к смерти. При этом для самого З. Фрейда, сексуальное

влечение (libido) и влечение к смерти (mortido) противостоят друг другу: *«Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти»*. Однако, несколькими строками ниже, он говорит: *«В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению, не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она обозначает садистский компонент сексуального влечения как «деструктивное» влечение»*. Иными словами, Фрейд косвенно признал влияние Сабины Шпильрейн на развитие своих собственных представлений о психоанализе.

Между тем, именно понятие «деструкции» с исторической дистанции почти в целый век видится в качестве наиболее точного понятия, определяющего сущность начавшихся в первые десятилетия XX в. процессов. Ей же посвящена и наиболее значительная статья Шпильрейн, опубликованная в 1912 г. «Деструкция как причина становления»¹.

Именно в этой работе С.Шпильрейн ставит одну из самых значительных проблем человеческой морали: *«В моей работе над анализом сексуальных проблем меня особенно интересовал один вопрос: почему это самое могущественное влечение, влечение продолжения рода, наряду с положительными чувствами, которые a priori можно ожидать, содержит отрицательные, такие как – страх, отвращение, которые, собственно, должны быть впоследствии преодолены, чтобы удалось достичь положительной деятельности... Из моего опыта с девушками я могу сказать, что в норме — это чувство страха, выступающее на первый план чувств вытеснения, когда впервые принимается в расчет возможность реализации желания, а именно учитывается определенная форма страха: девушки чувствуют врага в себе самих, это собственное пламя любви, с железной необходимостью принуждающее к тому, чего не хотят; они чувствуют конец преходящего, от чего напрасно хотелось бы бежать в незнакомые дали. Возникает вопрос – и это все? Это вершина, и больше ничего не будет сверх этого? Что же происходит в ходе сексуальной деятельности с индивидом, который оправдывал такое настроение?»*

И далее, в заключении она раскрывает тайну: *«Влечение к сохранению вида – это влечение к размножению, и психологически оно также выражается в тенденции к растворению и ассимиляции (превращение «Я» в «Мы») с последующим новым дифференцированием из «правещества»*. *«Где правит*

¹ Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. 1912. Bd. 4. S. 465—503; переводы на русский язык 1994: Деструкция как причина становления / Пер. с нем. М.И. Шпильрейн // Логос. Философско-литературный журнал. 1994. № 5. С. 207—238 и 2001: Деструкция как причина возрождения / Пер. с нем. В.И. Николаева, Л.Ф. Бугаевой [Электронный ресурс] / Автор сайта В.И. Николаев. URL: <http://psychoanalyse.narod.ru>

любовь, умирает Я – темный деспот». При любви растворение Я в любимом является одновременно сильнейшим самоутверждением, новой «жизнью» в личности любимого. Если любви нет, тогда представление об изменении психического или физического индивида находится под влиянием чужой власти, как при половом акте представление об уничтожении или смерти».

По сути дела, именно потребность в тотальном психическом или физическом изменении индивида в ситуации полного и окончательного отсутствии любви к нему – становится не столько диагнозом отдельных невротиков или психопатов, но – диагнозом наступившего времени...

Вскоре после октябрьского переворота 1917 г. дом, имущество и деньги ее отца были конфискованы, и в силу этого материальное положение С.Шпильрейн существенно ухудшилось. С этого времени и до конца жизни она зависит от «психоаналитической практики», которой с течением времени становится все меньше, и от «службы», которая требует все больше сил. Некоторую финансовую поддержку оказывает З.Фрейд, но это заканчивается с ее переездом в Москву в 1923 г.

Остаться в Европе или вернуться в Россию – выбор для Сабины Шпильрейн был весьма непросто, но обстоятельства складывались крайне неблагоприятным образом. В 1920 г. дом Шпильрейна национализируется – семье остается лишь небольшая комната для прислуги. 26 марта 1922 г. в Ростове-на-Дону умирает мать Сабины – Ева Марковна Шпильрейн (1863 – 1922). Братья Сабины – Ян и Исаак после получения образования в Европе, уже работают в Москве. В Ростове завершает учебу ее младший брат Эмиль, а постаревший и обедневший отец работает в Наркомпросе.

На это накладывается весьма специфический политический фон. После победы революции Лев Троцкий становится одним из руководителей Советского государства. В его сознании Фрейд и его учение – важный инструмент созидания нового человека. «Природа человека спрятана в самых глубоких и самых темных тайниках бессознательного, первобытного и сокрытого, – пишет в то время Троцкий. – Разве не очевидно, что самые большие усилия по изучению сознания и творческого начала будут прилагаться на этом направлении?».

В какой-то момент, и Шпильрейн, и Фрейду кажется, что у психоанализа в Советской России большое будущее: его поддерживает «второе лицо» советского государства. В Москве открыт детский дом-лаборатория «Международная солидарность», где воспитываются дети высокопоставленных советских чиновников, в числе которых Василий Сталин. С 1922 г. в Москве (под редакцией профессора И.Д. Ермакова) издавалась «Психологическая и

психоаналитическая библиотека», в которой публиковались основные труды З. Фрейда и произведения некоторых его последователей. В 1923 г. в результате реорганизации Детского дома-лаборатории в Москве был создан Государственный психоаналитический институт, ректором которого был назначен И.Д. Ермаков. В этом же году начинает работу Русское психоаналитическое общество (РПСАО), основатели которого (председатель И.Д. Ермаков, члены М.В. Вульф, Ю.В. Каннабих, О.Ю. Шмидт и др.) сотрудничали с российскими и зарубежными психоаналитическими центрами.

В своем письме от 9 февраля 1923 г. З. Фрейд «благословил» ее возвращение и высказал мнение, что в Москве она сможет «заниматься серьезной работой вместе с Вульфом и Ермаковым». Приехав в Москву осенью 1923 г., Сабина включается в активную деятельность: вступает в Русское психоаналитическое общество, заведует секцией детской психологии в 1-м Московском государственном институте, состоит научным сотрудником Государственного психоаналитического института и Детского дома-лаборатории «Международная солидарность». В этом институте она ведет амбулаторный прием, консультирует, читает спецкурс «Психоанализ подсознательного мышления», ведет «семинарий по детскому психоанализу», принимает участие в «медицинских заседаниях сотрудников» института. Ее опыт и репутация играют исключительную роль в консолидации советского движения психоаналитиков и способствуют его официальному признанию Международной ассоциацией психоанализа, известной своими консервативными настроениями в политических вопросах.

Поначалу ее дела действительно идут неплохо. В сентябре 1923 г. она поселяется в Доме ученых, в котором работают ее младшие братья Ян и Исаак, и становится научным сотрудником недавно созданного Государственного психоаналитического института, где читает лекции по психологии и бессознательному мышлению, ведет курсы, проводит амбулаторный прием.

Она заведует секцией детской психологии при 1-м Московском университете, в числе пяти самых авторитетных психоаналитиков России, возглавляет руководство Русского психоаналитического общества. В 1924 г. в Москве она руководит уникальным семинаром по работе с детьми на принципах психоанализа. *«...Считала бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и «платоническим» советам заочно».* Ее интересует речь детей, их позы во сне, рисунки, поделки, импровизации. Подобный семинар Анны Фрейд в Вене появится только три года спустя. *«Работаю с наслаждением, считаю себя рожденной и «призванной» как бы*

для моей деятельности, без которой не вижу в жизни никакого смысла», - пишет Шпильрейн в те годы.

Однако, после смерти В.И. Ленина и начавшегося оттеснения Л.Д. Троцкого от рычагов власти, в июле 1924 г. ее лишают возможности вести прием больных, а 14 августа 1925 г. решением Совнаркома за подписью Семашко Государственный психоаналитический институт ликвидируется. В 1927 г. Троцкий выведен из Политбюро и сослан в Алма-Ату.

Вместе с ним врагом объявляется и сам психоанализ: 27 июля 1930 г. принято официальное постановление о ликвидации Русского психоаналитического общества. Годом позже в известном европейском журнале *Imago* появляется последняя прижизненная публикация С. Шпильрейн – статья «Рисунки детей при открытых и закрытых глазах». В 1932 г. был ликвидируется журнал «Педология», а усиливающееся давление на педологию завершается погромным Постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов».

Оценив изменения ситуации, в 1924 г. Сабина Шпильрейн возвращается в Ростов-на-Дону. Там ее поджидает новый удар: ее муж сошелся с другой женщиной, и в 1924 г. у них рождается ребенок. С. Шпильрейн прилагает все усилия для восстановления семьи, и 18 июня 1926 г. у нее рождается дочка Ева.

Факты о жизни Сабины Николаевны в Ростове-на-Дону в последние 18 лет ее жизни (1924-1942) крайне скудны. Есть некоторые свидетельства, что она работала на нескольких работах: поликлинике и университете. Некоторые считают, что она жила замкнуто и бедно, в то же время наиболее известный исследователь истории ростовских евреев Евгений Мовшович считал, что супруги достаточно благополучно жили в квартире Павла на ул. Дмитриевской (Шаумяна), 33 (ныне 13).

И все же вторая половина 30-ых гг. превращает жизнь Сабины в непрерывный кошмар. Семью Шпильрейн затягивало в мясорубку сталинских репрессий и судьба методично, безжалостно садистской настойчивостью наносила ей удар за ударом. В 1935 г. НКВД арестовало ее брата профессора Исаака Шпильрейна. В 1937 г. от разрыва сердца скончался отец. В 1937 г. еще два брата Сабины – член-корреспондент Академии наук СССР Ян Шпильрейн и доцент Эмиль Шпильрайн – были арестованы один за другим и вслед за Исааком сгинули в ГУЛАГе. В этот же год от инфаркта умирает муж – Павел Шефтель (некоторые считают, что это было самоубийство), а 17 августа 1938 г. – отец Сабины.

С этого момента, никого, кроме двух дочерей, у Сабины Шпильрейн не оставалось.

У порога.

Известно высказывание З. Фрейда о русских: «русские ближе к самоанализу...». В другой раз он сказал: «русские ближе к бессознательному...». Самым парадоксальным в этом является даже не разночтения в текстах, а то, что основные впечатления З. Фрейда о «русских» опирались на встречи со студентами-медиками Фаиной Шалевской, Татьяной Розенталь и Сабиной Шпильрейн...

Вскоре после начала Второй мировой войны в Лондоне умирает З. Фрейд. Летом 1941 г. начинается война Германии с Советским Союзом, а уже 19 ноября 1941 г. гитлеровцы были на окраине Ростова. 21 ноября началась первая оккупация, когда в течение нескольких дней были уничтожены несколько сотен жителей. Несмотря на то, что Ростов был освобожден уже 29 ноября, все время до июля 1942 г. город подвергался ожесточенным налетам, а 24 июля 1942 г. началась повторная оккупация. Существуют свидетельства о том, что еще до начала оккупации дом, где живет Сабина, сгорает, и она перебирается в пустующий дом, недалеко от пункта сбора евреев Андреевского района (ныне – здание школы № 39 по ул. Социалистической), откуда она вместе с обеими дочерьми уходит в небытие 11 августа 1942 г.

Один из вопросов, который задают все исследователи жизни Сабины Шпильрейн – почему она не уехала из города, хотя бы для того, чтобы спасти жизни своих дочерей – Ренаты и Евы. Наиболее популярная версия заключается в том, что Сабина Шпильрейн, подобно многим советским обывателям, не предполагали, что немцы приступят к тотальному уничтожению евреев – а ее собственный опыт жизни в Европе лишь поддерживал иллюзию «культурности немцев».

Другая, более глубокая версия, связывает нежелание Сабины Шпильрейн эвакуироваться как бытовыми причинами (соседи вспоминали о ней, как о худенькой согбенной старушке в длинной черной юбке и ботинках «прощай, молодость»), так и психологическими: все трое ее братьев (математик Ян, психолог Исаак и биолог Эмиль) были расстреляны по ложным обвинениям органами НКВД.

Однако невозможно отбросить и еще одну – даже не версию, но мысль, напрямую сопрягающую ее трагический выбор – с наиболее известной ее статьей – «Деструкция как причина становления»: «Влечение самосохранения – это простое влечение, состоящее только из положительного; влечение сохранения вида, которое должно растворить старое, чтобы осуществилось новое, состоит из положительного и отрицательного компонентов. Влечение к сохранению вида по своей сути амбивалентно; поэтому возбуждение

положительного компонента вызывает одновременно возбуждение отрицательного и наоборот. Влечение самосохранения – это «статическое» влечение, поскольку оно должно защищать уже существующего индивида от чуждых влияний, влечение сохранения вида – это «динамическое» влечение, стремящееся к изменению, к «воскрешению» индивида в новой форме. Никакое изменение не может происходить без уничтожения старого состояния».

И еще. Задолго до трагической развязки, еще в начале Первой мировой войны (1915) Сабина Шпильрейн публикует, казалось бы, совершенно незначительную заметку под характерным названием «Бессознательный судебный приговор» [10]. Мы приводим ее целиком (Пер. с немецкого С.Г. Жигулевой):

«Одна немного боязливая дама сообщила мне следующее: она поднималась вверх по лестнице гостиницы, в которой проживала, и размышляла о том, как опасно постоянно находиться в пансионе с легочными больными; при этом она невольно держала у носа носовой платок. В этот момент ей навстречу шел молодой жилец гостиницы, страдающий легочным заболеванием, она упрекнула себя за такое бестактное поведение, которое мужчина должен был заметить.

Дама ускорила шаг и думала, что входит в свою комнату, когда к своему удивлению обнаружила дверь комнаты запертой. Она постучала — никто не ответил. Тут она посмотрела на номер комнаты и увидела, что спутала этажи и стоит перед дверью только что упомянутого больного. “Прошу прощения!” — крикнула она смущенно и поспешила в свою комнату, которую теперь нашла безошибочно.

Ошибочное действие с точки зрения сознания детерминировано в бессознательной душевной жизни: дама упрекнула себя в бестактном поведении и, ускоряя шаг, старалась забыть случившееся, но оно продолжало работать подпольно, и оставленный без внимания судья объявил свой приговор: “Пойди к господину, постучи в его дверь и попроси прощения», чему она и последовала, не осознавая этого”».

Возможно, именно в этой заметке мы находим некоторый ключ к пониманию последнего выбора Сабины Шпильрейн. В той же мере, в которой мы метафорически говорим о «зараженном фашизмом воздухе Европы», мы должны признать большинство немцев 30-40-х гг., включая любимого Карла Юнга, – «легочными больными», распространявшими смертельно опасную инфекцию. Очевидно, что дама равнодушна к «больному легочным заболеванием», и, несмотря на угрожающую опасность, она старается «сохранять приличия».

Так разыгрывается драма любви и смерти: и дама вновь приходит к двери своего больного, чтобы получить свою порцию яда. Вероятнее всего, именно неразделимый клубок любви, страха и стыда «поступить как дама» - дает наиболее полное представление о том, почему Сабина Шпильрейн осталась в оккупированном Ростове.

И самое последнее соображение, точнее, намек. В 1922 г., когда сама Сабина Шпильрейн находится перед труднейшим выбором о возвращении в Россию, в женевском журнале публикуется написанная ею по-французски заметка «Кто автор преступления?» [11]. Перевод этой статьи осуществлен уже в наши дни Т.И. Беловой.

Внешне сюжет кажется поверхностным: Сабина Шпильрейн обсуждает постановку пьесы некоего французского автора Ленормана «Пожиратель грёз» (Le Mangeur de rêves), в котором психоаналитик Люк своим безрассудным вмешательством губит свою пациентку Жаннин, провоцируя ее самоубийство. Проблема, которая находится в центре критического рассуждения С. Шпильрейн – в том, что Люк пробуждает в душе Жаннин «преувеличенно болезненные угрызания совести», которые и приводят к трагической развязке.

Мы приводим здесь только заключительные строки заметки С. Шпильрейн именно потому, что они с равным правом могут быть отнесены и к сюжету взаимоотношений Сабины Шпильрейн и Карла Юнга, и к судьбе Сабины Шпильрейн, и даже – к духовному расколу еврейства в XX в.

«Зло укоренилось гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд; у болезненной совести Жаннин и беспомощности Люка – общая причина. Та же причина, которая лежит у истоков нынешнего увеличения числа самоубийц, сумасшедших и преступников. Это дефицит любви в нашем обществе, ошибки в воспитании. Религия превратилась в мертвую букву. Мы слишком развиты, чтобы просто верить, нам все нужно знать. У детей предшествующих поколений было меньше возможностей для того, чтобы самим учиться у природы – наше поколение, напротив, с самого раннего детства задыхается под грузом лжи и социальных условностей. Нет сердца, нет понимания, естественной искренности в отношениях между родителями и детьми.

Мы, врачи и педагоги, совершенно разобщены в наших усилиях обрести поддержку родителей или хотя бы привлечь их внимание.

Они обращаются к нам, когда бывает уже поздно, иногда слишком поздно. Я не утверждаю, что разумное воспитание всегда сможет защитить детей от душевных и нервных болезней, есть многое, что находится за пределами нашей власти – но это не повод усыпить нашу совесть и не пытаться ничего делать. Пример с Жаннин отчетливо это доказывает: нам

удастся победить зло не тем, что мы будем его игнорировать, иначе бы Жаннин незнающая была бы самым счастливым существом на свете.

Напротив, только глубокое знание психологических законов со стороны родителей, полная откровенность между родителями и детьми – конечно в той мере, чтобы не мешать пониманию ребенка – только здоровое естественное воспитание, которое может внести вклад в формирование будущего человека, способного бороться со своими инстинктами, в которых он отдает себе отчет, которые он умеет осудить, не развивая при этом в качестве реакции чувства неполноценности, угрызений совести, глубоких настолько, что могут его погубить. Именно этому должна научить нас пьеса Ленормана, и за это мы ему благодарны».

Рис .4

Забвение и возвращение.

Одна из наиболее существенных проблем понимания судьбы и наследия Сабины Шпильрейн заключается в том, что огромная (едва ли, не большая) часть научного и эпистолярного наследия Сабины Шпильрейн еще скрыта от исследователей.

Так, например, в 1911-1912 гг. во время приезда в Ростов, С. Шпильрейн читает доклад о психоанализе – текст утерян. То же самое можно сказать о докладе по теме «Этика и психоанализ» (1914, Берлин); «Детская душа» (доклад на французском языке 12 февраля 1921 г. в Институте Руссо (Женева)). Неизвестна судьба цикла из восьми докладов о психоанализе и воспитании в течение сезона 1921-1922 гг.

Её мысль обращается к сохраняющим по сию пору актуальность проблемам: дурным привычкам у детей (1921), принципам удовольствия и

реальности в детской душевной жизни, вредным привычкам в детском возрасте, истоках символизма (1922), детским тайнам и творчеству (все – 1922). В эти же годы обращается к проблеме «воспитательного психоанализа» (1922-1923), подсознательному мышлению и законам поведения ребенка (1924). Наконец, в последний год своего пребывания в Москве она предлагает обобщающий взгляд на одну из наиболее политизированных тем: «Проблема бессознательного в современной психологии и марксизм» (1924).

Наибольшей загадкой для исследователей оказывается судьба архива Шпильрейн, находившегося в подвале Дворца Вильсона. Мы начали наш рассказ с удивительного и непредсказуемого факта обнаружения дневника и писем С. Шпильрейн в подвале бывшего психологического института в Цюрихе, и им же завершим повествование.

Готовясь к возвращению в Советскую Россию, Сабина Шпильрейн оставила на сохранение свой приватный архив выдающемуся швейцарскому психологу Эдуарду Клапареду – основателю и директору Женевского Института Жан-Жака Руссо. Возможно, она полагала, что заберет свое имущество в ближайшее время при более благоприятных обстоятельствах, однако, более вероятно, что она отдавала себе отчет, что никогда не вернется в Европу, и что, только отдав свой архив на бессрочное хранение, можно сохранить его для потомков.

После смерти Э. Клапареда в 1940 г., эти материалы, находившиеся в сундуке, видимо, были переданы Институт Жан-Жака Руссо, где пролежали в подвале несколько десятилетий. Во время ремонта здания института этот сундук был обнаружен строителями, которые, сообщили о своей находке психоаналитикам. Известно, что в архиве представлены неопубликованные статьи, обширная переписка, дневники и фотографии, при этом каталог архива до сих пор не составлен, также не определен его правовой статус.

С одной стороны, его вроде бы считает своей собственностью Институт Жан-Жака Руссо (Женева), с другой – его считает своей собственностью некая Элен де Мерсье (*Hélène de Morsier*), которая хранит этот архиву себя дома и распоряжается им по своему усмотрению. Многолетние усилия племянников С.Н. Шпильрейн – Менихи Исааковны Шпильрейн (1916-2000) и Эвальда Эмильевича Шпильрайна (1926-2009) по открытию и возвращению архива в Россию, успеха не имели.

Тем не менее, на протяжении двух последних десятилетий, не только имя Сабины Шпильрейн, но и ее труды получают все большее признание как в России, так и во всем мире. Известный психоаналитик Бруно Беттелхейм назвал ее не только «блестящим ученым и обладающей высочайшей

чувствительностью женщиной», но и «личностью, проявившей необыкновенную психологическую интуицию». Другой знаменитый ученый Йоханнес Кремериус в своей статье «Сабина Шпильрейн: ранняя жертва сплоченности рядов психоанализа» отмечает, что «ее диссертация и статьи могут быть отнесены к фундаментальным психоаналитическим трудам; однако, несмотря на всю их важность, автор оказался практически преданным забвению».

«Работы Шпильрейн стала вехой в истории психоанализа, – пишет в своей работе «В защиту Шпильрейн» Цви Лотан. – Шпильрейн создала амальгаму из психоаналитических знаний и мифологических откровений... Эта работа упрочила ее репутацию самостоятельного мыслителя и *femme inspiratrice* Юнга... Ее статьи вдохновили и повлияли и на других психоаналитиков, хотя в их текстах не отыщется фамилия Шпильрейн». Член Немецкого психоаналитического общества Питер Куттер утверждает: «Это была самая значимая персона в русском психоанализе. А ещё Сабина чудесным образом связала русскую и немецкую культуру. Упустить это имя ничего другого не означает, как совершить большую ошибку».

Ошибка эта оказывается тем значительнее, поскольку именно психоанализ акцентирует значимость припоминания ранних травмирующих событий для объяснения всех последующих драматических событий и переживаний. В этом отношении, жизнь и судьба Сабины Шпильрейн создают достаточно поводов для искусственного вытеснения ее имени из истории. Как для сторонников психоанализа в духе З. Фрейда, так и для сторонников «аналитической психологии» К. Юнга, она – воплощение раскола, случившегося между этими двумя титанами. Как женщина-психоаналитик и, что не менее важно, детский психоаналитик она оспаривает первенство Анны Фрейд и Мелани Кляйн. С точки зрения ортодоксального иудаизма, опыт Сабины Шпильрейн – есть яркое свидетельство запретности и губительности любого сближения с иным – христианским миром. Наконец, для отечественной историографии определенную трудность представляет внутренняя «симметрия» в трагедии семьи Шпильрейн: три брата Сабины Шпильрейн (Ян Николаевич Шпильрейн (1887-1937) – советский математик, член-корреспондент АН СССР (1934); Исаак Нафтульевич Шпильрейн (1891-1937) – советский психолог и лингвист, основатель и лидер отечественной психотехники, доктор философии (1914); Эмиль Николаевич (Нафтульевич) Шпильрейн (1899-1938) – советский биолог, декан биологического факультета Ростовского университета) были расстреляны советскими органами безопасности. Ее собственную жизнь и жизнь обеих дочерей – Ренаты и Евы – оборвали немецкие пули...

...Один из наиболее известных французских философов второй половины XX века Мишель Фуко в своей книге «Воля к Истине» [2], писал: «Пересмотр текста Галилея вполне может изменить наше знание об истории механики, - саму же механику это изменить не может никогда... Напротив, появление такого текста, как «Эскиз» Фрейда, – и в той мере, в какой это есть текст Фрейда, – всегда содержит риск изменить не историческое знание о психоанализе, но его теоретическое поле, пусть даже это будет только перемещением акцентов в нем или изменением его центра тяжести. Благодаря таким возвращениям, составляющим часть самой ткани дискурсивных полей, о которых я говорю, они предполагают в том, что касается их автора – "фундаментального" и опосредованного, – отношение, отличное от того, что какой-либо текст поддерживает со своим непосредственным автором».

Несколько огрубляя, можно сказать, что архив Сабины Шпильрейн – оказывается, в некотором смысле, тем самым – текстом, появление которого может заставить нас пересмотреть не только отдельные положения теорий Фрейда и Юнга, но и задать гораздо более широкое – проблемное поле – для осмысления проблем и перспектив взаимодействия самых разных духовных и культурных традиций; даст импульс к пониманию того, чем стал XX век и каков его посыл для века нынешнего и будущего.

Список литературы:

1. Каротенуто А. Трансфер в «тайной симметрии» // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2004. С. 84-88
2. Фуко М. Воля к Истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 36-37.
3. Шпильрейн С. Психоаналитические труды / Под науч. ред. С.Ф.Сироткина, Е.С.Морозовой. Ижевск: ERGO, 2008. 466 с.
4. Carotenuto A. A secret symmetry Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon, 1984.
5. Carotenuto A. Tagebuch einer heimlichen Symmetrie / Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud. Feiburg: Kore, 1986.
6. Lothane Z. Zärtlichkeit und Übertragung – Unveröffentlichte Briefe von C. G. Jung und Sabina Spielrein. // Karger et al. Sexuelle Übergriffe in Psychoanalyse und Psychotherapie, Göttingen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. P. 35-69.
7. Lothane Z. Freudsche Fehlleistung // Die Zeit. 1995. № 18. April 28. P. 44.

8. Minder B. Sabina Spielrein. Jung's Patientin am Burghölzli // Luzifer-Amor. 1994. № 14. P. 55-127.
9. Spielrein S. Die vergessene Name // I. Z. P. 1914. Bd. 2. S. 383-384
10. Spielrein S. Ein unbewusster Richterspruch // I. P. 1915. Bd. 3. S. 350.
11. Spielrein S. Qui est l'auteur du crime? // Journal de Geneve. 1922. Vol. 93. № 2. P. 142-146.
12. Spielrein S. Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen 1911. Bd. 3. S. 329-400
13. The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C.G. Jung, ed. W. McGuire, transl. R. Manheim & R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.

References:

1. Karotenuto A. Transfer v «tajnoj simmetrii» // Sabina Shpil'rejn: nad vremenem i sud'boj. Rostov-na-Donu: Mini Tajp, 2004. S. 84-88
2. Fuko M. Volja k Istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. M.: Kastal', 1996. S. 36-37.
3. Shpil'rejn S. Psihoanaliticheskie trudy / Pod nauch. red. S.F.Sirotkina, E.S.Morozovoj. Izhevsk: ERGO, 2008. 466 c.
4. Carotenuto A. A secret symmetry Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon, 1984.
5. Carotenuto A. Tagebuch einer heimlichen Symmetrie / Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud. Feiburg: Kore, 1986.
6. Lothane Z. Zärtlichkeit und Übertragung – Unveröffentlichte Briefe von C. G. Jung und Sabina Spielrein. // Karger et al. Sexuelle Übergriffe in Psychoanalyse und Psychotherapie, Göttingen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. P. 35-69.
7. Lothane, Z. Freudsche Fehlleistung // Die Zeit. 1995. № 18. April 28. P. 44.
8. Minder B. Sabina Spielrein. Jung's Patientin am Burghölzli // Luzifer-Amor. 1994. № 14. P. 55-127.
9. Spielrein S. Die vergessene Name // I. Z. P. 1914. Bd. 2. S. 383-384
10. Spielrein S. Ein unbewusster Richterspruch // I. P. 1915. Bd. 3. S. 350.
11. Spielrein S. Qui est l'auteur du crime? // Journal de Geneve. 1922. Vol. 93. № 2. P. 142-146.

12. Spielrein S. Uber den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen 1911. Bd. 3. S. 329-400
13. The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C.G. Jung, ed. W. McGuire, transl. R. Manheim & R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/spielreinsn.php>

Сведения об авторе:

Бермус Александр Григорьевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры образования и педагогических наук Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Россия)

Малис Георгий Юрьевич: данные биографии #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В статье рассказывается о педологической и психотехнической деятельности психолога, педолога и психотехника Г.Ю. Малиса. Начав свою научную карьеру очень молодым человеком как психоаналитик марксистского толка, в последствии он пережил увлечение психотехникой в педологии и методологическими поисками психологии. Но самые известные его труды принадлежат психиатрии, т.к. именно ей он посвятил значительный этап своей короткой жизни, заведя кафедрой психиатрии в медицинском институте г. Черновцы.

Ключевые слова: Психология, психоанализ, психотехника, педология, профконсультация, Кабинет психологической и педологической консультации Ленинградского областного дома работников просвещения, Нижегородский педагогический институт.

Malis Georgy Yurievich: facts of biography #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The article describes the pedological and psychotechnical activity of the psychologist, pedologist and psychotechnician G.Yu. Malia. Beginning his scientific career as a very young man as a psychoanalyst of Marxist persuasion, later he experienced a passion for psychotechnics in pedology and methodological searches for psychology. But the most famous of his works belong to psychiatry, as he dedicated a significant stage of his short life to it, having been a head of the Department of Psychiatry at the Medical Institute in Chernivtsi.

Keywords: psychology, psychoanalysis, psychotechnics, pedology, professional counseling, Cabinet of Psychological and Pedological Consultation of Leningrad Regional House of Educators, Nizhny Novgorod Pedagogical Institute.

Рис. 1. Г.Ю. Малис

О том, что архивы часто преподносят удивительные находки, историки-архивисты рассказывают с большим удовольствием. Любой архив в этом плане – место, где исследователя могут ждать неожиданные сюрпризы.

Однажды, работая с документами фонда Нижегородского педагогического университета в архиве Нижегородской области, мне попался небольшой листок, исписанный с двух сторон. Сразу было понятно, что передо мной *curriculum vitae*. На обратной стороне стояла подпись: Г.Ю. Малис. Сразу вспомнилось, что эта фамилия встречалась в биографическом словаре «Российские аналитики», составленном историком психоанализа в СССР В.И. Овчаренко:

«Малис Георгий Юрьевич (1904-1962) – российский психиатр. Доктор медицинских наук (1949), профессор. Окончил психологическое отделение Психоневрологической академии в Ленинграде (1924) и Ленинградский медицинский институт (1936). В начале 20-х гг. проявлял интерес к психоанализу. Изучал возможности использования психоаналитических идей для революции в области идеологии и построения коммунизма как общественной формы социального претворения бессознательного мира человека. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал старшим научным сотрудником в Институте мозга имени В.М. Бехтерева. Принимал участие в войне с Финляндией и Великой Отечественной войне. В 1949 г., после защиты докторской диссертации, был назначен директором

Сухумской медико-биологической станции, где также руководил клиническим отделением. В 1953-1962 гг. заведовал кафедрой психиатрии Черновицкого медицинского института. Разработал теорию вирусной этиологии шизофрении» [10, с. 160].

Более подробно о Ю.Г. Малисе писали его коллеги-врачи, выделяя деятельность Георгия Юрьевича на кафедре психиатрии в медицинском институте г. Черновцы в 1953-1961 гг. [2; 3; 12].

Нас же будет интересовать временной отрезок биографии Георгия Юрьевича Малиса, связанный с нашей архивной находкой. Итак, он пишет:

В 1921 г. окончил Педологические курсы при Одесском педагогическом институте. С 1922 по 1924 г. заведовал педологическим кабинетом Дома Детства НКВД в Харькове. Осенью 1924 г. командирован Наркомпросом Украины в РСФСР для специализации в области психоневрологии. В июне 1925 г. окончил курс психолого-рефлексологического факультета института педологии и дефектологии Государственной психоневрологической академии. С 1926 г. по 1929 г. – научный сотрудник Ленинградского кабинета Государственного института по изучению преступника и преступности НКВД. Одновременно с 1927 по 1929 г. вел работу в Ленинградской областной профконсультации НКТ при Институте Мозга, в качестве научного сотрудника. Летом 1928 г. по заданию НКТ РСФСР в Свердловске организовал Уральское областное бюро по профконсультации. С 1929 г. заведую Педологическим кабинетом приемного распределителя для несовершеннолетних правонарушителей. Научно-исследовательскую работу веду в Ленинградском областном дефектолого-обследовательском институте (научный сотрудник Кабинета профориентации и психотехники, заведующий кабинетом судебно-психологической экспертизы).

Общественная работа. С 1927 г. по 28 – член Президиума кабинета психологической и педологической консультации при Областном Доме работников просвещения; с 1928 г. по настоящее время: член правления Областного Дома работников просвещения, член Совета Кабинета марксистской педагогики. В 1929/30 г. член Ленинградского бюро «Учительской газеты»

Список печатных работ:

- *Психоанализ коммунизма. Харьков, 1924.*
- *Планирование рабочей силы и профессиональная консультация (Профессиональное образование на Урале, 1928, II)*
- *Профессиональные интересы рабочего подростка (Вопросы воспитания и изучения личности, Ленинград, 1928, II)*

- *К вопросу о наиболее рациональной форме педагогической характеристики (Вопросы профконсультации и профотбора, 1928, Ленинград)*

- *Пути психологии. Ленинград. 1929*

- *Материалистическая диалектика и педология (Просвещение, Ленинград, 1930)*

- *Психоаналитическая школа в психологии (Основные направления современной психологии. Под ред. Л.С. Выготского. БЗО при И МГУ)*

Печатается:

- *Изучение среды подростка («Проблемы школьной психотехники», сб. под ред. проф. А.П. Болтунова)*

- *Профконсультационная работа в школе*

Главнейшие доклады:

- *Проблемы социальной педагогики (Кабинет психологии Областного дома работников просвещения, 1927)*

- *Среда и одаренность (I-й Педологический съезд)*

- *Педологическое обоснование антирелигиозного воспитания (Кабинет марксистской педагогики, ЛОДПР, 1929)*

- *Дело шайки «Мститель» (К вопросу об упаднических настроениях среди современной молодежи). Доклад в объединенном заседании криминологического кабинета Ленинградского облсуда и кабинета по марксистской педагогике. ЛКВД, 1930, июнь [16].*

Лист представляет собой часть письма, отправленного в Нижегородский педагогический институт. Даты нет, но так как Малис указал как печатающиеся работы те, который вышли в 1931 г., и последнее место его работы датируется 1929 г., то можно предположить, что само письмо относится к 1930 г. В 1930 г. Нижегородский государственный университет (как и другие университеты в СССР [4]) был реорганизован, и из его факультетов были образованы самостоятельные институты. Так, из педагогического факультета, который до 1926 г. был Нижегородским институтом народного образования, снова возродился самостоятельный педагогический вуз – Нижегородский педагогический институт, куда и подавал документы на конкурс Григорий Юрьевич Малис.

К этому времени он уже имел несколько напечатанных работ, привлекавших к нему внимание.

Книга «Психоанализ коммунизма» написана двадцатилетним автором. Современный читатель, впервые взявший ее в руки, с интересом читает эпиграф, вынесенный на обложку: «Что же такое наша революция, если не бешеное восстание против стихийного бессмысленного биологического

автоматизма жизни... во имя сознательного, целесообразного, волевого и динамического начала жизни? Л. Троцкий», и в тексте мы обнаруживаем много ссылок на него. А. Эткинд вообще рассматривает эту работу как подтверждение влияния Троцкого на ранее советское психоаналитическое движение [17].

«Идет 1924 год, коммунистическое правительство находится у власти и нуждается в более конкретных рекомендациях» [16, с. 317], и Г.Ю. Малис обосновывает применение психоанализа к созданию нового человека за счет «выхода неразряженной энергии Бессознательного» [6, с. 68]. Психоанализ сталкивается с педагогикой, ведь с детьми работают педагоги, на которых возлагаются особые надежды. И тут молодой автор нелестно высказывается о педагогах, становящихся из людей «наименее полноценных. Они боятся разбить готовые формы социального бытия и в то же время не могут приспособиться к ним... не могут стать рабочей производительной единицей» [6, с. 69]. В детском обществе они проявляют «оригинальную форму своей личности», которую нигде в другом месте не могут проявить, «в лице большей части воспитателей “по призванию” мы имеем наиболее надломленный элемент общества» [6, с. 70], и Малис заключает: «желание наше социально обтесывать каждое новое поколение с помощью профессионалов, обходится человеку слишком дорого» [6, с. 70]. Ребенка спасет «детский коммунистический отряд» с «выборным вожаком во главе» [6, с. 74], «через этот маленький коллектив, детскую коммунистическую группу, общество будет влиять на ребенка, как ему, этому социальному целому, нужно» [6, с. 74]. Да и сама школа в будущем исчезнет, дети будут просто знакомиться с различными видами производства. «Психоанализ, примененный в психотехнике, даст возможность учитывать предрасположение будущего работника, человек будет избавлен от необходимости вытеснять или удалять в нереальную жизнь (фантазию) некоторые свои стремления» [6, с. 76]. В общем, замечает Г.Ю. Малис, «вместе со всеми видами нереального творчества исчезнет и педагогика» [6, с. 78].

Как пишет коллега Георгия Юрьевича И.П. Дищук, «юный Г.Ю. Малис непринужденно интерпретирует З. Фрейда, считает, что именно фрейдизм становится методом обоснования закономерности построения коммунистического общества. Он подчеркивает: “Коммунизм – это формы жизни, при которых одинаково удовлетворены и социальные (сознательные) и личные (бессознательные) потребности человека; общественный строй, к которому биологически predeterminedными дорогами двигались тысячелетия и личность, и коллектив, – этот общественный строй вызван сейчас исторической необходимостью”» [3]. Действительно, автор в духе своего времени синтезирует марксизм и фрейдизм, пытаясь создать целостную теорию развития общественного и индивидуального сознания, ведь, по его мнению,

«психоанализ является теорией материалистической», он дает возможность марксизму «целиком быть примененным к изучению психики нашей. ... учение Фрейда психологически показывает нам, как это бытие, т.е. столкновение индивидуальных бессознательных тенденций социальной действительностью, преломляется и отражается на сознании» [6, с. 66].

Через год в СССР заканчивается благоприятное время для психоанализа и Г.Ю. Малис переключается на методологические и педолого-психотехнические вопросы.

Работая в Кабинете психологической и педологической консультации Ленинградского областного дома работников просвещения, он пишет книгу «Пути психологии», где пытается методологически обосновать переход материалистической психологии от периода теоретических исканий к активному участию в структуре новой жизни. «Место, которое займет у нас только создающееся еще учение о поведении общественного человека, чрезвычайно невелико» [7, с. 3.], в то время как педагоги, педологи, психологи в нем нуждаются.

Он отмечал, что психология «создала много ценного, поняла многое, за исключением лишь того, как строится простая, незаметная жизнь человека» [7, с. 127]. Психологи различных направлений подходят к феноменам сознания в разных плоскостях, но не рассматривают социальную зависимость мыслящего субъекта, в итоге все чаще подвергается сомнению ценность научной психологии. Малис надеялся, что такая психология будет построена. «Повсюду... мы будем изучать... психику и деятельность активно борющейся за право на существование социальной единицы» [7, с. 129], т.е. это будет учение о поведении общественного человека – социальная психология. Далее: «борьбу за социальную психологию... будут возглавлять (наряду с психотехническими центрами) криминологические институты. Личная жизнь человека на протяжении еще долгих лет для психологического анализа полностью будет недоступна. Только явная ее асоциальная направленность дает коллективу право на объективное вмешательство» [7, с. 130]. Автор уверен, что вскоре психология как учение о феноменах и состояниях сознания превратится в точную дисциплину, «стройным зданием возвышающуюся над достижениями социальных и естественных наук» [7, с. 130], но это дело отдаленного будущего. Сейчас же он призывает психологов превратить свою науку в активную и действенную, для чего следует рядовым психологам всячески способствовать «непосредственному проникновению психологических знаний в жизнь» [7, с. 131], например, вскрывать психологические корни бытовых предрассудком, религиозных чувствований, тем самым намечая «пути к оздоровлению социального целого» [7, с. 131]. «Научная психология будет

психологией обыденной жизни. От характеристики отдельных ярких представителей человечества психологическая мысль должна перейти к изучению “маленьких людей”. Даже обывателю пора наконец осмыслить то странное прозябание, которое он почему-то с гордостью называет жизнью человека» [7, с. 131].

Г.Ю. Малис с оптимизмом смотрит на систему социального воспитания в СССР, именно она даст возможность создать новый тип человека – человека-коллективиста [13; 14].

Продолжая свою работу по профконсультированию в школьно-психотехнической лаборатории Ленинградского областного обследовательского детского института и накопив большой материал, Григорий Юрьевич обобщил обдуманное в книге «Изучение социальной среды в целях профконсультации».

Исторически эта работа важна подтверждением мысли Л.С. Выготского, высказанной не совместном заседании секции психотехники Коммунистической Академии и Психотехнического общества 21 ноября 1930 г., об отношениях и педологии и психотехники – вопросе «актуальном и остро практическом» [1, с. 105]. Он предположил, что в настоящее время в Советском Союзе (и только здесь) возникает новая система знаний, находящаяся на границе педологии, психотехники и педагогики – педологическая психотехника или педагогическая психотехника [1, с. 113]. «Если психотехник подходит к проблеме политехнизации, профориентации, предсказания специальной одаренности, к любому вопросу, который связан с ребенком, он не перестает быть психотехником, но только самая его психотехника... должна включаться в новые системы понятий» [1, с. 113] – педагогические и педологические. В части своих работ Г.Ю. Малис как раз подчеркивал сближение этих двух отраслей.

В самом начале книги Г.Ю. Малис замечает, что нет ни одного психологического, педологического или психотехнического исследования в настоящее время, где бы не признавалось существенное значение среды как фактора поведения человека, подтверждением чего служит факт обсуждения этого вопроса на всех прошедших съездах. Основной дефект, которую замечает Малис у коллег, создающих такие методики, – «желание охватить “среду вообще”, вне зависимости от того специального применения, которое собранный материал должен иметь» [8, с. 5]. В таком случае получается, что материала собрано много, а целевая задача не решена. По его мнению, «ценность каждой методики изучения среды определяется значимостью тех общественно-педагогических выводов, которые могут быть сделаны. Задача построения подобной методики заключается в действительной реализации

диалектико-материалистической методологии – этой “философии действия” – в практике нашей работы, в деле изучения социально-классовых зависимостей живого конкретного подростка, в условиях конкретной советской действительности» [8, с. 5].

В изучении среды в целях профориентации он видит специфические задачи, главная из которых – организация всей работы по перестройке социальных влияний, формирующих профессиональные интересы подростка. Он выступает «за» дифференциацию методик профпросвещения, ведь подростковая аудитория различна по своему составу; также родительская аудитория требует профпросвещения, а от их влияния на подростка многое зависит; к тому же, на разных этапах профконсультационной работы требуются свои методики социального обследования (обследования среды).

Г.Ю. Малиса удивляет распространенное в советской психотехнике заблуждение, узко профессиональное понимание профессии, согласно которому «наиболее характерным признаком профессии является производимая работа – физиологическая сумма рабочих движений» [8, с. 7], на чем и строится большинство современных методик профотбора. По его мнению, основное – соответствие трудящегося общественно-производственным и социально бытовым требованиям, предъявляемым к нему условиями работы, таким образом, кроме «специальных психофизиологических способностей рабочий должен обладать социально-трудовой установкой, которая позволит ему занять должное место в производственном коллективе, выполнить необходимую общественную функцию» [8, с. 7]. В условиях социалистического строительства, когда перестройка народного хозяйства «опирается на мобилизацию энтузиазма масс», это обстоятельство приобретает особое значение.

Выбор подростком профессии зависит не от процесса предполагаемой работы, которую он, как правило, не видел, а от всего комплекса социально-бытовых представлений, приобретенных его прошлым опытом об избранной профессии. Успешность в профессии будет зависеть от того, как трудовая установка подростка найдет свое подлинное выражение в работе, общественно-бытовых отношениях и т.д. Таким образом, «профессиональная устремленность является социально-профессиональной устремленностью» [8, с. 9], заключает Г.Ю. Малис.

Его коллеги обычно просто фиксировали высказывания испытуемых, что неправильно, ведь подростки из различных социальных окружений в ответы профконсультационной анкеты вкладывали разное содержание. «Задача профконсультанта состоит в том, чтобы за случайными словесными высказываниями подростка найти подлинную его социально-

профессиональную направленность» [8, с. 11], отражающую социальные установки личности, обусловленные определенным комплексом общественных влияний. Изучение среды в таком случае, т.е. раскрытие социальной ситуации, поможет профконсультанту анализировать профессиональные интересы подростка.

Во время написания этой работы в педологических исследованиях звучали споры о приоритете биологических или социальных факторов в развитии ребенка, и Георгий Юрьевич предложил пересмотреть их на новых методологических основаниях, а именно на важности средового фактора. Переоценка биологических, конституциональных, эндогенных факторов (например, попытка через антропометрические измерения предопределить будущее поведение подростка) приведут к реакционным практическим выводам.

Далее автор переходит к подробному разбору имеющихся методических направлений в изучении среды:

- измерительное направление (примеры: анкета Симса (США), приведенная в работе М. Бернштейна, «социальный профиль» В.П. Кащенко, «социально-диагностический профиль», составленный бывшим детским обследовательским институтом им. проф. Грибоедова)
- описательное направление (примеры: схема обследования преступников криминолога Ленца (Германия), анкета для подростков, обращающихся в Бюро профконсультации Н. Vogen'a, «Программа учета среды и работы детского учреждения» С.С. Моложавого, программа обследования социально-бытовых условий жизни рабочего подростка проф. И.А. Арямова).

Критически их осмыслив, Георгий Юрьевич предложил свой вариант Профконсультационной анкеты с разделами:

1. *Социально-профессиональная характеристика членов семьи.* Социальное положение (профессия, стаж, место работы) и общественная характеристика родителей и других членов семьи (партийность, общественная работа, участие в ударничестве и соцсоревновании и пр.). Дополнительные данные (культурный уровень, учеба // повышение квалификации и пр.). Материальное благосостояние семьи. Профессия, рекомендуемая подростку родителями. При возможности произвести углубленное обследование, желательно выявить отношение взрослых членов семьи к своей профессиональной деятельности и общее отношение подростка к родителям.
2. *Социально-профессиональная характеристика профориентируемого подростка.* Общественная активность учащегося (пионерорганизация /ВЛКСМ, общественные нагрузки, участие в ударничестве и соцсоревновании и пр.). Учебно-производственная активность учащегося

(отношение к работе в классе и мастерских, нравящиеся и не нравящиеся виды работы – причины). Политехническая практика на предприятии. Отношение к специальным просветительным мероприятиям. Профессиональные интересы учащегося, мотивы выбора профессии. Контрольные и «экспериментальные» вопросы, выявляющие четкость профустремленности.

3. *Специальные данные, имеющие значение для формирования профустремленности подростка.* Кружковые занятия, работа в Детской Технической Станции, свободное времяпровождение, чтение художественной и научно-популярной литературы и пр. Знакомые подростка, повлиявшие на выбор профессии (жилец квартиры, товарищ, потупивший в ФЗУ и т.д.).
4. *Социально-профессиональная характеристика школьных товарищей подростка.* Указание товарищей по классу, оценка их профустремленности.
5. *Дополнительные данные.* [8, с. 75-76]

Г.Ю. Малис указывает на трудности реализации построения Профконсультационной анкеты – ограниченность времени, доступность подростков, быстрая скорость обработки вопросов профконсультантом. Тем не менее, как пишет автор, школьно-психотехническая лаборатория ЛООДИ в 1930 г. охватила 2000 тысячи учащихся, в 1931 г. – 9000. Проверка данных проводилась качественным и статистическим анализом материалов.

В заключении книги Георгий Юрьевич пишет, что задача его была – не разрешить все трудности, стоящие перед психотехническими учреждениями, а лишь «подчеркнуть значение методологической проверки путей исследования и указать основные принципы работы» [8, с. 91], ведь вопрос об изучении среды поставлен давно, поднимается регулярно на всех съездах, а конкретные выводы не сделаны. Психотехнические учреждения «создают методики обследования по своему усмотрению, без должной теоретической проработки вопроса», «носят кустарный, эмпирический характер» [8, с. 91], не вынося вопрос на коллективное обсуждение специалистов, поэтому ошибки повторяются годами. Малис призвал коллег начать обсуждение, критический анализ назревшей проблемы с его публикуемой работы, не сомневаясь в том, что «воздвигая свои положения на диалектико-материалистическом фундаменте, проверяя и применяя их в социалистической практике, советские психотехники смогут выковать такую методику изучения социальных влияний на профессиональные интересы, которая действительно явится орудием не только для познания их, но и для овладения ими» [8, с. 92].

После ликвидации педологии и психотехники Г.Ю. Малис связывает свою жизнь с медициной, точнее – с психиатрией. Как пишут его коллеги-врачи

[2; 3; 12], война для Георгия Юрьевича началась с 1939 г. на Карельском перешейке в качестве военного врача. С 1941 по 1946 г. он был в действующей армии врачом стрелкового батальона, начальником эвакогоспиталя, армейским психиатром Карельского и Белорусского фронтов. После войны работал ассистентом кафедры психиатрии Ленинградского института повышения квалификации врачей, в 1949 г. защитил докторскую диссертацию. Был директором Сухумской медико-биологической станции АМН СССР с 1951 по 1953 гг., о чем рассказал в небольшой брошюре, рассчитанной на массового читателя и знакомящей с задачами и работой станции «Сухумская Медико-биологическая станция АМН СССР» [9]. С 1953 г. до 1961 г. возглавлял кафедру психиатрии Черновицкого медицинского института (сейчас Буковинский государственный медицинский университет им. С.Н. Савенко). Имел боевые ордена «Красной звезды», «Отечественной войны» I и II степени, медали, а в послевоенный период за трудовые успехи был награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Следует отметить, что, как и другие психологи, имевшие в своем бэкграунде психоаналитические увлечения (к примеру, С.М. Василейский [15], А.Р. Лурия [5, 17]), Георгий Юрьевич вряд ли вспоминал о них в дальнейшем. В официальном некрологе он предстает как психиатр, с отличием закончивший Ленинградский медицинский институт, защитивший кандидатскую и докторскую диссертации по медицине, ученик «видного отечественного психиатра В.П. Осипова» [11] и автор теории вирусной этиологии шизофрении. В некрологе умалчивается о его педолого-психотехнической деятельности и только из упоминания о психологическом отделении Психоневрологической академии в Ленинграде, законченном им в 1925 г., можно узнать, что Георгий Юрьевич был не только врачом.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Педология и психотехника // Культурно-историческая психологи. 2010. № 2 С. 105-120.
2. Дищук І.П. МАЛІС Георгій Юрійович: професор, доктор медичних наук, науковець, лікар-психіатр, завідувач кафедри психіатрії. URL: <http://medlib.bsmu.edu.ua/informacijni-resursi/korifeie-nauki/sob-pam-atali-1/malis-g-u>

3. Дишук І.П., Русіна С.М., Рудницький Р.І., Курик В.І. Наукові здобутки вчених психіатрів Буковинського краю // Буковинський медичний вісник Том 14, №2 (54), 2010. С. 153-155.
4. Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928-1932 годы) / Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. 894 с. С. 523-563.
5. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная биография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 192 с.
6. Малис Г.Ю. Психоанализ коммунизма. С предисловием проф. К.И. Платонова. Харьков, 1924. 87 с.
7. Малис Г.Ю. Пути психологии. Ленинград. 1929. 135 с.
8. Малис Г.Ю. Изучение социальной среды в целях профконсультации: Материалы школьно-психотехнической лаборатории Ленинградского обследовательского детского института / Под ред. А.П. Болтунова. Ленинград: ЛООДИ, 1932. 108 с. (Серия «Психотехника в школе»).
9. Малис Г.Ю. Сухумская Медико-биологическая станция АМН СССР. Москва: Изд-во АМН СССР, 1952. 44 с.
10. Овчаренко В.И. Российские психоаналитики. М.: Академический Проект, 2000. 432 с.
11. Памяти Г.Ю. Малиса // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 1962. Т. 62. Вып. 3. С.476.
12. Пашковський В.М., Чернецький В.К., Дишук І.П. До історії кафедри нервових хвороб, психіатрії та медичної психології ім. С.М. Савенка // Клінічна та експериментальна патологія. 2003. Т.2. № 2. С. 78-86.
13. Стоюхина Н.Ю. Из истории методологических поисков в психологии раннего советского периода // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль: Изд-во ООО «Агентство Литера», 2015. 328 с. С. 110-113.
14. Стоюхина Н.Ю. Стены и мосты: из исторического наследия методологических исканий в 1920-е годы в советской психологии / Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В.А. Мазилова. Электрон. текстовые дан. – Ижевск: ERGO, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: РС; Acrobat Reader 8.0 или старше. Загл. с экрана. С. 177-184.

15. Стоюхина Н.Ю. Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. « 2. С. 115-131.
16. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 2734. Оп. 2. Д. 108. Лл. 104, 104об.
17. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Независимая фирма «Класс», 2016. 592 с.

References:

1. Vygotskij L.S. Pedologija i psihotehnika // Kul'turno-istoricheskaja psihologi. 2010. № 2 S. 105-120.
2. Dishhuk I.P. MALIS Georgij Jurijovich: profesor, doktor medicnih nauk, naukovec', likar-psihiatr, zaviduvach kafedri psihiatricii // <http://medlib.bsmu.edu.ua/informacijni-resursi/korifeie-nauki/sob-pam-atali-1/malis-g-u>
3. Dishuk I.P., Rusina S.M., Rudnic'kij R.I., Kurik V.I. Naukovi zdobutki vchenih psihiatriciv Bukovins'kogo kraju // Bukovins'kij medicnij visnik Tom 14, №2 (54), 2010. S. 153-155.
4. Djevid-Foks M. Nastuplenie na universitety i dinamika stalinskogo Velikogo pereloma (1928-1932 gody) / Raspisanie peremen: ocherki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskoj imperii – SSSR (konec 1880-h – 1930-e gody). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 894 s. S. 523-563.
5. Lurija A.R. Jetapy projdennogo puti. Nauchnaja biografija / Pod red. E.D. Homskoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. 192 s.
6. Malis G.Ju. Psihoanaliz kommunizma. S predisloviem prof. K.I. Platonova. Har'kov, 1924. 87 s.
7. Malis G.Ju. Puti psihologii. Leningrad. 1929. 135 s.
8. Malis G.Ju. Izuchenie social'noj sredy v celjah profkonsul'tacii: Materialy shkol'no-psihotehnicheskoj laboratorii Leningradskogo obsledovatel'skogo detskogo instituta / Pod red. A.P. Boltunova. Leningrad: LOODI, 1932. 108 s. (Serija «Psihotehnika v shkole»).
9. Malis G.Ju. Suhumskaja Mediko-biologicheskaja stancija AMN SSSR. Moskva: Izd-vo AMN SSSR, 1952. 44 s.
10. Ovcharenko V.I. Rossijskie psihoanalitiki. M.: Akademicheskij Proekt, 2000. 432 s.
11. Pamjati G.Ju. Malisa // Zhurnal nevrologii i psihiatricii im. Korsakova. 1962. T. 62. Vyp. 3. S.476.

12. Pashkovs'kij V.M., Chernec'kij V.K., Dishhuk I.P. Do istorii kafedri nervovih hvorob, psihiatrii ta medichnoï psihologii im. S.M. Savenka // Klinichna ta eksperimental'na patologija. 2003. T.2. № 2. S. 78-86.
13. Stojuhina N.Ju. Iz istorii metodologicheskikh poiskov v psihologii rannego sovetskogo perioda // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Jaroslavl': Izd-vo OOO «Agentstvo Litera», 2015. 328 s. S. 110-113.
14. Stojuhina N.Ju. Steny i mosty: iz istoricheskogo nasledija metodologicheskikh iskanij v 1920-e gody v sovetskoj psihologii / Vokrug «Sten i mostov»: razmyshlenija o metodologii psihologicheskoi nauki. Sb. statej / pod red. V.A. Mazilova. Jelektron. tekstovye dan. – Izhevsk: ERGO, 2016. 1 jelektron. opt. disk (CD-ROM). Sistem. trebovanija: PC; Acrobat Reader 8.0 ili starshe. Zagl. s jekrana. S. 177-184.
15. Stojuhina N.Ju. Sud'ba i nauchnoe tvorcestvo Serafima Mihajlovicha Vasilejskogo // Metodologija i istorija psihologii. 2010. T. 5. « 2. S. 115-131.
16. CANO (Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti). F. 2734. Op. 2. D. 108. Ll. 104, 104ob.
17. Jetkind A. Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii. M.: Nezavisimaja firma «Klass», 2016. 592 s.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/malisgyu.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Библиография

Платонов Константин Константинович: данные библиографии #1

Зверева Татьяна Васильевна
Независимый исследователь, Россия
e-mail: tatianazvereva@mail.ru

Носкова Ольга Геннадьевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
e-mail: nog4813@mail.ru

Аннотация. Представляется наиболее полный список работ выдающегося советского психолога К.К. Платонова (1906-1984).

Ключевые слова: Платонов, библиография, психотехника, психология труда, авиационная психология, военная психология, советская психология

Platonov Konstantin Konstantinovich: facts of bibliography #1

Zvereva Tatiana Vasilievna
Independent Researcher, Russia
e-mail: tatianazvereva@mail.ru

Noskova Olga Gennadievna
Lomonosov Moscow State University, Russia
e-mail: nog4813@mail.ru

Abstract. The most complete list of works by the outstanding Soviet psychologist K.K. Platonov (1906-1984) is presented.

Keywords: Platonov, bibliography, psychotechnics, labor psychology, aviation psychology, military psychology, Soviet psychology

1925

1. Платонов К.К. Гипноз в мире животных // Всесвіт. 1925. № 12.

1926

2. Платонов К.К. Гіпноза и використання її медициною // Знання. Харків. 1926. № 19. С. 1-2.
3. Платонов К.К. Краткий определитель амфибий и рептилий Украины. Харьков, 1926.

1928

4. Платонов К.К. Психотехника на транспорте // Транспорт Украины. 1928. № 15. С. 7-8.

1929

5. Платонов К.К. Піднесення продуктивності // Всесвіт. 1929. № 14. С. 11.

1934

6. Платонов К.К. К вопросу внедрения женского труда на Автозаводе // Горьковский Медицинский журнал. 1934. № 6-7.
7. Платонов К.К. Внедрение рабочих стульев на Горьковском автозаводе // Гигиена труда и техника безопасности. Доклад на V Физиологическом съезде. 1934. № 3.
8. Платонов К.К. Пути и некоторые итоги работы психофизиологической лаборатории Горьковского автомобильного завода // Советская психотехника. 1934. № 3. С. 291-193.
9. Платонов К.К. Рабочие стулья изготовлять на каждом заводе // Ратан. 1934. № 9. С. 29.
10. Платонов К., Епишин П., Пугин А. Определение прав шоферов-любителей // За рулем. 1934. № 14.
11. Платонов К.К., Михайловский В. С. Внедрение рабочих стульев на автозаводе // Гигиена труда и техника безопасности. 1934. № 3.
12. Платонов К.К., Цветкова З.П. К вопросу методики учета сравнительной производительности труда // Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6-7.
13. Платонов К.К., Цветкова З.П. К вопросу внедрения женского труда на автозаводе // Горьковский медицинский журнал. 1934. № 6-7.
14. Платонов К.К. В наших руках (организация труда на ГАЗе). Фильм. 1934.

1935

15. Платонов К.К. Использование труда подростка на ЧТЗ // Сталинец. 1935. № 6-7.
16. Платонов К.К. Цели и пути научно-исследовательской работы по организации и оздоровлению труда на ЧТЗ // Сталинец 60. Челябинск. 1935. № 4.
17. Платонов К.К., Галеркина Е.В. Использование труда подростков на Челябинском тракторном заводе // Сталинец 60. Челябинск. 1935. № 6-7.

1936

18. Платонов К.К. Конспект курса психологии // Кача: ВКШП, 1936.
19. Платонов К.К. Эмоции, чувства и воля. Конспект курса психологии. Кача, 1936.

1937

20. Платонов К.К. О некоторых вопросах наземной подготовки // На страже октября. 1937. № 15.
21. Платонов К.К., Кочнев. Стрелуказатели для самолета на штыре // Самолет. 1937. № 22.

1939

22. Платонов К.К. О реактивно-психогенных состояниях у летного состава // Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по авиамедицине. 1939.
23. Платонов К.К. О так называемой «напряженности» в полете // Гражданская авиация. 1939. № 11.
24. Платонов К.К., Самухин Н.В. Врачебная экспертиза летного состава при реактивно-психогенных состояниях // Труды ИАМ. 1939. Т. 2.
25. Платонов К.К., Самухин Н.В. О реактивно-психогенных состояниях у летного состава // Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по авиамедицине. 1939.
26. Платонов К. К. О внимании // Самолет. 1939. № 13.

1940

27. Платонов К.К. Качества летчика // Самолет. Правда, 1940. № 13-14. С. 11-13.
28. Платонов К.К. О подготовке врачей по авиационной медицине // Военно-санитарное дело. 1940. № 7. С. 121-123.

1941

29. Платонов К.К., Шварц Л.М. К вопросу о навыках и их интерференции // Ученые записки гос. института психологии. М., 1941. Т. 2.

1943

30. Платонов К.К. О влиянии перепадов давления // Доблесть. 1943. № 160.
31. Платонов К.К. Пользование кислородным прибором в воздухе // Доблесть. 1943. № 105.

1944

32. Платонов К.К. Классификация степеней переутомления летного состава // Военно-медицинский журнал. 1944. № 7-8. С. 33-36.
33. Платонов К.К. Человек в полете. М., 1944.
34. Платонов К.К. Физическая культура летчика // Доблесть. 1944.16.04.

1945

35. Платонов К.К. Изучение личных особенностей летчика // Доблесть. 1945. № 161.
36. Платонов К.К., Голдовский. Убийцы в белых халатах // Красная армия. 1945. № 72.

1946

37. Платонов К.К. О неправильном педагогическом подходе, как факторе психогенно-реактивных состояний у летного состава // Авиационная Медицина: Информационный бюллетень. 1946. № 2.
38. Платонов К.К. Человек в полете. М., 1946.
39. Платонов К.К. Наземный тренажер // Сталинский сокол. 1946. 28.12. № 203.

1947

40. Платонов К.К. Вопросы медицинского обеспечения полетов на реактивных самолетах // Авиационная медицина: Информационный бюллетень. 1947. № 1/4.
41. Платонов К.К. Изучение личных качеств летчика // Сталинский сокол. 1947. № 303 (910).
42. Платонов К.К. Обоснование требований к нервно-психическому здоровью летного состава // Краткое руководство по военно-врачебной экспертизе. М.: Медгиз, 1947.

43. Платонов К.К. Основные ошибки при экспертизе психогенных состояний у летного состава // *Авиационная медицина: Информационный бюллетень*. 1947. № 3/6.
44. Платонов К.К. Психогенные реакции у летного состава // *Авиационная медицина в Великую Отечественную войну*. М.: Медгиз, 1947. Вып. 1.
45. Платонов К.К. Развитие наблюдательности // *Сталинский сокол*. 1947.
46. Платонов К.К. Воспитание внимательности // *Сталинский сокол*. 1947.

1948

47. Платонов К.К. Навыки летчика // *Сталинский сокол*. 1948.
48. Платонов К.К. Самоконтроль летчика – важнейшее условие безопасности полета // *Сталинский сокол*. 1948.
49. Платонов К.К. О напряженности в полете // *Вестник воздушного флота*. 1948. № 6. С. 54-57.
50. Платонов К.К., Попов А. Развитие советской авиационной медицины // *Сталинский сокол*. 1948.
51. Платонов К.К., Шварц Л.М. *Очерки психологии для летчиков*. М.: Воениздат, 1948.
52. Платонов К.К., Шварц Л.М. О напряженности в полете // *Вестник Воздушного флота*. 1948. № 6.

1949

53. Платонов К.К. Основные принципы и методы изучения личных качеств курсантов // *Медицина на воздушном транспорте*. М.: Изд-во Аэрофлота, 1949. Вып. 2. С. 56-65.
54. Платонов К.К. О роли переживаний при травмах черепа // *Военно-медицинский журнал*. 1949. № 1. С.28-31.
55. Платонов К.К. Основные принципы и методы изучения личных качеств курсантов // *Воздушный транспорт*. 1949. № 1.

1950

56. Платонов К.К. Успехи советской авиационной медицины // *Вестник воздушного флота*. 1950. № 2. С. 35-41.

1951

57. Платонов К.К. Задачи советской военной психологии в авиации // *Материалы первой научной конференции по советской военной психологии* / Под ред. А.А. Вагина, А.И. Доможирова, Г.Д. Лукова. Л.: ВПИ, 1951. С. 88-105.

58. Платонов К.К. Задачи творческой перестройки психологии в авиации // Военно-медицинский журнал. 1951. № 3.

1953

59. Платонов К.К. Выступление в прениях на совещании по психологии 30 июня 1952 года в Москве // Материалы совещания по психологии. Стенографический отчет. Известия АПН. 1953. Вып. 45.
60. Платонов К.К. Вопросы экспертизы и профилактики психогенных состояний у летчиков: Дис. ... докт. мед.наук. Л., 1953 (гриф «секретно»).

1954

61. Платонов К.К. Глубже изучать индивидуальные особенности курсантов-пилотов // Крылья Родины. 1954. № 10.

1955

62. Платонов К.К. Достижения авиационной медицины в практику обучения летчиков // Красная звезда. 1955. № 194.
63. Платонов К.К., Бакши. Методические указания по самостоятельному изучению основ учения И. П. Павлова. М.: КВМУ МО Воениздат, 1955.
64. Платонов К.К., Коновалов А.И. Вопросы теории и практики медицинского обеспечения полетов в сложных метеорологических условиях // Военно-медицинский журнал. 1955. № 7.

1956

65. Платонов К.К. Конспект лекций по курсу «Психологии труда». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.
66. Платонов К.К. Опыт изучения летных способностей // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 106-109.

1957

67. Платонов К.К. Психологическая наука и запросы практики вооруженных сил // Военная мысль. 1957. № 12. С. 52-63.
68. Платонов К.К. К проблеме профессиональных способностей // Тезисы докладов на совещании по вопросам психологии труда. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 41-44.
69. Платонов К.К. Проблемы авиационной медицины // Советская авиация. 1957. № 152.
70. Платонов К.К. Человек в полете. М.: Воениздат, 1957. Изд. 2-е.

71. Платонов К.К., Лавников А.А. Материалы из прошлого отечественной авиационной медицины // М.: Изд-во «Военно-воздушной инженерной академии», 1957.

1958

72. Платонов К.К. Человек на пути в космос // Советская авиация. 1958. № 177.
73. Платонов К.К. Элементы психотерапии в системе врачебно-трудовой экспертизы // Сб. Вопросы психотерапии. М.: Медгиз, 1958.
74. Платонов К.К., Викентьева А.И., Новодворский Е.П., Петров Ю.А. Исследование погрешностей отсчета показаний по шкалам однострелочных приборов. М., 1958.
75. Платонов К.К., Голубев Г.Г. К теории обучения ориентировке в полете по приборам // Вопросы авиационной медицины. М.: Изд-во Аэрофлота, 1958.
76. Платонов К.К., Демин Л.П. Летные качества // Физическая подготовка летчиков. М.: Воениздат, 1958.
77. Платонов К.К., Луков Г.Д. К теории обучения ориентировке в полетах по приборам // Вопросы авиационной медицины. М., 1958.

1959

78. Платонов К.К. Значение психологической науки в воспитании военнослужащих // Партийно-политическая работа в Советской армии и Военно-морском флоте. 1959. № 3. С. 84-88.
79. Платонов К.К. О психологических качествах воина // Красная звезда. 1959. № 69. 24.03.
80. Платонов К.К. Психологические проблемы космического полета // Вопросы психологии. 1959. № 3. С. 56-65.
81. Платонов К.К. Психология и ее значение в воспитании воинов // Пропагандист и агитатор. 1959. № 24. С. 24-28.

1960

82. Платонов К.К. История и теория отбора летчиков // Вопросы психологии. Материалы второй закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С.80-85.
83. Платонов К.К. Психология летного труда. М.: Воениздат, 1960.
84. Платонов К.К. Психология летного труда // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. II. С. 362-387.
85. Платонов К.К. Психология и вопросы воинского воспитания // Красная звезда. 1960.

86. Платонов К.К. Предисловие // Чарска Я. Психологические основы профессионального обучения. М., 1960.
87. Платонов К.К., Лепендина И.И. Сравнительная оценка двух способов обучения реагированию на показания приборов // Доклады АМИ. 1960. Вып. 5. С. 13-15.

1961

88. Платонов К.К. Больше исследований в войсках // Красная звезда. 1961. 26.07.
89. Платонов К.К. Об изучении психологии учащегося. М., 1961.
90. Платонов К.К. Психологические вопросы теории тренажеров // Вопросы психологии. 1961. № 4. С. 79-85.
91. Платонов К.К. Психологические основы воспитания моральных качеств советского воина // Вестник противовоздушной обороны. 1961. № 9. С. 69-71.
92. Платонов К.К. Спорные и решенные вопросы теории летных способностей // Военно-медицинский журнал. 1961. № 1.
93. Платонов К.К. Психология бесстрашия // Вестник противовоздушной обороны. 1961. № 8.
94. Платонов К.К., Жукова Т.И. Влияние упражнения на навык чтения контрольных приборов // Доклады АПН. 1961. Вып. 1.
95. Платонов К.К., Топорнина А.А. Исследование соотношения переключения и распределения внимания // Доклады АПН РСФСР. 1961. Вып. 1.

1962

96. О чертах личности нового рабочего / Под ред. К.К. Платонова. М., 1963.
97. Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М.: Медицина, 1962.
98. Платонов К.К. Занимательная психология. М.: Молодая гвардия, 1962.
99. Платонов К.К. Патриот, ученый, педагог // Красная звезда. 1962. 27.06.
100. Платонов К.К. Суеверия и профессии // Наука и религия. 1962. № 3. С. 27-28.
101. Платонов К.К. Суеверия и летное дело // Боевые крылья. 1962. № 63.
102. Platonov K.K. Cilozeastavuletecke psychologie v SSSR // Ceskoslovenska psychologie. 1962. С. 347-358; № 4. С. 69-71.

1963

103. Платонов К.К., Бобнева М.И. Инженерная психология // Техника молодежи. 1963. № 6. С. 5-7.
104. Платонов К.К. Вести работу единым фронтом // Ленинец. 1963. № 22.

105. Платонов К.К. Авиационная психология. М., 1963.
106. Платонов К.К. Кошка... на дороге (о предрассудках и суевериях) // Ленинское знамя. 1963. № 236.
107. Платонов К.К. О знаниях, умениях, навыках // Советская педагогика. 1963. № 11.
108. Платонов К.К. О мышлении // Наука и жизнь. 1963. № 4. С. 62.
109. Платонов К.К. Людина і машина... Вороги чи друз // Прапор. 1963. № 11. С.58-62.
110. Платонов К.К. Память – кладовая ума в ваших силах лучше организовать работу этого «складского» хозяйства // Наука и жизнь. 1963. № 11. С. 91-93.
111. Платонов К.К. О восприятии // Наука и жизнь. 1963. № 2. С. 86-87.
112. Платонов К.К. Скорость реакции. Координация движений // Наука и жизнь. 1963. № 10. С. 106.
113. Платонов К.К. Суеверия и профессии // Блокнот агитатора. 1963. № 9. С. 37-40.
114. Платонов К.К. Феномен Розы Кулешовой – не исключение // Наука и жизнь. 1963. № 12. С. 106.
115. Платонов К.К., Голубев Г.Г. Проблемы теории военного обучения. М.: Военная мысль. 1963. № 5. С. 87-94.
116. Платонов К.К., Мансуров Н.С., Шорохова Е.В. Проблемы общественной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 73-82.
117. Платонов К.К., Башилов В.И., Джидарьян И.А., Макаров Н.И. Социально-психологическое исследование личности рабочего // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 5. М.: Изд-во АПН, 1963. С. 228-233.
118. Платонау К.К. Як палепшыць памяць // Звезда. 1963. № 138.

1964

119. Платонов К.К. Занимательная психология. М., 1964.
120. Платонов К.К. Как стать внимательнее // Наука и жизнь. 1964. № 7. С. 60-64.
121. Платонов К.К. Цветочки? А разрешил кто? // Красная звезда. 1964. № 117. С. 2.
122. Платонов К.К., Луков Г.Д. Психология. М., 1964.
123. Платонов К.К., Сейненский А. Методы изучения личности заключенного // К новой жизни. 1964. № 9. С. 18-21.
124. Платонов К.К., Шорохова Е.В. Против недооценки психологии // Медицинская газета. 1964. 25.02. № 16.

1965

125. Личность и труд / Под ред. К.К. Платонова. М., 1965.
126. Платонов К.К., Зотова О.И. Личность и труд // Вопросы психологии труда, трудового обучения и воспитания. Ярославль, 1965.
127. Платонов К.К. Бог-антабус и дьявол-никотин // Гудок. 1965. № 52.
128. Платонов К.К. Кладовая ума // Пионерская правда. 1965. № 9.
129. Платонов К.К. Глазами психолога // Наука и религия. 1965. № 12. С. 42-43.
130. Платонов К.К. Заметки о суевериях // Наука и религия. 1965. № 8. С. 68-70.
131. Платонов К.К. Научная организация и психология труда // Социалистический труд. 1965. № 6. С. 88-94.
132. Платонов К.К. Привычки // Советский красный крест. 1965. № 4.
133. Платонов К.К. О застенчивости // Наука и жизнь. 1965. № 4. С. 156-157.
134. Платонов К.К. О сущности способностей человека // Медицинская газета. 1965. № 103.
135. Платонов К.К. Психопатология в практике войскового врача. Рецензия // Военно-медицинский журнал. 1965. № 10. С. 86.

1966

136. Платонов К.К. Авиационная психология. Как ее понимать? // Авиация и космонавтика. 1966. № 10. С. 14-15.
137. Платонов К.К. Проблема личности в медицине // Философские и социальные проблемы медицины. М., 1966. С. 227-242.
138. Платонов К.К. Кладовая ума // Сельская новь. 1966. № 9. С. 18-20.
139. Платонов К.К. Место профессиональных способностей в структуре личности // Вопросы психологии труда, трудового обучения и воспитания. Ярославль, 1966.
140. Платонов К.К. Об интуиции // К новой жизни. 1966. № 10. С. 51-52.
141. Платонов К.К. Виды формирования личности и ее структура // Обучение и развитие. М., 1966. С. 30-32.
142. Платонов К.К. От каждого по способностям // Наука и жизнь. 1966. № 7. С. 127-129.
143. Платонов К.К. Отношения и эмоции как формы отражения // Вопросы современной психоневрологии. Труды Психоневрологического НИИ. Л., 1966. Т. XXXVIII. С. 102-109.
144. Платонов К.К. Сознание и личность // Проблемы сознания. Материалы симпозиума. М., 1966. С. 186-194.
145. Платонов К.К. Профессиональные способности и профессиональная ориентация // Профессиональная ориентация и консультация молодежи. Киев, 1966.

146. Платонов К.К. Только правда // Пионерская правда. 1966. № 103.
147. Платонов К.К., Адашкин Б.И. Об изучении и формировании личности учащегося. М.: Высшая школа, 1966.
148. Платонов К.К., Зотова О.И. К теории групп и коллективов правонарушителей // К новой жизни. 1966. № 2. С. 49-51.
149. Платонов К.К., Кондратьева Л.Л. Формы творчества личности в труде // Тезисы докладов на XVIII Международном психологическом конгрессе. М., 1966. Вып. 3.
150. Платонов К.К., Смирнов М.И. В спорах о личности и ее проявлениях // Советская педагогика. 1966. № 1. С. 144-146.

1967

151. Платонов К.К. Карта личности и инструкция к ее заполнению. М.: Институт философии АН СССР, 1967.
152. Платонов К.К. Воля как способность и как форма отражения // Материалы II Межвузовской научной конференции по проблемам психологии воли / Под ред. В.И. Селиванова. Рязань, 1967. С. 5-8.
153. Платонов К.К. Заметки о молитве // Наука и религия. 1967. № 2. С. 23-26.
154. Платонов К.К. Кем быть и кем не быть? // Работница. 1967. № 5.
155. Платонов К.К. Медицинская психология // Медицинская газета. 1967. № 94.
156. Платонов К.К. «Они» и религиозная вера // Наука и религия. 1967. № 3. С. 92.
157. Платонов К.К. Наука о психике и сознании // Молодой коммунист. 1967. № 2. С. 79-82.
158. Платонов К.К. Психология и религия. Факты и мысли. М.: Изд-во полит. лит., 1967.
159. Платонов К.К. Что же такое способности? // Наука и жизнь. 1967. № 8. С. 71.
160. Платонов К.К. Психология труда, личность и НОТ // НОТ и подготовка молодежи к производственной деятельности. М., 1967.
161. Платонов К.К., Барабанщиков А.В., Феденко Н.Ф. К истории советской военной психологии // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 74-75.
162. Платонов К.К., Иванова И.И. Личностный подход как методологический принцип психологического изучения больного // Психологические методы исследования в клинике. Л., 1967. С. 12-15.
163. Платонов К. К. Рецензия на кн.: Лебединский М.С., Мясищев В.Н. Введение в медицинскую психологию // Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова. 1967. № 4.

1968

164. Платонов К.К. Вера, уверенность, знание // Наука и религия. 1968. № 8. С. 38-42.
165. Платонов К.К. Виды формирования личности и ее структура // Обучение и развитие: Материалы к симпозиуму. М., 1968.
166. Платонов К.К. Еще о простом слове «нельзя» изучать личность преступника // Литературная газета. 1968. № 38.
167. Платонов К.К. Загадки органов чувств // Работница. 1968. № 5. С. 28-29.
168. Платонов К.К. О нравственных и правовых способностях // К новой жизни. 1968. № 1.
169. Платонов К.К. Психологическая структура личности // Личность при социализме. М., 1968. С. 62-77.
170. Платонов К.К. Психология личности пилота. М., 1968.
171. Платонов К.К., Будилова Е.А. Важный вклад в историю советской психологии // Советская педагогика. 1968. № 2. С. 144-146.
172. Платонов К.К., Васильев В.Л., Ярмоленко А.В. Судебная психология для следователей // Вопросы психологии. 1968. № 6. С. 141-142.
173. Платонов К.К., Грошенков С.С. О профессиональной и спортивной ориентации учащейся молодежи // Теория и практика. 1968. № 5. С. 40-44.
174. Платонов К.К., Каращан В.А. Военная психология. Библиография отечественной и переводной литературы. М., 1968.
175. Платонов К.К., Шингаров Г.Х., Шмаков А.В. Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности // Материалы III съезда Общества психологов СССР. Киев, 1968. Вып. 1. С.341-342.
176. Платонов К.К. Czkwiekimaszyna // KrajRad. 1968. № 1. С.8-9.

1969

177. Платонов К.К. В.И. Ленин и вопросы психологии религии // Вопросы психологии. 1969. № 5. С. 3-12.
178. Платонов К.К. В.И. Ленин и проблема способностей // Советская педагогика. 1969. № 12. С. 18-27.
179. Платонов К.К. Личностный подход в проблеме безопасности движения // Аннотация докладов XXVII научно-исследовательской конференции 17 марта-5 апреля 1969 г. М.: МАДИ, 1969. С. 33-34.
180. Платонов К.К. Личностный подход в профориентации // Проблемы профориентации и профконсультации в школе. М., 1969. С. 138-140.
181. Платонов К.К. Личностный подход как принцип в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 190-217.

182. Платонов К.К. Профессиональная ориентация и способности // Школа и выбор профессии. М., 1969.
183. Платонов К.К. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
184. Платонов К.К. Место обученности в структуре личности // Материалы к XIX Международному психологическому конгрессу. М., 1969. С. 114.
185. Платонов К.К. Структура личности // К новой жизни. 1969. № 5. С. 43-44.
186. Платонов К.К. О подструктуре направленности личности // К новой жизни. 1969. № 6. С. 65-66.
187. Платонов К.К. О других подструктурах личности // К новой жизни. 1969. № 7. С. 38-40.
188. Платонов К.К. Изучение личности // К новой жизни. 1969. № 10. С. 68-69.
189. Платонов К.К. Психология труда в системе наук о трудовой деятельности человека // Социалистический труд. 1969. № 8. С. 120-125.
190. Платонов К.К. Некоторые теоретические проблемы профориентации в средней школе // Школа и производство. 1969. № 11. С. 19-22.
191. Платонов К.К., Марищук В.Л., Плетницкий Е.А. О напряженности в полете. М., 1969.
192. Платонов К.К., Шингаров К.К. Эмоции, чувств и воля как формы отражения // Ленинская теория отражения и современность. София, 1969. С. 173-188.
193. Платонов К.К., Шингаров Г.Х. Проблема бессознательного // Медицинская газета. 1969.
194. Платонов К.К. Сіячі природничих знань // Людина і світ. 1969. № 11. С. 40-44.
195. Платонов К.К. Віра і відображення реальності // Людина і світ. 1969. № 1. С. 50-52.

1970

196. Платонов К.К. Вопросы психологии труда. М.: Изд-во «Медицина», 1970. Изд. 2-е.
197. Платонов К.К. Проблемы способностей. М., 1970.
198. Платонов К.К. Роль преморбидной личности в психогенных состояниях летчиков // Актуальные вопросы клинической и судебной медицины. Л., 1970. С. 15-24.
199. Платонов К.К. Коллектив-человек-машина // Социалистический труд. 1970. № 3. С. 72-76.
200. Платонов К.К. Психология межличностных отношений // Психология: Уч. пособие для пед. институтов. М., 1970. С. 123-137.

201. Платонов К.К. Необходимые уточнения (о методологических проблемах профессионального отбора и профессиональной ориентации) // Социалистический труд. 1970. № 10.
202. Платонов К.К. О человеке как предмете познания // Вопросы психологии. 1970. № 3. С. 144-147.
203. Платонов К.К. О взаимосвязях педагогики, психологии и медицины // Симпозиум 24.06.1970. Проблемы психогигиены и психопрофилактики в медицинской психологии. 1970.
204. Платонов К.К. Проблемы профориентации и профотбора // Социалистический труд. 1970. № 10. С. 94-99.
205. Платонов К. К. Психологическая характеристика школьника // Воспитание школьников. 1970. № 1. С. 24-29.
206. Платонов К. К. Социальное и биологическое в структуре личности // Вопросы философии. 1970. № 9. С. 141-147.
207. Платонов К. К. Понятие «структура» в теории личности // Проблемы личности. Л., 1970. Т. 1. С. 190-217.

1971

208. Вопросы научного атеизма / Под ред. К.К. Платонова, В.Н. Колбановского. М., 1971.
209. Платонов К.К. Профессиография: ее значение и методика работы // Социалистический труд. 1971. № 4. С. 74-79.
210. Платонов К.К. Психогигиена, психология труда и личность // Вопросы психогигиены. М., 1971.
211. Платонов К.К. Структурное понимание саморегулирования процесса формирования личности // Проблемы управления процессом воспитания. М., 1971. С. 10-12.
212. Платонов К.К. Программа для индустриально-педагогических техникумов. М., 1971.
213. Платонов К.К. Проблема управления процессом воспитания // Материалы симпозиума. М., 1971. С. 111-120.
214. Платонов К.К. Психологическая характеристика спортсмена // Теория и практика. 1971. № 1. С. 13-16.
215. Платонов К.К. Психологическая характеристика спортсмена // Теория и практика. 1971. № 2. С. 10-14.
216. Платонов К.К. Что изучает общественная психология? М., 1971.
217. Платонов К.К. Психология и религия. Факты и мысли. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит. 1971.

218. Платонов К., Даниляк В. О социальном аспекте эргономики // Техническая эстетика. 1971. № 4. С. 18-19.
219. Платонов К.К., Таршис И. Союз философии и медицины // Медицинская газета. 1971. № 81.
220. Платонов К.К. Подборът на ръководителите и структурният анализ на личността // Партиен живот. София. 1971. № 11. С. 11-19.

1972

221. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
222. Платонов К.К. Проблемы личности в общественной психологии // Вопросы психологии. 1972. № 1.
223. Платонов К.К. Проблемы способностей. 2-е изд. М.: Наука, 1972.
224. Платонов К.К. Личностный подход в понимании психосоматических взаимодействий // Роль психологического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М., 1972. С. 47-55.
225. Платонов К.К. Значение аналогии в эволюции функциональных структур психики // Философские проблемы биологии. М., 1972.
226. Платонов К.К. Психология театра как отрасль социальной психологии // Симпозиум. Актуальные проблемы организации, экономики и социологии театра. Тезисы докладов и сообщений. 13-15 ноября 1972 г. М., 1972. С. 42-46.
227. Платонов К.К., Голубев Г.Г. Психология трудового воспитания // Среднее специальное образование. 1972. № 11. С. 45-48.
228. Платонов К.К., Гольдштейн Б. Психологическая подготовка пилотов // Гражданская авиация. 1972. № 3. С. 14-15.
229. Платонов К.К., Гольдштейн Б. Психология личности пилота. М., 1972.
230. Платонов К.К., Гримак Л.П. С плохим настроением – к врачу! // Литературная газета. 1972. № 30.
231. Платонов К., Даниляк В., Мараховский А., Тавер Н. Некоторые проблемы социально-психологического аспекта художественного конструирования // Техническая эстетика. 1972. № 7.
232. Платонов К.К., Карацан В.А. Военная психология в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы // Военная психология. М.: Воениздат, 1972. С. 34-39.
233. Платонов К.К., Кривицкий К.Е. Зрительская аудитория театра как объект социально-психологических исследований // Симпозиум «Актуальные проблемы организации, экономики и социологии театра». Тезисы докладов и сообщений. 13-15 ноября 1972 г. М., 1972. С. 61-65.

234. Платонов К.К., Кузнец Е.И. К проблеме отбора испытателей //Медико-технические проблемы исследований защиты человека / Под ред. С.М. Городинского. М., 1972. С. 71-75.
235. Платонов К.К. Невичерпна скарбница думок // Людина і світ. 1972. № 1. С. 10-13.

1973

236. Платонов К.К. Психологические критерии перевоспитания // К новой жизни. 1973. № 5. С. 52-54.
237. Платонов К. К. Значение аналогии в эволюции функциональных структур психики // Философские проблемы биологии. М., 1973. С. 225-231.
238. Платонов К.К. О связях структуры личности // Вопросы психологии личности и труда. Свердловск, 1973. С. 5-8.
239. Платонов К.К. Мышление и общение // Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973.
240. Платонов К.К. Рефлекторная теория, теория отражения и мышление // Журнал высшей нервной деятельности, 1973. Т. XXIII. Вып. 2. С. 448-449.
241. Платонов К.К. О сущности и задачах профессиологии // Социалистический труд. 1973. № 2. С. 78-81.
242. Платонов К.К. Психология. Учебник для индустриально-педагогического техникума. М.: Высшая школа, 1973.
243. Платонов К.К. Черты личности и черты характера // Среднее специальное образование. 1973. № 2. С. 42-46.
244. Платонов К.К., Бассин Ф.В. Резервы человеческой психики. М., 1973.
245. Платонов К.К., Игнатов Н. Что такое надежность водителя? // Автомобильный транспорт. 1973. № 11. С. 46-48.
246. Платонов К.К., Шингаров Г.Х., Шмаков А.В. Эмоции, чувства, воля как формы отражения действительности // Теория отражения и современная наука: Теория отражения и естествознание. София, 1973. С. 280-291.
247. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего / Под ред. К.К. Платонова. Свердловск, 1973.

1974

248. Платонов К.К. О роли тестов в исправительно-трудовой работе // К новой жизни. 1974. № 1. С. 52-54.
249. Платонов К.К. О «минимуме» человека // Зоопсихология, этология и сравнительная психология. М., 1974. С. 137-140.
250. Платонов К.К. Роль и возможности педагога в укреплении коллектива учащихся // Среднее специальное образование. 1974. № 6. С. 46-49.

251. Платонов К.К. Против вульгаризации в применении тестов при психодиагностике // Социалистический труд. 1974. № 12. С. 95-98.
252. Платонов К.К. Роля и возможности на учителя за укрепането на ученическия коллектив // Професионално образование. София. 1974. № 11/12. С. 58-60.

1975

253. Платонов К.К. Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
254. Платонов К.К. Методологические вопросы истории отечественной авиационной психологии // Психология и практика. Сборник научных трудов. М.: Изд-во АПН СССР, НИИОП, 1975. С. 15-26.
255. Платонов К.К. Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1975.
256. Платонов К.К. Обобщение характеристик как метод социально-психологического изучения личности // Методы социально-психологических исследований. Сборник научных трудов / Под общ. ред. М.А. Меньшиковой. М., 1975. С. 156-163.
257. Платонов К.К. О процессе самоукрепления коллектива // Коллектив и личность. М., 1975. С. 87-96.
258. Платонов К.К. О социально-психологической каузальной типологии преступников // Проблемы совершенствования деятельности исправительно-трудовых учреждений. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Рязань, 1975. С. 263-267.
259. Платонов К.К. Психология на коммунистическото възпитание // Проблеми на комунистическото възпитание. 1975. № 2.
260. Платонов К.К. Предисловие // Преподавание психологии в индустриально-педагогических техникумах. Методические рекомендации. Часть 1. М., 1975. С. 3-6.
261. Платонов К.К. Социальная психология и пропаганда // Красноярский рабочий. 1975. № 135.
262. Платонов К.К. Психология и практика / Под ред. А.В. Петровского. М., 1975.
263. Платонов К., Дзюра А. Социальная психология и пропаганда // Красноярский рабочий. 1975. С. 2.
264. Платонов К.К., Костин А.А. Автомобиль, здоровье, жизнь // Здоровье. 1975. № 12.

1976

265. Платонов К.К. Психологический климат на производстве // Социалистический труд. 1976. № 11. С. 96-99.
266. Платонов К.К. Место мышления в системе понятий рефлексорной теории и теории отражения // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе, 1976. С. 13-25.
267. Платонов К.К. Модель проектируемой личности социальной группы // Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976. С. 229-232.
268. Платонов К.К. Работы Института распространения естествознания в области антирелигиозной пропаганды // Информационный бюллетень Института научного атеизма. М., 1976. С. № 15.
269. Платонов К.К., Костин А.А. О взаимодействии наук, изучающих водителя // Исследование структуры и формирования навыков управления движущимися машинами. Сб. науч. статей. Вып. 2. М.: Высшая школа, 1976. С. 74–78.

1977

270. Платонов К.К. Метод обобщения независимых характеристик в социальной психологии // Методология и методы социальной психологии. М., 1977.
271. Платонов К.К. Психологические проблемы эффективности и качества труда // Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов СССР. М., 1977.
272. Платонов К.К. Гармония разнообразия // Литературная газета. 1977. 3 авг.
273. Платонов К.К. Методологические проблемы медицинской психологии. М., 1977.
274. Платонов К. К. О воспитании воли и дисциплины // Среднее специальное образование. 1977. № 6. С.50-52.
275. Платонов К.К. О формировании психологического климата в коллективе // Среднее специальное образование. 1977. № 2.
276. Платонов К.К. Психологический климат // Знамя. 1977. № 27.
277. Платонов К.К. Психология. Учебн. пособие для повышения квалификации инженерно-педагогических работников. М., 1977.
278. Платонов К.К. Социально-психологические аспекты психологии личности и труда // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. Тезисы докладов V Всесоюзного съезда психологов СССР (27 июня–2 июля 1977 г., Москва). М., 1977. С. 17-18.

279. Платонов К.К. Эмоции и их развитие // Среднее специальное образование. 1977. № 4.
280. Платонов К.К., Голубев Г.Г. Психология. М.: Высшая школа, 1977.
281. Платонов К.К., Гуревич К.М. Психологические аспекты воспитания трудящихся на социалистических предприятиях // Психологические проблемы эффективности и качества труда. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1977. С. 3-9.
282. Платонов К.К., Левина А.И. Наставничество и его социально-психологическая роль в социалистическом соревновании // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. М.: Наука, 1977. С. 90-99.
283. Платонов К.К., Столярова А.Н. Программа по психологии для самообразования педагогических работников учебных заведений профтехобразования. М.: Высшая школа, 1977.

1978

284. Платонов К.К. Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т. 3.
285. Платонов К.К. Занимательная психология. М., 1978.
286. Платонов К.К. Принцип иерархии в психологии // Проблемы психического воздействия. Иваново. 1978. С. 30-49.
287. Платонов К.К. О модели проектируемого профессионала // Комплексное изучение человека и формирование всесторонней личности. М., 1978. С.7-11.
288. Платонов К.К. О системе психологических понятий, включенных в Конституцию СССР // Вопросы психологии труда и эргономики. Ярославль, 1978. С. 9-13.
289. Платонов К.К. Психология и профориентация // Медицинская газета. 1978.
290. Платонов К.К. Что такое системный подход и системное качество? // Профессионально-техническое образование. 1978. № 12. С. 52-54.
291. Платонов К.К. Значение иерархии системных качеств для психологии // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1978. С. 3-14.
292. Платонов К.К. Теория функциональных систем, теория отражения и психология. М., 1978.

1979

293. Платонов К.К. Бригада формируется в училище // Профессионально-техническое образование. 1979. № 9.
294. Платонов К.К. Проблемы способностей. М.: Наука, 1979.

295. Платонов К.К. Психология възпитания // Проблемы коммунистического възпитания, 1979. № 5. С. 48.

1980

296. Платонов К.К. Пособие для психофизиологического обследования водителей автомобиля // Автомобиль и транспорт. 1980. № 1. С.59.
297. Платонов К.К. Психологический практикум. М.: Высшая школа, 1980.
298. Платонов К.К. Путь оптимизации психологического климата в коллективе ПТУ // Высшая школа. М., 1980.
299. Платонов К.К., Казаков В.Г. Психология труда в СССР // Work psychology in Europe. Warszawa, 1980. С. 231-245.

1981

300. К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы / Под ред. К.К. Платонова. М., 1981.
301. Платонов К.К. Единство сознания и поведения // Учительская газета. 1981. № 4. С. 2.
302. Платонов К.К. К теории становления коммунистической воспитанности личности // Психология общения и проблемы коммунистического воспитания. Омск, 1981. С. 3-7.
303. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981.
304. Платонов К.К. От редактора // К истории отечественной авиационной психологии (Документы и материалы). М.: Наука, 1981. С. 7-12.
305. Платонов К.К., Шингаров Г.Х. Специфика психических форм отражения // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981. Т. 1.

1982

306. Платонов К.К. Системные качества психических явлений // Психологический журнал. М., 1982. Т. 3. № 2. С. 27-33.
307. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
308. Платонов К.К. Отражательная сущность идеологической функции психологии // Теоретические и практические исследования психологического воздействие. Иваново, 1982. С. 296-303.
309. Платонов К.К. Терминологический минимум по курсу исправительно-трудовой психологии. Рязань, 1982.
310. Платонов К.К. Индивидуальность человека как иерархия его системных качеств // Индивидуальные особенности психического и соматического

развития и их роль в управлении деятельностью человека. Пермь, 1982. С. 106-107.

311. Психологические структуры личностей различных групп / Под ред. К.К. Платонова. Депонировано в ИНИОН АН СССР, 1981. № 842.

1983

312. Платонов К.К. Вечер памяти К.Э. Циолковского // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 163-164.
313. Платонов К.К. Воспитавай в себе личность // Воздушный транспорт. 1983. № 70. С. 3.
314. Платонов К.К. Основные вопросы наземной тренировки при летном обучении // Тезисы доклада в Институте авиационной медицины 19 ноября 1938 г. // История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 191-192.
315. Платонов К.К. Пути и некоторые итоги работы психофизиологической лаборатории Горьковского автомобильного завода // История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 321-326.
316. Платонов К.К. Объект изучения – личность авиатора // Гражданская авиация. 1983. № 8. С. 28-29.
317. Платонов К.К., Шорохова Е.В., Зотова О.И., Левина А.И. Социально-психологическое исследование деятельности соревнующихся коллективов // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983.

1984

318. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984.
319. Платонов К.К. Чему учит «феномен детей Лыковых»? // Наука и религия. 1984. № 8. С. 20-25.
320. Платонов К.К., Тарабарин С.М. Тематический словарь системы понятий военно-авиационной психологии. Курган, 1984.

1986

321. Платонов К.К. Занимательная психология. М., 1986.
322. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.

2005

323. Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни. Воспоминания старого психолога / Под ред. А.Д. Глоточкина,

А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, В.Н. Лоскутова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/platonovkk.php>

Сведения об авторах:

Зверева Татьяна Васильевна, кандидат психологических наук, независимый исследователь (Россия);

Носкова Ольга Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия)

Малис Георгий Юрьевич: данные библиографии #1

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. В данном списке работ Георгия Юрьевича Малиса представлены статьи и книги, отражающие его интерес к психологии. Медицинские работы (по психиатрии) не входят в сферу нашей компетенции.

Ключевые слова: Малис, библиография, психотехника, профконсультация, психоанализ

Malis Georgy Yurievich: facts of bibliography #1

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. This list of works by Georgy Yurievich Malis contains articles and books reflecting his interest in psychology. Medical work (in psychiatry) is not within our competence.

Keywords: Malis, bibliography, psychotechnics, professional counseling, psychoanalysis

В данном списке работ Георгия Юрьевича Малиса представлены статьи и книги, отражающие его интерес к психологии. Медицинские работы (по психиатрии) не входят в сферу нашей компетенции.

1. Малис Г.Ю. Психоанализ коммунизма. С предисловием проф. К.И. Платонова. Харьков, 1924. 87 с.
2. Малис Г.Ю. Планирование рабочей силы и профессиональная консультация // Профессиональное образование на Урале. 1928. № 2.
3. Малис Г.Ю. Профессиональные интересы рабочего подростка // Вопросы воспитания и изучения личности. 1928. № 2. С. 72-82.
4. Малис Г.Ю. К вопросу о наиболее рациональной форме педагогической характеристики // Вопросы профконсультации и профотбора. Ленинград, 1928.

5. Малис Г.Ю. Психотехника и школа // Просвещение на Урале. 1928. № 9. С. 85-87.
6. Малис Г.Ю. Психоаналитическая школа в психологии / Основные направления современной психологии. Под ред. Л.С. Выготского. БЗО при П МГУ. 1928. XII.
7. Малис Г.Ю. Пути психологии. Ленинград. 1929. 135 с.
8. Малис Г.Ю. Материалистическая диалектика и педология (В порядке дискуссии) // Просвещение. (Ленинград). 1930. № 8-9. С. 25-33; № 10. С. 47-56.
9. Малис Ю.Г. Изучение среды в целях профконсультации // На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931 г., Ленинград. Ч. 2. Тезисы докладов на заседаниях 12, 23, 24, 25 мая. Ленинград: Оргбюро съезда, 1931. С. 32-35.
10. Малис Ю.Г. Профконсультация в школе // На психотехническом фронте. Материалы к Первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931 г., Ленинград. Ч. 2. Тезисы докладов на заседаниях 12, 23, 24, 25 мая. Ленинград: Оргбюро съезда, 1931. С. 35-37.
11. Малис Ю.Г. Профконсультация в школе. Ленинград: ЛООДИ, 1931. 71 с.
12. Малис Г.Ю. Изучение социальной среды в целях профконсультации: Материалы школьно-психотехнической лаборатории Ленинградского обследовательского детского института / Под ред. А.П. Болтунова. Ленинград: ЛООДИ, 1932. 108 с. (Серия «Психотехника в школе»).
13. Малис Г.Ю. Инструкция по проведению обследования профинтересов школьников / Под ред. проф. А.П. Болтунова. Ленинград, 1933. 11 с.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/malisgyu.php>

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Бжалава Иосиф Теймуразович: данные библиографии #1

Хусяинов Тимур Маратович

*Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" –
Нижний Новгород;*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данной статье представлен список научных трудов известного советского патопсихолога и психиатра Иосифа Теймуразовича Бжалавы (1904-1972), исследовавшего методом фиксированной установки широкий круг психических расстройств, чем продолжил линию Дмитрия Узнадзе.

Ключевые слова: Бжалава, библиография, патопсихология, психиатрия.

Bzhalava Joseph Tejmurazovich: facts of bibliography #1

Khusyainov Timur Maratovich

National Research University "Higher School of Economics – Nizhny Novgorod";

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. This article presents a list of scientific works of the famous Soviet psychopathologist and psychiatrist Joseph Tejmurazovich Bzhalava (1904-1972), who studied the method of fixed installation a wide range of mental disorders, by what he continued the line of Dmitry Uznadze.

Keywords: Bzhalava, bibliography, pathopsychology, psychiatry.

Рис. 1. И.Т. Бжалава

1958

1. Бжалава И.Т. О природе контрастной иллюзии // Вопросы психологии. 1958. С. 42-53.

1961

2. Бжалава И.Т. Об экспериментальном изучении воли // Вопросы психологии. 1961. №4. 1961. С. 53-60.

1962

3. Бжалава И.Т. Контрастная иллюзия, или эффект последствия фигуры // Вопросы психологии. 1962. №5. С. 57-70.

1965

4. Бжалава И.Т. Восприятие и установка. Тбилиси: Мецниереба, 1965.

1966

5. Бжалава И.Т. Психология установки и кибернетика / Предисл. проф. Ф.В. Бассина. Москва: Наука, 1966. 250 с.

1967

6. Бжалава И.Т. К проблеме бессознательного в теории установки Д.Н. Узнадзе // Вопросы психологии. 1967. №1. С. 155-160.

7. Бжалава И.Т. Установка как механизм действия внушения // Вопросы психологии. 1967. №2. С. 42-51.

1968

8. Бжалава И.Т. О кибернетическом аспекте в психологии установки // Вопросы психологии. 1968. №5. С. 33-42.
9. Бжалава И.Т. Установка и поведение. М.: Знание, 1968. 48 с.

1970

10. Бжалава И.Т. Попытка установления электроэнцефалографического градиента установки // Вопросы психологии. 1970. №3. С. 137-139.

1971

11. Бжалава И.Т. Установка и механизмы мозга. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 195 с.

1976

12. Бжалава И.Т. Проблема сознания и бессознательного психического в психологии установки (на грузин.яз.). 1976. 80 с.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/bzhalavajt.php>

Сведения об авторе:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Сохин Феликс Алексеевич: данные библиографии #1

Урусова Екатерина Александровна

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Россия

e-mail: uk1801@yandex.ru

Хусяинов Тимур Маратович

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" – Нижний Новгород;

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: timur@husyainov.ru

Аннотация. В данной статье представлен список научных трудов известного советского психолога и лингвиста Феликса Алексеевича Сохина (1928–1989), специалиста в области теории усвоения языка в дошкольном возрасте, создателя концепции лингвистического развития ребенка, ученика С.Л. Рубинштейна.

Ключевые слова: Сохин, психология, психолингвистика, педагогическая психология.

Sokhin Felix Alekseevich: facts of bibliography #1

Urusova Ekaterina Aleksandrovna

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University – Minin University, Russia

e-mail: uk1801@yandex.ru

Khusyainov Timur Maratovich

*National Research University “Higher School of Economics – Nizhny Novgorod”;
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia*

e-mail: timur@husyainov.ru

Abstract. This article presents a list of scientific works of the famous Soviet psychologist and linguist Felix Alekseevich Sokhin (1928-1989), a specialist in the theory of language

assimilation in the preschool age, the creator of the concept of the linguistic development of the child, the student S.L. Rubinstein.

Keywords: Sohlin, psychology, psycholinguistics, pedagogical psychology.

1955

1. Сохин Ф.А. Начальные этапы овладения ребенком грамматическим строем языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 1955. 15 с.
2. Сохин Ф.А. Начальные этапы овладения ребенком грамматическим строем языка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 1955.

1957

3. Сохин Ф.А. Совещание по вопросам психологии познания // Вопросы психологии. 1957. №3. С. 184-190.

1959

4. Сохин Ф.А. О формировании языковых обобщений в процессе речевого развития // Вопросы психологии. 1959. № 5. С. 112-124.

1971

5. Сохин Ф.А. Осознание речи старшими дошкольниками // Воспитание и обучение старших дошкольников в детском саду // Тезисы Всесоюзной научной конференции. М., 1971. Ч. III. С. 307-313.

1973

6. Сохин Ф.А. Осознание речи дошкольниками. Сообщение I. Выявление линейности речи как основное содержание звукового анализа слова и членения высказывания на слова // Новые исследования в психологии. 1973. №2. С. 34-36.

1974

7. Сохин Ф.А., Белякова Г.П. Осознание речи дошкольниками. Сообщение II. Представление о слове у старших дошкольников // Новые исследования в психологии. 1974. №1. С. 28-31.
8. Сохин Ф.А. Осознание речи дошкольниками и подготовка к обучению грамоте // Вопросы психологии: двадцатый год. 1974. №1. С. 138-143.

1975

9. Сохин Ф.А. О задачах развития речи // Дошкольное воспитание. 1975. №9. С. 43-49.

1976

10. Подготовка детей к школе в семье / ред. Т.А. Маркова, Ф.А. Сохин. М.: Педагогика, 1976. 192 с.

1977

11. Подготовка детей к школе в детском саду / Ф.А. Сохин, Т.В. Тарунтаева. М.: Педагогика, 1977. 160 с.

1978

12. Подготовка детей к школе в детском саду / Под ред. Ф.А. Сохина, Т.В. Тарунтаевой. М.: Педагогика, 1978. 160 с.
13. Сохин Ф.А. Осознание речи старшими дошкольниками // Подготовка детей к школе в детском саду / Под ред. Ф.А. Сохина, Т.В. Тарунтаевой. М.: Педагогика, 1978. С.50-56.

1979

14. Развитие речи детей дошкольного возраста: Пособие для воспитателя детского сада / ред. Ф.А. Сохин. 2-е изд., испр. М.: Просвещение, 1979. 223 с.

1981

15. Тихеева Е.И. Развитие речи детей раннего и дошкольного возраста / Под ред. Ф.А. Сохина. М.: Просвещение, 1981. 159 с.

1984

16. Сохин Ф.А. Задачи развития речи // Развитие речи детей дошкольного возраста / В. И. Логинова, А. И. Максаков, М. И. Попова и др.; под ред. Ф.А. Сохина. М., 1984.
17. Сохин Ф.А. Основные задачи развития речи // Развитие речи детей дошкольного возраста / В. И. Логинова, А. И. Максаков, М. И. Попова и др.; под ред. Ф.А. Сохина. М.: Просвещение, 1984. 135 с.
19. Сохин Ф.А., Негневицкая Е.И. Обучение русскому языку в национальном детском саду (психолого-педагогические проблемы) // Дошкольное воспитание. 1984. №3. С. 30-36.

1985

20. Методика обучения русскому языку в национальном детском саду : Пособие для воспитателя дет. сада / под. ред. Ф.А. Сохина, Е.И. Негневицкой. М.: Просвещение, 1985. 144 с.

1986

21. Дошкольная педагогика: учебное пособие для учащихся педагогических училищ / Ред. В.И. Ядэшко, Ф.А. Сохин. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Просвещение, 1986. 415 с.

1987

22. Психолого-педагогические вопросы развития речи в детском саду: Сборник научных трудов / Под ред. Ф.А. Сохина и О.С. Ушаковой. М., 1987. 187 с.

1988

23. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические условия развития речи дошкольников в детском саду // Повышение эффективности воспитательно-образовательной работы в дошкольных учреждениях. М., 1988.

24. Умственное воспитание детей дошкольного возраста / Под ред. Н.Н. Поддъякова; Ф.А. Сохина. М., Просвещение, 1988. 192 с.

1989

25. Сохин Ф., Ушакова О. Примерное планирование занятий по развитию речи // Дошкольное воспитание. 1989. №8. С. 17-23.

Публикации после смерти

1989

26. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические проблемы развития речи дошкольника // Вопросы психологии. 1989. №3. С. 39-43.

1990

27. Сохин Ф.А. Ушакова О.С. Связь развития речи с умственным, эстетическим и нравственным воспитанием в процессе обучения родному языку // Развитие речи дошкольника. М.: Изд-во АПН СССР, 1990. С. 67-78.

1991

28. Тумакова Г.А. Ознакомление дошкольников со звучащим словом: пособие для воспитателя детского сада / ред. Ф. А. Сохин. М.: Просвещение, 1991. 96 с.

1993

29. Занятия по развитию речи в детском саду: Книга для воспитателя детского сада / Ф.А. Сохин и др.; Под. ред. О.С. Ушаковой. М.: Просвещение, 1993. -271 с.

1994

30. Сохин Ф.А. О психологическом и лингвистическом анализе детской речи // Проблемы изучения речи дошкольника: сб. науч. тр. / под ред. О.С. Ушаковой. М.: Изд-во РАО, 1994. С. 12-17.

1996

31. Развитие речи детей дошкольного и школьного возраста / Под ред. Ф.А. Сохина. М.: Просвещение, 1996. 224 с.

1997

32. Сохин Ф.А. О задачах развития речи // Психология дошкольника: хрестоматия: для студентов средних педагогических заведений / Сост. Г.А. Урунтаева. Москва: Академия, 1997.

2001

33. Сохин, Ф.А., Ушакова О.С. Обучение родному языку и проблемы умственного развития // Хрестоматия по теории и методике развития речи детей дошкольного возраста / сост. М.М. Алексеева, В.И.Яшина. М.: Академия, 2001. С. 148-154.

2002

34. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2002. 224 с.

2005

35. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников: учеб.-метод. пособие; Рос. акад. образования, Моск.

психол.-соц. ин-т. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2005. 223 с.

2008

36. Сохин Ф.А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников: учебное пособие. 2-е изд. Москва: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО 'МОДЭК', 2008. 224 с.

2016

37. Сохин Ф.А. О задачах развития речи // Дошкольное воспитание: ежемесячный: научно-методический журнал. 2016. №4. С. 13-20.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/sokhinfo.php>

Сведения об авторах:

Урусова Екатерина Александровна, аспирантка кафедры классической и практической психологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет) (Россия);

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ – Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Возвращение памяти...

Человек непростой судьбы: Виктор Васильевич Карпов

Мазиллов Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье прослеживается жизненный путь В.В. Карпова, ректора института, профессора, вся жизнь которого была неразрывно связана с Ярославским педагогическим институтом, где он был студентом заочного отделения, работал лаборантом на кафедре на естественно-географическом факультете, секретарем многотиражной газеты «За педагогические кадры», заведующим учебной частью института, деканом, заведующим кафедрой, проректором по научной и учебной работе, ректором ЯГПУ. Показано, как студент В.В. Карпов был подвергнут необоснованным репрессиям, но не был морально сломлен. Прослежены основные этапы жизненного пути, проанализированы основные достижения, его вклад в науку и развитие высшей школы.

Ключевые слова: психология, наука, В.В. Карпов, ярославская школа, репрессии, Ярославский педагогический институт

Man of uneasy fate: Viktor Vasilievich Karpov

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The article traces the life of V.V. Karpov, the rector of the institute, a professor whose whole life was inextricably linked with the Yaroslavl Pedagogical Institute. In it, he was a correspondence student, worked as a laboratory assistant at the Department of Natural Geography, the secretary of the newspaper "For Pedagogical Cadres", the head of the educational part of the Institute, the dean, the head of the department, the pro-rector for scientific and educational work, the rector of the YaSPU. It is shown how the student V.V. Karpov was subjected to unreasonable repression, but was not morally broken. The main

stages of the life path have been traced, the main achievements, its contribution to science and the development of higher education have been analyzed.

Keywords: psychology, science, V.V.Karpov, Yaroslavl school, repressions, Yaroslavl Pedagogical Institute

Каждому, кто впервые входит в Зал заседаний Ученого совета Ярославского государственного педагогического университета (Голубого зала) в ЯГПУ им.К.Д. Ушинского, бросаются в глаза портреты, висящие по стенам. Это портреты заслуженных профессоров, которые своей деятельностью и существенным вкладом в развитие родного вуза прославили свое имя. Среди этих картин и портрет Виктора Васильевича Карпова, о котором мы хотим сегодня рассказать. С портрета на нас смотрит сильный, коренастый человек располагающей внешности, с высоким лбом, ямочкой на подбородке, выразительным лицом, внимательным взглядом... Возникает устойчивое впечатление, что это человек основательный, серьезный, но вместе с тем удивительно обаятельный. Обаяние – существенная характеристика В.В. Карпова. Как писал его коллега, известный ярославский психолог профессор В.В. Новиков, хорошо знавший В.В.Карпова и работавший вместе с ним, «В.В. был моим старшим товарищем, безмерно обожаемым примером буквально во всем, чем пришлось мне заниматься рядом с ним и без него. Это был человек редчайшего обаяния и, говоря профессионально, необычайной аттракции и абсолютной толерантности. Его креативность не имела границ. Именно о таких говорят: человек талантливый – талантлив во всем! Вокруг него всегда «роились» люди» [4, с. 232].

20 января 2017 г. исполнилось 90 лет со дня рождения человека, вся жизнь которого была неразрывно связана с Ярославским педагогическим институтом. В нем он был студентом заочного отделения, работал лаборантом на кафедре на естественно-географическом факультете, секретарем многотиражной газеты «За педагогические кадры», заведующим учебной частью института, деканом, заведующим кафедрой, проректором по научной и учебной работе, ректором ЯГПУ... Как говорят в подобного рода случаях, – и совершенно справедливо – «прошел путь от лаборанта до ректора». Причем своей стремительной и блестящей карьерой он был обязан исключительно себе, собственному пытливому уму и настойчивому характеру. Но правда и то, что путь его не был устлан розами, что, увы, нередко случалось в бурном двадцатом столетии в нашем многострадальном Отечестве... Шипов и терний оказалось в избытке...

Рис. 1

Виктор Васильевич Карпов (1927-1993) был заметной фигурой в жизни Ярославского педагогического института, много сделал для развития и процветания родного вуза.

В.В.Карпов – коренной ярославец, родился 20 января 1927 г. в семье работников текстильной фабрики «Красный Перекоп». На Перекопе прошло и детство Виктора Васильевича, в 1945 г. он окончил школу № 40 и поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Проучившись в Ленинграде год, он перешел в только что открытый Ярославский технологический институт¹.

Далее я цитирую биографа В.В.Карпова: «... в это время в ряде областей Советского Союза были сфабрикованы дела о «контрреволюционных организациях» в среде молодежи. К одной из таких мнимых “организаций” был причислен и В.В.Карпов. В мае 1948 г. состоялся судебный процесс, в результате которого шесть студентов и инженер завода “Пролетарская свобода” были осуждены по печально известной 58-й статье УК РСФСР. Студент технического института Карпов был приговорен к 10 годам лишения свободы.

¹ Совместным приказом от 22 июня 1944 г. за № 263/181 Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР и Народный Комиссар Резиновой промышленности Союза СССР установили дату открытия Ярославского технологического института резиновой промышленности (ЯТИРП) — 1 июля 1944 года. В составе института утверждены два факультета: технологический со специальностями: «Технология резины» и «Технология синтетического каучука» и механический факультет со специальностями: «Механическое оборудование заводов резиновой промышленности» и «Машины и аппараты химического машиностроения».

Долгие годы он был оторван от Ярославля, от родных и близких, от института. Виктор Васильевич был направлен на шахты “Интауголь” в Заполярье, где работал машинистом электровоза и горным мастером. Смерть И.В.Сталина ускорила его освобождение осенью 1954 г. Судимость была снята, В.В. Карпов был восстановлен в правах, а четыре года спустя полностью реабилитирован» [1, с. 96].

И еще раз дадим слово В.В. Новикову: «Разумеется, по выходу из лагеря Виктору Васильевичу пришлось испытать немало недоверия, подозрительности, да и просто боязливости других людей. Но находились среди них и сочувствующие, и участливые, и добропорядочные, которые брали на себя ответственность за помощь бывшему заключенному по пугающей всех статье 58 УК РСФСР. И снова судьба резко повернула технически грамотного и опытного, но “недоучившегося” специалиста. При активном содействии близких знакомых из пединститута его устроили на должность лаборанта кафедры физической географии. Это случилось осенью 1954 г. и навсегда связало его с Ярославским педагогическим институтом имени К.Д. Ушинского» [4, с. 237].

Выпавшие на его долю испытания не испортили характера, не поколебали веру в человечество. Как вспоминал уже цитированный нами В.В. Новиков, Виктор Васильевич Карпов часто повторял: «Надо уметь ждать! – повторял он. – Не заводи себя сам, не изнуряй свою психику. В конце концов, твои гонители будут завидовать твоей стойкости и удачливости...! Ты, знай, работай, делай свое дело...» [4, с. 235]. «Уметь ждать!» – стало моим жизненным кредо, и я нередко повторял это наставление своим ученикам и соратникам. Сколько раз мы убеждались в правоте Виктора Васильевича...» [4, с. 236].

Здесь же, в пединституте, произошло самоопределение Виктора Васильевича в профессии. Его внутренняя тяга к писательству, знание человеческих характеров привели на факультет русского языка и литературы и, уже как следствие, на кафедру психологии. Его техническая грамотность определила интерес к инженерной психологии, в которой он стал не только «отцом ярославского направления в этой отрасли науки», но и одним из самых ярких ее представителей [4, с. 236].

В.В.Карпов совмещал учебу с работой литературного сотрудника газеты «Северный рабочий» и ответственного секретаря редакции газеты «За педагогические кадры». В 1959 г. В.В. Карпов окончил заочное отделение историко-филологического факультета ЯГПИ по специальности «русский язык и литература», по окончании стал работать заведующим учебной частью института.

В 1960 г. начинается новый этап жизни В.В. Карпова. Он приходит на кафедру психологии и становится аспирантом создателя ярославской психологической школы профессора В.С. Филатова.

Для работы аспиранта В.В. Карпова была выбрана тема сигнального программирования: «Сигнальное программирование и формирование оптимального темпа работы». Под сигнальным программированием понималась такая форма комплексного кодирования, когда в основной сигнал или сигнальную ситуацию вводятся дополнительные модальности или элементы, способствующие приему и переработке информации, направляющие сам ход решения проблемной ситуации, санкционирующие применение того или иного алгоритма по обработке данных и тем самым оптимизирующие деятельность человека. В 1964 г. диссертация «Сигнальное программирование и формирование оптимального темпа работы» была успешно защищена в Москве в Научно-исследовательском институте общей и педагогической психологии АПН СССР.

Нужно сказать, что в то время это было очень актуальное и передовое направление: психология труда. Эта дисциплина, которая фактически была уничтожена вместе с психотехникой осенью 1936 г., только начинала возрождаться в СССР [2], а новая дисциплина – инженерная психология – только делала первые шаги в нашей стране. С развитием автоматизации производства широкое распространение получало дистанционное управление, осуществлявшееся на основе информации, поступающей к человеку-оператору по техническим каналам связи в закодированном виде. В этих условиях, очевидно, эффективность выполнения производственных задач, выполняемых человеком, во многом определяется особенностями декодирования поступающих к нему сведений, что, понятно, ставит вопрос о способах кодирования информации в число важнейших проблем инженерной психологии. Этими перспективными вопросами занимался В.В. Карпов, а также его последователи – другие молодые представители ярославской психологической школы: «Разработанная им концепция сигнального программирования трудовой деятельности и сегодня используется в качестве теоретической основы для совершенствования организации труда в самых разных профессиях. Он и его ближайшие ученики: А.В. Филиппов, В.Д. Шадриков, М.М. Князев – стали всемирно известными пионерами широкой палитры управленческой науки, подлинной славой Ярославской психологической школы» [4, с. 238].

Отметим, что кандидатская диссертация В.Д. Шадрикова – будущего академика РАО – была посвящена сходной проблематике: «Сигнальное

программирование и оптимизация подачи информации оператору» (научный руководитель В.С. Филатов, оппоненты Б.Ф. Ломов и В.Ф. Рубахин), успешно защищена в 1968 г.

Благодаря авторитету руководителя ярославской школы В.С. Филатова, в 1964 г. в Ярославле создается головная для Министерства просвещения РСФСР лаборатория психологии труда, трудового обучения и воспитания. «Первым заведующим лабораторией стал А.В. Филиппов. Открытие же ее было подготовлено исследованиями В.В. Карпова по сигнальному программированию. Избранное им направление работы в области психологии труда и инженерной психологии, создание необходимой экспериментальной базы, поначалу очень скромной, послужило основой для исследований, проведенных позднее на кафедре ее многочисленными сотрудниками и аспирантами» [3, с. 36]. Как отмечает тот же автор, «кафедра становится межвузовским центром психологии и приобретает заслуженный авторитет в этой области... Начиная с 1963 г., каждые последующие два-три года здесь состоялись межвузовские, а, по существу, Всесоюзные и даже международные конференции по проблемам психологии труда, трудового обучения и воспитания. Бесспорными лидерами в организации хоздоговорных исследований были А.В. Филиппов и В.Д. Шадриков. За ними тянулись другие молодые сотрудники» [3, с. 37]. В жизни кафедры В.В. Карпов принимает активное участие. С 1963 г. он преподаватель кафедры психологии педагогического института, также ведет большую лекционную работу среди руководителей, инженеров и техников многочисленных ярославских предприятий по проблемам новой науки – инженерной психологии, активно пропагандирует психолого-педагогические знания среди учителей, педагогов, воспитателей.

Предоставим слово официальному биографу: «Серьезная жизненная закалка, положительные деловые качества, развитое чувство ответственности, постоянное стремление к пополнению знаний определили последовательное возложение на В.В. Карпова в конце 1960-х гг. новых должностных поручений: он работал деканом историко-филологического факультета, а потом – проректором по учебной работе» [1, с. 97].

В январе 1970 г. В.В.Карпов назначается ректором Ярославского педагогического института. Обязанности ректора В.В. Карпов выполнял в течение десяти лет. За эти годы институтом были достигнуты значительные успехи.

В рамках настоящей статьи нет возможности проанализировать хотя бы основные труды В.В. Карпова. Но об одном не упомянуть нельзя. Совместно с

женой Т.В. Карповой Виктор Васильевич написал несколько книг о жизни и деятельности великого педагога Константина Дмитриевича Ушинского, которые получили высокую оценку. Как писал об этом В.В. Новиков, «В.В. Карпов вместе с женой Тамарой Васильевной написали и издали несколько, на мой взгляд, лучших книг, посвященных великому русскому педагогу, за что были награждены золотой “Медалью Ушинского”, высоко ценимой в психолого-педагогических кругах» [4, с. 238].

С 1979 по 1990 гг. В.В. Карпов был проректором по научной работе. Оставить должность ректора Виктора Васильевича заставили «рокировки» в партийных эшелонах: один из секретарей Ярославского обкома партии был направлен на работу в качестве ректора ЯГПИ, а Виктор Васильевич продолжил свою работу в родном вузе в качестве проректора по научной работе. Еще одна несправедливость в жизни В.В. Карпова, но и к ней он относился философски.

Еще одна ипостась нашего юбиляра достойна упоминания в настоящем тексте: «С января 1967 г. Ученому Совету Ярославского педагогического института им К.Д. Ушинского за большие заслуги в подготовке научных кадров высшей квалификации ВАК СССР разрешил защиту кандидатских диссертаций по психологии и политэкономии. Председателем этого Совета был в то время ректор института Л.В. Сретенский. Мой кандидатский диплом от марта того же года был подписан именно Львом Владимировичем. С осени 1970 г. (*в январе 1970-го, В.В. Новиков ошибается – В.М.*) ректором института, а, следовательно, и председателем того Ученого Совета стал В.В. Карпов. Именно его подпись стоит в кандидатских дипломах Ю.П. Вавилова, Н.П. Воронина, В.Н. Шеминова (называю только тех, у кого выступал официальным оппонентом) и других выпускников нашей славной кафедры... Потом ВАК стал создавать собственные узкоспециализированные Советы в Москве и на периферии...» [4, с. 241].

22 ноября 1993 г. Виктор Васильевич Карпов ушел из жизни. «После себя он оставил значительное творческое наследие – около 40 научных и научно-методических работ общим объемом более 80 печатных листов, в том числе 6 монографий. Четыре его работы посвящены жизни и педагогическому наследию К.Д. Ушинского... В.В. Карпов – один из немногих ученых, награжденных золотой медалью К.Д. Ушинского, а также одной из высших зарубежных педагогических наград – медалью Яна Амоса Коменского за выдающийся вклад в развитие педагогики и психологии. Он был избран почетным действительным членом Международной академии психологических наук. Отличник народного просвещения, В.В. Карпов награжден орденом «Знак

Почета», медалью «За доблестный труд», несколькими почетными значками, грамотами. Но главной наградой для Виктора Васильевича Карпова стало искреннее уважение преподавателей, сотрудников и студентов института. Ему были присущи скромность, доброжелательное и отзывчивое отношение к людям, готовность оказать деловую поддержку и помощь товарищам и коллегам» [1, с. 100].

Список литературы:

1. Ермаков А.М. Ректоры ЯГПУ (1908-2013). Ярославль: ЯГПУ, 2003.
2. Мазиллов В.А., Стоюхина Н.Ю. Ликвидация – 1936: Последняя осень советской психотехники // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2014. № 1 (27). С. 25-41.
3. Мурашов Г.А. Из истории Ярославской психологии // Психологический пульс Ярославля / Под ред. В.В.Новикова. Москва; Ярославль: МАПН, 1998. С. 21-47
4. Новиков В.В. Социальная психология и экономика. Избранные произведения в 12-ти томах. Т. 12. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2015.

References:

1. Ermakov A.M. Rektory JaGPU (1908-2013). Jaroslavl': JaGPU, 2003.
2. Mazilov V.A., Stojuhina N.Ju. Likvidacija - 1936: Poslednjaja osen' sovetskoj psihotehniki // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. 2014. № 1 (27). S. 25-41.
3. Murashov G.A. Iz istorii Jaroslavskoj psihologii // Psihologicheskij pul's Jaroslavlja / Pod red. V.V.Novikova. Moskva; Jaroslavl': MAPN, 1998. S. 21-47
4. Novikov V.V. Social'naja psihologija i jekonomika. Izbrannye proizvedenija v 12-ti tomah. T. 12. Jaroslavl': MAPN, JarGU, 2015.

Сведения об авторе:

Мазиллов Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

«В поисках правильной линии»: Стенограммы заседаний по делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)

Костригин Артем Андреевич

Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына;

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина;

Ярославский государственный педагогический университет

им. К.Д. Ушинского, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы исследования фактов репрессий и идеологического давления в сфере науки и, в частности, в психологии в советское время. Автор представляет найденные архивные материалы по «Делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии РАНИОН» в первой половине 1930 г. Отмечается, что данное дело, скорее всего, связано с «реактологической дискуссией» вокруг психологического подхода К.Н. Корнилова и его сторонников. В продолжении публикации прошлого номера, где было представлено само «Дело», автор публикует стенограммы заседаний по этому делу. Данный документ является уникальным многогранным источником исследования как духа эпохи, так и истории психологии.

Ключевые слова: идеология, чистка, Институт экспериментальной психологии, Корнилов, архивы, история психологии, советская психология, реактологическая дискуссия, стенограммы

"In search of right line": Verbatims of sessions on case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology in 1930 (archival materials)

Kostrigin Artem Andreevich

Solzhenitsyn Russian Abroad House;

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art);

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Abstract The article discusses the problems in the study of the facts of repression and ideological pressure in the field of science and, in particular, in the psychology of the Soviet era. The author presents the archival materials on the "Case of cleansing of apparatus of Institute of Experimental Psychology of RANION" in the first half of 1930s. The author notes this case is likely to be associated with "Reactological discussion" about the psychological approach of K.N. Kornilov and his supporters. In the continuation of the publication in the previous issue, where the "Delo" was presented, the author publishes the verbatim records of the meetings on this case. This document is a unique, multifaceted source of research on both the spirit of the era and the history of psychology.

Keywords: ideology, cleansing, Institute of Experimental Psychology, Kornilov, archives, history of psychology, Soviet psychology, Reactological discussion, verbatim records

История советской психологии, несмотря на небольшой период существования, имеет много пробелов и неясностей. Мы до сих пор не знаем полные биографии некоторых ведущих советских психологов, подробности деятельности психологических институтов, лабораторий и обществ, не полностью освещены некоторые важнейшие психологические исследования. Так, сейчас появляются новые работы, освещающие мало исследованные области [2; 4; 6; 8; 9; 11; 13; 15; 17; 21; 22; 23; 24; 27].

Особенный интерес представляет тема репрессий и идеологического давления в сфере психологической науки первых десятилетий советской власти. Работы, рассматривающие данную проблематику относительно к психологии, не слишком многочисленны, но имеют важнейшее значение для конструирования полной истории советской психологии.

Следование принципу конструктивно-позитивного анализа вклада персоналий в развитие психологических концепций предполагает, прежде всего, его применение относительно к логико-научному построению системы истории психологии. Для написания социальной истории психологической науки нам необходимо рассмотреть весь спектр фактов, документов, научных и социальных действий ученых и научных коллективов, так мы можем увидеть, что наука строилась и с ошибками, и под большим влиянием личных и политических факторов.

Подобные исследования представляют большую ценность, научному сообществу необходимо их продолжать и расширять.

В данной статье автор осуществляет попытку проведения исследования в рамках социальной истории психологии. Автор представляет стенограммы заседаний по делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии (ИЭП) (сейчас – Психологический институт Российской академии

наук) в 1930 г. В предыдущей статье [14] мы приводили само «Дело», где были изложены итоги обследования ИЭП. Начавшись с проверки административно-технического персонала по поводу нецелевой траты средств на содержание Института и мастерских и покупку аппаратуры из-за границы, чистка распространилась и на профессорско-преподавательский состав.

Данное обследование персонала ИЭП является одной из предпосылок или частей «реактологической дискуссии», которая освещена достаточно детально [1; 3; 7; 10; 12; 16; 18; 19; 20; 24; 25; 26; 28].

Здесь мы не будем писать комментарий или анализ содержания стенограмм (это заслуживает отдельной статьи), мы оставим пока открытой окончательную интерпретацию данного «психологического процесса» (в юридическом и общественном смысле) и предоставим читателям и коллегам возможность собственного понимания этих событий.

Укажем лишь то, что приведенные здесь документы являются многогранным источником: прежде всего, подлинными фактами происходящего на процессе по чистке персонала ИЭП; а также – и однозначным свидетельством идеологического вмешательства в деятельность института и в психологическую науку, и историей первых лет работы ИЭП, рассказанной со слов его директора К.Н. Корнилова, и живой речью ведущих советских психологов 1920-х-1930-х гг., и предельной самокритикой в обличении собственных и коллективных ошибок и мн. др.

Этот уникальный документ ждет раскрытия многих других этого же ряда для составления полной истории идеологических процессов над психологами и психологическими институтами.

Наконец, необходимо перечислить известные на данный момент имена действующих лиц этого процесса:

- С. Антонюк (?) – сотрудник ИЭП;
- К.К. Ансон (1887-1966) – сотрудник ИЭП, специалист в области педагогической психологии и истории психологии;
- В.А. Артемов (1897-1982) – специалист в области психологии речи и обучения иностранным языкам, детской дефектологии;
- В.М. Боровский (1882-1963(?)) – сотрудник ИЭП, советский зоолог и зоопсихолог;
- С.Г. Геллерштейн (1896-1967) – сотрудник ИЭП, специалист в области психотехники, психологии и психофизиологии труда, авиационной психологии, психологии спорта;
- Н.Ф. Добрынин (1890-1981) – сотрудник ИЭП, специалист в области психологии внимания и психологии познания;

- Ф.А. Ковтунова (?) - ученый секретарь Института охраны труда, специалист в области психологии труда и психотехники;
 - Т.Л. Коган (1898-?) – сотрудница ИЭП, и.о. директора в 1931-1932 гг., специалист в области психологии восприятия;
 - К.Н. Корнилов (1879-1957) – директор ИЭП, автор реактологической концепции, специалист в области педагогической психологии;
 - Н.Ф. Курманов (?) – сотрудник ИЭП, специалист в области психологии и психотехники;
 - А.Р. Лурия (1902-1977) – сотрудник ИЭП, специалист в области теории и методологии психологии, дефектологии, психофизиологии, нейропсихологии;
 - И.О. Макаров (?) – сотрудник ИЭП, психотехник;
 - А.А. Нейфах (1903-1980) – сотрудник Института охраны труда, психотехник;
 - П.А. Рудик (1893-1983) – сотрудник Центрального института физического воспитания, специалист в области психологии спорта;
 - И.Д. Сапир (1897-1976) – ученый секретарь ИЭП, психиатр и психоневролог;
 - А.А. Смирнов (1894-1980) – сотрудник ИЭП, специалист в области возрастной и педагогической психологии, теории и истории психологии;
 - А.А. Таланкин (1898-1937) – сотрудник ИЭП.
 - А. Шебуева – библиотекарь ИЭП;
 - Ю.И. Шпигель (?) – сотрудник ИЭП и Института охраны труда, психотехник;
 - И.Н. Шпильрейн (1891-1937) – заведующий секцией психотехники ИЭП, специалист в области психотехники, дифференциальной психологии, психологии труда.
- Упомянуты в тексте:
- Я.А. Берман (1868-1933) – замдиректора Института научной философии (1923-1924), философ, юрист, деятельность социал-демократического и коммунистического движения;
 - М.Н. Белокопытова (?) – сотрудник ИЭП;
 - П.П. Блонский (1884-1941) – профессор Академии коммунистического воспитания, специалист в области педагогической психологии, педолог;
 - А.А. Богданов (1873-1928) – член Президиума Коммунистической академии, автор концепции тектологии (науки об общественном сознании);
 - Н.Ю. Войтонис (1887-1946) – аспирант ИЭП, специалист в области зоопсихологии;

- Л.С. Выготский (1896-1934) – сотрудник ИЭП, автор концепции культурно-исторической психологии, специалист в области общей, возрастной и педагогической психологии, теории и методологии психологии;
- А.М. Деборин (1881-1963) – директор Института научной философии РАНИОН, академик АН СССР, философ;
- М.Н. Покровский (1868-1932) – председатель Президиума РАНИОН (до 1927 г.), историк, общественный деятель;
- М.А. Рейснер (1868-1928) – заведующий секцией социальной психологии ИЭП (до вхождения с состав РАНИОН), правовед, историк, специалист в области социальной психологии, психоанализа;
- Н.А. Рыбников (1880-1961) – заведующий секцией детской психологии ИЭП, специалист в области возрастной и педагогической психологии;
- И.В. Страхов (1905-1985) – в то время аспирант ИЭП, специалист в области общей и педагогической психологии, психологии характера и темперамента;
- М.П. Феофанов (1882-?) – сотрудник ИЭП, специалист в области педагогической психологии и педологии;
- Ю.В. Франкфурт (1887-1940(?)) – сотрудник ИЭП, специалист в области теории и методологии психологии;
- Г.И. Челпанов (1862-1936) – основатель и первый директор ИЭП, философ, специалист в области теории и методологии психологии, общей психологии;
- З.И. Чучмарев (1888-1961) – сотрудник психофизиологической лаборатории Харьковского психоневрологического института, специалист в области общей психологии, психофизиологии и психологии труда.

Остальные имена пока идентифицировать не удалось. Скорее всего, эти люди являлись членами комиссии НК РКИ, либо административно-техническим персоналом ИЭП.

Представляем стенограммы заседаний по делу по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. [5].

Несколько предварительных замечаний: в стенограмме многие слова даются сокращенными. Там, где трудно сразу определить, что имеется в виду, мы даем сноску с расшифровкой. Далее – в документе встречались грамматические ошибки, как пунктуационные, так и орфографические (имена, слова и др.). Поэтому, пунктуационные ошибки, по возможности, были ликвидированы; орфографические ошибки так же были исправлены, и те слова, в которых произведено исправление, написаны курсивом. Эти исправления не носили смыслового характера. Единственное существенное изменение – это

изменение порядка следования листов 38 и 38 об., т.к. маркировка страниц внутри смены стенографистов и смысл текст показывают, что правилен именно такой порядок. Все сноски сделаны публикатором.

В остальном, текст приводится так же, как в оригинале (троеточия и многоточия в тексте оставлены так же, как в оригинале).

Ф. А406. Оп. 12. Д. 2505.

**Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР
(НК РКИ РСФСР). Группа труда.**

**Дело по чистке (по проверке социального состава) аппарата института
экспериментальной психологии Российской ассоциации научно-
исследовательских общественных наук (РАНИОН)**

30 апреля 1930

30 мая 1930

Лист 28

ИТОГИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Зачитывает тов. АППЕЛЬБАУМ

т. ХАРАС – Имеется заграничное оборудование и как оно используется?
Результаты работы.

т. МАЙ – Мастерская переведена на хоз. расчет, но доходы скрыли от государства. Докладная записка бухгалтера передана тов. Корнилову, после этой записки перестали вести бумаги. Присоединение мастерских к I МГУ не целесообразно. Ин-т не может обслуживаться мастерской, и ранее Ин-т обслуживался I МГУ, и работа была поставлена плохо. Относительно дисциплины – работающие должны работать 7 час. Они работают 3-4 ч. Когда ставить вопрос о том, чтобы начинали ранее, т.е. с 9 час., они возражают, т.к. Боровский руководит Тверск. Техн. приезжает вечером в 7 час. и до 9 час. веч.

т. БУТЫЛЕВ – Прислуга занимает не 2 комн. и 1. Передача мастерской I МГУ нецелесообразна, т.к. там будут заниматься студенты, отсюда быстрое изнашивание станков.

т. МОЖАЙКИН – Псих-е Об-во стоит рядом с Ин-том и здесь мастерские будут в Об-ве, которые развернут работу.

т. КОГАН – Несогласна с выводами бригады. Нужно более напирать на Адм.Хоз.работу. Нужно более напирать на эту работу, т.е. отсутствие руководства и безхозяйственность. Перегиб за счет методологич. работы. Делать выводы, что КОРНИЛОВА снять, это политич. будут неверны.

Нужно говорить, что Уч.Дир.Ин-та в виду отсутствия руководства Зав.Хоз.Части должен быть освобожден от руководства Хоз.части. Корнилов не организатор и по характер. он не может руководить, но это не может ставить бригада за основу и делать на этом выводы.

Тов. Боровский справился с работой, дисциплина поднялась, по линии приглашения Чучмарева согласна, что Чучмарев не годится и его

Лист 29

снять, что он приглашен Корниловым. Руководство и работа в Ин-те недостаточно.

Что ряд б/п сделала ряд ошибок, но приблизились к нам, делать строгие выводы не следует.

Тех. работники-лаборанты должны работать 7 час., это неправильно, но когда это безразлично.

Часть аппаратуры должны сделать в роде музея для ознакомления студентов, что это находится хаотическом состоянии. Что мастерские передавать МГУ не следует нужно поставить вопрос о переводе мастерской на самокупаемость, хотя при наличии аппаратуры даются заказы на сторону.

т. КОВТУНОВА. – Роль мастерских и необходимые выводы должны были брать не подзащиту д.ч. Здесь нужно было дать ряд существенных предложений для бригады.

Какова была идеологич. работа Ин-та. Здесь надо и уделить больше внимания и прч., на Ин-т, выполнения поставлен. перед ним задач.

т. ТЕСЛЕНКО. – Я беседовал с рядом научных работников и они дали очень много хороших предложений, но здесь они не использованы. Нужны доклады:

1. Целевые установки Ин-та и соответств.
2. Руководство.
3. Оценка отдельных работ.
4. Хоз. Адм.
5. Выводы и предложения.

Доклад отражает, что нет оценки отдельных работ. Правильно-ли они работали. Не оттеняли в выводах хоз. рауюту, т.к. безобразия очень большие. Дисциплины, как техн. работы, так и научн. работы совершенно нет. Помещение совершенно не используется. Условия этого Ин-та очень хорошие, но они не занимаются. Некоторые т.т. уделяют в м-ц 75 ч. Каждый научн. сотр. имеет отдельные комнаты, а бывают очень мало.

Лист 30

Относительно аппаратуры, что они не используется, процесс выписывается безответственный. Выписываются совершенно не нужные люди.

В докладе нет оценки структуры. Секции не имеют родственных отношений. Общие выводы по Псих. и Атх. мы должны дать характеристики отдельно, научн.раб. идеологическую оценку нужно давать.

В дебри зализать не следует и говорить, что он механист или другой не следует, но в отношении работы Секции, как она работает с маркс. точки зрения и какие нужно изменения и руководство, правильно-ли Ин-т имеет установку.

Бесхозяйственность. Малая нагрузка.

Нет коллективных работ, работаю индивидуально. Выводы нужно дополнить и выделить. Относительно Корнилова, что он не авторитетен, что он не организовал коллектив. Здесь нужно Сапира больше крыть. Нужно выводы написать серьезно, но осенью обсудить.

Относительно Артемова нужно вызвать и погонять и сделать выговор в персон. чистке. Можно и нужно директору поставить на вид. Концессия содействия должна была из научн. сотр. выделить, которые должны были проработать и дать недостатки. Мастерскую передавать не следует, нужно перевести на самоокупаемость и снять с госбюджета.

т. БАХАРЕВ. – Относительно Хоз. Части – использование рабочей части. Счета по бухгалтерии говорят, что имеется шт. столяр, но имеются очень большие счета.

т. ТЕСЛЕНКО. – Часть материалов нужно взять из НКПроса.

Доклад Ин-та Языка и Литературы.

ТЕСЛЕНКО. – Предложить дополнить конкретными материалами и фактами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Секретарь:

Смена 1

**СТЕНОГРАММА
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОТРУДНИКОВ ГИЭПА, ПОСВЯЩЕННОГО
ЧИСТКЕ СОВ. АППАРАТА**

1-го июня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Считаю заседание открытым. Цель и задачи чистки вы знаете, что она представляет собою и для чего проводится в Советском государстве. Мы будем чистить только технический персонал аппарата Института Экспериментальной Психологии. Это не значит, что если мы не будем чистить научных сотрудников, то не следует подавать те или иные материалы на того или иного сотрудника, за которым было замечено, что у него плохое отношение к аспирантуре, к сотрудникам, что может быть есть случаи кумовства, протекционизма и т.д. Такой материал подавать можно. У нас будет персональная чистка, и тогда весь этот материал будет рассматриваться.

Конечно, можно было бы на сегодняшнем собрании выявить больше, чем следовало, но плохо, что мало присутствующих. Это возможно объяснить тем, что кончается учебный год, почему присутствует мало аспирантов.

На повестке дня два вопроса: первый вопрос – отчет или доклад директора Института о работе Института. Второй вопрос – содоклад ученого секретаря. Слово предоставляется тов. Корнилову.

Тов. КОРНИЛОВ. Товарищи, рассказать о всех этапах работы Института, это дело довольно длительное, по крайней мере, тот доклад, который я делал перед комиссией РКИ некоторое время тому назад, достаточно по-видимому эту комиссию утомил, и они потребовали сокращения. Поэтому сегодня позвольте сократить мой доклад в этом отношении.

Я коснусь только работы Института, начиная с декабря 1923 года, когда новый состав Института приступил к своей работе. Раньше наш Институт, с 1912 года, работал под руководством тов. Челпанова, идеологически чуждого нам человека. Весь поворот произошел в декабре 1923 года, когда Институт Психологии был закрыт, как самостоятельный Институт по постановлению Гуса¹, потому что он идеологически не выполнил те задания, которые были даны ГУСом. После этого наш Институт был превращен в декабре 1923 года в секцию Института Научной философии.

¹ Государственный ученый совет (ГУС). – А.К.

Состав института следующий: директор Института был *Берман*, заведующий психологической секции – я; затем товарищи марксистски настроенные – всего 8 действительных членов; 4 научных сотрудника первого разряда и принятые в первый год 9 аспирантов.

Лист 36 об.

Всего 12 научных сотрудников и 9 аспирантов. Работа шла по 6 направлениям: общая психология, которой *заведовал* я; в состав этой секции входил известный психолог, педагог Блонский. Вторая секция – социальной психологии была под руководством проф. Рейснера; третья секция – психотехническая под руководством *Шпильрейна*, зоопсихологической секцией *заведовал* тов. Боровский, секцией детской психологии – тов. Рыбников.

Вот шесть тех отделов, которые были организованы. Технический персонал был следующего состава: мастерские работали и раньше, весь персонал мастерской остался в том же составе: один механик, один слесарь один столяр. Кроме этого был один препаратор, иначе говоря, старший служитель Губарев.

Материально положение нашего института в декабре 1923-го года, поскольку он являлся секцией только другого института, было чрезвычайно тяжелое. Позвольте вам привести маленькую выдержку из доклада, который я делал в ассоциации и характеризовал положение нашего института. Самым слабым местом всей нашей работы является наша финансовая сторона. Характер нашей лабораторной работы и мастерских требует хотя и небольших, но постоянных текущих расходов. К сожалению, за институтом не зафиксировано никаких денежных сумм, а между тем он приступил к работе без электрических лампочек, без проводки, штепселей, спирту и т.д. Факультет общественных наук смогли отпустить только два червонца, затем на полтора червонца отпустил лампочек; ассоциация исследовательского института отпустила 6 червонцев с предупреждением, что средств у нее больше нет. В это время поступило пожертвование от директора института Невского, отчислившего свое двухмесячное содержание в размере семи червонцев и от Богданова, пожертвовавшего содержание за месяц в размере трех с половиной червонцев. Таким образом, мы вышли из затруднения и могли сделать кое-какие закупки.

Еще более плачевно было положение с содержанием сотрудников. На всю психологическую секцию мы имеем 7 полных ставок по три с половиной червонца; только один секретарь Лурье получает полную ставку, все остальные

или получают полставки, или работают бесплатно. Если принять во внимание, что большинство учеников Челпанова не пошло на нашу работу и пришлось приглашать сотрудников из других городов, то, конечно, их приходилось обеспечивать в первую очередь.

Становится ясным, что вся работа нашего института держится пока на энтузиазме, группа людей увлечена перспективой работы института, которая

Лист 37

Смена 1

представляет собою нечто исключительное. Такое положение было в декабре 1923 года. Надо заметить, что несмотря на такое бедственное положение в смысле оборудования и материального положения, тем не менее, из этого отчета видно, что у нас было выполнено 20 экспериментальных работ, на Совете Института сделано 60 докладов, по секциям 42 доклада, затем функционировали конференции для широких масс, где было прочитано 14 докладов.

Действительно, энтузиазм имел громадное значение: собралась группа людей, которые выдвинули лозунг – разрабатывать марксистскую психологию и, несмотря на минимальное содержание, эти люди сделали колоссальную работу. Напечатали в 23-м, 24-м году два сборника; из восьми аспирантов – четыре защитили диссертацию – это при тогдашнем положении можно объяснить только горячим энтузиазмом.

Лист 38 об.²

Таковыми были Франкфурт, Выгодский, Добрынин и Артемов. Кроме того, мы обслуживали Реввоенсовет, где велось психотехническое обследование армии, ПУУР, где работали над исследованием красноармейцев, затем мы вели работу при ГУСе, начали работу в методической комиссии по ликвидации неграмотности, работали в энциклопедическом Большом Словаре и затем участвовали в Военном Научном О-ве, где занимались вопросами военной психологии.

В 23-24 гг. было проведено 2 съезда – Первый и Второй неврологические съезды.

² Произведено изменение порядка следования листов 38 и 38 об., т.к. маркировка страниц внутри смены стенографистов и смысл текст показывают, что правильный именно такой порядок. – А.К.

Наши минусы в работе. Эти минусы были нами доложены в заседании научно-политической секции ГУСа, где нам было предложено сделать доклад о нашей работе. Эти минусы заключались: 1) в идеологическом уклоне (фрейдизм). На это пришлось указать, потому что во главе секции стоял партийный человек – проф. Рейснер. Мих. Николаевич Покровский, стоявший во главе Ассоциации, великолепно знал об этом и всегда был против идеологии проф. Рейснера. Второй минус – неработоспособность отдельных секций – секции психопатологии, которой *заведовал* Залкинд, секции социальной психологии, и эти секции за неработоспособность в следующем году были закрыты совсем. Третий минус – отсутствие планомерности в подготовке аспирантов. Понятно, в 24 году, когда только начался прием аспирантов, не умели подойти к этому вопросу, и отсутствие планомерности, конечно, было налицо. Четвертый – неработоспособность Коллегии института. Коллегия Института всегда состояла из 5 человек. Многие из этого состава не посещали Коллегии, потому что были заняты другой работой. В состав Коллегии входили Деборин, я тоже входил в состав Коллегии. Ни Деборин, ни я ни разу не посетили коллегии, так как были завалены другой работой.

Все мы и аспиранты были загружены постоянной работой, колоссально были загружены.

Второй этап – 25-26 и 26-27 гг. По докладу в той же научно-

Лист 38

Смена 2

политической секции ГУСа 2 секции были признаны недобросовестными. Недоверчивое отношение Покровского к Рейснеру тут сыграло роль, и, таким образом, осталось только 4 секции, которые существуют в настоящее время.

Тогда вообще на научно-исследовательские институты отпускалось очень мало средств, а так как мы к тому же входили в состав другого института, как секция, то мы ничего не имели за весь год. Поэтому мы возбудили ходатайство так, чтобы наш институт сделать самостоятельным, чтобы он мог получить лучшее обеспечение.

Наш Институт был выделен в самостоятельную единицу и стал именоваться Институтом Экспериментальной Психологии. Когда вы входите в другой какой-нибудь институт, вы там почти никакого оборудования не видите: стол, стулья, в лучшем случае, шкаф. У нас – огромное недвижимое имущество, и это, по-видимому, сыграло роль, чтобы сделать наш институт самостоятельным. Мы получили очень крупные ассигнования – 2 тыс. руб. в

год, это в месяц – около 200 рублей. Покровский настаивал на том, чтобы нам было ассигновано 40 тыс. р. на переоборудование всего института ввиду того, что мы взяли на себя целый ряд работ по социальной экспертизе – в ПУР³, в Военно-Революционном К-те, и эти работы имели огромное значение. К сожалению, нам эту сумму не отпустили. На хозяйственные нужды не было дано ничего. И, конечно, если вы пореетесь во всем, вы увидите, что мы иногда окольными путями кое-что из средств на научно-исследовательскую работу тратили на то, чтобы привести Институт в порядок. Наступает осень, надо окна замазать, весна – надо откупорить и т.д. Наши штатные сотрудники – механик, слесарь и столяр получали что-то, кажется по 40 руб. Ясно, что на эти 40 руб. прожить было трудно. Поэтому у нас с ними было личное соглашение, что они работают 2 раза в неделю, а остальные 4 дня работают на себя. Надо было дать им побочный заработок. Они чинил примуса, велосипеды и т.д. Такое положение, конечно, на всем техническом персонале Института тяжело отзывалось.

Лист 39

Смена 2

Мы, наконец, додумались до того, чтобы перевести на хозрасчет, но все-таки положение было чрезвычайно тяжелое, так как они на нас работали только 2 дня в неделю, а если они работали в другие дни, мы должны были эту работу оплачивать из наших научно-исследовательских средств, и это понятно, т.к. рабочему надо было выработать рублей 100. Сметы на хозяйственные расходы не было, и никакого зав. хозяйством не было, несмотря на то, что мы все время об этом просили. 7 ставок для нашего штатного состава поднялись до 12 ставок, и эти 12 ставок мы делили между всеми – по полставки на человека, чтобы какими-нибудь силами связать людей. Ставка поднялась до 60 руб. (по 30 руб. на человека). В это время мы сделали огромный прием аспирантуры – приняли 30 человек аспирантов. Казалось бы, что это не очень много, но при нашем ограниченном числе сотрудников мы поставили в очень тяжелое положение и аспирантов, и этих сотрудников. Когда я подсчитал, какое количество времени мы тратим на нашу Коллегию, рассматривающую все дела Института, то оказалось, что аспирантские дела отнимают 42% всех дел, которыми мы занимались.

³ Политическое управление (ПУР) Красной Армии. – А.К.

Смена 3

30 человек это огромная нагрузка для того времени. Научно-исследовательская работа – 26%, я формулировал, что наш Институт есть институт по подготовке научных работников для подготовки кадров; хозяйственные дела отнимали 14% и другие дела – 18%. В это время мы впервые добились перед Ассоциацией, чтобы нам дали машинистку. До сего времени у нас не было делопроизводителя.

Наши недочеты 25, 26, 27-го года изложены в отчете, который я делал в Ранионе. Эти недочеты перечислены в этом отчете: 1) марксистских работников чрезвычайно мало, 2) загруженность хозяйственно-административной работой: огромное хозяйство мастерской, много аспирантов и нет хозяйственного ассистента. Конечно, трудно вести всякого рода научную работу и совмещать ее с другими учреждениями и всей административно-хозяйственной работой; 3) плохое обеспечение, поэтому все работают в 3-4 местах. Я указываю здесь, что читаю психологию в трех местах, и вместо того, чтобы объединить всех студентов, экзаменую 700 человек в год в разных местах.

4) Отношение к нам Главнауки. Нас ревизовали три раза в год, все три раза находили, что хозяйство огромное, инвентарь огромный, а когда просишь упорядочить дело, то не дают даже заведующего хозяйственной частью. Затем имеется указание на то, чтобы велась борьба с Челпановым, и Главнаука в то время поддерживала Челпанова. Это была неправильная линия Главнауки, и после того, как мы апеллировали к Агитпропу, Главнауке было указано, что Челпанова поддерживать не целесообразно и этот инцидент отпал.

В 27-28 году нужно отметить, что в нашей коллегии дело обстояло не совсем благополучно: два наших сотрудника тов. Франкфурт и *Шпильрейн*, оба партийные вели идеологическую борьбу, как поставить работу среди поступающих аспирантов. Между ними были конфликты и мне приходилось улаживать дело. В конце 26-го года я уехал за границу, пробыл там три месяца, и за это время опять произошел большой конфликт, и дело вышло за пределы Института. Из Агитпропа дело было передано в Главнауку, и была назначена ревизия института, которая проводилась долгое время в январе 1927-го года. Во главе стоял тов. Сенкевич и целый ряд других товарищей.

Выводы были таковы: первое указание – недостаточное марксистское ядро, – в этом нет сомнения. Это факт, потому что новых психологов марксистов надо ожидать в будущем, а сейчас зрелых людей быть не может.

Затем слабое экономическое положение; это *тоже* правильно в том

Лист 40 об.

смысле, что мы получали около 200 рублей, а на хозяйственные нужды не получали ничего.

Организационная неурядица в смысле того, что не раз происходили столкновения. Затем уклоны, занятость на стороне, причем было указание, что два руководителя секций являются аналогичными руководителями секций в других институтах.

Работа с аспирантами поставлена не на должную высоту. Относительно этого указания надо сказать, что теперь у нас работа поставлена хуже, чем тогда. Тогда были выработаны особенные индивидуальные планы и учебные планы. Позднее это дело стояло не так четко, как было тогда.

Недостаточно развернута работа по некоторым секциям, - это правильно. Однако надо принять во внимание, что, например, по секции зоопсихологии есть руководитель, заведующий секцией, а научных сотрудников нет, аспирант только один. Затем по секции детской психологии – есть заведующий, и была ставка для товарища Белокопытовой.

Затем слабый темп работы и перегруженность налицо.

Что ревизия изменила. Она нашла, что в этом споре между тов. *Франкфуртом* и Шпильрейном, тов. *Франкфурт* был неправ и ему было предложено в Институт Научной Философии, а у нас он числился сверхштатным. Тов. Шпильрейн остался заведующим психотехнической секцией. Научным секретарем был тов. Сапир.

Следующий 27-28 год можно считать временем, когда мы, наконец, действительно получаем возможности для развертывания нашей работы. Материальная база имеется. Наш бюджет равняется 5900 руб., т.е. каждый месяц мы получаем около 500 руб. – это для научно-исследовательской работы много. Для судебной психологии мы имеем 1200 рублей, на научное оборудование 1300 руб. золотой валюты – 400 руб., для библиотеки 450 руб., для диссертаций аспирантов – 950 руб. Этими средствами вполне для нас хватает. Мы имеем 13 ставок. От системы деления ставок на полставки, мы абсолютно отказались.

Лист 41**Смена 4**

... для того, чтобы обеспечить 13 человек, но обеспечить полной ставкой, чтобы они могли работать. Аспирантов все-таки остается 30 с лишним человек. Ввиду того, что эта аспирантура по большей части была беспартийная, поскольку огромный процент ее мало интересовался марксизмом, было постановлено уменьшить количество аспирантуры и повысить, таким образом, марксистский уровень, и со следующего года – 27/28 мы приняли вместо 16 человек только 4 человека, а в 28/29 году – 2 человека, и теперь мы имеем 11 человек, из коих 8 партийных. В то время происходило следующее: так как положение мастерской не изменилось, рабочие получали по 40-50 руб., и на нас работали только по 2 дня в неделю, то тогда и был возбужден вопрос о переходе мастерской на хозрасчет. Наша мастерская имеет прекрасное оборудование, хорошие станки, которые приспособлены для очень точной работы (мы купили станки у Буре, когда он закрывал свою фабрику). Все говорило за то, что работу можно было вести гораздо шире и лучше, тем более, что тогда психологических опытов никто не производил, и целый ряд ВУЗ'ов и Институтов обращались к нам с просьбой изготовить эту аппаратуру. Ввиду того, что на хозяйственные нужды нам средств не давали, заведующего хозяйством не утверждали, хозяйственного ассистента не было, то мы надеялись, что если перейдем на хозрасчет, сможем не только ВУЗ-ы снабдить аппаратурой, но сможем содержать и ассистента. Был приглашен инженер, были приглашены рабочие. Долгое время председателем нашего Института был Добрынин, который по этому поводу вел бесконечную переписку, и, в конце концов, мастерская перешла на хозрасчет.

Для того чтобы производить аппаратуру, нужно было иметь большие запасы материалов и разного рода принадлежностей, которые в то время было достать трудно. Например, нужно было иметь точные часовые механизмы для того, чтобы эти цилиндры пускать в ход. Такой аппарат стоил 160 руб. Спрос на них был огромный. Их никто не производил, и из заграницы выписывать их было трудно. Сотрудники на-

Лист 41 об.

шей мастерской в воскресные дни отправлялись на Сухаревку, где покупали часовые механизмы и пускали их в ход. Нечего и говорить, что приборы, поэтому, часто бывали неудовлетворительны. Кроме того, для того, чтобы их

можно было изготавливать дешевле, их надо было изготавливать в большом количестве, но капитала для этого у нас не было, и поэтому получалось так, что когда спрос был, приборов не было, и наоборот, поэтому через некоторое время произошло затоваривание, так как мы, ученые, ничего не понимали, сбыт велся плохо, так что, в конце концов, получилась масса недоразумений.

Нedorазумения были и с рабочими, которые, стараясь выработать больше, пригласили себе в качестве помощников людей со стороны (в качестве учеников). Прошло некоторое время, и эти ученики предъявили иски в суд, требуя оплаты. Мы должны были в суде оперировать в качестве обвиняемых. Один раз мы заплатили этим «ученикам», но когда мы остались недовольны следующим постановлением и передали дело в суд высшего масштаба, то суд, наконец, понял, что эти рабочие просто халтурят, и наотрез отказали им.

Надо было выбраться из всей этой хозяйственной работы. А тем временем из Смоленского Университета шлют письмо: «Если не представите аппарат, в суд дело передадим»... и т.д.

Мы содержали хозяйственного ассистента, которому платили 100 руб., и содержали машинистку, которой платили 20 руб. добавочно, чтобы она вела всю бухгалтерию. Можно себе представить, как она вела эту бухгалтерию. В конечно итоге мы имели в нашем пассиве около 7 тыс. руб. Надо было выбраться из этого положения. Мы знали, что наш опыт не первый, что Ломоносовский Институт тоже пошел на хозрасчет и, в конце концов, продал автомобили и все, чтобы только выбраться из этого. Мастерская, которой *заведовал* т. Яковлев, тоже перешла на хозрасчет, но уже в первой партии 50% было забраковано. Это для них был такой удар, что они решили лучше изготавливать велосипеды....

Лист 42

Смена 4

Я списался с ректорами университетов и сказал им, что мы – ученые люди, ничего не понимаем в этой мастерской, поэтому будьте любезны хотя бы в суд не подавайте. Целый ряд таких писем я послал – и ректору Смоленского университета, и Иркутского и т.д. Надо было свести концы с концами. Никакого зав. хозяйством тогда не было. И один из наших аспирантов партийный тов. Феофанов взял на себя это дело. Кроме того, был приглашен тогда из Раниона бухгалтер за 50 руб., который решил свести весь наш баланс. Должно быть, в течение полугода велась ликвидация. Никаких новых заказов не принимали, целый ряд старых приборов пришлось навязывать, и, в конечном

счете, путем переписки мы все дело урегулировали так, что никаких судебных процессов не было. Т. Феофанов довел все это дело до конца. После этого мы не могли платить бухгалтеру. Наша машинистка в течение 4 1/2 лет вела всю бухгалтерию. Когда вы возьмете ее книги, вы увидите, что это просто доморощенные тетради, где она вела записи. Там есть целый ряд несвязок, но злоупотреблений там, по-видимому, нет. Например, написана вместо одной цифры другая (зачеркнуто и нет оговорки), но все-таки в конечном счете...

Лист 43

Смена 5-я

В конечном счете, благодаря энергии тов. Феофанова мы вышли из этого дела, чтобы более не вступать в этот хозрасчет. Во всяком случае, мы впервые попробовали, что такое хозрасчет, и, к великому нашего нашего удовольствию, вышли из этого дела без больших потерь. Кажется, на одной из полочек имеется около 30 штук затоваренных приборов. К великому благополучию, мы из «коллегии при мастерской», стали коллегией Института по научной работе. В это же время в виду того, что заведующего хозяйством и хозяйственного ассистента не было, пришлось привести в порядок нам огромный инвентарь и инвентарь мастерских. Надо было вновь переписать наши инвентарные книги и организовать это дело. Стоило огромнейших усилий выхлопотать у Первого университета, у которого мы числимся учебным вспомогательным учреждением, 100 рублей для приглашения человека, который бы все это привел бы в порядок. Мы поручали раньше это дело аспирантам, которые естественно не могли вести его хорошо.

После этого производственная комиссия решила сделать внутреннюю ревизию. Надо сказать, что вы не имеете представления, что представляет собой наша инвентарная книга, туда вносились и вопросы, и замечания, словом книга была в лоск испорчена. Вы можете посмотреть при желании результаты работы производственной комиссии.

Надо было пригласить нового человека для перелицовки книг. Это было поручено заведующему хозяйством, который появился в феврале этого года, и он перелицует их как нужно. Учет нашего инвентаря плох и не точен, с 23 до 30-го года мы не имели заведующего хозяйством. Эти обязанности мы поручали аспирантам, которые не могли их исполнять, поскольку они не разбирались в этих тонкостях, и благодаря этому получился отрицательный результат.

В это же время произошла та кража, о которой много говорят. Я слышал, что на последнем заседании Раниона представитель говорил, что у нас постоянные кражи – это неверно. За все время произошло две кражи: первая в 19-м году, когда унесли громадные часы, которые висели в вестибюле. Как это сделали, остается никому непонятным. Вторая кража произошла в прошлом году, в лаборатории одного из научных сотрудников-аспирантов. Надо отметить, что была вскрыта та лаборатория, в которой находились наиболее ценные вещи. Из этих вещей тоже был сделан выбор, например, взяли объективы от *эпидиаскопа*. Мы вызвали уголовный розыск, но это не дало никаких результатов. Если мы проанализируем этот последний факт, то я должен сказать, что следует удивляться тому, что наш Институт обокрали только в сущности один раз. Если принять во внимание, что через большую

Лист 43 об.

аудиторию идет масса студентов, затем снизу из подвала дверь открыта день и ночь, затем в нашем здании живут люди совершенно посторонние Институту: внизу живут люди включительно до лишенцев. Как видите, положение наше таково, что Институт открыт снизу и сверху, каждый может в любое время войти и взять что угодно и когда угодно.

Лист 44

Смена 6

потому что никаких средств для этой охраны принять невозможно. Единственная возможность, которую мы обсуждали в присутствии представителей Уголовного Розыска, это создать железные раздвижные двери, но для этого мы деньгами не обладаем. Поэтому все осталось так же открытым. Правда, сверху имеется американский замок, но и к нему могут подобрать ключ. Поэтому при всей этой ситуации, принимая во внимание, что университет не принимает мер к выселению посторонних людей, такие кражи могут быть каждый день. У нас нет абсолютно никаких средств, чтобы выбраться из этого положения.

Наши недочеты за это время. Они сформулированы в отчете Раниона при чем все время они формулируются: «недостаток марксистских сил». Это легко объяснить, если принять во внимание, что партийные товарищи, оканчивающие нашу аспирантуру, сплошь и рядом отзываются от нас. При таком отношении

марксистских кадров не создать. Далее – «недостаточно развернутая работа по некоторым секциям». Да, совершенно правильно. «Слабые темпы работы, как аспирантуры, так и научных сотрудников». Правильно, особенно, если взять аспирантуру, то из 35 человек защитили диссертации только трое. У остальных диссертации находятся под вопросом. Это объясняется тем, что товарищи, работающие у нас на стипендии, снимаются со стипендий и тем самым как бы снимают ответственность перед Институтом, берут работу на стороне и остаются там работать, а о диссертации не заботятся.

«Перегруженность всех научных работников», конечно, имеется налицо. Затем отмечается шаткое положение самой психологии. Чтобы ее поднять, в новой ассоциации, куда мы входим, надо выдерживать борьбу. Где же марксистская психология? – О ней не упоминают. При этом приходится настаивать, что задачи этой ассоциации построены на развитии не только марксистской психологии, но и марксистской педологии. Это создает затруднения для аспирантуры, которая оканчивает у нас...

Лист 45

Смена 7-я

Учраспред при Наркомпросе не давал в прошлом году места нашей аспирантуре, предпочитая ее другим институтам, так что привлечение аспирантуры не представляется возможным.

В 28-29 году наше положение выпрямляется, мы имеем 17 ставок для научных сотрудников и ассигнование 6 тысяч на научно-исследовательскую работу. Наконец, появляется заведующий хозяйством, впервые за семь лет нашего существования. Мне пришлось в этом отношении провести колоссальнейшую кампанию с сентября до января, чтобы ставку сотрудника 2-го разряда переменить на ставку завхоза.

Каким образом оплачивался административный аппарат – Директор Института получал 40 рублей, с января получает 80 рублей; ассистент по хозяйственной части вместо 30 руб. получает 50 рублей. Впервые выравнивается оплата административного персонала.

Таким образом, если мы должны это дело охарактеризовать сейчас, то надо начать с одного и то же. Если придется делать доклад на Ассоциации: марксистское ядро мало, научная работа не стоит на достаточной высоте, она приносится в жертву популярным работам. Мы выпускали учебники, пособия, потому что на них существует спрос и этот выпуск является заработком научных работников, тогда когда научно-исследовательская работа отстает.

Дальше запущенность учебной части есть налицо – из 11 аспирантов значительная доля руководства не чувствует. Малая подготовленность аспирантуры и диссертаций. Относительно наших хозяйственных дел, хотя и имеется заведующий хозяйственной частью, но вместо единоначалия получилось единоличие, потому что нет машинистки, делопроизводителя, заведующего мастерскими. Надо и здесь как-то линию выпрямить. Мастерскую хоть запирай на замок. Одна делопроизводительница только приступила к работе и в силу особых обстоятельств декретного порядка (беременность) она ушла. Вторая пробыла два месяца и тоже ушла. Никакой преемственности в работе нет и особенного внимания на этот счет Институт не обращает.

Надо отметить еще целый ряд недочетов следующего порядка: я например сам решительно ничего не понимаю во всякого рода вопросах, которые связаны с выплачиванием выходных пособий и т.п. Например, не надо было подписывать ученикам бумажку, что они работали, а я подписал и т.д. Постольку поскольку я не спец в этой области, промахов не мало. Конечно, надо чтобы был заведующий хозяйством, который был бы в курсе этих распоряжений.

Вот в производственной комиссии происходит следующий случай: сверхштатный слесарь предъявляет право на отпуск, производственная комиссия

Лист 45 об.

решает, что я неправильно выдал ему книжку, что он неправильно требует отпуск; вызвали слесаря и картина получается обратная.

Лист 46

Смена 8

Во-первых, в его книжке написано, что он не штатный, а сверхштатный. Что он зарабатывает 130 руб., я написал и имел право. Спрашиваю: Какое вы имеете право, как сверхштатный, получить право на отпуск? – А потому, что имеется декрет, что сверхштатный сотрудник, проработавший определенное число месяцев, имеет право на отпуск.

С МЕСТА – Такое заявление не рассматривалось. Разрешите для справки: в Производственной Комиссии этот вопрос не стоял. Когда я говорил с т. Антонюком, он заявил, что профорганизации возражают против такой книжечки, т.к. он получал сдельно.

ДОКЛАДЧИК. Возможно, но, если т. Антонюк и члены производственной комиссии считают не нужным платить....

Отсюда задание т. Маю – найти соответствующее распоряжение.

Нет ни малейшего сомнения, что промахов у нас масса, потому что такое большое учреждение не может быть без заведующего хозяйством, умудренного опытом. (Теперь его опять сняли). Да, но теперь есть Управляющий делами, это дело другое. Это наоборот, усиление наших позиций. В силу того, что мы не специалисты по хозяйственным делам, мы (в роде нашего хозрасчета) сплошь и рядом попадали *впросак*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь мы выслушаем т Боровского, и потом будем вопросы задавать.

БОРОВСКИЙ. Я мало могу добавить к докладу т. Константина Николаевича, потому что он существенные моменты уже осветил. Я сейчас временно исполняю обязанности ученого секретаря, которые я взял на себя месяца полтора тому назад после отъезда тов. Сапира в командировку. Я хорошо знаю, что у нас делается сейчас. История была изложена К.Н., мне позвольте остановиться на том, что есть сейчас. По истории я мог бы сказать только несколько слов.

Прежде всего, мне хочется указать на недостатки в нашей работе.

Лист 46 об.

Уже К.Н. говорил, что диссертации из всех наших аспирантов защитили только трое. Хотя я и считаю, что за все время было всего 45 аспирантов (сдали диссертации только 3 и 4 – 7 человек), но, если исключить из нового приема те 8 аспирантов, которых мы приняли (тогда из 35 человек 3 защитили диссертации)...

Лист 47

9-я смена

Из них 17 человек у нас передали без диссертации, а 11 человек имеется аспирантов.

Что же сказать о нашей учебной работе. Константин Николаевич все это сказал. Я хотел сказать пару слов о плане. План подготовки аспирантов был очень давно и номинально действовал до самого последнего времени. Он не пересматривался, что я считаю упущением. Он оставался в одном и том же

виде, пока силой вещей не пришлось взяться за него в виду того, что возник вопрос о сохранении подготовки аспирантов, в связи с подготовкой кадров, и только тогда принялись на пересмотр старого учебного плана.

С выработкой нового учебного плана необходимо одну очень важную вещь, кроме общей схемы плана необходимо предусмотреть возможную индивидуализацию плана, что у нас сейчас исчезло. Очень важно не качественное отношение к каждому отдельному аспиранту, а индивидуальный подход к каждому отдельному человеку.

Следующий вопрос, который я считаю существенным недочетом, это недостаточное руководство каждым отдельным аспирантом. Это обстоятельство объясняется тем, что наши руководители очень нагружены посторонними делами и не имеют возможности отдавать время для каждого аспиранта. Я, например, сам не могу отдавать сотрудникам столько времени, сколько нужно отдавать, так как сам чрезвычайно загружен. Здесь конечно, наше слабое место, недостаточное руководство, несомненно, есть. Если заговорили о загруженности, то надо отметить, что не менее важным в деле и очень серьезным обстоятельством и препятствием к правильной подготовке аспирантов служит загруженность самих аспирантов. Они учатся у нас между прочим, между всякими своими другими делами. Большинство несет ответственную работу на стороне, которая занимает не только время, но и громадное количество мысли и энергии, – на учебную работу остаются крохи. Учение аспиранта не является главной целью. Эта загруженность аспирантов большой минус в нашей учебной работе. В этой же связи я отмечу частное обстоятельство, что наши аспиранты в силу своей перегруженности не имеют достаточных возможностей следить за литературой. Если учебная работа по плану нашей аспирантуры более или менее движется, то знакомство с литературой у всех отстает. Это объясняется такой колоссальной перегруженностью.

Следующий недостаток нашей учебной работы, это недостаток материального порядка. Нет оборудования, которое могло бы дать возможности для продуктивной работы. Я укажу на один момент. У нас всегда указывается на

Лист 47 об.

то, что наши аспиранты не получают серьезной физиологической подготовки, мы дать ее не можем, потому что оборудования нет, а завести его не могли, потому что средств не хватало.

По чисто психологической линии, то же самое материальное оборудование могло бы помочь в этом отношении, если бы мы были более богаты.

Следующий момент, который я считаю также достаточно серьезным для того, чтобы упомянуть о нем – это проверка постановки учета учебной работы.

Лист 48

Смена 10

С моей точки зрения, она не совсем удовлетворительна была. У нас это дело проводилось кампаниями – раз или два в году проводилась кампания, которая не всегда давала возможность сделать правильное представление о подготовке аспирантов. Очень часто получались некоторые исправления, которые зависели от того, что не было учета, учет тоже проводился кампаниями – спорадически. Вот все, что я могу сказать об учебной работе, существующей в настоящее время.

Последнее замечание я бы хотел посвятить не настоящей, не бывшей, а будущей аспирантуре. Для нас – важный момент – подготовить тех аспирантов, которые станут у нас работать – выдвиженцев. Надо сказать, что только в последние месяцы мы за это дело энергично принялись, но сделали не очень много. У нас есть хорошая связь с 1-2 ВУЗ'ами, и через них мы имеем выдвиженцев. Из других ВУЗ'ов мы не имеем выдвиженцев. Очень слабо обстоит дело с провинцией. Только из Тверского Института нам удалось получить 3 выдвиженцев, хотя мы обращались ко всем нашим товарищам, работающим в провинции. Я всем им написал письма, чтоб они вели кампанию за выдвиженчество в наш Институт, но результатов пока еще не вижу. На последнем заседании Раниона нам было предложено послать специальных вербовщиков, но этого мы пока не осуществили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня вопросы к т. Корнилову.

1) Вы ничего не сказали по поводу работы на зав. Каучук.

2) У вас были хищения книг из библиотеки, вы об этом тоже ничего не сказали. Были проданы какие-то книги, и *неизвестно*, куда пошли деньги за эти проданные книги.

3) У вас в 4-й лаборатории стоит машина колесом (не знаю, как она называется), она все время стоит без движения. Почему вы ее не используете?

4) На счет столов. – Стол за границей стоит 40 руб. золотом. Этот стол можно было сделать в мастерской института.

Смена 11-я

Тов. МОЖАЙКИН. Что предприняла администрация нашего Института для выселения лишенца, который здесь жил. Этот лишенец в настоящее время сумел восстановиться в правах и приехал обратно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был дан заказ вашей столярной мастерской сделать собачьи клетки и лягушачий аквариум. Сейчас эти вещи стоят без дела, а на них были затрачены средства.

Кто желает выступить в прениях.

Тов. АНСОН. Константин Николаевич сейчас информировал нас об истории нашего Института. По-моему, в настоящее время Константин Николаевич недостаточно обрисовал то положение, в котором сейчас находится наша работа. Не исчерпывается же положение Института теми затруднениями, которые имеются в связи с отсутствием хозяйственного ассистента и тем, что был неудачный прием 30-ти аспирантов и что они оказались плохими марксистами. Необходимо вскрыть те недостатки, которые были по организации научной работы и в работе научных сотрудников; интересно также, как коллегия, как известный административный центр влиял на организацию работы в нашем Институте и, в частности, глава этой коллегии и директор и его помощники – ученый секретарь. Об этом надо было больше говорить, а Константин Николаевич был как-то чрезвычайно сдержан. Возможно, что в прениях товарищи помогут Константину Николаевич вспомнить об этом и он в заключительном слове об этом скажет.

Далее, надо отметить в нескольких словах вопрос об отношении к той работе комиссии, которая сейчас началась. Наши сотрудники недостаточно описывают значение той работы, к которой комиссия приступила. У меня получается также впечатление, что они смотрят на работу этой комиссии, как на ревизию, как на людей посторонних, которые являются в Институте неприятными гостями, мешают текущей работе, а поэтому от них надо сторониться, меньше ими интересоваться и если они кое-что увидят, то пусть посмотрят и сделают.

Вот на наше сегодняшнее собрание сотрудники тоже чрезвычайно собрались и некоторая часть, я замечаю, только сейчас является.

Надо отметить порядок приглашения сотрудников на данное собрание.

Лист 50

Смена 12

Не раньше, чем вчера вечером, я обратился с вопросом: как обстоит дело с оповещением работников Института о собрании. Оказывается, что вывешено малюсенькое объявление, и сотрудники Института должны проходить и разыскивать его. Возглавляющий Институт К.Н. Корнилов узнал о сегодняшнем собрании только вчера вечером. Это все говорит о том, что нет интереса к тому, чтобы вскрыть все наши недочеты и тем самым поставить нашу работу на правильные рельсы. Когда мы говорим о хозяйственных неполадках, по-моему, нельзя все сваливать на перманентное отсутствие хозяйственного ассистента и закончить тем, что только в 30 году мы этого хозяйственного ассистента получили. Разве сейчас по сравнению с 28/29 г. положение изменилось? Ведь штат остался тот же самый, а сейчас у нас имеется хоз. ассистент. Ни Главпрофобр, ни РАНИОН его не посылали, и мне думается, что тут имеет место плохая организация хоз.аппарата. Если взять вопрос о приглашении ныне здравствующего хоз.ассистента, или как предполагается именовать его управляющего делами, то оказалось, в конце концов, что не так трудно было его пригласить, так как он был приглашен через биржу труда. Разве на бирже труда не оказалось такого человека раньше? (Не было штатной единицы). Когда поднялся вопрос о посылке требования на биржу труда, то эти требования упорно не посылались на биржу труда, а давались на руки знакомому человеку. В этих требованиях указывалась такая квалификация, что, конечно, на нашу ставку никто не пошел бы. Между тем можно было здраво учесть, что требовался просто человек, заведующий хозяйством, с головой и немного грамотный, разбирающийся в кое-каких вопросах. Такого и с биржи труда можно было пригласить. Действительно, у нас ставки нищенские и многие вопросы у нас не будут хорошо налажены, пока не будет разрешен вопрос о ставках.

Лист 51

Смена 13-я

Вопрос о ставке всячески здесь регулировался путем тех или иных изысканий средств. Бывало здесь в Институте, что оплачивалось несколько сотрудников по хозяйственной линии. Если взять все эти суммы вместе, то на них можно было бы пригласить, по-моему, прекрасного работника. Здесь, в

конце концов, средства тратились не рационально, словом постановка дела со стороны административной была неудовлетворительна.

Я не хочу здесь винить Константина Николаевича, но для меня из всего того, что мне приходилось за пребывание в Институте услышать, создалось определенное впечатление, что очень неприятную нагрузку дали Константину Николаевичу, когда ему навязали административные функции. Он совершенно не администратор. Меня крайне удивляет, что было столько комиссий, столько обследований в Институте, – все признавали, что руководство плохое, что нет административного глаза, и все-таки, в конце концов, не нашли нужным дать Константину Николаевичу возможность освободиться от этой нагрузки, чтобы он мог обратиться к своим прямым обязанностям, как научный работник. У меня такое впечатление.

Это влияло резко и на руководство по научной линии. Насколько это резко сказывалось на Константине Николаевича, я сужу по некоторым выступлениям достаточно нервного характера, всегда подчеркивающие, что хозяйственные, административные и финансовые дела чрезвычайно мешают Константину Николаевичу, расстраивают его и не позволяют заниматься научной работой. Благодаря этим затруднениям он не мог уделять должного внимания руководству по научной линии.

Мы должны здесь сказать, что не только по хозяйственной и административной линии, но и по научной линии так же, как и по линии учебной, по подготовке кадров у нас руководство недостаточное. Наверное, те аспиранты, которые здесь присутствуют и пребывают в Институте несколько лет, так же об этом скажут. Для меня ясно, что в этом отношении дело обстоит чрезвычайно плохо.

Мне хотелось отметить один из недочетов по вопросу о подготовке кадров. 30 аспирантов оказались неудачного состава, марксистски не выдержанными, идеологически не достаточно крепкими марксистами. Казалось совершенно ясно, что Институт и его руководители должны более активно реагировать на привлечение действительно твердых работников, которые могли бы обеспечить правильную идеологическую линию.

Лист 52

Смена 14

Мне удалось прочесть стенографический отчет К.Н. на одном собрании Института, где он четко указывает, что обязательно привлекать из рабочего класса аспирантов. Но что же мы видим. Каких работников Институт

приглашал к работе? Всем, наверное, памятна заметка в стенгазете, после которой поднялась определенная кампания против работников с весьма сомнительной репутацией. Так, Артемов все-таки находил возможным этих людей усиленно рекомендовать, чтобы они готовились здесь, в Институте, и, вероятно, имел в виду, что в будущем эти товарищи будут занимать места аспирантов. Только после того, как поднялся шум, этих людей не стало. Мне думается, что когда констатируется необходимость привлечения аспирантов из рабочих, нужно принимать в этом отношении активные шаги. Между тем ни один комсомолец, ни один практикант из этих студентов не был привлечен. Только тогда, когда в дело вмешались общественные организации, это удалось провести. Только сейчас имеется связь с выдвиженцами. Можно было бы заметить еще такой недостаток, как недостаток аппаратуры. Мне думается, что в этом нужно винить не только тех людей, которые составили списки на ненужную аппаратуру и тем самым выбросили на ветер тысячи руб. валюты, но и коллегию, которая должна была точно рассмотреть списки, проверить их и только после этого производить заказ. Мне кажется, что в этом отношении имеются очень большие недочеты.

Если говорить о нагрузке аспирантов и слабой их подготовке, которую отметил т. Боровский, то это совершенно верно, но мне думается, что нельзя сваливать на то, что аспиранты загружены постоянной работой вне института, надо было сказать и о том, совершенно недостаточном руководстве аспирантской работой, которое в Институте до сих пор имеет место.

Последний, самый большой недостаток – это та вылазка из стен Института на производство, которую мы сделали на «Каучук». Здесь нужно определенно признаться, что мы не совсем удачно эту работу

Лист 52 об.

проводили. Можно было бы сказать – совсем неудачно эту работу проводили....

Лист 53

Смена 15-я

Но здесь оправдываться тем, что научная работа требует вообще много времени, что требуется много направлений в этой работе, – здесь можно определенно сказать, что должного внимания в организации этой работы не было. Это было поручено отдельным лицам, которые также были загружены,

славились плохими организаторами и, в конце концов, очень недавно мы приступили к практической работе. Какие научные результаты из этой работы получатся, мы еще не можем ничего определенно и четко сказать. Мы об этом еще ничего не слышали. Константин Николаевич будет говорить в заключительном слове, то он должен указать, как обстоит дело с этой работой. Всем приходилось слышать жалобы отдельных работников, что нет организационных рук, что когда приходят рабочие с Каучука, то они по полчаса и часу просиживают и не знают куда идти. Надо суметь направлять и куда нужно, чтобы быть центром, который руководил бы этой массой людей, чтобы каждое звено имело определенное место и действовало как целевой аппарат. Этого в нашей работе также нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Артемов.

АРТЕМОВ. Я остановлюсь на тех вопросах, которые не были затронуты никем. Таких вопросов, мне кажется, четыре. Первый вопрос касается нашей экспериментальной работы, второй вопрос относительно аппаратуры, третий вопрос – наше издательство и четвертый вопрос – наша библиотека.

Когда мы внимательно присмотримся к нашей экспериментальной работе, то мы должны будем сказать прямо и откровенно, что она поставлена очень слабо. Плюсом в ней является то, что она за последний год несколько лучше развернулась: хорошо развернулась работа по секции восприятий, хорошо организована лаборатория по коллективным опытам, появились новые установки по отдельным формам поведения, организуется психотехническая секция, словом, за последний год определенное улучшение есть. Но объективно и сейчас и раньше эта работа поставлена очень скверно. Я думаю, что в условиях сегодняшнего заседания нужно указать на причину и сделать соответствующие выводы, которые смогли бы повести эту работу по дальнейшему правильному пути.

Есть четыре причины слабого ведения этой работы. Первая причина в общей теоретической установке нашего института. Если эта установка было совершенно правильной в прошлом году, как единственная установка, когда приходилось в первую очередь бороться с идеологией, когда дорогостоящие, кропотливые эксперименты было вести трудно, – теперь это время прошло. Мы сейчас должны нашу идеологию строить на опыте и имеем такие условия в боевой ситуации нашей науки, когда мы можем уйти в лабораторию

Лист 53 об.

на несколько большее время и построить сейчас работу так, чтобы не быть противниками фактов. Эта теоретическая установка должна быть дополнена соответствующей установкой на эксперимент. У нас есть такие товарищи, которые имеют такую установку, и есть другие, которые пробыли здесь два года и к экспериментальной установке не приступили.

Лист 54

Смена 16

Вторая причина лежит в том, что мы слишком слабо обеспечены. Наше вознаграждение – и действительных членов, и старых сотрудников, и аспирантов – таково, что заставляет всех нас искать что-то на стороне, и по большей части этот заработок на стороне является более значительным. Необходимо в самое ближайшее время этот вопрос пересмотреть и нас обеспечить соответствующим образом.

Третья причина – что в нашем Институте слишком слабое место иностранные книги. Мы никогда не будем учиться у Запада какой бы то ни было идеологии, мы считаем, что наша идеология стоит выше, но мы делаем вылазки на европейскую и американскую сцену в область их достижений. Наша экспериментальная техника значительно отстала от европейской и американской. Мы строим нашу промышленность при помощи буржуазной техники, но строим ради иных совершенно целей. Без знания языков мы не можем проследить, что делается у них в области психотехники. Только знание иностранных языков может дать нам эту возможность.

Четвертая причина заключается в том, что нас мало средств для того, чтобы наши эксперименты поставить так, как нужно. Допустим, мы сейчас имеем большую потребность в организации опытов по гальваноскопии по соответствующему принципу, который сейчас достаточно разработан, который нужно вести особо от исследований эмоциональных сфер, но для этого нужно затратить такие деньги, которых у нас нет. Допустим, что в настоящее время нам нужно было бы поставить некоторые опыты по гальваноскопии. Некоторые проекты на эту тему были, но они не осуществлены, потому что не было 600 руб., которые нужно было истратить, чтобы эту работу поставить. У нас есть некоторые изобретения (хотя бы у т. Курманова), но для их осуществления нужны деньги. Если взять лаборатории не-

Лист 54 об.

мецкие, американские, французские, то вы увидите, что действительно нужно значительно большее количество денег, чем мы имеем, чтобы вести опыты, какие позволяет современная экспериментальная техника. Я не говорю, что у нас нет собственных приемов, они есть, они очень интересны, но для проведения их нет достаточно денег. Итак, малая интенсивность экспериментальной работы налицо. Выход из этого могут дать только соответствующие средства как на оборудование, так и на обеспечение наших сотрудников.

Перехожу к вопросу об аппаратуре. В этом отношении дело не благополучно. Совершенно правильно товарищи указывают, что здесь есть некоторые недостатки. Товарищи только дают неверную характеристику этого дела, путают факты и неправильно указывают причины. Мне кажется, что надо указать на 3 причины слабой постановки этого дела.

Первая причина – халатное отношение к этому делу со стороны всех сотрудников. Это не дело только Коллегии, это дело каждого сотрудника. Какую же мы видим картину. Когда нам отпускают 1-2-3 тыс. (один год было 4 тыс.), то никто не заинтересован в том, чтобы обсудить вопрос, что лучше, что хуже, никогда такого не бывает....

Л. 55

Смена 17-я

Заведующий секцией не сдает своих заявок вовремя. В конце концов, приходится это делать тем лицам, которые должны были производить последующую работу. В этом отношении замечается своеобразная халатность к этому делу со стороны сотрудников, потому что большинство не ведет экспериментальной работы так, как было нужно.

Вторая причина заключается в запаздывании пребывающей аппаратуры. Она прибывает через полтора года после времени заказа. В 27-28-м учебном году мы сидели очень основательно на Гештальтовской психологии. Все знакомились с Гештальтовской психологией, и у нас было желание иметь для этого соответствующую аппаратуру. Был выписан целый ряд аппаратов, эти аппараты пришли сейчас, когда мы заняты Каучуком. Товарищи спрашивают, что это за машина стоит на колесах или, как ее называют «Гештальт» на колесах. Она стоит 1275 марок или 600 рублей. Для нашей теперешней работы этот аппарат не нужен. Сейчас мы выписали аппараты для нашей работы с

Каучуком. Мы сейчас выписали корреляционную машину для сравнения 20 форм поведения. Но ведь невозможно, что на будущий год мы от Каучука отойдем, а корреляционная машина придет через полтора года. Будет ли она нужна, – это будет зависеть от нашей работы. Если пойдем по этой линии, по которой сейчас идем, то она будет нужна, в противном случае нет гарантии, что она будет для нас пригодна.

Здесь это будет уже третий момент – недостаток снабжения аппаратурой. Мне кажется, что здесь мы могли бы приступить к пересмотру плана нашего Института, который составлен на пять лет, но недостаточно удовлетворителен. Может быть, если средств будет побольше, можно составить такой систематической план, когда аппаратура будет соответствовать всем видам основных экспериментальных работ, которые в психологии существуют.

Теперь относительно стола, который стоит в психотехнической секции. Нужно отметить, что для того, чтобы сделать такой стол нужно командировать каждый год по одному психотехнику за границу, если же этого нельзя сделать, то приходится выписывать аппарат. Все это можно было бы сделать, если бы мы знали, как это можно сделать. Я этого вопроса касаюсь вскользь и могу дать объяснение по нему специально.

Лист 56

Смена 18

Я думаю, что для того, чтобы выправить вопрос о снабжении нас аппаратурой, необходимо сбить халатное отношение к этому делу – раз. Второе – надо так решить вопрос, чтобы аппаратура не запаздывала на полтора года, и третье – необходимо поставить вопрос о планировании нашего оборудования. Этот вопрос К.Н. ставил уже давно, но он не был осуществлен из-за отсутствия денег.

Я перехожу к вопросу – о нашей деятельности. Здесь приходится сказать, что, с одной стороны, мы имеем плюсы, а с другой стороны – мы имеем совершенно возмутительные в этом отношении минусы. Я стою к этому делу близко, а потому я могу указать на все недостатки. Возьмем такой возмутительный факт, что 6-й том наших ученых записок маринуется в издательстве 1/1/2 года на том основании, что это академическая работа, по отношению к которой всякие сезонные работы, связанные с той или иной кампанией, гораздо важнее, и наш 6-й том все время откладывается на задний план. Есть и наши ошибки, которые заключаются в том, что наши материалы не всегда сдаются в аккуратном виде. Есть такие авторы, над работами которых

приходится сидеть до бесконечности, выправляя орфографию. Есть и такие, что не знаешь, куда выбросить их работу – в печку или в корзину. Правда, это единичные случаи, но как раз в ... томе было два таких случая. Есть недостатки и со стороны лиц, специально приставленных к этому делу, которые не затрачивают для этого достаточно времени, чтобы проталкивать его. Есть у нас такого рода неприятности в издательском деле – что мы даем не то, что нужно. Мы можем указать только на одну такую работу. Это работа Смирнова, где имеются грубые ошибки и в части фактической, и в части идеологической. Наши ошибки заключаются и в том, что заведующий Издательской Частью задает работу, и часто эта работа сдается недостаточно проверенной. Никто не хочет брать на себя ответственность, и работа часто доходит до Госиздата и оттуда возвращается на исправление. (Нет твердости, нет соответствующей четкости).

Большим недостатком является тот факт, что мы не обеспечены

Лист 56 об.

соответствующими работами. У нас есть очень хорошая диссертация, например, Войтониса, которую можно было выпустить лишь недавно, потому что у нас в начале года не было плана.

Что касается плюсов издательской работы, то достаточно указать, что с каких-нибудь 23 печ. листов в 23 году мы дошли до 220 печ. листов в этом году.

Лист 57

Смена 19-я

В этом году мы дадим приблизительно тоже самое. Мы стали издавать журнал «Психология», т.е. практический орган, которого не было до революции, который является более или менее выдержанный, потом что в критике нигде не было указано, чтобы этот орган был бы невыдержан. Были изданы ученые записки, идет 7-й том, мы издаем том 8-й. Мы организуем литературу, но в большинстве случаев она учебная, а не исследовательская работа, основанная на экспериментах.

По издательской линии необходимо: повысить ответственность каждого автора и редактора и лица уполномоченного по издательской части, с одной стороны, с другой стороны, каким-нибудь образом обратить вниманием издательских органов, чтобы это дело делать более аккуратно, чем до сих пор.

Последний вопрос касается библиотеки. В общем и целом кажется, что здесь картина сравнительно благополучная. Я не знаю, о каких хищениях из библиотеки говорили здесь. В библиотеке есть целый ряд других недостатков, заключающихся в том, что она очень хорошая библиотека, является единственной библиотекой в Союзе, специально для психологов собранной, она собрана систематически, она выписывает целый ряд журналов из заграницы, несмотря на наши валютные затруднения, но это библиотека сотрудниками совсем не читается. Как правило, нужно сказать, что у нас много книжек остается неразрезанными, так как сотрудники не имеют возможности читать книги. У нас нет соответствующего времени, и главное нет соответствующего знания языков. У нас знают языки очень немногие товарищи. В подготовке наших аспирантов на этот пункт нужно обратить особенное внимание. Незнание языков, недостаточно свободного времени, затем отсутствие культурности в отношении чтения книг, все это ведет к тому, что наша библиотека мало читается. Я думаю, что на это нужно обратить внимание, потому что тратится и валюта, и деньги, и как-то нужно выйти из этого положения. Надо всем сотрудникам относиться к библиотеке, как к своему учреждению, а не сваливать все на библиотекаря. Товарищ Ансон правильно указывает, что библиотеку нужно лучше организовать. Мы имеем психотехников, а психотехническая секция нашу собственную жизнь не организует. Я к этому добавлю маленькое замечание по адресу тов. Ансона. Он допускает глубочайшую ошибку, если я имел дело со студентами 1-го университета, то как преподаватель. На собрании этих студентов, где были и партийцы, и комсомольцы было мною специально указано, что

Лист 58

ни один из этих товарищей не может пройти в наш Институт. В частной беседе указывал на это совершенно определенно. Это была практика по ВУЗ'у, но отнюдь не работа по подготовке их в аспиранты. Это недоразумение. Те аспиранты, которых я готовил, как аспирантов (т. Белов), являются вполне удовлетворяющими все требованиям.

ШЕБУЕВА. Я отвечаю на вопрос т. Ансона относительно того, что в библиотеке происходят систематические хищения. Это не правда. Я приняла библиотеку в октябре 28 г. Нельзя сказать, чтобы библиотека была в порядке. По акту не хватало 800 книг. Проработав две недели, я увидела, что наши сотрудники небрежно относятся к библиотеке, но хищения книг нет. За эти две недели мы нашли 600 книг, таким образом, оставалось 200 недостающих книг,

но и они были мною найдены, и к марту 29 г. недоставало только 6 книг, и то эти книги, вероятно, были изъяты. (Библия, Коран Магомета и т.п.). Много книг было не зарегистрировано. Теперь заведен инвентарь, и все книги зарегистрированы, на все книги написаны карточки.

В продолжение двух лет я писала карточки, написала 40 тыс. карточек от руки. Мною сделана систематическая картотека. Теперь я выписываю из журналов статьи и тоже хочу сделать систематическую картотеку. Ни о каких хищениях в библиотеке говорить нельзя. За все годы пропало 6 книг, и то они не пропали, а их увезли – т. Смирнов, который уехал в Алма-Ату, и т. Франкфурт увез 3 книги. На эти книги имеются расписки, и их нельзя считать пропавшими.

Сколько лиц пользуется книгами....

Лист 59

Смена 21-я

С 29-й по 30-й год, до 1-го января 1930 года было выдано за весь год 4000 книг. Читальней пользовались в среднем 1248 человек, т.е. приблизительно по 5 человек в день. Это были больше студенты 2-го МГУ.

Сколько пользовались книгами на дому. Я без разрешения директора не имею права никому давать книги. У нас приходят, записываются, я даю анкету. Анкета заполняется и идет на коллегую; если коллегия разрешит, то я даю книгу. Сначала такими книгами пользовались 120 человек, теперь 102 человека, потому что стали пользование ограничивать.

Никакие книги не продавались. Брали из Раниона для наших сотрудников, на это я имею расписку.

(ВОПРОС). Какие книги брались для воскресных секций и продавались.

Я не знаю, потому что не брала и не продавала никаких книг и ничего в этом не понимаю. У нас никакие книги не брались.

Как пользуются книгами. Из наших сотрудников больше всего пользуются зоопсихологи и менее всего психотехники. Они всегда говорят мне: «Купите нам такие-то книги». Я удовлетворяю их требования, но все-таки они мало пользуются книгами. У нас слабо знают аспиранты иностранную литературу. Иногда меня просят перевести и кратко написать содержание. Я по возможности это исполняю.

Сколько истрчено на нынешний год. Золотой валютой потрачено 300 рублей. Благодаря тому, что наш Институт переходил из Раниона, нам отказали в золотой валюте; я ходила, просила и выплачивала 300 рублей за

журналы. Только мы не имеем золотой валюты. Журналы читают студенты, аспиранты и научные сотрудники. На русскую литературу истрачено около 400 рублей.

В прошлом году была проделана большая работа. Мне было проучено обойти все лавки букинистов и закупить все книги по психологии, какие когда-либо издавались и каких у нас в библиотеке нет. Я составляла списки, представляла тов. Артемову, и он его утверждал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто будет просить слова.

Лист 60

Смена 22

ДОБРЫНИН. Тут поднимался вопрос относительно администрирования, упрекали наш Институт в недостаточном административном руководстве. Мне кажется, основания причина этого лежит в том, что у нас не было фактически ученого секретаря. Работы это лежала на Директоре, тогда как основное административное руководство должно лежать на ученом секретаре. Наш ученый секретарь – тов. Сапир был настолько загружен другой работой, что бывал в Институте чрезвычайно редко, и поэтому вся буквально работа лежала на директоре. Ясно, что один человек не мог справиться с этой работой, отсюда получилось, что ни научного, ни административного руководства мы не видели. Мне кажется, что выход отсюда – больше единоначалия. Надо дать больше власти директору, между тем директор до сего времени имел у нас очень ограниченную власть.

ВОПРОС. С кем велась борьба?

ОТВЕТ. Например, аспирант Войтонис был выдвинут на должность научного сотрудника. Имелась такая должность для секции Сравнительной Психологии. Коллегия приняла решение в отношении зачисления т. Войтониса, и он был оставлен, тем не менее, это решение через несколько дней было отменено, потому что оно недостаточно было согласовано.

Второй факт постоянного отсутствия непрерывного руководства: тов. Сапира найти в Институте было очень трудно. Я виню не его, а то положение, что он был настолько загружен работой, что секретарскую работу должен был выбросить. Мы знаем целый ряд приемов аспирантов помимо желания директора, помимо его предложения. То же самое – относительно выдвиженчества – целый ряд попыток провести выдвиженчество через студенческие организации мало удавался, и только в этом году работа по выдвиженчеству более или менее орга-

Лист 60 об.

низована. Сейчас у нас не возникает особого интереса к этой чистке. Почему? – Во-первых, надо сказать, что всякого рода ревизии у нас продолжаются в течение года, мы имеем бесконечное количество ревизий, обследований и т.п., причем особых положительных результатов мы от них не видим. Надо сказать, что когда ревизии принимает перманентный характер, вряд ли можно ожидать особого интереса к этой ревизии. Мы наши административные недочеты очень чувствуем, но я считаю, что это не основные наши недочеты. Основные наши недочеты заключаются в том, что у нас нет достаточной сплоченности в нашей научно-исследовательской работе. А эти вопрос у нас стоят на первом плане. У нас первый вопрос: единство нашей научно-исследовательской работы.

Лист 61

Смена 23-я

Когда предлагают нам отказаться от нашей теоретической работы, то мы на это пойти не можем. Не далее как вчера здесь на заседании разбирался такой вопрос: следует ли психологии изучать вопрос изучения коллектива. Этот вопрос вызвал самые разнообразные мнения, которые не были ни к чему сведены. Раз мы не имеем здесь единство мнений в нашей научно-исследовательской работе, то эти вопрос самые большие. Вопрос администрирования, кажется, очень незначительным по сравнению с вопросом единства нашей научной работы.

Константин Николаевич вспоминал первые этапы нашей работы. Внешние условия были хуже, чем сейчас. Мы не имели ни средств, ни оборудования, ни штатов и мы проделали очень большую работу в начальной ее стадии. Было большое единство, большая сплоченность, не было различных течений, не было попыток расслоить сотрудников, которые наблюдаются за последний год. Этот момент большой сплоченности, несмотря на то, что были большие недочеты, дал нам очень основательную продукцию для нас самих и очень большую в смысле научном. Основная задача Института сейчас – добиться единства руководства в научно-исследовательской работе. Когда такое единство будет достигнуто, то исчезнут постоянные трения и постоянная борьба, имеющая характер чисто персональный: например, борьба с директором Института с одной стороны и заведующим психотехнической

секцией с другой стороны. Когда не будет таких моментов нежелательного раздвоения, когда будет все сплочено, тогда вопросы администрирования может станут более близкими, или будут в значительной степени упразднены. Вот почему для нас в настоящий момент администрация, которая у нас количественно сравнительно незначительна, качественной ценности особой не представляет. Это интерес второстепенный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Курманов.

КУРМАНОВ. Мне кажется, что комиссия выполнит свою задачу только в том, случае, если в результате ее работы у нас здесь лучше будет обстоять дело с осуществлением той основной задачи, которую, собственно, и призван разрешить наш Институт – это ведение нашей научно-исследовательской работы. Все другие вопросы то же имеют важно значение, но если бы мы только ими занимались, то дело обстояло бы из рук вон плохо, ибо основная задача, которая стоит перед Институтом не выполнялась бы. Здесь В.А., когда анализировал основные причины недостатков внутри Института, то говорил о том, что наш Институт до сего времени слишком много занимался теорией и слишком мало внимания уделял экспериментам. У нас, по-моему, как раз, наоборот, у нас теорией почти совсем не занимаются, о ней совершенно забыли. *Методологические вопросы не стоят на надлежащей высоте. Эти вопросы решаются*

Лист 61 об.

закулисным порядком в весьма некрасивых для ученых формах, тогда когда эти вопросы особенно резко нужно поставить перед нами всеми.

Лист 62

Смена 24

Я имею в виду основные работы на Каучуке. Эта работа нами достаточно продолжительное время велась, и есть достаточно оснований для того, чтобы дать оценку тем силам, которые до известной степени определили ход этой работы. Здесь отмечалось, что у нас колоссальная разногласица, это верно. Когда мы обсуждали основные вопросы, например, такой вопрос, как принятие нашего исследовательского плана на заводе Каучук. Вы помните, выступали все, некоторые даже в высоком стиле говорили, что вот план хорош и т.д., и потом, когда мы провели значительную работы, и когда казалось, что подготовительная работа затягивает время, что нельзя все это проделать

быстрее, и когда здесь – сначала на Президиуме Раниона, а потом здесь – поставили вопрос? так или нет идет работа, то удивительно, что находятся люди и говорят, что выявилось настроение, способное развязывать то, что люди в качестве завязанного держат у себя в головах, когда такое положение создалось, выступают и говорят: «Я и раньше так думал...» и даже находят солидные мотивы... Я вспоминаю, как выступал Вл. Алек.⁴ и заявил, что Курманов предложил там свой план и хотел провести свои интересы, ибо когда я вырабатывал план, они втиснули целиком свои интересы. Но я думаю, что мои и ваши интересы одни и те же. Я думаю, что мы найдем какую-то равнодействующую, которая не сбивала бы нас с наших позиций, но в то же время гарантировала правильные условия работы. Я думаю, что каждый сотрудник Института способен интересы Института поставить выше всяких соображений и иных мыслей, которые не находятся в направлении развертывающегося дела.

Лист 63

Смена 25-я

На самом деле, получилось не то. Как будто бы они не обсуждали доклада, как будто это было силами навязано и т.д. Я не понимаю этого, товарищи. Я думаю, что это объективно играет колоссально отрицательную роль и лежит в основе срыва всей работы; будто бы люди вырабатывают, шумят, создают видимость энтузиазма и прочие вещи, а на самом деле, работа пойдет так, как пойдет.

Далее процесс самой работы. Не раз указывалось в порядке определенных заданий, что нужно экспериментальную установку приготовить, нужно к такому-то сроку выполнить задание. В результате проходит срок, два, спрашиваешь – нет. Я не понимаю, как это может быть. Работа согласована, все приняли план, нужно разворачивать всю инициативу, которая у нас есть и вдруг ничего подобного. Или же работа начинает двигаться то в одну, то в другую сторону. Такое положение вещей вызывается отсутствием общей теории, способной объединить нашу работу. У нас нет общей теории. Мы не сравнили всех наших различий, что необходимо вытекает из условий нашей работы, которая больше строится в теоретической области. Недаром, когда мы выступали при Монаге, то многие товарищи говорили разные вещи. Монаг заявил: «Вы не можете работать, потому что вы каждый по-своему понимаете свою работу, у вас нет общей теоретической основы.

⁴ В.А. Артемов

Отсюда вытекают следующие задачи: бороться с людьми, которые могут в зависимости от погоды говорить и прекрасные, и очень некрасивые вещи, которые имеют несколько лиц и подчиняется законам двойной оптики. Это нетерпимые вещи и по ним нужно в интересах нашего учреждения ударить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. *Куколев*.

КУКОЛЕВ. Товарищи, я хотел обратить ваше внимание, прежде всего, на то, что мы недостаточно способны обсуждать этот вопрос так, как люди, работающее над этой отраслью.

Лист 64

Смена 26

Но нам интересно знать более подробно, в более конкретных фактах работу Института. Я думаю, что наша Комиссия по чистке без вашей помощи не сможет правильно выявить работу нашего Института, а после этого – правильно направить работу в дальнейшем. Я думаю, что товарищи, присутствующие здесь, к сожалению, в очень малом количестве, должны ответить, что это до некоторой степени халатность со стороны аспирантуры, которая не присутствует. Ин-т, надо отметить, достаточно уделяет внимания им, и они обязаны были бы помочь Институту. Я думаю, что это серьезное замечание в отношении аспирантов.

Здесь жалуются, что у нас нет такого героизма, который был раньше. Да, может быть, институту придется и сожалеть, что он недостаточно организовал эту научно-исследовательскую массу вокруг себя, недостаточно призвал общественность к этому вопросу. Конечно, приходится радоваться, что люди в таких тяжелых условиях что-то творили, но когда подошли благоприятные условия работы, появляются худшие результаты... Все же чувствуется внимательность сотрудников и аспирантуры к участию в работе нашего Института. Но мы до сего времени не имели голоса производственной комиссии, которая бы нам могла дать понять, насколько они участвовали в обсуждении плана работ, в доведении плана до каждого сотрудника. Я думаю, что это большой минус. Я думаю, что производственная комиссия еще подымет свой голос и покажет свою работу. Я думаю, что это некоторое упущение, что мы не заслушали доклада и не дали слово председателю Произв. Комиссии, который должен был изложить свою точку зрения в области рационализации работы И-та. Нужно сказать, что те проблемы, которые взяты И-том для изучения, в частности, изучение такого завода, как Каучук, это, конечно, проблемы хорошие и здоровые, которые в современных условиях необходимы.

Здесь поднимался вопрос в отношении изучения других проблем, которые в настоящий период выпя-

Лист 64 об.

чиваются и партией, и советской властью, и на которых имелись некоторые перегибы. Это, например, коллективизация. Может быть, над этим надо было подумать, и заинтересованные организации сумели бы удовлетворить И-т в средствах на разрешение этих проблем. Нужно отметить, что если вы изучаете работу производства, но общественность этого завода мало интересуется работой, это одно. Здесь мы не видим ни одного представителя, который был бы заинтересован этим собранием, на котором подходят к моменту чистки административного аппарата. Я думаю, что рабочая общественность должна сказать свое слово.

Лист 65

Смена 27-я

Этот минус относится к профуполномоченному, который не сумел привлечь общественность того завода, который не участвует в обсуждении вопроса. Присутствующие помогают нам конкретно изучать работу нашего Института не только на данном собрании, но и в дальнейшем.

ЗАВЕДУЮЩИЙ УЧЕБНОЙ ЧАСТЬЮ. Я хотел привести маленькую справку, касающуюся отсутствия аспирантов. Из 11 человек 5 присутствующих, три уехали из Москвы, два получили назначения и одного только нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. *Бабушкин*.

БАБУШКИН. Я хотел остановиться на вопросе, который поднял Н.Ф. Добрынин. Он говорит, что вопрос касается чистки административно-технического персонала, а не работы вообще Института. Я думаю, что работу административно-технического персонала и работу вообще Института разграничивать совершенно нельзя. Мне думается, что если мы ставим здесь вопрос о чистке, то не нужно подходить к нему, как к чему-то карающему, к чему-то неправильному, направляющему нашу работу. Коли у вас мнение, что чистка это карающий орган, то это неверная постановка вопроса. Вы сказали таким образом: «Для нас более важно в данное время методологическая работа и работа вообще Института, и я поэтому менее всего интересуюсь чисткой». По-моему разделять эти вопросы нельзя, так как от руководства зависит и работа данного учреждения. Мне думается, что вы здесь были на 100%

неправы. Нужно было на вопрос руководства посмотреть более серьезно. В частности, я хотел остановиться на отдельных лицах, например на тов. *Сатир*. Конечно, он во многом виноват, но сваливать все наши прорехи на отдельных товарищей не приходится. Здесь нужно будет сваливать все наши ошибки на весь руководящий состав, и, в первую, очередь, на руководителей этого руководящего состава. В смысле руководства я уже упомянул, что дело не вполне благополучно. Я возьму вопрос подготовки аспирантуры. Когда мы в 29-м году сюда пришли, то, по крайней мере, я не был ни на одном совещании или каком-нибудь заседании, которые бы объединили новую аспирантуру. В конце концов, мне пришлось познакомиться с планом, который был составлен по подготовке аспирантуры, чисто казенным порядком. Мало того, план был составлен плохо. Это можно судить по таким данным: аспиранты в продолжении трех лет должны были представить три или пять докладов по своей секции, три доклада по остальным секциям и один доклад по диалектическому материализму. Всего получается девять. В конце концов, получается, что мы написали только ученические доклады, ни одну из проблем проработать не могли, и к этому сводилась работа аспирантов вообще.

Лист 66

Смена 28

Теперь дальше – что касается психологического семинария, то его совершенно не было, и это вопрос ставится только в данное время (неделю тому назад мне пришлось говорить с т. Боровским, который сказал, что этот семинар будет), а этот психологический семинар необходим был именно в связи с философией.

Мы здесь толковали относительно того, что у нас нет договоренности и т.д. и т.д. Если мы не будем изучать теорию психологии, само собой понятно, что эта грызня будет продолжаться, потому что договоренности у нас нет. У нас был съезд, и большое количество вопросов, во всяком случае, не касалось психологии или касалось очень мало. Я узнал, что в прошлом году семинара по диалектическому материализму не было. Аспиранты в прошлом году были приняты в семинар по философии. Философия хорошая вещь, но нам необходим диалектический материализм. Возьмем работу по философии. Может быть, в связи с тем, что у нас по-другому ставится вопрос о наборе, может быть этот вопрос будет несколько иначе поставлен, но во всяком случае у нас имеются товарищи, которые пришли сюда не из специальных ВУЗов, которые этим вопросом мало занимались. Мне кажется, что работу по

физиологии, по биологии можно было бы развернуть пошире. Мы ограничиваемся тем, что слушаем лекции по анатомии и физиологии нормальной системы. Этого не достаточно. Мне кажется, что на этот вопрос не было обращено серьезного внимания. Это зависит, несомненно, от руководства. Здесь надо не ругать, а указывать на промахи и нужно их исправлять по возможности скорее. Мы видим, что в данное время план перестраивается. Мне думается, что этот вопрос можно было бы разрешить ранее, месяца 4 тому назад была комиссия РКИ, но мы очень плохо шевелимся. У нас какая-то русская неповоротливость существует все время.

Мы с вами толковали о том, как будем работать, в то время

Лист 66 об.

как другие И-ты (МГСПС⁵, ВЦСПС⁶) провели такую работу: они учили, кто получает книги. Как будто проблема маловажная, но когда я просматриваю брошюру по этому вопросу, она оказывает громадную услугу нашему социалистическому строительству. С Каучуком как получилось? – Мы в продолжении 2-3 месяцев говорили, как мы будем работать, какие методы применять....

Выступавшие товарищи здесь говорили, что наряду с методикой здесь нужно вести практическую работу....

Лист 67

Смена 29-я

Но слова оставались словами, а практической работы так и не вели. Этой работы не было до марта месяца. Некоторые из сотрудников не знали, где находится Каучук. Как обстоит работы на Каучуке в данное время. По-моему, все зависит от руководства. Здесь нужно будет отделить коллектив. Один человек не в силах справиться с такой работой. Надо будет человек 6-7 заставить руководить этой работой. Мы выделили аспирантов. Здесь тов. Боровский говорил, что аспирантура перегружена. Если будем загружать работой, с которой они не справятся, а их посылают на руководящую работу, которая является основным звеном работы нашего Института, то конечно, мы почти наверняка эту работу будем ставить под вопрос. Впредь таких моментов, таких прорех в нашей работу нужно будет обязательно избегать. Дальше тов.

⁵ Московский городской совет профессиональных союзов. – А.К.

⁶ Всесоюзный центральный союз профессиональных союзов. – А.К.

Добрынин, выступая, говорил, что мы ставим вопрос об единоначалии. Это верно, что его нужно проводить. Далее тов. Добрынин в качестве примера проводил, что нужно было оставить в качестве научного сотрудника тов. Войтониса, и что этот вопрос был отменен. Я не знаю, как происходили данный конкретный случай, по-моему, дело обстоит таким образом, что единоначалие нужно, в данных случаях, а по моему мнению вопрос *оставления или оставления* научного сотрудника довольно важный вопрос, и его нужно согласовать так, как он согласуется в данное время со всеми общественными организациями, с партийной ячейкой, с коллегией и с *вышестоящими* органами. Этот вопрос единоличным путем решаться не может. У нас был случай, когда коллегия пригласила научных сотрудников, а они не выдерживали критики, например, проф. Чучмарев, с которым пришлось потом заваривать кашу.

К вопросу подбора наших кадров несомненно нужно относиться серьезнее. В частности, хотя с аспирантами: принимаем аспирантов, и выясняется, что они скрывают социальное происхождение и получается, что они нам были чуждыми, так и уходят. Перевоспитать мы их фактически не в состоянии, потому что они дышат совершенно не тем, что нам нужно.

Наконец, Владимир Алексеевич говорит относительно аппаратуры, что аппаратуру приходится выписывать, а научные сотрудники не дают заявок. Все это там, но не покупайте такие аппараты, которые стоят больше тысячи рублей золотом и которые остаются без употребления. В психотехнической секции стоит аппарат, который неизвестно кто выписывал и зачем он служит. Тов. Артемов сказал между прочим, что ...

Лист 68

Смена 30

У нас стоит аппарат, который мы не знаем – кто выписал, не знаем – зачем он служит. – Теперь, когда мы ставим вопрос о том, чтобы привести побольше оборудования для наших фабрик, мы выписываем те машины, которые нам не нужны. Мы выбрасываем золотую валюту. Дальше вы говорите относительно столов. Аппараты со столом можно брать, но основных столов брать не нужно, у нас осины достаточно.

ГЕЛЛЕРШТЕЙН. Мне хочется начать с аппаратуры. До некоторой степени и наша секция, и все мы отвечаем за ту аппаратуру, которую мы выписываем. В нашем И-те (мы не составляем исключения) должного внимания к выписке иностранной аппаратуры не было. Лишь в самое последнее

время у нас начинает пробуждаться сознание, что тратить дорогую для нас валюту на аппараты, которые можно здесь самим создать или без которых можно обойтись, нельзя. Я знаю, товарищи, что недостаточно внимания к этому вопросу можно приписать не только нашему институту – на довольно большие суммы выписывали ненужное оборудование. В самое последнее время, отчасти по инициативе психотехнического О-ва, этому вопросу стали придавать больше значения. Когда нам в этом году нужно было выписывать аппаратуру, я от имени Секции сообщил, что из иностранных аппаратов, кроме хронометров, мы ничего выписывать не собираемся. Что касается хронометров, то у нас есть расчет выписывать их из заграницы, тут самый строгий фактический расчет. Нельзя так думать, что трата валюты всегда бесполезна для нас. Правда, валюта нам дорога, потому что мы ее покупаем за дорогую цену, но надо рассчитывать: если какой-нибудь прибор или аппарат здесь стоит нам дороже, то его стоит выписать. Это относится и к мелким частям, которые там изготавливаются единицами. Наши мастера, к которым мы обращаемся в частном порядке, берут о нас колоссальные суммы, зная, что у них нет соперников.

Лист 69

Смена 31-я

это мы знаем. Коли нам дорога валюта, то не надо думать, что советские деньги недороги; здесь известный эквивалент, и один вид переходит на другой.

Теперь относительно аппаратуры. Гештальт аппарат стоит недавно, и ничего сказать о нем не могу. Относительно осинового стола я должен сказать, что заявка делается давно, а аппараты прибывают через полтора года. Я думаю, что с В.А. нужно снять ответственность, что наша секция в какую-то заявку включила аппарат, который стоит 980 марок. Если вы просмотрите каталог немецкой аппаратуры, то там имеется стоимость отдельных аппаратов, и нет стоимости отдельных частей. Немец хитрый и когда изготавливает аппарат, к которому делается стол с счетчиком, то он присылает все вместе. Может быть нужно написать немцу, чтобы он прислал только один аппарат. Надо признаться, что к этому вопросу мы до сих пор относились невнимательно и тратили валюту зря. Это должен признать и В.А. и все, которые здесь находятся. С этого года положение дела по нашей секции заметно изменяется. Мы все знаем, что по линии психотехники мы делаем попытки к тому, чтобы все решительно оборудование, которое выписывалось из заграницы, изготавливать здесь. Мы выдвигаем решение об организации завода здесь или на Урале. Принципиальное соглашение есть. Почти всю аппаратуру мы можем

изготавливать здесь: весь вопрос в расчете – стоит или нет. Если мы сможем поставить это дело рационально, поставить фабрику, обслужить несколько институтов и выпускать аппараты в массовом масштабе, то этим нужно заняться и Институту и всем соответствующим организациям – Гослаборснабжению⁷, Наркомторгу и т.п.

Теперь относительно работы Института и чистки. Товарищи называли много наших болячек. Я подвел бы печальный баланс нашего Института в период его существования. Мы мало сделали и просто мало делаем. Говорят: ошибается тот, кто ничего не делает. Большая беда, что этот Институт плохо работал и работает, потому что он не имеет налаженной рабочей атмосферы, сотрудники приходят сюда тогда, когда уже отслужили в других местах. Положение этого Института крайне ненормальное, в других институтах сотрудники закрепляются на определенное время.

Лист 70

Смена 32

С них берется большая ответственность, они чаще отчитываются в своей работе. Они работают по какому-то плану. В нашем И-те этого нет. Может быть, это относится к большинству научно-исследовательских институтов, которые не имеют своего хозяйства. Мы не прикреплены к какому-нибудь ведомству для его обслуживания. Мы не отвечаем на реальные вопросы, которые идут строго к определенному сроку. Кроме того, наш И-т очень долго мечется в поисках правильной линии.

Два слово о Каучуке. Слушая т. Курманова, я уловил, что он освещает дело не совсем так, как было. Мы делали попытки вопрос о Каучуке поставить на принципиальную точку – о структуре *плана*, о теоретических предпосылках работы. Т. Курманов говорил нам когда-то: давайте толковать перестанем, приступим к самой работе. Я не хочу сказать, что т. Курманов должен нести ответственность, что мы ведем дело не так. Мы за это должны отвечать, поскольку мы работаем. Раз план был принят, мы все приступили к работе, то хорошо или худо, – мы все за работу отвечаем. Я не знаю, каковы результаты т. Курманова в другом секторе (Я сужу по нашей Секции). Тот план, который мы наметили, я думаю, будет выполнен если не на 100%, то, во всяком случае, на 90%. Составлены характеристики всех производств, всех профессий на Каучуке. Каковы перспективы этой работы и что она нам обещает? Я продолжаю держаться в этом вопросе критического отношения.

⁷ Государственный трест по производству и сбыту лабораторного оборудования

Относительно подготовки кадров. Мне кажется, товарищи правильно отмечали, что внимание к работе наших аспирантов не достаточно, и мне кажется, что наш И-т не достаточно уясняет себе, что он единственный институт, которые разрабатывает психологические вопросы и в направлении, идеологически верном, и в масштабе, который отвечает требованиям времени. Наш институт зажимают в очень узкие рамки и ничего не делают, чтобы поднять его на должную высоту. Количество сотрудников у нас очень незначительно. Это,

Лист 70 об.

конечно, ненормальное положение. Может быть, один из недостатков нашего руководства заключается в том, что мы еще не осознали значение психологии в нашей стране и значение нашего И-та, как занимающегося проработкой теоретических и практических вопросов психологии....

Лист 71

Смена 33-я

Мы до сих пор очень долго варились в собственном соку и мало выходили за рамки узких вопросов жизнь. У нас очень маленькая связь с жизнью, с практикой и мы, работники этого Института, в других учреждениях работаем гораздо лучше, чем здесь. Чем это объяснить – атмосферой этого Института, или токсинами, которые имеются в воздухе. В других институтах работают по определенному плану, с определенной целеустремленностью, мы здесь в Институте не можем так вести работу. Это ненормально и надо отнести к конкретным недочетам и органическим болячкам нашего Института в целом. Наш Институт это нездоровое учреждение, во всяком случае, орган, который требует какого-то очень серьезного радикального лечения. Было бы очень хорошо, если бы наша комиссия по чистке это обстоятельство учла и наметила пути для радикального лечения. Путь, на который стал наш Институт, т.е. присоединился к педагогической Ассоциации, является малопродуктивным лечебным средством. Не думаю, чтобы Институт от симбиоза с этой Ассоциацией что-нибудь выиграл. Институт должен перестроиться и наметить новые темпы и методы своей работы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово имеет тов. Акимов.

АКИМОВ. Я хочу сказать, какую роль играла производственная комиссия в налаживании работы Института. Первое это то, что 5-ти летний

план нашего Института не был еще составлен, - нужно было срочно приступить к этой работе. Я помню, нам на одном заседании производственная комиссия вынесла постановление, что необходимо к составлению пятилетнего плана приступить сейчас же и после этого пятилетний план Института был составлен в три часа. В первую очередь, мы добивались, чтобы Институт составил пятилетний производственный план. Вторая задача – это, конечно, выполнение этого плана. Очередная задача производственной комиссии заключалась в том, чтобы тот новый план, который был намечен в общих чертах еще в прошлом году, принял бы более конкретный характер, чтобы его можно было бы непосредственно выполнить. В этом отношении особых успехов производственная комиссия не могла добиться, потому что тот план, который был составлен на текущий учебный год, был совершенно новым, требовал особых методов работы и Институт приступил к этой работе впервые – опыта не было. Все-таки производственная комиссия несколько раз ставила этот вопрос на своих заседаниях. Мы три раза заслушивали тов. Курманова, и только с 1-го марта план фактически начал выполняться.

Лист 72

Смена 34

Третий вопрос, чем занимается производственная комиссия, – это поднятие трудовой дисциплины сотрудников института. На одном из заседаний была выработана схема учета, имеющая целью, чтобы научные сотрудники аккуратно являлись в И-т. Схему мы выработали, но фактически она не применялась. И-т все время заседал над конкретной выработкой производственного плана тек. года. Только с 1 марта фактически приступлено к этой работе. Для большей эффективности в работе мы обратили особое внимание на соцсоревнование. Договора соцсоревнования были заключены между секциями вначале, а потом между бригадами. Заключили мы эти договоры приблизительно 1/III, но фактически начали их выполнять только с 1/IV. К работе на Каучуке мы приступили 2/IV. Способствовали ли договора о соцсоревновании более интенсивной работе? – Конечно, они давали стимул к более интенсивной работе.

Что касается работы по подготовке аспирантов, то в тек. году производственная комиссия этим не занималась. Правда, она посетила несколько заседаний, где шла речь о тек. годе и о втором годе подготовке. Несколько слов о подготовке аспирантов в нашем И-те. Я, как аспирант, могу сказать, что то, что говорили, совершенно верно. Учебной части, которая бы

руководила и проверяла, как выполняется план подготовки, нет. Каждый аспирант прикреплен к одному руководителю. Бывали случаи, что аспиранты не прикреплялись к определенному руководителю, и когда при подаче диссертации у этих аспирантов спрашивали, кто их руководитель, они иногда отговаривались незнанием или называли несколько человек. Беда в том, что И-т берет аспирантуру по таким специальностям, руководителей по которым не имеет. Поэтому аспиранту или самому приходится работать, или пользоваться руководством *Рудика*.

Тов. Добрынин прав, что у нас целый год устраивались

Лист 72 об.

заседания, но поскольку мы теперь вплотную подошли к оценке работы нашего технического персонала, надо на это остановить внимание. Тут высказывались разные точки зрения на эту работу. Нужно было бы конкретно указать на причины недостатков в работе нашего адм.-техн. персонала. Одним из таких недостатков является тот разлад, который имелся среди нашего админ. персонала....

Лист 73

35-ая смена

Разлад этот все время чувствовался. Я работаю научным сотрудником с 1927 года, – не было ни одного месяца и дня, когда бы этот разлад в среде нашего административно-технического персонала не чувствовался. Почти всегда мы имеем споры между директором и коллегией. В частности, директор и коллегия разошлись по вопросу: следует ли принимать руководство работой при Наркомтруде. Коллегия настаивала, что труда надо взять, директор возражал, мотивировал, что у нас нет сил. Получается такое впечатление, что когда начинается ревизия или чистка, то отвечать приходится одному директору, а административный персонал в целом не несет ответственности. Вторая причина тоже конкретного характера, которая мешала техническому персоналу вести работу, – это разлад, который существовал между директором и ученым секретарем. Этот разлад во многих вопросах очень резко сгущался. Для примера приведу такой факт, что в прошлом году весной ученый секретарь Института самостоятельно выступил в Ранионе по вопросу о переводе за штат двух сотрудников Института – Артемова и Добрынина, не согласовав этого вопроса с директором. Директор приехал и установил это, произошел спор в

пределах президиума Раниона. Такие факты мешают административно-техническому персоналу правильно вести работу. Товарищ Добрынин охарактеризовал здесь товарища Сапира, которого как ученого секретаря, собственно не было. Я подчеркну два момента, которые лежат на ответственности секретаря: ведение учебной и идеологической части Института. Ученый секретарь совершенно не руководил учебной частью. Он передал ее аспирантам, которые должны были ее налаживать. В результате мы не имеем достаточно хорошо поставленного вопроса о подготовке кадров, с другой стороны то лицо, которое должно было этим делом заниматься, – этой работы не вело. Я лично ничего не имею против товарища Сапира – он очень хороший товарищ, работник и т.д., однако, в этой области чувствовался определенный разлад, который отражался на работе нашего Института. Пойдем дальше. На нашем секретаре лежит обязанность идеологического просмотра и руководства в большей степени, так как он человек партийный, а наш директор беспартийный. Между тем и эта сторона дела была недостаточно хорошо поставлена. Мы даже сейчас нашей идеологической платформы не имеем, потому что Сапир ее увез с собой. Все эти вопросы чрезвычайно больно отражаются на плане нашего Института. До тех пор, пока этот разлад не будет устранен, недостатки будут продолжаться.

Лист 74

Смена 36

Второй вопрос чисто технического порядка. Он также чрезвычайно болезненно, хотя, с другой стороны, отражается на нашей работе. Нам не предоставляли технических работников, и мы всю техническую работу должны были проводить своими руками. У нас есть только одна секция, где имеется один действительный член, один аспирант и при них 3 человека персонала. Что касается других секций, то на весь институт у нас один лаборант, который не справляется с работой. Экспериментальный И-т при таких условиях вести работу не может, и в дальнейшем нам на эту сторону необходимо обратить внимание.

КОВТУНОВА. Я бы хотела остановиться на вопросах, на которых останавливался т. Рудик. Из его слов можно было бы сделать вывод, что ученый секретарь не согласовывал вопросы с директором. Получается так, что весь руководящий состав сам по себе, а директор сам по себе. Я думаю, что с этим нельзя согласиться, потому что ни один вопрос не разрешался без Конст. Николаевича. То, что в последнее время мы имеем иногда «особое

мнение К.Н.», это еще не есть разлад в работе. Не один т. Рудик об этом говорил. Об этом много говорил т. Добрынин, который сказал, что основное для нашей работы – это отсутствие единства в нашей работе. Т. Добрынин привел такой пример, что когда у нас были плохие условия – в 23-24 гг., у нас была лучшая научная продукция, а теперь, когда мы имеем все условия лучшие, у нас стало хуже. Я спрашиваю, что тогда был план, по которому работали, или нет? Я спрашиваю, где сейчас корень зла – в том ли, что отсутствовал план, или в чем-нибудь другом? Я считаю, что говорит так, что наше зло в работе и в нашем руководстве заключается в несогласованности с директором, не верно. Т. Добрынин приводил еще такой пример, что прием аспирантов идет мимо директора, потом он говорил, что есть ряд вопросов, которые проходят мимо директора. Особый прием аспирантуры производился в Ранионе, но это не значит игнорировать работу директору, это не ограничение прав директора. Вся аспиран-

Лист 74 об.

тура комплектовалась Ранионом, и никакой особой политики здесь не велось. Это система работы. Я считаю совершенно неверной установку тех товарищей, которые хотят преподнести, что нельзя обвинять руководство, когда имеется разногласие внутри Коллегии, когда директор имеет свое «особое мнение». Это *неверная установка*.

Лист 75

Смена 37-ая

Теперь я хочу остановиться на следующих моментах. Здесь товарищи пытались преподнести, что внутри ячейки тоже какой-то разлад. Я не хочу на этом останавливаться, отмечу те больные места, которые мы имеем здесь и на которых особенно нужно остановиться. Здесь тов. Артемов подчеркнул, что совершенно неверно на него напали, когда в коллегии стоял вопрос, что велась статья в стенгазете и студенты работали в порядке практики. Так как мы имеем группу выдвиженцев, то я скажу, что наши сотрудники недостаточно серьезно отнеслись к этому вопросу. В работе с выдвиженцами нет той активности, которая наблюдалась по отношению к студентам. Я не вижу, чтобы наши выдвиженцы учились, к ним просто формально относятся. В связи с этим я хочу подчеркнуть тот факт, что когда коллегия постановила прекратить работу практикума, то Н.Ф. продолжал работать с этим аспирантом, мотивируя тем,

что надо закончить курс, и коллеги пришлось направить работу с выдвиненцами. Такое отношение наши сотрудники старались прикрывать и всячески защищать. Это очень показательный факт, или несерьезное отношение, или что-нибудь другое. Теперь я хочу остановиться на том, что здесь товарищи все время указывали: кто же ответственен за выписку аппаратуры из-за границы. Соломон Григорьевич поставил этот вопрос таким образом, что защищает Владимира Алексеевича и говорит, что мы все здесь виноваты, что здесь нужно с него снять ответственность. По-моему, есть коллегия Института, которая отвечает за всю работу, но есть лицо, которому коллегия поручила эту работу и оно является ответственным за эту работу. Я считаю, что ответственность за выписку аппаратуры лежит, в первую очередь, на Владимире Алексеевиче, и если есть какие-нибудь недоразумения со стороны секции в смысле заявки, то он должен первый сигнализировать об этой неправильности. Каждый из нас отвечает за ту работу, которую ведет. Со столом или без стола, э то неважно, но ответственность с него снимать нельзя. Соломон Григорьевич отвечает за секцию психо-техническую, а он за секцию экспериментальных работ.

Теперь я хочу остановиться на вопросе насчет работы на Каучуке и ответственности по части административной, в части руководства нашей работы.

Лист 76

Смена 38

Был ответственным по Каучуку т. Курманов, теперь К.Н. взял на себя ответственность за работу по Каучуку. До сих пор нет сотрудника, который был отвечал за эту работу. 27-го числа здесь был эксперимент. Прислали одного рабочего. Оказывается, он даже не знал, к кому ему идти, он сидел больше получаса, не зная, куда идти. Но мы ведь не приглашаем сюда рабочих, чтобы они здесь высидивали часы. Кто-то должна ведать этим, кто-то должен организовывать. Я потом специально пошла на 3-1 этаж, нашла Ник. Федоровича и выяснила, что этот рабочий был у него на эксперименте, и что он больше ему не нужен. Эта неорганизованность в постановке нашей работы требует какой-то ответственности.

Отсюда другой вопрос, что т. Курманов заявил, что нет ни одного представителя от Каучука, который бы мог сказать о нашей работе. У нас ни разу, ни один представитель от рабочих здесь не был, некоторые думают, что еще не подошел момент, когда мы должны связаться с Каучуком. Я же нахожу,

что мы с ними должны вести работу совместно. Т. Добрынин ведет работу с ударными бригадами. Сейчас идет выявление лже-бригад. Я спрашиваю у него: Вы в курсе этого дела или нет? – Нет, говорит, я только думаю наладить эту работу. Этот момент проскользнул мимо него, и это результат того, что мы не связаны с общественной организацией Каучука.

Последний вопрос я хочу связать с тем, что товарищи пытались представить, что помимо директора ведется проверка аспирантуры. Я хочу остановиться на кандидатуре т. Страхова, который как будто бы прошел все формальные дисциплины благополучно. К сожалению всего И-та, мы имеем теперь очень печальную картину – он в течение нескольких лет вводил нас в заблуждение, скрывая свое социальное происхождение. Как мы можем это расценивать? После этого мы можем ли сказать, что мы выпустили действительно полезного аспиранта? Да, мы скажем, что он является подготовленным аспирантом, что он ведет такую-то работу, но можем ли мы сказать про

Лист 76 об.

т. Страхова, что мы можем положиться на его работу? Его работа в *парткружке* показала его узкую академическую работу. Последний доклад его даже политически не верен. Я думаю, что этот факт заставит Коллегию более задумываться при проверке аспирантов.

Лист 77.

Смена 39-ая

Тогда когда мы принимаем аспирантов, мы должны очень хорошо на него посмотреть и пропустить через фильтр, чтобы мы готовили аспиранта-общественника, чтобы на него можно было положиться и в научном, и в общественном отношении. В данном случае, Институт должен на этой ошибке очень многому научиться.

МОЖАЙКИН. Товарищи, я хочу остановиться на хозяйственной части. Как раз здесь все время говорилось об учебе, о подготовке, но никто не говорил о хозяйственной части. Товарищ Корнилов приводил в своем отчете, что он несколько раз ошибался в т.п. Если сказать, что эти ошибки были сделаны каким-то рабочим, но здесь научный мир и подписать бумажку для выдачи пособия это не есть ошибка, а просто здесь отчасти халатность, или не сделано жалеючи, чтобы рабочий получил пособие. Товарищ Еленский дело не мог

сдавать, а просто сегодняшний день пришел товарищ Май, и товарищ Еленский должен уходить.

Теперь много говорили о том, что ученый секретарь мало уделял вниманию посещению Института. Не только ученый секретарь. Если обратить внимание, то даже тов. Корнилов не отличался ежедневной посещаемостью, хозяйственный ассистент получал ту же ставку, а посещал Институт в неделю. Особенно скажу про Архангельского. Он по неделям не приходил на работу. Здесь администрация вышестоящая не обращали на это внимание.

Теперь относительно аппаратуры. Мне как рабочему смотреть на это безобразие дико. Например, дают в мастерскую заказ сделать ту или другую вещь. Требуют срочно, приходилось работать чуть ли не по 16 часов в сутки. Сорвать эксперимент для сознательного рабочего недопустимо. Теперь мы видим, что рефлектор, который мы сделали срочно, стоит в коридоре, в него ввернуты две лампочки 1000 свечей, малейший толчок ногой и они негодны. Хотя бы тов. Троицкий вывернул эти лампочки. До настоящего момента того не сделано.

Теперь относительно тов. *Шебуевой*. Вот есть протокол положения, в котором ясно говорится – заприходовать пропавшие книги. На нем базировалась коллегия и что она постановлявала, из каких фактов выводила, что книги пропали. Заявляла ли тов. *Шебуева* коллегии об этом. Я бы это хотел узнать.

Лист 78

Смена 40

Теперь мне тоже один вопрос не ясен, по кино-лаборатории. У нас в кино-лаборатории имелся один аппарат. Для чего потребовался второй аппарат? – Один аппарат стоит в лаборатории, второй функционирует. В сущности, работа в кино-лаборатории происходит раза 4 в году. До работы на Каучуке ни разу не демонстрировалась ни одна картина.

ШПИЛЬРЕЙН. Мне кажется, что задачи наших выступлений заключается не в том, чтобы найти те участки работы, которые нужно разгромить – или разрешить или прочистить. – Наша задача заключается только в том, чтобы облегчить работу комиссии. Для этого мы должны сделать комиссии ясным, из каких частей состоит работа И-та, где необходимо найти слабые участки работы, чтобы при помощи чистки устранить. Работу нашу можно разделить, во-первых, на научно-исследовательскую; 2) воспитательно-

педагогическую (подготовка аспирантов); 3) работу хозяйственную (внутри) и 4) работу И-та вовне.

В отношении научно-исследовательской работы мне хочется повторить то, что я много раз говорил здесь, что самая структура нашего И-та мне представляется несколько случайной и ни в какой степени не выдерживающей принципа логического разделения. Мы состоим из 3 отделов – общей психологии, прикладной социальной психологии, детской психологии. С одной стороны – прикладная психология со всем ее частями, с другой – психология общая (психология детская, общая и). Так как будто логически, но фактически это не выдерживается. У нас все секции ведут прикладную работу, и поэтому секция прикладной психологии как будто является лишней. Кроме того, эта секция практической работы ряд лет уже не ведет. Такая работа ведется в остальных секциях, и поэтому самая структура института представляется логически запутанной. Какова целевая установка этой структуры? Что она не полезна и не

Лист 78 об.

нужна И-ту, а нужна только, чтобы И-т не выбрался из той нечеткости структуры, которая существует, чтобы прикладная работа велась секциями, в которых нет методологического обоснования работы, т.е. секциями, которые занимаются вопросами прикладной техники, лишены возможности практического применения результатов своей работы в смысле организационной структуры И-та.

Лист 79

Смена 41-ая

Научно-исследовательская работа до сих пор нигде не была планомерно разработана, нигде не было единого плана, кроме этого Каучука. План работы с ним намечен без учета возможностей, без четко поставленных задач, без сущности того плана, на котором будем работать, почти в течение года ни один человек не был на предприятии, которое считалось объектом работы, только самый последний год началась работа на Каучуке, которая была первой попыткой объединить всех работников Института на одной общей работе. Во время этой первой попытки организационно-внутренний охват этой работы не пошел далеко, и товарищи продолжали прошлую работу, наклеивая на нее

ярлык «Каучук». Это несколько слов относительно научно-исследовательской работы.

Теперь относительно подготовки аспирантов. Товарищи аспиранты наверное сами на себе чувствуют то, что у нас нет достаточного однородного подхода к этому делу, достаточной серьезности в этом деле, нет руководства аспирантов. Здесь говорили, что К.Н. жалуется, что у нас чуть ли не 30 аспирантов вышли идеологически неправильными. Конечно, критерии могут быть разными. Коли этот критерий правильный и 30 человек непригодны для Института, тогда мы зря работали здесь. Работа Института не заключается в том, чтобы давать людей непригодных, а задача заключается в том, чтобы подготовить людей нужных сейчас. Коли мы с этим не справились, значит, мы плохо работаем. С этой точки зрения нужно посмотреть. В чем здесь закваска, почему произошла эта неприятность, где тот прорыв, который не позволяет аспирантов подготовить.

Затем организационно-хозяйственная часть работы. Я здесь ссылаюсь на стенограмму той самокритики, которая была год-полтора тому назад, в котором познакомились с целым рядом вопросов организационного порядка. Я хотел бы указать на 2 вопроса: первый вопрос относительно мастерской, где как будто дело обстоит не очень благополучно. Мы до сих пор снабжаем нашими приборами не только свой Институт, но и некоторые другие Институты. Однако, мне представляется, что наши мастерские могли бы быть гораздо крупным центром, чем сейчас. Мы их не в достаточной степени используем не только для себя, но и для других.

Лист 80

Смена 42

... и вот почему, товарищи: мы кое-что слышали о заграничной аппаратуре. Мне во время моей заграничной поездки пришлось узнать, что Циммерман существует советскими заказами, что у него имеется целый ряд аппаратов, которые не имеют хода в Германии и которые идут на Восток разным дуракам (полякам, латышам и нам), что аппарат тремолот готовится таким образом: Нетто изготавливает эти аппараты средствами политехникума. Медная доска ему обходится 25 марок, дерево еще 75 марок, словом – 50 марок, он его за 100 марок продает Циммерману, а он нам за 350. Я полагаю, что Циммерман достаточно грамотный купец, чтобы знать, что он нашу осину посылает нам обратно. Я думаю, что мало того, что мы установили, что он нашу осину нам обратно посылал. Надо написать грубейшее письмо отсюда Циммерману

(Пауцеру); 2) написать сильно ругательное письмо нашему Торгпредству, потому что они несомненно проявили головотяпство, принимая эти столы; 3) я в своем журнале помещу и К.Н., я думаю – не откажется поместить в своем журнале, протест против Пауцера за такого рода облапошивание. Кроме того, я бы считал необходимым от имени нашего И-та обратиться во все специальные журналы с этим заявлением. Я думаю, что большинство журналов этого не напечатает, но какие-нибудь конкуренты, наверное, напечатают. У нас был один случай, когда немецкая фирма продала от нас обратно аппарат (прислали тоже что-то вроде осинового стола). Нам нужно, конечно, вести строгую линию на прекращение всякого сбыта к нам иностранной аппаратуры, кроме совершенно необходимой аппаратуры.

Лист 81

43-я смена

У нас по этому поводу кое-что делается. Теперь скажу о хозрасчетных работах, которые в Институте называют «социальным заказом». Фактически, это простые заказы психотехнического порядка, которые производятся нашим Институтом. Я когда-то вел две работы таким образом. У нас был заключен договор один раз с Пуром⁸, другой раз с Главнополитпросветом, деньги поступали в Институт и определенным образом расходовались. Договор хранится здесь. У нас, по-видимому, существует еще некоторые хозрасчетные операции. Гораздо труднее будет проверить где и кто, и как получали деньги по этим договорам и где они хранятся. Вероятно, можно будет выявить такие факты, что коллегия считает необходимым взять какую-нибудь хозрасчетную работу и уполномочивает товарища вести переговоры. Необходимо проверить, что делается дальше. Вероятно, мы найдем, что дальше работа ведется другим учреждением, а Институт отвечает ха эту работу. Надо посмотреть, кто приглашался на эту работу, кто ее вел, кто получал деньги, потому что в кассу Института они не пострадали. Надо посмотреть, как эти деньги прошли. Сначала проектировалось относительно этих хозрасчетных работ, что мы по заданию других высоких органов ведем ту или иную прикладную работу, потом эти объявления у нас затихли, потом оказывалось, что работа велась не нами, а другим учреждением – Главнополитпросветом и денежных расчетов не оказывалось.

Я считаю, что этот материал комиссия должна будет проверить, насколько здесь действительно все обстоит безукоризненно. Цифр у меня нет.

⁸ Политическое управление (ПУР) Красной Армии. – А.К.

МИЛЯГИН. Я хочу сказать о кадрах. Этот вопрос перед вузами стоит 2-3 года. Только в нынешнем году он принял более или менее серьезное разрешение. Обычно выдвигали ребят, комсомольские, партийные организации и ставили их на определенные должности, на задаваясь вопросом, соответствуют ли они данной работе. В результате в исследовательской комиссии попадали ребята не выдержанные идеологически или по существу лояльные. Ведь жизнь требует не только лояльных, а требует вожаков.

Лист 82

Смена 44

В последнее время вопрос о кадрах стал особенно остро и особенно выдвинулся по мотивам политического порядка. Прежде чем приступить к вопросу о Страхове, я немножко отклонюсь и скажу, что я не согласен с заявлением Шпильрейна, что здесь научные работники должны выработать определенных людей. Нельзя думать, что поступающий в Научно-исследовательский И-т человек представляет из себя и поэтому вопрос в подборе соответствующих людей встает во всей полноте. Раз такое положение существовало, вполне понятно, что поступали люди, не совсем соответствующие по своим идеологическим убеждениям. В частности мы имеем дело Страхова, который за время пребывания в стенах И-та проявил себя, как «лояльный», я бы сказал. (С места – Антиобщественник). Вот в чем суть дела. Т. Страхов скрыл свое происхождение, являясь сыном священника, не только при поступлении в Научно-исследовательский И-т, но и при поступлении в ВУЗ (Читает постановление).

Мы просим по этому вопросу вынести особое решение. Нужно сделать, чтоб оно пошло от лица общего собрания. После этого Страхов сказал заявление, чтобы ему дали возможность заняться общественной работой.

(Читает постановление).

Лист 83

Смена 45-я

МЕЙЗИНА. Здесь важно не чистить тех или других товарищей, но имеет значение то обстоятельство, что мы должны указать, что мы должны указать, что нужно для того, чтобы улучшить нашу работу в будущем. С этой точки зрения мне хотелось остановиться очень кратко на некоторых вопросах. Вот,

например, вопрос, что наш Институт, как все другие институты болеет очень современной болезнью, она заключается в том, что мы не совсем идем с требованиями жизни в настоящий момент. Обычно научная мысль, как констатировал тов. Сталин, отстает от практики. Все институты перестраиваются по этой линии, нужно нашему Институту перестроиться так, чтобы наша теоретическая работа вполне соответствовала тем практическим задачам, которые ставятся перед нами революцией. Нужно из этих задач выбрать те, которые дали бы нам возможность проявить себя как научной организацией, которая завоевала себе место с другими науками.

Второе это то, что наш Институт чрезвычайно мало связан с периферией. Некоторые институты нас в этом отношении опережают. Институт Методов Школьной работы занимается проблемой идеологии рабочих и других лиц, т.е. такими вопросами, которыми должны заниматься Институт психологии. Они послали бригады, которые проехали по СССР; одна бригада поехала на Серенный Кавказ, другая бригада в другое место. Они изучали те проблемы, которые надлежало бы изучать нам. Если связать это с тем, что мы не соединили нашу теоретическую работу с практической, то убедимся в том, что действительно, если в дальнейшем так пойдем, то другие институты не будут нас опережать. Институт Методов Школьной Работы не может поставить работу так, как поставит Институт Психологии.

Третий вопрос о связи. У нас уезжают товарищи на периферию. Мы ежегодно выпускаем аспирантов, нужно подумать о связи с теми нашими товарищами, которые уезжают. Они должны быть агентами для проведения идеологической установки, для популяризации идей нашего Института, кроме того, нам нужно связаться с уезжающими хотя бы для того, чтобы контролировать их работу, чтобы вовремя от них отказаться, если они искажают линию Института. Мы не связаны с уехавшими товарищами, например, что делает Смирнов в Алмате мы не знаем. Затем, мы не даем уезжающим товарищам определенных заданий. Институт Научной Философии и Ранион дают отъезжающим задания, последние время от времени приезжают и отчитываются в работе. Это дает связь и укрепляет идеи, которые проповедует Институт.

Еще один момент – тов. *Геллерштейн* в своем выступлении сказал, что нас институт гнет на корке, и это выражается в том, что наши работники в других местах работают и делают много, а в нашем Институте мало работают. Если такая атмосфера в Институте существует, то надо призадуматься

Лист 83 об.

и комиссии, всем нам здесь присутствующим, в чем здесь дело, почему чувствуется такая атмосфера.

Лист 84

Смена 46

для того, чтобы задуматься над причинами этой атмосферы. Нужно не стесняться и поставить вопрос ясно, указав, почему я не могу работать. Таких заявлений не поступало. Между тем заявляют, что у нас что-то не ладно, что мы не можем работать и т.д. Нужно, чтобы наша Комиссия сделала из этого соответствующие выводы.

БОРОВСКИЙ. Я хочу дать две маленькие справки.

1) Относительно т. Страхова. Его называются оканчивающим аспирантом. Я могу это понять только в том смысле, что он пробыл у нас три года. С точки учебной работы он таковым не считается. Он не закончил обязательной работы, не сдал диссертации, дело он не представлял, и с точки зрения Уч. Части он заканчивающим не может считаться.

Другая справка – у нас говорили очень много о заграничном оборудовании. Секция социальной психологии за все время существования ни одного аппарата не выписала, а все оборудование, какое у нас имеется, выражается в 4-х секундомерах.

Заключительно слово т. Корнилова. Т. председатель предупредил меня, что мое заключительное слово должно касаться только ответов на вопросы.

Во-первых, я не останавливался на вопросе о Каучуке, т.к. это вопрос научно-исследовательского порядка. О научно-исследовательской работе мы подробно говорили во время недавней ревизии. Поэтому сегодня я перенес центр тяжести на другую сторону. В общем я бы сказал, что все идет правильно: как вокруг всякой научной работы, которая является общественными достижениями, собираются мнения, крайне противоречивые. Наблюдается абсолютно то же самое, что и во всех коллективах. Есть скептики, которые отрицательно относятся ко всему, отрицательно и отходят от этого дела. Есть вторая группа людей – бузотеры, которые чрезвычайно много говорят и ничего не делают. О Каучуке столько наговорили, что если бы

Лист 84 об.

все это написать, будет огромный том. Третья группа людей, которые горячатся, но делают, и если что-нибудь буде сделано, то только этой группой. Я убежден, что вся работа нами проведена ни в коем случае не впустую. Были, конечно, ошибки, были промахи. В исследовательской работе без ошибок, без промахов не бывает. По-моему, только тот, кто никогда не проводил научно-исследовательской работы, думает, что в ней может все идти гладко. У нас может быть масса ошибок, но путь, который мы выбрали, несомненно, правильный.

Лист 85

47-я смена

Результат в ближайшее время доложим.

Второе, кем заключались договора с отделениями исследовательской работы Главнауки и как исполнялись.

Договора заключались И.С.⁹ с Главнаукой и Главполитпросветом. Он не отчитывался. Когда тов. Сапир приступил к работе, то он потребовал отчет, вы их увидите. Эти бумажки с указанием человека-часов имеются.

На наших условиях исполнялась исследовательская работа Франкфуртом и как исполнялась.

Мы не заключали никакого договора. Тов. Франкфурт состоял на службе у Главполитпросвета получал 100 рублей, сейчас, кажется, получает 225. Институт не вмешивается и дает только свое идеологическое руководство.

Ведется ли запись финансовых дел по хозрасчету.

Никаких договоров по хозрасчету не было. Я был принципиальным противником этого. Приблизительно с 26-го, 27-го года таких договоров не заключали.

Что сделал Институт относительно выселения лишенцев.

Институт мог опираться на 1-университет или на РКИ. Мы сами не только не можем выселить, но даже вселить нашего ассистента и мастера. Для того, чтобы вселить Кочеткова, пришлось вести сложную работу в первом университете. РКИ когда обследовала, то знал, что лишенец есть, но он чрезвычайно хитрый человек. Дело в том, что в этом помещении живет бабушка, которая состоит пенсионеркой этого университета и имеет право там жить, у бабушки есть внучка, а к этой внучке имеет какое-то отношение этот лишенец. Когда РКИ начала обследование, этот лишенец уехал, а теперь

⁹ И.Д. Сапир. – А.К.

приехал и даже восстановился в правах. Я просил бы товарищей из РКИ устранить этого лишенца.

Лист 86

Смена 48

Я думаю, что Комиссия должна это вопрос обследовать, потому что иначе кражи у нас будут происходить бесконечно.

ВОПРОС. Как у нас с социальным положением, когда вы принимаете. Проверяются ли документы.

ОТВЕТ. Это здание принадлежит Университету, он нас не спрашивает.

Я хотел ответить еще на следующий вопрос. Среди присутствующих товарищей одни спорят, что нет покоя в этом И-те. Т. Добрынину, например, желательно было бы, чтобы все было спокойно, чтобы не было никакой борьбы. Тов. *Геллерштейн* – мы с ним всегда заседаем в разных комиссиях. Так никогда у нас идеологические вопросы не поднимаются, а здесь – на каждом шагу. И это будет до тех пор, пока я состою директором. До тех пор тов. *Геллерштейн*, несомненно, покоя не будет, и тот, кто скорбит об этом покое, не найдет его, ибо так было с 23 года, и так будет, пока я остаюсь на этом месте.

Собрание закрывается.

Лист 88

Протокол №

Общего собрания Г.И.Э.П. от 11/11-30 г.

Повестка дня:

Доклад Комиссии Н.К. РКИ и ЦПК по обследованию кадров

Слушали: 1. Доклад Председателя Комиссии И.К. РКИ и ЦПК т. Тесленко о подготовке и обследовании кадров, в котором он говорит об общих задачах проверки вообще и И-та психологии в частности.

Докладчик сообщает о мерах проверки, которые сводятся к следующему: 1) Личная беседа с аспирантами, 2) просмотр их отчетов о работе, 3) беседа с руководителями. Цель – выявить аспирантов и со стороны научной и со стороны общественной.

Данное собрание путем самокритики должно выявить недостатки подготовки аспирантов в И-те, или облегчится работа комиссии по изучению этого вопроса.

2. Доклад т. Корнилова о работе И-та. Тов. Корнилов рассказывает сначала историю И-та, после чего переходит к тому, как идет подготовка.

Докладчик отмечает, что здание И-та специально оборудовано для этой цели, а поэтому для экспериментальных работ вполне приспособлено, имеется своя библиотека, достаточное количество лабораторий, мастерская, электростанция. Бюджет около 30 тыс. руб. в год, что очень мало.

Целевая установка И-та – изучение поведения личности в генетическом и структурном развитии.

В составе И-та 4 секции, сейчас создается пятая – военная.

Марксистское ядро в И-те создано в 1923 г., причем до 1925 г. велась только теоретическая работа по психологии, а с этого времени последняя начинает связываться и с практикой – выход в Главполитпросвет, связь с Пуrom, Нарком. Культ. и Отдыха, Третьяковой.

Аспирантов начали набирать с 24/25 г., но первые наборы были позже, но постепенно состав стал улучшаться. Сейчас мы имеем 11 аспирантов из которых 8 чел. ВКП (б). По социальному происхождению они распределяются так: рабочих 1, крестьян 3, служащих 5 и детей духов. 1.

Из прошлого выпуска 4 аттестованы как не марксисты.

О подборе аспирантов вопрос нужно поставить серьезно, для чего нужно связаться со 2 МГУ.

Учебная работа аспирантов протекает по индивидуальному плану, который они получают в конце первого года. Имеющийся план устарел, надо переделать.

Распределение кончивших аспирантов на работу очень затруднительно, места не требуют. Из всех кончивших в провинции работает только 2 чел., остальные в Москве.

По пятилетке ежегодный прирост аспирантов предполагается 20 %.

Прения: 1) Ансон – высказывает пожелание, чтобы выступили окончившие, которым работа И-та более знакома.

2) Шпигель – я аттестован как не марксист. Думаю, что это – результат борьбы психотехников с другими секциями. Я за все время пребывания в И-те не марксистом не считался и выход был неожиданным и необоснованным. Мною подано заявление о пересмотре характеристики, но и до сих пор ответа не получил. Здесь есть склонность борьбу идеологическую переводить в организационную.

3) Коган – Из доклада т. Корнилова все благополучно, а это не совсем так. Имеется много недостатков, а именно: Самарск. аспирантов нет связи с Университетами, нет выдвиженцев. Руководство аспирантами со стороны

академической работы нет, в результате чего они предоставлены сами себе а научного работника в таких условиях воспитать трудно.

Секции работают, не увязывая свою работу с другими секциями, потому подготовка аспирантов очень односторонняя.

Содержание подготовки также недостаточно, например, у нас даже нет

Лист 88 об.

семинара по истории психологии, что нужно устранить.

Работу вширь мы развиваем, а вглубь нет. Это объясняется и слабостью сил, и руководства. Не нужно разбрасываться, а брать мало, но заканчивать.

Мы не можем распределить окончивших, потому что не имеем связи с вузами.

Основной недостаток в том, что мы варимся в своем соку, у нас есть такие аспиранты, которые не ведут никакой общественной работы, а то сидят только над книгами.

С периферией и другими научно-исследоват. И-тами близких нам по направлению мы не связаны.

Некоторые дисциплины в И-те, например физиология и анатомия нормальной системы, прорабатывается сухо, увязки с нашей работой почти не делается. В частности, нужно нейро-патология.

4) *Нейфах*. В И-те есть традиция замыкаться в кабинете. Наша характеристика, что мы не марксисты, дали из-за личных счетов, в которые переросла борьба между Шпильрейном и Корниловым. В течение 4 лет у нас уклонов не намечалось и эти характеристики были неожиданными.

Контакт между руководством и аспирантами не совершенен – был Шпильрейн, были и аспиранты.

5) *Антонюк*. У Т. Корнилова получилось очень оптимистично. Когда как много недостатков: нет плановости, аппаратура выписывается из-за границы без учета необходимости. План работы аспирантов с 1924 г. не перестраивался, а работа на Каучуке составлялась без учета реальности, на что говорит мнение психотехников, что завод для обследования выбран.

Учета работы аспирантов *низкий*, диссертации не пишутся, языки не изучаются. Директор и уч. секретарь работой лаборатории не интересуются.

План работы аспиранты не знают. Руководителей набирают без всякого выбора, пример чему Чучмарев.

6) *Таланкин*. - Дело не так плохо, как говорит Антонюк. Психотехникам характеристика давалась в присутствии т. Шпильрейна. Кроме этих 4 были еще

аспиранты, они получили хорошие характеристики. Характеристики давались не Корниловым, а комиссией, в которой были аспиранты.

Плохо в И-те то, что мы не знаем кого оставим, в результате в этом году не сумели *официально* распределить кончивших. Провинцию захватили рефлексии, тогда как это было сделать нам. Психологию необходимо восстановить в правах, плохо и то, что помимо Ин-ской работы мы имеем большую постороннюю и обществ. нагрузку, в результате чего наша подготовка сокращается до года. Диссертацию нужно на год отсрочить.

7) Сапир. - Психология начинает завоевывать место и определять свое положение среди наук, что показал съезд.

Аспирантам нашего И-та необходимо наряду с изучением психологии знакомиться и с родственными дисциплинами – *педагогика*, психопатология и др.

План И-та не отражает тех, кого мы готовим. Нужно сказать, что план сильно упрощен и имеются на это некоторые т.т. не выполняют даже его. особенно по языкам.

Семинарий по исп. психологии был отменен комиссией совместно с представителями ЦК, теперь нужно подумать о его восстановлении.

8) Ковтунова. – Отрицательные черты приема 1925/26 г. в том, что не было установлено целевой установки. Кроме того не было правильной дифференцировки по секция, в результате секция психотехники не может удовлетворить потребности, тогда как аспирантов других секция не знали как распределить.

Плохо, что много обществен. работы, на которому чл. ВКП (б) тратят до 40% всего времени, так, что на учебную работу у них остается около 55%.

9) Смирнов – Основной недостаток – отсутствие коллективности в работе, работа велась по индивидуальным плана, этим объясняется и то, что 4 чел. характеризованы как не марксисты.

Лист 89

Практикум аспирантов не связан с теорией, он выражается только в знакомстве с аппаратурой.

10) Артемов – Педологи умеют лучше нас лавировать, хотя научного материала у них меньше. Мы достаточно знаем диамат, но экспериментальную работу надо подтянуть. Бюджет мал, сотрудники принуждены работать на стороне.

11) Курманов – Основной недостаток то, что никто не руководит И-том. Нужно вести единоначалие и каждого сделать ответственным за порученную ему работу.

Практикум ведется плохо, надо создать условно, чтобы вырабатывать творца.

Коллективного руководства нет, руководит обыкновенно один, а это, несмотря на то, что у нас есть руководитель с большим опытом, может толкнуть аспирантов не по нужному пути, т.к. среди указанных выше руководителей есть не марксисты.

12) Рудик – У нас отсутствует учебная часть. И-т не связывает свою работу с работой сотрудников на местах, почему же ведут там руководство от своего имени.

Необходимо выработать платформу.

13) Лурия – Аспирантам нужно кончать в 3 года, посему с первого же года нужно начинать серьезное руководство ими, включая их в определенную исследовательскую группу.

Методический семинарий нужно создать, надо проработать вопрос об организации рабочих групп, т.к. сейчас требуются работы таких специальностей, которых секции у нас не готовят.

14) Добрынин. – Количество семин.¹⁰ увеличивать не надо, нужно углубить имеющуюся работу. Практикум в форме, которая существует, нужна, т.к. он проходится с теми, кто с ним совершенно незнаком.

15) Макаров – Аспирант, работая в семинаре по диамату должен написать одну-две рецензии. Практикум по психол. нужно изменить, прибавив к нему проработку нескольких самостоятельных тем.

16) Ансон – И-тут не может аспиранта воспитать идеологически, сюда уже должны придти уже сложившиеся в идеологическом отношении т.т. Поэтому нам нужно серьезно подумать о вновь принимаемых, и для этого недостаточно связаться с Университетами, т.к. мы там можем найти очень мало годных нам товарищей: чтобы получить хороший кадр аспирантов, нужно связаться с периферией.

17) Белокопытова – Основные проблемы нужно разрешить не по секциям, а коллективно, секции одни не могут.

¹⁰ семинариев – А.К.

18) Линтварев – По плану аспиранты должны проработать до 6 тем, нужно сократить, т.к. так возможно только ученическая, а не исследовательская проработка.

19) Шпильрейн. Нашему И-та мешает работать следующее: 1) что он в составе РАНИОН'а, тогда как психология не только обществен. наука, 2) что наши сотрудники работают по совместительству в других местах, 3) разделение на секции потеряло смысл, т.к. каждая секция прорабатывает все проблемы, приветствует создание рабочих групп, 4) В секции психотехники со стороны коллегии руководства не было.

Оценка 4 аспирантов как не марксистов необоснованно, нужно характеристику пересмотреть, что возможно, т.к. каждый из них имеет печатные работы, и если изменить характеристики или снять с работы.

Заключительное слово – неверно, что мы очень плохо работаем, за это говорит количество выпускаемых печатных изданий, кроме того, мы ведем большую методическую работу в связи с работой на «КАУЧУКЕ», собирались для нее по 3 раза в неделю.

Слушали: Резолюцию по отчету делегации на международном психотехни-

Лист 89 об.

ческом съезде (т. Коган).

(Принимается)

Постановили: Резолюцию принять в целом.

Председатель:

Секретарь:

Список литературы:

1. Богданчиков С.А. История советской психологии: 1920-1930-е годы. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011. 252 с.

2. Богданчиков С.А. Отчет о совещании психологов (Москва, 1936): современные комментарии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 9. № 1. С. 40-49.
3. Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.
4. Воловикова М.И. Исследования лаборатории психологии личности Института психологии РАН: история, современное состояние, перспективы в лицах // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 3 (79). С. 57-60.
5. Государственный архив РФ. Ф. А406. Оп. 12. Д. 2505.
6. Ждан А.Н. Вклад научных школ Г.И.Челпанова, Л.С.Выготского, Б.М.Теплова в психологическую науку Московского университета // Челпановские чтения 2016: Диалог научных школ Психологического института: Л.С.Выготский, Б.М.Теплов, Г.И.Челпанов Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 29-38.
7. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
8. Журавлев А.Л., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Изучение отечественной и мировой психологической мысли: результаты и перспективы исследований // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. 2016. С. 7-15.
9. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
10. Итоги дискуссии по реактологической психологии. Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 06.06.1931 г. // Психология. 1931. №4-64. С. 2-3.
11. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П., Костригин А.А. Новиков Виктор Васильевич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 31-40.
12. Кондаков И.М. Константин Николаевич Корнилов. Талантливый организатор науки (1879—1957) // Выдающиеся психологи Москвы. С. 109—120.

13. Корсаков С.Н. Политические репрессии в Институте философии (1930-1940-е гг.) // Философский журнал. 2012. № 1. С. 120-170.
14. Костригин А.А. «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 108-138.
15. Мазилев В.А. В. С. Филатов и создание Ярославской психологической школы // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи». ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. 2016. С. 461-469.
16. Мунипов В.М. И.Н. Шпильрейн, Л.С. Выготский и С.Г. Геллерштейн – создатели научной школы психотехники в СССР // Культурно-историческая психология. 2006. № 4. С. 85–109.
17. Плешаков В.А., Плешакова К.А. Вклад научной школы Е.А. Левановой в исследование теории и развитие практики социальной педагогики и психологии // Педагогическое образование и наука. 2016. № 3. С. 19-21.
18. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под. ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
19. Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. М.; СПб.: Нестор-История, 2013.
20. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21-31.
21. Сорокина М.Ю., Стоюхина Н.Ю. Всеволод Басов (1892-1937 (?)) - новое имя в истории российской психологии и педологии // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Московский государственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 248-253.
22. Стоюхина Н.Ю. К списку репрессированных психологов #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 90-107.
23. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 429 с.

24. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Создание аппаратных методик как проблема советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 210-219.
25. Умрихин В.В. Неявные контексты явных драм истории советской психологии (к 80летию «реактологической дискуссии») // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 56-65.
26. Умрихин В.В. «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991, с. 136–145.
27. Философия психологии / под ред. В.А. Лекторского. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 396 с.
28. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford: Blackwell, 1989. 583 p.

References:

1. Bogdanchikov S.A. Istorija sovetskoj psihologii: 1920-1930-e gody. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj social'no-jekonomicheskij universitet, 2011. 252 s.
2. Bogdanchikov S.A. Otchet o soveshhanii psihologov (Moskva, 1936): sovremennye kommentarii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija. 2015. T. 9. № 1. S. 40-49.
3. Bogdanchikov S.A. Proishozhdenie marksistskoj psihologii. Diskussija mezhdru K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psihologii 20-h godov. Saratov: SJuI MVD Rossii, 2000. 232 s.
4. Volovikova M.I. Issledovanija laboratorii psihologii lichnosti Instituta psihologii RAN: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy v licah // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i jergonomiki. 2016. № 3 (79). S. 57-60.
5. Gosudarstvennyj arhiv RF. F. A406. Op. 12. D. 2505.
6. Zhdan A.N. Vklad nauchnyh shkol G.I.Chelpanova, L.S.Vygotskogo, B.M.Teplova v psihologicheskiju nauku Moskovskogo universiteta // Chelpanovskie chtenija 2016: Dialog nauchnyh shkol Psihologicheskogo instituta: L.S.Vygotskij, B.M.Teplov, G.I.Chelpanov Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2016. S. 29-38.
7. Zhdan A.N. Istorija psihologii. Ot Antichnosti do nashih dnei. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 576 s.
8. Zhuravlev A.L., Kol'cova V.A., Olejnik Ju.N. Izuchenie otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoi mysli: rezul'taty i perspektivy issledovanij // Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoi mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержание koncepcij Materialy vserossijskoj konferencii po istorii

- psihologii «VI Moskovskie vstrechi». Otvetstvennye redaktory: A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Ju.N. Olejnik. 2016. S. 7-15.
9. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe / Pod obshh. red. Ekateriny Zavershnevoj i Rene van der Veera. M.: Izd-vo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2017. 608 s.
 10. Itogi diskussii po reaktologicheskoj psihologii. Rezoljucija obshhego sobranija jachejki VKP(b) Gosudarstvennogo instituta psihologii, pedologii i psihotehniki ot 06.06.1931 g. // Psihologija. 1931. №4-64. S. 2-3.
 11. Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P., Kostrigin A.A. Novikov Viktor Vasil'evich: dannye biografii #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 5. S. 31-40.
 12. Kondakov I.M. Konstantin Nikolaevich Kornilov. Talantlivyj organizator nauki (1879—1957) // Vydajushhiesja psihologi Moskvyy. S. 109–120.
 13. Korsakov S.N. Politicheskie repressii v Institute filosofii (1930-1940-e gg.) // Filosofskij zhurnal. 2012. № 1. S. 120-170.
 14. Kostrigin A.A. «Rabota v celom ne udalas'»: Delo po chistke apparata Instituta jeksperimental'noj psihologii v 1930 g. (arhivnye materialy) // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. № 1. S. 108-138.
 15. Mazilov V.A. V. S. Filatov i sozdanie Jaroslavskoj psihologicheskoj shkoly // Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoj mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержanie koncepcij Materialy vsrossijskoj konferencii po istorii psihologii «VI Moskovskie vstrechi». otvetstvennye redaktory: A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Ju.N. Olejnik. 2016. S. 461-469.
 16. Munipov V.M. I.N. Shpil'rejn, L.S. Vygotskij i S.G. Gellershtejn – sozdateli nauchnoj shkoly psihotehniki v SSSR // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2006. № 4. S. 85–109.
 17. Pleshakov V.A., Pleshakova K.A. Vklad nauchnoj shkoly E.A. Levanovoj v issledovanie teorii i razvitie praktiki social'noj pedagogiki i psihologii // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2016. № 3. S. 19-21.
 18. Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii / Pod. red. A.V. Brushlinskogo. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 1997. 576 s.
 19. Psihologicheskij institut v Moskve: rossijskij centr psihologicheskoj nauki, kul'tury i obrazovanija. Dokumental'naja letopis' k 100-letiju so dnja osnovanija. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2013.
 20. Reaktologicheskaja diskussija v Psihologicheskom institute // Voprosy psihologii. 1994. № 2. S. 21-31.
 21. Sorokina M.Ju., Stojuhina N.Ju. Vsevolod Basov (1892-1937 (?)) - novoe imja v istorii rossijskoj psihologii i pedologii // Gumanitarnye osnovanija social'nogo

- progressa: Rossija i sovremennost' sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ministerstvo obrazovanija i nauki RF; Moskovskij gosudarstvennyj universitet dizajna i tehnologii. 2016. S. 248-253.
22. Stojuhina N.Ju. K spisku repressirovannyh psihologov #1 // Istorija rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. № 1. S. 90-107.
23. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2016. 429 s.
24. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Sozdanie apparaturnyh metodik kak problema sovetskoj psihotehniki // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 6. S. 210-219.
25. Umrihin V.V. Nejavnye konteksty javnyh dram istorii sovetskoj psihologii (k 80letiju «reaktologicheskoj diskussii») // Voprosy psihologii. 2012. № 2. S. 56-65.
26. Umrihin V.V. «Nachalo konca» povedencheskoj psihologii v SSSR // Repressirovannaja nauka. L.: Nauka, 1991, s. 136–145.
27. Filosofija psihologii / pod red. V.A. Lektorskogo. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2016. 396 s.
28. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford: Blackwell, 1989. 583 p.

Сведения об авторе:

Костригин Артем Андреевич, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Вопросы истории и методологии психологии

К вопросу о периодизации научного творчества К.К. Платонова

Зверева Татьяна Васильевна

Независимый исследователь, Россия

e-mail: tatianazvereva@mail.ru

Носкова Ольга Геннадьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: nog4813@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истокам полипрофессионализма психолога К.К. Платонова. Авторы использовали метод контент-анализа применительно к названиям публикаций ученого. Детерминанты эволюции содержания трудов ученого — опыт личности ученого и его качества, его профессиональная деятельность, проблемы общества.

Ключевые слова: научная биография, полипрофессионализм, детерминанты научного творчества.

To question of periodization of scientific work of K.K. Platonov

Zvereva Tatiana Vasilievna

Independent Researcher, Russia

e-mail: tatianazvereva@mail.ru

Noskova Olga Gennadievna

Lomonosov Moscow State University, Russia

e-mail: nog4813@mail.ru

Abstract. The article focuses on sources of the polyprofessionalism by psychologist K. K. Platonov. Authors applied the content-analysis method relative to his work's titles. They

exposed determinants of the evolution of his work's content – the experience of the person and his qualities, his professional activity, problems of the society.

Keywords: scientific biography, polyprofessionalism, determinants of scientific work's content.

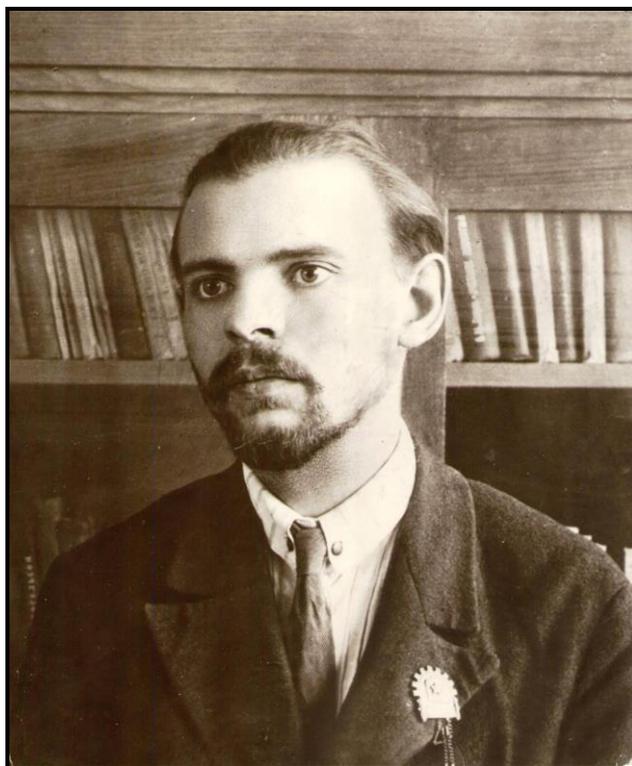

Рис. 1. К.К. Платонов в 1930-е гг.

В исследовании научного творчества Константина Константиновича Платонова (1906-1984) оставался до настоящего времени относительно мало изученным феномен его полипрофессионализма. Данный феномен проявлялся в том, что наследие этого ученого поражало современников и историков науки многообразием тем, которые ему удавалось глубоко и всесторонне освящать. К.К. Платонова принято относить к ученым-энциклопедистам, которые относительно редко встречаются в современной психологической науке, требующей специализации. Диссертация Н.Е. Казаковой (2002) была специально посвящена этому феномену как примеру многогранного творчества ученого в контексте акмеологического исследования. Однако в этой диссертации в центре внимания ее автора были лишь опубликованные работы ученого. С нашей точки зрения, итоговые крупные публикации являются, как правило, завершением этапа научного творчества и им предшествует относительно длительный период сбора материала, погружения в тему и пр. В этой связи историко-психологическая реконструкция творческого наследия

ученого должна, по-возможности, воссоздать весь массив научных трудов ученого и соотносить эти результаты его творчества с целостной научной и научно-практической деятельностью. Таким способом предположительно можно выяснить соотносительную роль индивидуально-своеобразных особенностей таланта ученого, с одной стороны, и с другой — обусловленность его интересов, содержания научной тематики внешним социальным заказом, требованиями должности, организации, научного сообщества в каждый период жизнедеятельности ученого.

Авторами данного сообщения (а точнее, Т.В. Зверевой) была проведена значительная работа по описанию материалов личного архива К.К. Платонова, который хранится в Институте психологии РАН. Удалось реконструировать относительно полно библиографический список научных трудов ученого, состоящий из опубликованных в печати научных и научно-популярных работ, рукописей и научных отчетов, а также докладов и выступлений ученого. Общее количество работ составило 576 наименований (318 опубликованных текстов, 188 выступлений и 70 рукописей и научных отчетов). Проблематика была разделена по содержанию на 25 разных тематических направлений. Далее был проведен контент-анализ названий текстов и выступлений. В названии работы могли быть отражены две и более тематических единицы, и поэтому всего в базе данных оказалось 823 единиц. Все работы были распределены далее по 8-ми этапам жизнедеятельности К.К. Платонова. Каждый этап жизни формировался в зависимости от занимаемой им должности в определенной организации, и от условий жизни ученого в целом, соотносимых с жизнью общества. Результаты этой работы представлены в таблице № 1. В этой таблице даны не только сведения о количестве работ, но и жирным шрифтом обозначены направления, по которым в данный период жизни было выполнено наибольшее количество исследований. Поскольку сами периоды жизни оказались разной продолжительности, в таблице помещены также и процентные значения количества работ в каждом периоде соответственно тематике исследований, а также среднее количество тем, представленных в наследии ученого за год в каждом периоде.

Опишем ниже кратко каждый период жизнедеятельности К.К. Платонова, а именно занимаемые им трудовые посты в организациях.

I - 1925-1930 гг. – период студенчества (учеба на биологическом факультете Харьковского института народного образования, обучение в Харьковском медицинском институте, Государственном институте медицинских знаний в Ленинграде); работа в ИРЕ (Институте по распространению естествознания в Харькове); лаборант психофизиологической

лаборатории Украинского психоневрологического института; лаборант психотехнической лаборатории Южных железных дорог в г. Харькове.

II – 1931-1932 гг. – период деятельности в качестве врача-практика и научного сотрудника Уровского исследовательского центра в Забайкалье.

III – 1933-1935 гг. Платонов – начальник исследовательского сектора отдела техники безопасности Горьковского Автозавода, затем начальник научно-исследовательской лаборатории тракторного завода в г. Челябинске; с 1935 г. – начальник филиала Института авиационной медицины (ИАМ) в Каче (г. Севастополь), помощник начальника психофизиологического отдела ИАМ, руководитель отдела – С.Г. Геллерштейн.

IV – 1936-1940 гг. - работа в качестве врача-психиатра в психиатрическом отделении военного госпиталя им. Бурденко, филиала ИАМ, в клинике Гиляровского; присвоение ученой степени кандидата медицинских наук (1936 г.); с 1939 г. – начальник учебного отдела ИАМ.

V – 1941-1945 гг. - начальник учебного отдела ИАМ (обучение военных летчиков); начальник службы авиашколы в Новосибирске; с 1943 г. – в действующей армии, в составе 1 Белорусского фронта, как военный врач-психоневролог (и психолог-практик), начальник санитарной дивизии, затем – председатель военно-врачебной летной комиссии фронта (врачебная экспертиза летного состава).

VI – 1946-1959 гг. – работа военврачом в армии; с 1947 г. (по 1959 г.) – начальник отдела НИИАМ, научно-преподавательская работа на кафедре авиационной медицины военного факультета ЦИУВ (1947-1958 гг.); чтение лекций по психологии труда в МГУ им. М.В. Ломоносова (1949-1958); защита докторской диссертации по медицинским наукам на тему «Вопросы экспертизы и профилактики психогенных состояний у летчиков» (1953 г.). Болезнь (1958-1959 гг.). Увольнение из армии по состоянию здоровья (1959 г.).

VII – 1960-1970 гг. – деятельность в должности ст. научного сотрудника в секторе психологии Института философии АН СССР (руководитель – С.Л. Рубинштейн); защита докторской диссертации по психологии (1971 г.) по монографии «Вопросы психологии труда» (1970).

VIII – 1971-1984 гг. – Ведущий научный сотрудник (с 1972 г.) сектора социальной психологии Института психологии АН СССР (руководитель – Е.В. Шорохова).

Интерпретируя материал, представленный в таблице № 1, а также биографические сведения, можно сделать следующие выводы.

Если соотнести тематическое содержание названий научных работ К.К. Платонова в указанные выше этапы его жизни, можно отметить, что на

творческом пути ученого встречались моно- и политематические периоды его деятельности. На первом этапе политематизм научного творчества П. был связан с разнообразием видов его учебной и трудовой деятельности. Это разнообразие имело, по-видимому, смысл пробы сил, поиска сферы деятельности для более глубокой специализации. Здесь нашли отражение личностные качества молодого ученого, широта его интересов, сложившаяся в семье, в юношеские годы. За 5 лет им опубликовано 16 работ по 7-ми разным темам. Второй и третий этапы творческого пути К.К. Платонова – максимально специализированы, монотематичны. Он трижды оказывается в роли молодого специалиста, сначала врача-практика и исследователя, затем руководителя и исследователя-практика психофизиологической лаборатории автозавода в г. Горьком, и на челябинском тракторном заводах. На II-м этапе – работы ученого выполнены по двум темам, в центре его внимания – медицина, «уровская болезнь» жителей одного из районов Забайкалья; вторая тема – имеет отношение к медицинской психологии (проблемы гипноза, внушения), она продолжает юношеский интерес, стимулировавшийся успехами его отца, психиатра и психотерапевта. Исследования и публикации II-го этапа были основанием для присвоения К.К. Платонову ученой степени кандидата медицинских наук в 1936 г. (по совокупности работ). На III-м этапе в центре внимания К.К. Платонова психофизиологическая (и психотехническая) рационализация рабочей мебели, условий труда работников, эти темы отнесены нами к области психологии труда. Предвоенные годы, период Великой отечественной войны и послевоенный этап (IV, V, VI этапы с 1936 по 1959 г.) имеют общее – трудовая деятельность Платонова по содержанию выполняемых практических задач осуществлялась им в роли военного специалиста, врача-психоневролога, педагога-методиста и психолога-практика. Наряду с этой основной работой, следует указать преподавание и научные исследования в области авиационной психологии и психологии труда. IV-й и, особенно, V-й этап его деятельности (годы войны) – дали материал для докторской диссертации по медицинским наукам, защищенной в 1953 г. на тему «врачебно-летной экспертизы боеспособности военных летчиков». Социально-профессиональная роль К.К. Платонова – военного врача и авиационного психолога была главной детерминантой тематики его публикаций в эти годы. Поэтому творчество ученого на этих этапах политематично, однако, многообразие тем содержательно и логически связано и обусловлено междисциплинарным статусом объекта воздействия (личности и деятельности военных летчиков) и предмета исследования (авиамедицина, авиационная психология, медицинская психология, психология труда, профессиональная

педагогика). Работы, посвященные психологии личности, общей психологии, истории психологии, – выполняли на этих этапах обслуживающую функцию, обеспечивали успешность решения практико-ориентированных задач диагностики, отбора, обучения летного состава и преподавания курсов авиационной психологии и психологии труда.

Последние 24 года жизни К.К. Платонова (VII-й и VIII-й этапы творческого пути) отличались деятельностью ученого в качестве научного сотрудника академических институтов (в 60-е гг. в секторе психологии Института философии АН СССР, в 70-80-е гг. – в секторе социальной психологии Института психологии АН СССР). В 60-е гг. Платонов готовился к защите второй докторской диссертации по психологическим наукам, написал монографию «Вопросы психологии труда» (1970), по которой была защищена его докторская диссертация по психологии труда. В основе этой монографии была книга 1962 г. – пособие для врачей с тем же названием, дополненное материалами лекций в МГУ по курсу психологии труда. В этот период центральной темой творчества ученого становятся проблемы психологии личности. Теперь Платонов уже не только «прикладывает» достижения общей и дифференциальной психологии к исследованию военных летчиков, но сам оказывается в качестве теоретика, методолога и исследователя, разрабатывает программу и оригинальный метод изучения личности в условиях, когда все еще было запрещено использовать тесты в качестве инструмента психодиагностики. Эта позиция психолога-исследователя, теоретика и методолога, изначально ориентированного на задачи практики, позволяет разработать научную концепцию личности, применимую для самых разных задач, и находящую поддержку и неугасающий интерес и среди современных психологов.

Полипрофессионализм К.К. Платонова особенно характерен для завершающих периодов его творчества (на VII и VIII этапах). В эти годы в тематике его работ проявляются особенности личности ученого (обладавшего широким кругозором, богатым практическим опытом, опытом руководства людьми на самых разных уровнях, опытом психолога-практика, успешно решавшего сложные задачи в экстремальных ситуациях). С другой стороны – очевидна детерминация многообразных по содержанию социальных заказов, обращенных к К.К. Платонову как одному из ведущих психологов центрального научного учреждения системы АН СССР.

В период 60-80-х гг. проявился также талант К.К. Платонова в деле планирования новых научно-психологических направлений и разработки их программных основ. Так он оказался у истоков отечественной социальной психологии (при ее возрождении в конце 60-х гг.), социальной психологии

труда, психологии религии, пенитенциарной психологии, медицинской психологии, внес существенный вклад в разработку проблем истории авиационной и военной психологии, истории психологии труда. Научно-практическая деятельность ученого предшествовала публикации его работ соответствующего содержания. Таким образом, наряду с природной широтой интересов личности ученого, важное значение в определении содержания исследований и соответствующих публикаций имели и его ответственное отношение к профессиональным обязанностям, к проблемам, возникавшим в трудовых ситуациях, к социальному заказу. Собственный практический опыт был для К.К. Платонова постоянным ориентиром в оценке методологии психологической науки и ее развитии.

Творческое наследие К.К. Платонова может послужить примером разработки конструктивных научно-методологических идей, имеющих как фундаментальное общепсихологическое значение, так и нашедших широкое признание в практике. Анализ эволюции тематики его исследований показывает органическую связь разных по содержанию отраслей психологической науки, что важно учитывать в контексте историко-психологических работ, а также при сопоставлении современных научных направлений и прогнозировании тенденций будущего развития психологической науки.

Список литературы:

1. Зверева Т.В. Истоки полипрофессионализма творчества К.К. Платонова // Акмеология. 2012. № 1. С. 107-111.
2. Зверева Т.В., Носкова О.Г. Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

References:

1. Zvereva T.V. Istoki poliprofessionalizma tvorchestva K.K. Platonova // Akmeologija. 2012. № 1. S. 107-111.
2. Zvereva T.V., Noskova O.G. Psihologicheskoe nasledie K. K. Platonova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.

Сведения об авторах:

Зверева Татьяна Васильевна, кандидат психологических наук, независимый исследователь (Россия);

Носкова Ольга Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия)

Об истории исследований по психологии деятельности в ярославской школе

Мазилев Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Слепко Юрий Николаевич

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: slepko@inbox.ru

Аннотация. В статье содержится анализ работ представителей ярославской психологической школы, посвященных проблеме деятельности. Основной упор делается на прослеживании углубления понимания феномена деятельности. Специальному анализу подвергаются работы В.Д. Шадрикова, рассматривающие деятельность. Анализируются исследования А.В. Карпова, посвященные деятельности, в том числе уникальное издание «Психология деятельности» (в пяти томах).

Ключевые слова: деятельность, психология, ярославская психологическая школа, В.Д. Шадриков

On history of research on psychology of activities in Yaroslavl school

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Slepko Yuri Nikolaevich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: slepko@inbox.ru

Abstract. The article contains an analysis of the work of representatives of the Yaroslavl Psychological School, devoted to the problem of activity. The main emphasis is on tracing the deepening understanding of the phenomenon of activity. V.D. Shadrikov's works on the activity are subjected to special analysis. The research of A.V. Karpov devoted to the activity, including the unique edition "Psychology of activity" (in five volumes) is analyzed.

Keywords: Activity, psychology, Yaroslavl Psychological School, V.D. Shadrikov, A.V. Karpov

1970-е гг. в советской психологии ознаменовались значительным повышением интереса к проблеме деятельности. Изучение деятельности в психологии выходит на первый план. Как позднее писал В.В. Давыдов, «...понятие деятельности нельзя ставить в один ряд с другими психологическими понятиями, поскольку среди них оно должно быть исходным, первым и главным» [1; с. 20]. Проблема деятельности становится не только популярной, но и модной. По этой проблематике появляется множество публикаций, проводятся научные конференции.

Не осталась в стороне и Ярославская психологическая школа. В это время три лидера Ярославской психологической школы формулируют свои подходы к исследованию деятельности. В.Д. Шадриков разрабатывает психологический анализ деятельности (ПАД) (Шадриков, 1975, 1977, 1979), Н.П. Ерастов – структурно-психологический анализ деятельности (СПАД) (Ерастов, 1976), М.С. Роговин – структурно-уровневый (Роговин, 1974, 1977). Их ученики успешно и продуктивно занимались психологическим изучением конкретных видов деятельности. На этих интересных исследованиях в настоящей статье, вследствие ограниченности объема публикации, останавливаться не будем.

Отметим, что проблема деятельности получила глубокую разработку в исследованиях В.Д. Шадрикова. Широкую известность в психологии ему принесла монография, изданная «Наукой» в 1982 г., «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности», значение которой далеко выходит за рамки психологии труда [13]. Одна из последних работ «Психология деятельности человека», на наш взгляд, в первую очередь методологическая и общепсихологическая, поскольку по-новому решает традиционные вопросы общей психологии и в новом ключе трактует общепсихологические понятия [14]. Не будет преувеличением сказать, что деятельность - центральная тема творчества В.Д. Шадрикова. Самые первые публикации начинающего ученого - в далеком 1966 г. – посвящены сигнальному программированию деятельности. В 1969 г. разрабатывается одна из первых аппаратных методик для

исследования деятельности («Экспериментальная установка для изучения деятельности человека», 1969). С 1971 г. начинается цикл публикаций, посвященных психологическому анализу деятельности: «Психологический анализ деятельности в целях производственного обучения» (1971); 1979 г. – Психологический анализ деятельности: (системогенетический подход) [10]. На следующий год выходит коллективная работа «Психологический анализ трудовой деятельности (1980). 1982 г. – известная монография в издательстве «Наука», переизданная – как не утратившая новизны и актуальности – в 2007: «Проблемы системогенеза профессиональной деятельности» [13]. Поскольку эти работы давно стали классикой, целесообразно процитировать энциклопедию: «Анализ процессов системогенеза профессиональной деятельности показал, что научение в ходе освоения профессии целесообразно рассматривать как процесс формирования системы деятельности (“Психологический анализ деятельности (системогенетический подход)”, 1979). Были выделены основные компоненты ее структуры, раскрыто их содержание, закономерности формирования и функционирования» [4; с. 522]. В.Д. Шадриков отмечает: в «работе сделана попытка, опираясь на методологию системного подхода, раскрыть структуру, формирование и функционирование психологической системы деятельности, показать психологическую сущность научения в процессе освоения профессии. Раскрытие закономерностей системогенеза деятельности должно способствовать построению общепсихологической теории деятельности» [13; с. 6]. Обратим внимание на слова автора: «Мы исходим из того, что создание теории профессиональной подготовки не может быть оторвано от разработки психологической теории деятельности (курсив наш – В.М., Ю.С.)» [13; с. 5].

В более поздних работах В.Д. Шадрикова проблемы деятельности остаются в центральном поле внимания исследователя, но деятельность изучается в связи с проблемой способностей (Деятельность и способности. М.: Логос, 1994; Психология деятельности и способности: Учебное пособие. М.: Логос, 1996).

В 2013 г. выходит обобщающая работа В.Д. Шадрикова. Поскольку в этой монографии много новых идей, остановимся на анализе ее содержания более подробно.

Как нам представляется, роль новой книги академика РАО не только в том, что получены новые результаты, характеризующие профессиональную деятельность, и не только в том, что характеризуют деятельность как общепсихологический подход. Вклад В.Д. Шадрикова, как нам представляется, еще и в том, что его исследования дают новый импульс междисциплинарным

исследованиям. Не секрет - в последние годы многократно отмечалось, что деятельностный подход в кризисе, исчерпал себя и т.д. На наш взгляд, работа В.Д. Шадрикова открывает новые перспективы деятельностного подхода в философии, социологии, культурологии, вообще в социогуманитарных исследованиях. Не случайно, на наш взгляд, в своей книге В.Д. Шадриков цитирует статью известного отечественного философа В.А. Лекторского: «При определенном переосмысливании деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее, как настоящее и, может быть, ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире» [14; с. 18]. Поэтому в новой книге В.Д. Шадрикова обозначены перспективы деятельностного подхода, затрагивающие не только психологию, но и смежные научные дисциплины.

Содержание предлагаемой вниманию читателя работы сконцентрировано вокруг нескольких проблемных точек современной психологии – состояния теории деятельности, развития системного подхода в психологии и системогенетической теории деятельности, и внедрения компетентностного подхода в систему российского образования. Эти три фундаментальные проблемы определили круг вопросов, ставших предметом анализа в работе В.Д. Шадрикова.

Обозначенные проблемы психологической науки нашли конкретное отражение в содержании работы, включающем введение, шесть глав и заключение. Структура основного содержания работы определена таким образом, что позволяет читателю подробно познакомиться со следующими проблемами: 1) определению места категории деятельности в психологии и методам ее исследования посвящена глава I – «Методологические проблемы деятельности человека»; 2) теоретический анализ деятельности, история и содержание деятельностного подхода в психологии, связь деятельности с категориями субъекта, субъектности и пр. представлены в главе II – «Теоретические представления о структуре деятельности»; 3) анализу психологической функциональной системы деятельности как предмету системогенетической теории деятельности В.Д. Шадрикова посвящена III глава – «Системогенез профессиональной деятельности»; 4) тесным образом с содержанием предыдущей главы связано рассмотрение проблем уровневого анализа профессиональной деятельности, которое представлено автором в IV главе – «Психологический анализ профессиональной деятельности как системы»; 5) формированию психологической системы деятельности на активационно-энергетическом уровне ее функционирования посвящена глава V – «Активационно-энергетический уровень анализа процесса формирования системы деятельности»; 6) психологическое содержание педагогической

деятельности, проблемы формирования психологической системы учебной деятельности, а также проблемы компетентностного подхода в образовании – предмет VI главы – «Психологический анализ педагогической деятельности». Остановимся более подробно на обозначенных выше проблемах.

Итак, в первой главе работы – «Методологические проблемы деятельности человека» автором обсуждаются ключевые вопросы методологического анализа деятельности. Прежде всего, В.Д. Шадриков стремится определить место категории деятельность среди других важнейших понятий психологии – поведения и жизни. Необходимость такого анализа обосновывается автором тем, что «длительное время в отечественной психологии доминировало понятие «деятельность». Данное понятие, несомненно, обладает большой объяснительной силой. Но оно затрагивает только часть нашего бытия. В стороне остаются понятия «поведение» и «жизнь». В настоящей работе, - продолжает автор, - делается попытка рассмотреть обозначенные понятия в их взаимосвязи и взаимной обусловленности» [14; с. 24].

Проводимый В.Д. Шадриковым лингвистический, психологический анализ указанных понятий позволяет расширить диапазон рассматриваемых проблем за счет введения в обсуждение проблематики сущностных сил человека как источника психической жизни. И, в первую очередь, автор рассматривает их понимание в культурно-исторической психологии, ставя вопросы о роли культуры в проявлении и развитии сущностных сил, о соотношении внешних (знаковых) и внутренних условий развития психики. Это, в свою очередь, позволило автору перенести анализ понимания сущностных сил человека из плоскости культурно-исторического анализа в сферу их развития в онтогенезе при том, что «проблеме развития отдельных качеств и их паттернов посвящена едва ли не половина психологических исследований... Большинство теорий развития человека в качестве главного вопроса ставят проблему «Какова сущность человеческой природы?» Постараемся и мы, - пишет автор, - дать ответ на этот вопрос. В своем изложении мы будем исходить из того, что сущностью человека является содержание мира его внутренней жизни» [14; с. 44].

Именно это понятие – внутренний мир человека – выступает для автора ключевым в последующем анализе методологических и психологических проблем деятельности. Понимание феномена внутреннего мира человека достигается автором в анализе вопросов зарождения и развития внутреннего мира, репрезентации внешнего мира во внутреннем и их взаимосвязи, сравнительного анализа понятия внутренний мир человека и феноменов души и сознания. Источник высочайшей методологической значимости проводимого анализа кроется, по мнению В.Д. Шадрикова, в истории обсуждения в

советской и российской психологии вопроса о влиянии объективного, внешнего мира на формирование внутренней, субъективной жизни человека. Нам представляется, что позицию автора в этом вопросе лучше пояснить приведением следующего достаточно большого, но крайне важного фрагмента работы. «Длительное время (1930-2000), – пишет В.Д. Шадриков, – в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда. «Это отражение действительности человеческим мозгом, – читаем мы в учебнике психологии, в виде различных психических явлений есть субъективный мир человека, представляющий собой отражение, образ объективного мира, существующего вне нас и независимо от нашего сознания» (Психология, 1956, с. 9). И хотя С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что «всякий психический факт – это и кусок реальной действительности и отражения действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, – единством реального и идеального», действительность доминировала в порождении психического. Мысль Рубинштейна о том, что всякое психическое образование – это и переживание, и знание, не нашла должного развития. Да и не могла найти, так как с позиций психического, как отражения действительности, первичным является внешний мир. В реальности же, как мы подчеркивали выше, первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются. На учебниках, подготовленных отечественными специалистами по психологии, – продолжает автор, – были воспитаны поколения учителей и психологов. Данные позиции сохранялись на протяжении 60-70 лет. Прослеживаются они и в учебниках последнего периода, хотя в более мягкой форме. Мы же еще раз подчеркнем, что внутренний мир начинает формироваться с переживаний человеком самого себя, своих органических ощущений» [14; с. 45-46].

Указанные трудности в понимании сущности, формирования и развития душевной жизни, тем не менее, дали В.Д. Шадрикову возможность рассмотреть внутренний мир человека как многообразие языков репрезентаций внешнего мира, как приобретаемое предметами внешнего мира в деятельности и через деятельность значение и личностный смысл, как единство потенциальных информационных моделей и как «потребностно – эмоционально – информационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств и отражающую все многообразие его бытия» [14; с. 49].

От методологических проблем деятельности к обсуждению деятельностного подхода в психологии, связи деятельности с категориями субъекта и субъектности, модели психологической системы деятельности В.Д. Шадриков переходит во второй главе работы - «Теоретические представления о структуре деятельности». В этой главе, как мы уже говорили, предметом анализа выступает разнообразие подходов к пониманию детерминации, специфики, содержания деятельности в отечественной психологической науке. Философское осмысление деятельности осуществляется сквозь призму анализа представлений В.С. Степина (2000) о структурных характеристиках акта деятельности; психологическому анализу подвергаются подходы Н.А. Бернштейна к исследованию движения и его генезиса (1997), Б.Ф. Ломова к пониманию деятельности как общественно-исторической категории, как индивидуальной и совместной деятельности (1981), А.Л. Журавлева к анализу компонентов совместной деятельности, видов взаимодействия в ней и др. (2005).

Однако исходная проблематика теоретического анализа структуры деятельности – это критическое прочтение автором теорий деятельности А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна. Остановимся на этом фрагменте работы В.Д. Шадрикова более подробно.

Проблема понимания содержания деятельности, по мнению автора, кроется в двухуровневом подходе А.Н. Леонтьева к структуре деятельности, в которой, как известно, выделяются деятельность, действия и операции (первый уровень), а также мотивы, цели и условия деятельности (второй уровень). Взаимосвязь этих уровней задает, по мнению В.Д. Шадрикова, важную проблему, о содержании которой он пишет следующим образом: «Отдельные деятельности у Леонтьева выделяются по критерию побуждающих их мотивов. Но и действия у него выступают как отдельные деятельности, подчиняющиеся сознательным целям. С таким же успехом и операции можно рассматривать как деятельности, как действия, зависящие от условий достижения конкретной цели. Очевидно, в качестве критериев выступают и цели, и условия достижения цели. Леонтьев, – продолжает автор, – не делает попытки раскрыть внутреннюю структуру деятельности, он предлагает критерии для выделения деятельностей, действий, операций. На тот факт, что и конкретная деятельность, и действие, и операция у Леонтьева выступают как деятельности, практически никто не обращает внимания. И это понятно, тогда исчезает «структура деятельности» [14; с. 65].

Не менее интересен и дальнейший анализ В.Д. Шадриковым проблемы мотивации деятельности в теории А.Н. Леонтьева, тем более что он напрямую

связан с проблемой детерминации деятельности и поведения внешними или внутренними условиями жизни человека. Такое пристальное внимание к теории А.Н. Леонтьева объясняется В.Д. Шадриковым рядом причин: «Я уделил столь большое внимание пониманию А.Н. Леонтьевым потребности и мотива, – пишет автор, – так как в этом вопросе сталкиваются две точки зрения на детерминацию деятельности. В позиции А.Н. Леонтьева четко прослеживается детерминация поведения внешними факторами, и чем более развиты потребности, тем сильнее эта детерминация переходит к внешнему миру. Здесь прослеживается и традиционная для советской психологии теория отражения. В позиции, отстаиваемой автором (В.Д. Шадриковым – примечание наше – В.М., Ю.С.), детерминация поведения определяется внутренним миром человека, в котором мотивы играют ведущую роль. Здесь заключены и истоки свободы человека» [14; с. 71].

Проблема внешней и внутренней детерминации деятельности – предмет дальнейших рассуждений, посвященных анализу позиции С.Л. Рубинштейна. Здесь автор стремится как можно более подробно познакомить читателя с первоисточниками, показать ограничения, которые накладывает философско-психологический уровень анализа на изучение конкретной деятельности. Это позволило автору в очередной раз констатировать, что «в размышлениях Рубинштейна и Леонтьева постоянно чувствуется доминирование внешних воздействий над внутренними (внешние воздействия преломляются через внутренние условия)» [14; с. 75]. Стоит отметить, что столь подробный критический анализ теорий деятельности в отечественной психологической науке позволил В.Д. Шадрикову подойти к построению собственной модели психологической функциональной системы деятельности. Здесь же важно обратить внимание на ключевой, по мнению автора, недостаток, не позволивший в теориях А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна перейти от понятия психологической структуры деятельности к понятию психологической системы деятельности. В.Д. Шадриков, ссылаясь на работы П.К. Анохина (1975), пишет, что «имеются две причины того ничтожного результата, который был получен при обсуждении «общей теории систем». Одна заключается в отсутствии конструктивного определения понятия «система», другая в том, что переход на системную методологию – не просто перемена названий и выражений, как поначалу думали некоторые исследователи; он требует радикального изменения самих принципов подхода к элементарным процессам и общей тактике исследования» [14; с. 101].

Рассматривая вслед за П.К. Анохиным результат функционирования системы как ее системообразующий фактор, В.Д. Шадриков пишет, что

«именно результат психологической системы деятельности не стал предметом специального анализа в рассмотренных работах. Основное внимание авторов сосредоточено на анализе мотива и цели» [14; с. 101].

Переход от общих методологических и теоретических вопросов анализа психологической функциональной системы деятельности к изучению ее конкретного содержания осуществлен в третьей главе – «Системогенез профессиональной деятельности». Здесь В.Д. Шадриковым описываются выделенные им компоненты системы деятельности – мотивы профессиональной деятельности, цель и результат деятельности, программа деятельности, информационная основа деятельности, подсистемы принятия решений и профессионально важных качеств. Анализ выделенных конструкторов важен и сам по себе, когда автор определяет их место в функционировании системы деятельности; однако не меньшую, а даже большую значимость анализ приобретает ввиду появляющейся возможности расширить представление о понимании автором внутреннего мира человека.

Приступая к характеристике выделенных компонентов, В.Д. Шадриков задает методологические условия анализа, в основе которого лежит положение, что «сущностью деятельности выступает сам деятель. В деятельности человек сущий раскрывается как человек действующий. Именно эта позиция акцентирует наше внимание на внутреннем мире человека. В результате такого подхода мы подойдем к пониманию деятельности «с человеческим лицом» [14; с. 135]. Еще больший интерес в проводимом автором анализе вызывает переход к изучению конкретной трудовой деятельности, выступившей своего рода экспериментальной площадкой для проверки обоснованности выдвинутых теоретических положений о структуре и системе деятельности. Сам автор пишет об этом так: «Предметом нашего рассмотрения в настоящей главе будет процесс освоения НОСД (нормативно одобренный способ деятельности – примечание наше – В.М., Ю.С.) конкретным индивидом, который, как правило, происходит в форме специально организованной профессиональной подготовки. Сущностью данного процесса и является формирование психологической функциональной системы, реализующей индивидуальную трудовую деятельность» [14; с. 136].

Дальнейший переход от теоретических представлений о структуре и системе деятельности осуществлен автором в четвертой главе – «Психологический анализ профессиональной деятельности как системы». Психологическое содержание компонентов профессиональной деятельности, а также формирование психологической системы деятельности, став предметом специального анализа в третьей главе, здесь предстает как уровневый анализ,

где уровни анализа деятельности заданы особым сочетанием ее компонентов. Так, В.Д. Шадриков выделяет шесть уровней анализа – 1) личностно-мотивационный, 2) компонентно-целевой, 3) информационный, 4) структурно-функциональный, 5) индивидуально-психологический и 6) психофизиологический. Необходимость анализа деятельности на шести уровнях обосновывается автором таким образом, что «сочетание всех перечисленных уровней раскрывает достаточно полно сущность профессиональной деятельности и дает о ней целостное представление. В результате деятельность предстает как многоуровневое полиструктурное образование» [14; с. 258]. Особая ценность проводимого В.Д. Шадриковым анализа состоит в том, что помимо конкретных результатов экспериментальных исследований, мы знакомимся с методами и методикой изучения деятельности на каждом уровне анализа. В этом, на наш взгляд, заключена большая методическая ценность работы В.Д. Шадрикова, позволяющая каждому заинтересованному исследователю использовать предлагающиеся методы для изучения различных типов профессиональной деятельности.

Уровневый анализ системы деятельности не ограничивается предложенными выше стратегиями изучения; в отдельную пятую главу – «Активационно-энергетический уровень анализа процесса формирования системы деятельности» В.Д. Шадриков вынес психофизиологический анализ процесса формирования психологической системы деятельности. Активационно-энергетический аспект психофизиологического анализа, являясь одной из его составляющих, играет, по мнению автора, важное значение в понимании механизмов воздействия на формирование как отдельных элементов, так и всей системы деятельности в целом. Необходимость обращения к этой стороне проблемы обосновывается автором тем, что «накопленный к настоящему времени экспериментальный материал (Бернштейн, 1947; Ливанов, 1972; Сологуб, 1973; Коц, 1975) убедительно показывает, что нейрофизиологической основой любого навыка являются сложные конstellации нервных центров, организованные по вертикали и по горизонтали. Есть основания предполагать, – пишет автор, – что существенную роль в становлении этих функциональных систем играют активационно-энергетические процессы» [14; с. 294].

Важность учета указанных факторов функционирования отдельных элементов деятельности распространяется автором и на более крупные компоненты деятельности, что объясняется следующим образом: «Наше обращение к активационно-энергетическим показателям обусловлено тем, что они, с одной стороны, определяют уровень организации нервных процессов

(Веккер, 1974), а, с другой стороны, тесно связаны с мотивационными и информационными факторами и, следовательно, доступны психологическому изучению» [14; с. 295]. В целом же, рассматриваемые в данной главе проблемы активационно-энергетической основы функционирования системы деятельности позволили автору подойти как к вопросам более частного характера, так и к целостной проблеме формирования системы деятельности. В первом случае речь идет о оценке роли уровня активации в успешности формирования профессиональных навыков; во втором – о месте мотивационно-активационного взаимодействия в процессе формирования функциональной системы деятельности. Сочетание различных сторон активационно-энергетического уровня анализа позволило В.Д. Шадрикову сформулировать интереснейшие выводы, касаемые как повышения эффективности организации процесса профессионального обучения, так и необходимости более глубокого изучения способностей субъекта деятельности.

Между тем, определенные ограничения предложенного анализа заключены, по мнению автора, в содержании той профессиональной деятельности, которая была выбрана в качестве объекта многочисленных экспериментальных исследований. Исследовавшаяся профессиональная деятельность в большей степени носила предметный характер, что потребовало обращения В.Д. Шадрикова к анализу педагогической деятельности как возможности наметить пути изучения психологической системы деятельности, в которой на первый план выступают интеллектуальные и коммуникационные процессы, а также ее характеристика как совместной деятельности, составляющей обширный класс человеческой деятельности. Именно этой проблеме и посвящена последняя шестая глава работы – «Психологический анализ педагогической деятельности».

Собственная специфика педагогической деятельности в сравнении с деятельностью предметного характера раскрыта автором в первом параграфе шестой главы (6.1. Определение основных понятий). Анализ ставших традиционными понятий образования, обучения, воспитания, учения, научения, педагогической и учебной деятельности и др. позволил автору выделить противоречия в понимании результатов образовательной деятельности, включающей обучение и воспитание обучающихся. Так, дискутируя с разработчиками Закона об Образовании, В.Д. Шадриков пишет, что «многие проблемы при определении образования, обучения и воспитания проистекают из стремления авторов закона объединить в одном подходе все уровни образования: дошкольное, школьное, профессиональное. Видно, отсюда проистекает цель развития: «физическое и/или профессиональное». Физическое

развитие действительно является одной из основных форм развития ребенка, профессиональное – задачей уровней профессионального образования, в школе же должно осуществляться трудовое воспитание и профессиональная ориентация» [14; с. 325].

Как мы уже говорили, В.Д. Шадриков рассматривает педагогическую деятельность как деятельность совместную – в этом автор видит одно из ее принципиальных отличий от многих других типов деятельности. Поэтому и содержание шестой главы включает, с одной стороны, психологический анализ собственно деятельности педагога, с другой – формирования психологической системы учебной деятельности (деятельности учащихся).

Деятельность педагога рассматривается В.Д. Шадриковым через призму выделяемых компонентов урока, являющихся молярными единицами его деятельности: 1) организационный компонент, 2) опрос учащихся, 3) объяснение нового материала, 4) закрепление нового материала и 5) задание на дом. Конечно, данные компоненты раскрывают лишь одну из сторон деятельности педагога в условиях образовательного учреждения, однако, это дало возможность автору предложить модель психологического анализа деятельности педагога, единую для всех ее компонентов: 1) анализ цели учителя, 2) анализ цели ученика, 3) анализ внешних условий, 4) анализ внутренних условий. Напомним, что выделение педагогической деятельности в самостоятельный объект анализа рассматриваемой работы выполняет функцию обоснования модели психологической функциональной системы деятельности. Предложенная модель, оставаясь универсальной по своей сути, приобрела специфичные черты в связи с обращением к особому роду совместной деятельности, о чем В.Д. Шадриков пишет следующим образом: «Педагогическую деятельность необходимо рассматривать как совместную. Это подтверждается наличием совместной цели, отнесенной к результату педагогического процесса. Далее анализ показывает, что в учебной деятельности цели учителя более широкие по отношению к целям ученика и связаны с постановкой задач, с мотивацией учебной деятельности, с организацией деятельности отдельных учеников и класса в целом. Проведенный анализ, – продолжает автор, – позволяет установить профессионально важные качества учителя, включающие знания, способности, личностные качества и компетенции» [14; с. 338-339].

Особый интерес представляет здесь обозначенное в указанном фрагменте работы обращение автора к проблеме профессионально важных качеств педагога. Продолжая специфицировать педагогическую деятельность, автор переносит акцент на проблему компетенций педагога, которая нашла

отражение как в разработанной им модели базовых компетенций с позиции функциональной системы деятельности (см. [14; с. 340]), так и в оценке связи базовых компетенций и успешности педагогической деятельности.

Завершается анализ педагогической деятельности рассмотрением проблемы формирования психологической системы учебной деятельности, основой для анализа которой выступила предложенная ранее (глава III) модель функциональной психологической системы деятельности. В.Д. Шадриков подробно рассматривает генезис и психологическое содержание мотивации учебной деятельности, содержание представлений о программе и информационной основе учебной деятельности, процессе принятия решений, умственных действиях обучающегося, формировании системы учебно-важных качеств. Интереснейшие как с методологической, так и с конкретно-эмпирической точки зрения результаты и выводы позволили автору сделать заключение о сути учебной деятельности, структура которой «близка структуре предметной профессиональной деятельности, и поэтому общие закономерности системогенеза деятельности можно распространять и на учебную деятельность» [14; с. 407]. Вслед за автором стоит признать, что проведенный анализ не является исчерпывающим, он выступает «скорее иллюстрацией общей идеи системогенеза... Установление функциональных связей между отдельными способностями в структуре учебной деятельности свидетельствует о внутренней сложности процесса научения и показывает индивидуальный характер учебной деятельности» [14; с. 407].

Отметим, что работа буквально наполнена новизной. В ней новые идеи, подходы, понятия. В частности, В.Д. Шадриков вводит понятие души человека, рассматривая ее как субстанцию, в контексте анализа психологической структуры деятельности.

В связи с этим нельзя не откликнуться на критику, прозвучавшую в предисловии к книге В.Д. Шадрикова. Л.Г. Дикая и А.Л. Журавлев отмечают, что концепция психологической структуры деятельности В.Д. Шадрикова «не конкретизирована в своей очень значимой части, а именно: в ней недостаточно раскрыто фундаментальное положение о воздействии общественно-исторического процесса не только на личностные особенности человека, но и на его индивидуальные, организмические характеристики» [2; С. 15], что «в работе недостаточно раскрыта ключевая роль социальной детерминации в становлении смысла деятельности и в развитии ПСД, значимость общественных отношений, формирующих субъективные отношения человека к деятельности, которые проявляются в индивидуальном стиле всех составляющих ПСД» [2; с. 15].

Соглашаясь со справедливой критикой, отметим, что при таком объеме новых идей и гипотез, маловероятно, что все выдвинутые тезисы будут проработаны с одинаковой степенью конкретности. Это прекрасно, кстати, осознает и сам автор. В.Д. Шадриков пишет: «Многие гипотезы и допущения, а также отдельные теоретические положения нуждаются в дальнейшей разработке» [14; с. 408]. Как нам представляется, это как раз и есть одно из направлений дальнейших разработок. Не исключено, что в последующих публикациях В.Д. Шадрикова мы обнаружим именно это направление движения, обращение не только к историческим и социальным детерминантам, но и к культурным. Несомненно то, что заинтересованные лица с нетерпением будут ждать следующих статей автора, чтобы получить ответы на возникшие вопросы. На наш взгляд, это дорогого стоит.

Проблемы деятельности в Ярославской психологической школе также углубленно разрабатывались учеником и последователем В.Д. Шадрикова А.В. Карповым. А.В. Карпов – сегодняшний лидер Ярославской психологической школы, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета психологии, заведующий кафедрой организационной психологии Ярославского государственного университета.

Анатолий Викторович Карпов относится к числу ученых, имеющих потрясающий уровень продуктивности. Вышедшая в 2012 г. работа «Рефлексивная детерминация деятельности и личности» [6] содержит около полутысячи страниц, предыдущая, которую настоящая в известной степени продолжает, была в объеме более тысячи. При этом стоит отметить, что каждая публикация новой монографии А.В. Карпова является резонансным событием в психологическом сообществе. Ввиду этого стоит обратить особое внимание на содержание идей, представленных в уже упомянутой работе «Рефлексивная детерминация деятельности и личности» [6].

Новая книга известного ученого посвящена исследованию рефлексивной детерминации деятельности и личности. За таким рабочим названием скрывается (впрочем, будучи легко узнаваемой) знаковая для отечественной психологии проблема. Важно подчеркнуть, что в самом названии уже зафиксировано новое авторское решение проблемы, ибо выявлена рефлексивная обусловленность деятельности и личности... Великие предшественники обычно рассматривали эти понятия как судьбоносные для психологии как науки, но рядоположные.

Отметим, что автор хорошо понимает масштабы своих исследований. Сам А.В. Карпов подчеркивает, что рефлексия, психологическая теория деятельности и психология личности суть три основополагающих области

психологического знания в целом. «Каждое из них включает широчайший спектр подходов и концепций; представляет труднообозримый комплекс теоретических положений, базирующихся на еще большем по объему и гетерогенном по характеру эмпирическом базисе. По-видимому, лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы уподобить эти области «трем китам», на которых стоит психология» [6; с. 3]. Масштаб задач, стоящих перед автором, абсолютно ясен и понятен. Но к «трем китам» мы еще вернемся.

А.В. Карпов характеризует положение дел в современной психологии таким образом, что «каждое из указанных направлений, будучи, повторяем, одним из важнейших и фундаментальных для психологии, и обладая, в силу этого выраженной самодостаточностью, развивается, преимущественно, по своей собственной логике – так сказать аутохтонно, автономизировано, то есть вне развернутых концептуальных взаимодействий между собой. Подчеркнем, – продолжает А.В. Карпов, что речь при этом идет, конечно, вовсе не о том, что такого взаимодействия нет вообще и "пограничные" исследования отсутствуют, а лишь о том, что они в целом явно не соответствуют глубине и широте реальных, онтологически представленных связей, существующих между предметами изучения в этих направлениях" [6; с. 4].

Представляет интерес диагностика расогласований между этими направлениями. Согласно А.В. Карпову, рефлексия это в основном когнитивная рефлексия, которая характеризуется атрибутивной оппозиционностью по отношению к деятельности. Кроме того, деятельность это прежде всего субъект-объектные формы активности, а не субъект-субъектные, где рефлексивным взаимодействиям традиционно принадлежит значительная роль.

В отношении психологии рефлексии и психологии личности автор усматривает отголоски традиционного для психологии недостаточного взаимодействия процессуально-психологического и личностного аспектов рассмотрения психического, зафиксированного еще С.Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 1973). «Рефлексия традиционно изучается именно как рефлексия, то есть как процессуально-психологическое образование, а не как рефлексивность, то есть как и психическое свойство, качество – как собственно личностное образование» [6; с. 5]. Между тем, представляется очевидным, что собственно «процессуальный и результативный аспекты Я-концепции как раз и синтезируются через рефлексивные процессы и феномены, механизмы и закономерности» [6; с. 5].

А.В. Карпов четко выделяет – и в этом его несомненная заслуга – трудности на пути интеграции трех названных предметных областей исследования:

1) «По отношению к психологии рефлексии это – сохраняющееся до настоящего времени доминирование абстрактно-философского, внеэкспериментального подходов, а также аморфность и недифференцированность представлений о самом предмете исследования, то есть о рефлексии как таковой» [6; с. 7];

2) «По отношению к психологической теории деятельности это – становящаяся все более явной недостаточность традиционных подходов к раскрытию реальной, а не симплифицированной ее структурно-уровневой и функциональной организации» [6; с. 3];

3) «По отношению к личностной проблематике – это недостаточная изученность такого важнейшего и наиболее интегративного образования, каковым выступает Я-концепция (и в целом, и особенно – в плане ее структурных и семантических характеристик)» [6; с. 7].

Монография А.В. Карпова включает в себя семь глав. Три первые главы посвящены рассмотрению истоков, исторического развития и современного состояния трех базовых областей исследования: психологии рефлексии, психологии деятельности и важного раздела психологии личности "Я"-концепции. В четвертой главе формулируется общеметодологический подход к раскрытию психологической природы рефлексии как процесса и рефлексивности как свойства. Пятая, шестая и седьмая главы посвящены описанию и интерпретации полученных в исследованиях автора экспериментальных и эмпирических данных, касающихся исследования структурной организации системы рефлексивных процессов, а также детерминационной роли рефлексии по отношению к результативным параметрам, процессуальным характеристикам и личностным структурам, и образованиям.

В монографии А.В. Карпова представлены результаты как теоретико-методологических, так и экспериментально-эмпирических исследований глобальной психологической проблемы - проблемы рефлексии и детерминации с ее стороны деятельностных и личностных структур и образований. Автором сформулирован и реализован новый методологический и теоретический подход к раскрытию психологической природы рефлексии – структурно-полипроцессуальный, с позиций которого она раскрывается как «закономерно организованная система метакогнитивных и метарегулятивных процессов». Это позволило раскрыть основные закономерности структурной организации рефлексивных процессов. В монографии представлена разработанная автором обобщающая психологическая концепция структурно-уровневой организации

деятельности, включающей пять основных уровней (макроуровней) организации.

В книге А.В. Карпова вскрыты и проинтерпретированы закономерности детерминации со стороны рефлексии основных результативных параметров и процессуальных характеристик деятельности. Выявлены и определены основные закономерности детерминационного влияния рефлексии на структурные компоненты «Я»-концепции как важнейшей личностной подструктуры.

На наш взгляд, очень важен вывод автора, согласно которому детерминационные влияния рефлексии на деятельностные и личностные структуры подчиняется зависимостям «типа оптимума». Выявлены и описаны основные функции рефлексии в отношении детерминации ею базовых структур и образований деятельности и личности.

Таким образом, очевидно, что данная работа имеет этапный характер, по-новому решает традиционные для психологии проблемы. Монография А.В. Карпова представляет несомненный интерес для научного психологического сообщества. Не подлежит сомнению, что монография А.В. Карпова меняет традиционные представления о базовых психологических понятиях и их соотношении.

Ближайшие перспективы исследования представляются достаточно очевидными. В первую очередь следует подчеркнуть, что (при всей важности Я-концепции как важнейшего структурного компонента личности) Я-концепция - это все же не вся личность. Нужны дополнительные исследования, направленные на выявление рефлексивной детерминации других личностных подструктур и образований. Во-вторых, стоит обратить внимание на то, что вряд ли стоит трактовать человека как полностью рациональное существо, находящееся под неусыпным контролем рефлексии. Слишком много накоплено в мировой психологии данных о нерациональном (иногда и иррациональном) поведении человека...

Разумеется, эти соображения ни в коей степени не уменьшают заслуг автора этого блистательного научного сочинения. Тем более, что не более года назад в свет вышло новое пятитомное фундаментальное исследование А.В. Карпова, посвященное многообразию проблем деятельности в психологии [5]. Авторы с сожалением отмечают, что объем настоящей публикации безусловно не позволяет представить хоть сколько-нибудь подробный анализ основных идей этого исследования. Многие из разрабатываемых ранее проблем нашли в этом исследовании свое дальнейшее развитие, автор решает в том числе и сформулированные в работе 2012 г. проблемы, ставит новые вопросы.

Тем не менее, кратко выделим целевые ориентиры каждого тома, надеясь на более внимательное их прочтение и анализ в самом ближайшем времени.

В первом томе, посвященном метасистемному подходу в психологии деятельности А.В. Карпов проводит теоретический и методологический анализ основных аспектов общепсихологической проблемы деятельности. Автором проводится исторический анализ проблемы деятельности, исследуется ее современное состояние и стоящие перед ней проблемы. Метасистемный подход определен А.В. Карповым как ключевое теоретическое, методологическое, экспериментальное средство решения тех проблем, которые составляют актуальные вопросы современной психологии деятельности. Вторым том работы А.В. Карпова посвящен анализу закономерностей структурной организации деятельности. Последние представлены в комплексе теоретических, методологических, эмпирических и экспериментальных исследований, проводимых автором в последние годы. Здесь автор стремится развить традиционный для современной психологии структурно-уровневый подход к изучению деятельности, и обосновать дифференциацию пяти основных уровней организации деятельности - автономной деятельности, метадеятельности, инфрадеятельности, действий и операций. В третьем томе настоящей работы, посвященном анализу функциональных закономерностей психологии деятельности, А.В. Карпов представил результаты реализации функционального гносеологического аспекта к ее изучению. Особое внимание автор уделяет анализу основных закономерностей сознания в функциональной организации деятельности. Анализу генетических закономерностей организации и динамики деятельности посвящен четвертый том монографии А.В. Карпова. В нем автор стремится обосновать возможность понимания процесса генезиса деятельности на более сложном уровне - на уровне процесса метасистемогенеза. Интересными являются результаты применения системогенетического подхода к анализу игровой деятельности. Завершает монографию обращение автора к проблемам интегративного гносеологического плана в исследовании деятельности. Анализируя категорию качества, автор обосновывает необходимость дополнения традиционных материальных, функциональных и системных типов качеств метасистемными и виртуальными типами.

Конечно, глубокое и внимательное прочтение фундаментального труда А.В. Карпова еще предстоит сделать. А в завершение хочется пожелать А.В. Карпову удачи в дальнейшем постижении и осмыслении психологических реалий. История с китами, ведь, это только один миф из многих. Можно

вспомнить, например, индусов, согласно взглядам которых, земля стоит на четырех слонах, а те в свою очередь размещаются на гигантской черепахе.

В заключение отметим - нет сомнений, что А.В. Карпов, «поверив алгеброй гармонию», разъяснит, наконец, и душу человеческую. Позволим себе высказать надежду, что придет черед «черепахи», и в один прекрасный день и эта задача будет разрешена «новыми мыслителями, их выслеживаниями и выпытываниями, их беспредельным упорством и в высшей степени дьявольской хитростью». Так предсказывал некогда мудрый Уильям Джемс, и у нас нет никаких оснований ему не верить.

Авторы пользуются случаем и от души поздравляют Анатолия Викторовича Карпова с замечательным юбилеем, желают ему здоровья, новых творческих достижений, радости общения с друзьями и коллегами, благодарных и достойных учеников.

Список литературы:

1. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
2. Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Предисловие // Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. С. 11-16.
3. Ерастов Н.П. Структурно-психологический анализ деятельности и проблемы рациональной организации труда // Психологические проблемы рационализации деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1976. С. 3-8.
4. Карпенко Л.А., Кольцова В.А. Шадриков // История психологии в лицах. Персоналии. М.: PERse, 2005. С. 522-523.
5. Карпов, А. В. Психология деятельности; в 5 тт. М.: РАО, 2015. - 546 с. Т. 1. Метасистемный подход. 546 с.; Т. 2. Структурная организация. - 408 с.; Т. 3. Функциональные закономерности. 496 с.; Т. 4. Генетическая динамика. 504 с.; Т. 5. Качественная гетерогения организации. 528 с.
6. Карпов А.В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: Российская академия образования, 2012. 476 с.
7. Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М: Наука. 1974. С. 187–230.
8. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: (методологические основы). Ярославль: ЯрГУ, 1977. 79 с.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 474 с.

10. Шадриков В.Д. Психологический анализ деятельности: (системогенетический подход). Ярославль: ЯрГУ, 1979. 91 с.
11. Шадриков В.Д. О применении системного подхода в исследованиях по психологии // В сб.: Проблемы индустриальной психологии: сборник научных трудов. Ярославль: ЯрГУ, 1975. Вып. 2. 173 с.
12. Шадриков В.Д. К определению понятия психологической функциональной системы деятельности // В сб.: Проблемы индустриальной психологии: межвузовский тематический сборник. Ярославль: ЯрГУ, 1977. Вып. 4. 136 с.
13. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. - М.: Наука, 1982. 185 с.
14. Шадриков В.Д. Психология деятельности человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. 464 с.
15. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

References:

1. Davydov V.V. Teorija razvivajushhego obuchenija. M.: INTOR, 1996. 544 s.
2. Dikaja L.G., Zhuravlev A.L. Predislovie // Shadrikov V.D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka. M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 2013. S. 11-16.
3. Erastov N.P. Strukturno-psihologicheskij analiz dejatel'nosti i problemy racional'noj organizacii truda // Psihologicheskie problemy racionalizacii dejatel'nosti. Jaroslavl': JarGU, 1976. S. 3-8.
4. Karpenko L.A., Kol'cova V.A. Shadrikov // Istorija psihologii v licah. Personalii. M.: PERse, 2005. S. 522-523.
5. Karpov, A. V. Psihologija dejatel'nosti; v 5 tt. M.: RAO, 2015. - 546 s. T. 1. Metasistemnyj podhod. 546 s.; T. 2. Strukturnaja organizacija. - 408 s.; T. 3. Funkcional'nye zakonomernosti. 496 s.; T. 4. Geneticheskaja dinamika. 504 s.; T. 5. Kachestvennaja geterogenija organizacii. 528 s.
6. Karpov A.V. Refleksivnaja determinacija dejatel'nosti i lichnosti. M.: Rossijskaja akademija obrazovanija, 2012. 476 s.
7. Rogovin M.S. Razvitie strukturno-urovneвого podhoda v psihologii // Sistemnye issledovanija. Ezhegodnik. M: Nauka. 1974. S. 187–230.
8. Rogovin M.S. Strukturno-urovnevye teorii v psihologii: (metodologicheskie osnovy). Jaroslavl': JarGU, 1977. 79 s.
9. Rubinshtejn S.L. Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika, 1973. 474 s.
10. Shadrikov V.D. Psihologicheskij analiz dejatel'nosti: (sistemogeneticheskij podhod). Jaroslavl': JarGU, 1979. 91 s.

11. Shadrikov V.D. O primenenii sistemnogo podhoda v issledovanijah po psihologii // V sb.: Problemy industrial'noj psihologii: sbornik nauchnyh trudov. Jaroslavl': JarGU, 1975. Vyp. 2. 173 s.
12. Shadrikov V.D. K opredeleniju ponjatija psihologicheskoj funkcional'noj sistemy dejatel'nosti // V sb.: Problemy industrial'noj psihologii: mezhvuzovskij tematiceskij sbornik. Jaroslavl': JarGU, 1977. Vyp. 4. 136 s.
13. Shadrikov V.D. Problemy sistemogeneza professional'noj dejatel'nosti. - M.: Nauka, 1982. 185 s.
14. Shadrikov V.D. Psihologija dejatel'nosti cheloveka. – M.: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 2013. 464 s.
15. Shadrikov V.D., Mazilov V.A. Obshhaja psihologija. M.: Jurajt, 2015. 411 s.

Сведения об авторах:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, академик Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Слепко Юрий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, декан педагогического факультета Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

О влиянии психологической теории Б.Г. Ананьева на развитие болгарской психологии

Няголова Марияна Димитрова

Великотърновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия, Болгария

e-mail: mniagolova@yahoo.fr

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния основных психологических идей выдающегося российского психолога Б.Г. Ананьева на развитие болгарской науки. Проанализировано отношение болгарских ученых к оценке и применению его идей не только в психологии, но и в педагогике, социологии и философии. Личные научные связи болгарских ученых с Б.Г. Ананьевым ведут свое начало с 1945 г. На протяжении нескольких десятилетий они углубляются научным сотрудничеством в сфере экспериментальной психологии, обучением болгарских аспирантов, перево-дом фундаментального произведения Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания» на болгар-ском языке.

Ключевые слова: человек, личность, познание, комплексный подход, человеческая индивидуальность, болгарская наука, Б. Г. Ананьев.

On impact of psychological theory of B.G. Ananiev on development of Bulgarian psychology

Nyagolova Mariyana Dimitrova

University of Veliko Turnovo “St. Cyril and St. Methodius”, Bulgaria

e-mail: mniagolova@yahoo.fr

Abstract. The article is devoted to the study of the basic psychological ideas impact of eminent Russian psychologist B.G. Ananiev on the development of Bulgarian science. The attitude of Bulgarian scholars to the evaluation and application of his ideas in psychology, as well as in pedagogics, sociology and philosophy, is analyzed. The personal scientific relations of Bulgarian scholars with B.G. Ananiev, origi-nated in 1945. During several decades, they intensified in scientific collaboration in the area of experi-mental psychology, the training of Bulgarians in doctoral studies, with the translation of fundamental work of B.G. Ananiev “The Man as an object of the knowledge” into Bulgarian language.

Keywords: Man, Personality, Knowledge, Complex approach, Human individuality, Bulgarian science, B.G. Ananiev.

Имя и творчество выдающегося российского психолога Б.Г. Ананьева широко известно болгарскому научному сообществу. Он оказывается среди наиболее цитированных авторов почти во всех изданиях по психологии в стране. В 1976 году выходит в свет болгарское издание его книги «Человек как предмет познания», в переводе Ивана Дойчинова. Это позволяет многим болгарским читателям и специалистам по психологии, хотя и не владеющим русским языком, познакомиться с идеями Б.Г. Ананьева.

Личное знакомство болгарских ученых с Б.Г. Ананьевым осуществилось, впервые, в 1945 г., во время учредительной научной сессии АПН РСФСР, в работе которой приняли участие и иностранные делегаты. Болгарскую сторону представляли профессор психологии и педагогики – Генчо Пирьев и Тодор Самодумов. По возвращению на Родину оба они опубликовали подробные доклады о проведении сессии на страницах журналов «Школьное обозрение» и «Народное просвещение». Оба специально отметили выступление Б.Г. Ананьева на секции психологии с докладом «Психология индивидуального подхода к воспитанию школьников» [16, с. 221]. По свидетельству Г. Пирьева, они осуществили личные встречи с ведущими советскими психологами, в т.ч. и с Б.Г. Ананьевым. После сессии, они продолжали поддерживать с ним долгое дружеское и научное сотрудничество [14, с. 73].

Об этом свидетельствует и доклад Г. Пирьева о его поездке в СССР на Первый съезд Общества советских психологов при Академии педагогических наук РСФСР, состоявшийся с 29 июня по 4 июля 1959 г., в Москве. Пирьев сообщает, что на секции психологии были заслушаны 35 докладов и первый – доклад Б.Г. Ананьева, посвященный результатам целого ряда исследований пространственных восприятий. Особенно отмечалось воздействие внешней среды на анализаторы и связь восприятий с формированием и дифференциацией условных рефлексов. Было показано, что восприятия выявляют пространственные характеристики объектов и отношения между ними. Выводы Б.Г. Ананьева основывались на генетических исследованиях возникновения и развития пространственных восприятий у детей разного возраста [15, с. 98]. Выступление российского коллеги произвело сильное впечатление на болгарского ученого, и после закрытия съезда он поехал в Ленинград, чтобы познакомиться с его работы и с работой ленинградских психологов в целом.

Г. Пирьев посетил все лаборатории психологии, психофизиологии и патопсихологии ленинградских научных учреждений, но самое сильное впечатление произвела на него организация работы Педагогического

института АПН РСФСР, руководимого Б.Г. Ананьевым. В конце 1950-ых гг. коллектив Инсти-тута разрабатывал тему развития личности школьников разного возраста.

В заключении Г. Пирьев указал, что болгарским психологам необходимо учиться у Б.Г. Ананьева и его научного коллектива экспериментальной работе и выразил свое убеждение о необходимости на-правления в СССР болгарских стажеров, аспирантов и специалистов [15, с. 101]. Действительно, Г. Пирьев всячески содействовал поступлению молодых болгарских ученых в аспирантуру по психологии именно в ленинградские вузы (Кирилл Стоянов учился в аспирантуре у Б.Г. Ананьева, а Любен Десев – у А.Г. Ковалева).

По личным воспоминаниям профессора Софийского университета Любена Десева, личность Б.Г. Ананьева ярко отличалась своей огромной эрудицией. В качестве слушателя аспирант присутствовал на всех лекциях общей психологии, читаемые на факультете психологии ЛГУ российским ученым. Десев поражался силе ума Б.Г. Ананьева, его блестящей осведомленности в вопросах научной психологии. За время учебы в аспирантуре Десев, по поручению Г. Пирьева, часто встречался с Б.Г. Ананьевым и раз-говаривал с ним по проблемам научного сотрудничества между двумя странами в области психологии.

Возвратившись на Родину после успешной защиты кандидатской диссертации, Л. Десев более 40 лет работал преподавателем педагогической психологии в Софийском университете. Во всех своих научных работах он использовал и развивал ряд идей Б.Г. Ананьева, особенно ценя его разработки про-блем творчества и творческой деятельности и цитируя их неоднократно и в своих трудах [6].

В конце 1970-х и в начале 1980-х гг. XX в. в болгарской науке интерес к творчеству Ананьева сильно нарастает: на него ссылаются не только психологи, но философы, специалисты по педагогике, социологи. В центре – идеи Б.Г. Ананьева о комплексном изучении человека и психологических пробле-мах познания.

В первой половине 1970-х гг. болгарские психологи заинтересовались теорией Б.Г. Ананьева о чувственном познании. В своей методологической работе, посвященной онтологическому и гносеоло-гическому подходу в изучении психики, Димитър Василев обсуждает его точку зрения по проблемам структуры чувственного познания, классификаций ощущений, гносеологического и онтологического по-нимания процессов ощущений и восприятий [4, с. 211-212]. Обобщая, автор выражает мнение, что пози-ция Б.Г. Ананьева заслуживает внимания выявлением многообразия форм

чувственного отражения: «выделяемые формы трактуются не только как моменты единого развивающегося процесса, но и как уровни, от самого элементарного (ощущение) до самого сложного (представление), являющегося из-вестного рода обобщением чувственных знаний об объективной действительности» [2, с. 22].

Вопрос о философской и психологической трактовке форм чувственного познания в работе российского психолога интересен тем, что именно в ней он ведет полемику с болгарскими учеными – Тодором Павловым и Асеном Киселинчевым по проблеме различения познавательных психических форм. Он указывает, что в отличие от многих других российских и западных авторов, «как Т. Павлов, так и А. Киселинчев не вычлениют ощущения и восприятия в общем процессе чувственного отражения, но особо выделяют представления» [2, с. 22]. Таким образом, Б.Г. Ананьев выявляет действительные недостатки обоих болгарских авторов и их механистическое понимание филогенетического развития основных форм чувственного познания.

Будучи аспирантом С.Л. Рубинштейна и оформивший свою онтологическую концепцию о различии между ощущением и восприятием еще в середине 1960-х гг., Д. Василев стоял намного ближе к позиции Б.Г. Ананьева, чем к своим преподавателям философского факультета Софийского университета. Он не отметил указанную полемику и не углубил критику, отправленную Б.Г. Ананьевым в адрес Т. Павлова и А. Киселинчева только по причине жесткой научной цензуры в того времени, которая существовала в Болгарии. В гуманитарных и общественных науках ее проводил лично Т. Павлов в качестве «главного философа страны», занимавшего много лет должность директора Института философии БАН (Болгарская академия наук).

Д. Василев интерпретирует и теорию Б. Г. Ананьева о сновидениях, считая ее одной из самых современных. В связи с этим, ссылаясь на примеры и выводы российского психолога в книге «Психология чувственного познания», Д. Василев призывает к обсуждению вопроса о том, с какими чувственными органами связаны галлюцинации [4, с. 216]. В своих дальнейших работах он всегда обращается к творчеству Б.Г. Ананьева, как к «Психологии чувственного познания», так и к книге «Человек как предмет познания».

Д. Василев рассматривал понятие человека в психологической теории Б.Г. Ананьева как очень перспективное. От своих ассистентов на кафедре психологии Великотърновского университета он всегда требовал проведения семинарских занятий со студентами по работе «Человек как предмет познания». На основе трактовки комплексных идей человекознания,

предложенных Б.Г. Ананьевым, Д. Василев разработал собственную дифференциально-психологическую теорию о психической структуре человека. Основываясь на идеях С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и других ведущих психологов, он привел доказательства о необходимости психологической разработки понятия человека, не ограничиваясь понятием личности [5]. В 1983 г. работа Д. Василева о психической структуре человека получила высокую оценку на Европейской конференции по психологии личности и была опубликована на английском языке [20, p. 369-380].

В прикладной области психологии в начале 1970-х гг. труды Б.Г. Ананьева привлекают внимание специалистов по психологии труда. Трифон Трифонов и Димо Йорданов высоко оценивают структурность понимания человеческого познания, указывая, что в инженерной психологии, в психологии труда и вообще, в самой практике человека, применим вывод Б.Г. Ананьева о многоуровневом проявлении человека, обладающего не только мышлением, но ощущением и восприятием [17, с. 157-158]. На основе «Психологии чувственного познания» Т. Трифонов и Д. Йорданов приступают к созданию своего учебника психологии труда, заявляя, что новая научная эпоха требует комплексную разработку проблем человеческой практики.

В следующие десятилетия болгарские психологи продолжают цитировать Б.Г. Ананьева, прежде всего, по книге «Человек как предмет познания». Очень показателен факт, что в Ежегоднике по психологии Софийского университета за 1980 г. в трех из четырех опубликованных научных статьях преподавателей отделения психологии авторы цитируют труд Б.Г. Ананьева, интерпретируя и используя его. Известный специалист в области экспериментальной психологии Цани Цанев в своей работе «Аппаратурные методы исследования эвристического мышления» основывается на выводе Б.Г. Ананьева о том, что будущее экспериментальной психологии принадлежит развитию и применению аппаратурных методов [19, с. 10]. Крум Крумов в своем теоретическом исследовании «Теоретико-методологические аспекты проблемы марксистской психологии» подробно рассматривает теорию мотивации Б.Г. Ананьева как динамическую, иерархическую систему в структуре личности [8, с. 82-83]. Специалист по психологии восприятия Йордан Манчев в статье «Перцептивная константность и некоторые факторы ее устойчивости в процессе восприятия плоских изображений» сравнивает свои результаты экспериментов с результатами и выводами Б.Г. Ананьева в связи с изучением константности пространственных восприятий [10, с. 92-122].

Анализ отдельных томов ежегодника Софийского университета по психологии показывает, что количество цитат и ссылок на труды Б.Г. Ананьева

заметно уменьшается за последующие десять – пятнадцать лет. Ежегодник за 2002 г., например, включает 11 статей, но только в одной из них автор ссылается на болгарский перевод книги Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания». Зато в интересной работе Дианы Христовой «Проекты о будущем и предполагаемое самоопределение личности в молодости» автор рассматривает теорию Б.Г. Ананьева о соотношении возрастно-половых и нейродинамических свойств человека и возможности ее применения к изучению проблем личности молодежного возраста [18, с. 10].

Поколение болгарских ученых–психологов 1980-х и 1990-х гг. интересуется творчеством Б.Г. Ананьева, скорее всего, в плане изучения личности. Ведущее, в его целостной психологической теории, понятие человека постепенно оказывается на втором плане и даже «по ту сторону» интереса болгарских исследователей. Подобную ситуацию можно обнаружить и в результате беглого обзора отношения болгарских социологов к идеям Б.Г. Ананьева.

В немногочисленных разработках по социологии науки имя Б.Г. Ананьева заметно в списках использованной литературы. Значимость его теории социологии науки видят «в выявлении функциональных взаимосвязей свойств на разных уровнях психической организации, которое приводит к нарастанию возможностей объяснения изучаемых личностных свойств и их взаимосвязей» [13, с. 59]. Согласно Кръсти-не Петковой, в этом и состоит преимущество системного подхода изучения интегративной индивидуальности личности, предложенного Б.Г. Ананьевым, В.С. Мерлином и К. Обуховским, в сравнении с противоположным подходом Г. Айзенка, который сводит личность только к характеристикам темперамента [13, с. 59-60].

В публикациях по теории и методологии социологии, однако, существует и критическое отношение к теории Б.Г. Ананьева. Например, известный, в прошлом, социолог Стоян Михайлов не раз цитирует в своих публикациях основные произведения российского психолога. Его больше всего интересовала позиция Б.Г. Ананьева о личности. Он указывает, что «некоторые ученые считают, что категория “личность” изучается не только социологией, но и другими несоциологическими науками. Мясищев, например, пишет, что психология изучает личность человека. Ананьев указывает, что психология объединяет естественные и общественные науки в новом, синтетическом учении о человеке. Психология, однако, изучает только определенные аспекты личности. Следовательно, она не может дать нам понятия личности как целостной системы, как целостного образования... Я считаю, продолжает Стоян Михайлов, что разработка понятия личности, как целостной системы возможна только в социологии. И в связи с этим, хотел бы выразить свое

несогласие с мнением Мясищева и Ананьева» [11, с. 147]. Свою критику в адрес Б.Г. Ананьева, он продолжает по линии комплексного изучения человека и личности, выражая свое несогласие с идеей комплексного подхода, вообще [11, с. 148-149]. В обобщении Ст. Михайлов категорически заявляет, что личность является предметом только одной науки – социологии, а вопрос о комплексном и системном изучении человека остается спорным.

Противоположную позицию по вопросу комплексного изучения человека занимают болгарские философы. Стефан Ангелов опубликовал программную статью «Комплексный подход в познании человека», где формулирует направления творческого применения идей Б.Г. Ананьева в методологии философии. Он указывает, что необходимость разработки комплексного подхода продиктована возникновением новых междисциплинарных отношений в науке. Первенство в этой разработке несомненно, принадлежит Б.Г. Ананьеву [3, с. 25-27], у которого должны учиться болгарские философы и специалисты общественных и гуманитарных наук.

В более частных философских исследованиях тоже отмечается заслуга Б.Г. Ананьева для новой методологической ориентации, не только психологии, но и философии. В монографии Любомира Драмалиева, посвященной философскому изучению ценностей и ценностному выбору, указывается, что труд Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания» отличается фундаментальным научным значением. Л. Драмалиев обобщает, что в данном труде, «представлена богатая картина дифференциальных и интегративных процессов, действующих в сфере естествознания, обществоведения и философии. Все эти сферы имеют одну предметную цель – человек» [7, с. 25-26].

Разрабатывая проблему общественного воспитания человека, Васил Момов интерпретирует идею Б.Г. Ананьева о понимании личности в контексте комплексного изучения человека. Он анализирует подробно его статью «Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки», опубликованную в «Вестнике ЛГУ» в 1962 г. В своей книге В. Момов неоднократно доказывает, что мысль Б.Г. Ананьева о превращении человеческой проблематики в общую проблематику всей науки имеет прогностическое значение [12, с. 184-374].

Результаты проведенного библиографического анализа цитирования трудов Б.Г. Ананьева в болгарской научной литературе по психологии, социологии и философии показывают, что болгарские ученые высоко ценили его научную теорию, стараясь творчески развивать ее в целях исследования целого ряда научных проблем.

Список литературы:

1. Ананиев Б. Човекът като предмет на познанието. София: Наука и изкуство, 1976. 397 с.
2. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. Москва: Издательство Академии педагогиче-ских наук РСФСР, 1960. 486 с.
3. Ангелов С. Комплексният подход в познанието на човека // Социологически проблеми. 1973. Брой 3. С. 25-30.
4. Василев Д. Д. Към въпроса за разликата между психиката и познанието / Годишник на катедрите по диалектически и исторически материализъм. 1975. Година осма. Книжка първа. София: Комитет за наука, технически прогрес и висше образование. С. 190-246.
5. Василев Д. Психичната структура на човека. Велико Търново: Перспектива, 1997. 30 с.
6. Десев, Л., Брик, С. Десев, Н. Психология на творчеството, София: Парадигма, 2011. 520 с.
7. Драмалиев Л. Философски основи на морала и правото. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1996. 206 с.
8. Крумов К. Теоретико-методологични аспекти на проблема за мотивацията в марксистката психо-логия // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Философски факултет. Книга Психология. 1980. Том 73. С. 65-89.
9. Логинова Н. А. Российская психология и ее восприятие в Казахстане // Образ российской психо-логии в регионах страны и в мире. Отв. ред.: А. А. Алексапольский, И. С. Кострикина, А. В. Юревич. 2006. Москва: ИП РАН. С. 19-22.
10. Манчев Й. Перцептивната константност и някои фактори за нейната устойчивост при възприятие на плоските изображения // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Философски факултет. Книга Психология. 1980. Том 73. С. 90-123.
11. Михайлов Ст. Личността като специфична социолгическа система // Антология на българската социологическа мисъл. Том 3. 1985. София: Наука и изкуство. С. 141-150.
12. Момов В. Теория. Идеологическа политика. Личност. София: Партиздат. 1987. 421 с.
13. Петкова К. Границите на научния риск. София: Партиздат. 1990. 125 с.
14. Пирьов Г. Първият конгрес на дружеството на съветските психолози // Списание на българската академия на науките. 1959. Книга 4. С. 95-102.

15. Пиръов Г. За подема на педагогическите и психологическите науки след Победата // Победата над фашизма и духовният прогрес // Известия 2'86. Година XII. София: Научно изследователски институт по културата при комитета за култура и БАН. 1986. С. 72-76.
16. Самодумов Т. Педагогическото творчество в СССР // Народна просвета. 1945. Кн. 6-7. С. 217-233.
17. Трифонов Т., Йорданов Д. Проблеми на психологията на труда. 1972. София: Наука и изкуство, 1972. 383 с.
18. Христова Д. Проектите за бъдещето и перспективното самоопределение през младостта // Го-дишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Философски факултет. Книга Психология. 2002. Том 94-95. София: 2003. С. 147-176.
19. Цанев Ц. Апаратурни методи за изследване на емпиричното мислене // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Философски факултет. Книга Психология. 1980. Том 73. София, 1984. С. 6-36.
20. Vasilev D. D. On the understanding of the psychic structure of man // Personality Psychology in Europe. H. Bonarius, G. Van Heck and N. Smid (Eds.). Lisse: Swets&Zeitlinger, 1984. P. 369-382.

References:

1. Ananiev B. Chovek#t kato predmet na poznaniето. Sofija: Nauka i izkustvo, 1976. 397 s.
2. Anan'ev B. G. Psihologija chuvstvennogo poznaniya. Moskva: Izdatel'stvo Akademii pedagogiche-skih nauk RSFSR, 1960. 486 s.
3. Angelov S. Kompleksnijat podhod v poznaniето na choveka // Sociologicheski problemi. 1973. Broj 3. S. 25-30.
4. Vasilev D. D. K#m v#prosa za razlikata mezhdu psihikata i poznaniето / Godishnik na katedrite po dialekticheski i istoricheski materializ#m. 1975. Godina osma. Knizhka p#rva. Sofija: Komitet za nauka, tehniчески progres i visshe obrazovanie. S. 190-246.
5. Vasilev D. Psihichnata struktura na choveka. Veliko T#rnovo: Perspektiva, 1997. 30 s.
6. Desev, L., Brik, S. Desev, N. Psihologija na tvorchestvoto, Sofija: Paradigma, 2011. 520 s.
7. Dramaliev L. Filosofski osnovi na morala i pravoto. Sofija: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 1996. 206 s.

8. Krumov K. Teoretiko-metodologichni aspekti na problema za motivacijata v marksistkata psiho-logija // Godishnik na Sofijskija universitet «Sv. Kliment Ohridski». Filosofski fakultet. Kniga Psihologija. 1980. Tom 73. S. 65-89.
9. Loginova N. A. Rossijskaja psihologija i ee vosprijatie v Kazahstane // Obraz rossijskoj psiho-logii v regionah strany i v mire. Otv. red.: A. A. Aleksapol'skij, I. S. Kostrikin, A. V. Jurevich. 2006. Moskva: IP RAN. S. 19-22.
10. Manchev J. Perceptivnata konstannost i njakoi faktori za nejnata ustojchivost pri vosprijatie na ploskite izobrazhenija // Godishnik na Sofijskija universitet «Sv. Kliment Ohridski». Filosofski fakultet. Kniga Psihologija. 1980. Tom 73. S. 90-123.
11. Mihajlov St. Lichnostta kato specifichna sociologicheska sistema // Antologija na b#lgarskata sociologicheska mis#l. Tom 3. 1985. Sofija: Nauka i izkustvo. C. 141-150.
12. Momov V. Teorija. Ideologicheska politika. Lichnost. Sofija: Partizdat. 1987. 421 s.
13. Petkova K. Granicite na nauchnija risk. Sofija: Partizdat. 1990. 125 s.
14. Pir'ov G. P#rvijat kongres na družestvoto na s#vetskite psiholozi // Spisanie na b#lgarskata akademija na naukite. 1959. Kniga 4. S. 95-102.
15. Pir'ov G. Za podema na pedagogicheskite i psihologicheskite nauki sled Pobedata // Pobedata nad fashizma i duhovnijat progres // Izvestija 2'86. Godina XII. Sofija: Nauchno izsledovatel'ski institut po kulturata pri komiteta za kultura i BAN. 1986. S. 72-76.
16. Samodumov T. Pedagogicheskoto tvorcestvo v SSSR // Narodna prosveta. 1945. Kn. 6-7. S. 217-233.
17. Trifonov T., Jordanov D. Problemi na psihologijata na truda. 1972. Sofija: Nauka i izkustvo, 1972. 383 s.
18. Hristova D. Proektite za b#deshheto i prospektivnoto samoopredelenie prez mladostta // Godishnik na Sofijskija universitet «Sv. Kliment Ohridski». Filosofski fakultet. Kniga Psihologija. 2002. Tom 94-95. Sofija: 2003. S. 147-176.
19. Canev C. Aparaturni metodi za izsledvane na empirichnoto mislene // Godishnik na Sofijskija universitet «Sv. Kliment Ohridski». Filosofski fakultet. Kniga Psihologija. 1980. Tom 73. Sofija, 1984. S. 6-36.
20. Vasilev D. D. On the understanding of the psychic structure of man // Personality Psychology in Europe. H. Bonarius, G. Van Heck and N. Smid (Eds.). Lisse: Swets&Zeitlinger, 1984. P. 369-382.

Сведения об авторе:

Няголова Марияна Димитрова, канд. психол. наук, доцент истории психологии; Университет г. Велико Тырново им. Святых Кирилла и Мефодия, Философский факультет, (Велико Тырново, Болгария)

«В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии

Ясницкий Антон¹

Неаффилированный исследователь, Торонто, Канада

e-mail: anton.yasnitsky@gmail.com

Ламдан Эли

Еврейский Университет в Иерусалиме;

Израильское Интер-университетское Сотрудничество по исследованию России и Восточной Европы, Израиль

e-mail: eli.lamdan@gmail.com

Ван дер Веер Рене

Лейденский университет, Лейден, Голландия;

Университет Магелана, Пунта-Аренас, Чили

e-mail: veer@fsw.leidenuniv.nl

Аннотация. Последнее десятилетие ознаменовалось серией исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить о «ревизионистской революции в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), то есть в такой области исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников. Данная статья дает краткий обзор этих исследований и иллюстрирует исследовательский потенциал "ревизионистского поворота" на примере неизвестной переписки А.Р. Лурии с его американским коллегой, датированной августом 1941 г. В статье представлено, в переводе с английского, письмо Лурии, содержание переписки между его американскими контр-агентами и ответ Лурии адресата письма Хораса Каллена (1882-1974). В заключение дается краткое обсуждение этих и других архивных документов Лурии и Выготского с точки зрения ревизионистской методологии исследования и в контексте

¹ С подавляющим большинством других работ этого автора, доступных в виде в виде полнотекстовых публикаций, можно познакомиться на его персональной странице в Сети: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>

стремительно набирающей ход ревизионистской революции в историографии русской психологии.

Ключевые слова: Лурия, Выготский, выготсковедение, круг Выготского-Лурии, архивы, документы, переписка, ревизионизм, ревизионистская революция, изоляционизм, транснационализм, Вторая мировая война, демократия, транснациональная история

“In the August of 1941”: Alexander Luria’s Unknown Letter to the USA in the Light of Revisionist Revolution in the Historiography of Russian Psychology

Yasnitsky Anton

Unaffiliated researcher, Toronto, Canada

e-mail: anton.yasnitsky@gmail.com

Lamdan Eli

The Hebrew University in Jerusalem;

The Israeli Inter-University Academic Partnership in Russian and East European Studies, Israel

e-mail: eli.lamdan@gmail.com

Van der Veer René

Leiden University, Leiden, Holland;

Magallanes University, Punta Arenas, Chile

e-mail: veer@fsw.leidenuniv.nl

Abstract. The recent decade is characterized by the explosion of studies in the history of Russian psychology that are best described as the “Revisionist Revolution in Vygotsky Studies” (see: Yasnitsky & Van der Veer, 2016). By “Vygotsky Studies” we mean such field of research that critically scrutinizes the scientific legacy of Lev Vygotsky (1896-1934), Alexander Luria (1902-1977) and the circle of their closest associates known as the “Vygotsky-Luria Circle”. This article briefly overviews these critical studies and provides an illustration of the potential of the “revisionist turn” with the unknown correspondence between Luria and his American peer Horace M. Kallen (1882-1974). Luria’s letter was composed in August 1941, and is published herein translation into Russian. In conclusion, I briefly discuss this letter and other archival documents of the kind from the standpoint of the methodology of revisionist research and in the context of the revisionist revolution in the making in the historiography of Russian psychology.

Keywords: Luria, Vygotsky, Kallen, Vygotsky Studies, Vygotsky-Luria Circle, archives, documents, correspondence, revisionism, revisionist revolution, isolationism, transnationalism, World War II, democracy, transnational history.

Десятилетие, прошедшее между сто десятой и сто двадцатой годовщинами до дня рождения Льва Выготского (т.е. период 2006-2016 гг.), ознаменовалось целой серией новых исследований по истории русской психологии², которые дали основания говорить об «архивной революции» [124], а затем даже и о «ревизионистской революции в выготсковедении» [126], то есть в такой области исторических, текстологических, методологических и теоретических исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников, или же, иными словами, так называемого «Круга Выготского-Лурии» [122, 125]. Что же представляет собой эта «ревизионистская революция в выготсковедении»?

Ревизионистская революция в выготсковедении³

Призыв к созданию «выготсковедения» как особой области знания впервые прозвучал еще в начале 1980х гг. [37] и изначально подразумевал ревизионизм традиционной историографии. И в самом деле, согласно задумке авторов идеи «выготсковедения», эта область знания должна была возникнуть в первую очередь в качестве реакции на каноническую, т.е. уже сложившуюся к тому времени, историографию «школы Выготского» как историю «тройки» Выготского, Лурии и А.Н. Леонтьева и их научного наследия. Лучков и Певзнер возражают против правомочности выстраивания в одну линию этих трех имен как основателей единой научной традиции, обращают внимание читателя на складывающуюся не столько историографию, сколько мифологию, связанную с именем Выготского, и призывают к критическому и ревизионистскому подходу к истории и теории психологии:

² Под «русской психологией» здесь понимается тот свод идей, текстов, экспериментальных и социальных практик, который напрямую завязан на, условно говоря, «психологические» публикации на русском языке, вне зависимости от географической расположенности, национальности или институциональной аффилиации их авторов. Таким образом, с известной натяжкой переводная литература на русском языке и производные от нее теории, дискурсы и практики также включаются в такое расширительное понятие «русской психологии».

³ Общий обзор «ревизионистской революции в выготсковедении» был дан в тексте, озаглавленном «Ревизионистская революция в выготсковедении и наследие Выготского в 21 веке» и подготовленном в качестве пленарного доклада для его публичного представления в отсутствие автора на юбилейной конференции памяти Выготского, прошедшую в ноябре 2016 года на ряде площадок в Москве. С содержанием этого текста можно ознакомиться в Интернете по адресу [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2016\).%20REVpaper_RUS.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2016).%20REVpaper_RUS.pdf).

«Наш вводный тезис сводится к утверждению необходимости максимально развернутой реконструкции теоретических взглядов Выготского – к созданию «выготсковедения» как актуальнейшего теоретического направления в развитии советской психологии. На этом пути необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, попутно преодолевая начинающие складываться мифы о Выготском. В первую очередь нас должны интересовать, по меньшей мере, ответы на следующие вопросы: 1) как следует изучать Выготского? 2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?» [37].

И тем не менее, сравнительно до недавнего времени литература была небогата такими исследованиями ревизионистского толка. Как удачные, но, к сожалению, редкие исключения можно упомянуть работу Радзиховского конца 1980х, в которой тот дает разбор тех идей Выготского, которые, по мнению автора, являлись его инновацией в психологии, но при этом замечает, что «несмотря на свою эвристичность и перспективность, данная программа Л.С. Выготского не была принята и реализована в отечественной психологии. Самые разные авторы – от А.Н. Леонтьева до К.А. Абульхановой-Славской – критиковали Л.С. Выготского за то, что мы назвали его исходными допущениями» [40, с. 129]. Очевидно, что такая оценка идет вразрез с широко распространенным мнением, что Выготский заложил основы советской психологии, а его новаторское наследие получило свое творческое развитие в трудах русских психологов последующего периода. Более того, вопреки хвалебным заявлениям об успешном развитии теории Выготского, характерным для канонической историографии, Радзиховский склонен подвергать сомнению не только утверждение о дальнейшем развитии, но и сам факт наличного существования такой законченной и разработанной теории: «марксистскую психологию начали интенсивно разрабатывать, но в 40—70-е гг. существенного углубления в этом вопросе достичь не удалось. В самом деле, не случайно ведь советские психологи в своих методологических рассуждениях неизменно возвращаются к работам Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, написанным еще в 20—30-е гг. Очевидно, что с тех пор равнозначных теоретических решений поставленных тогда методологических проблем в советской психологии так и не создано. Другое дело — как оценивать сами эти решения. Здесь можно видеть проработанный, логически законченный вариант (варианты) марксистской методологии психологической науки, а можно — лишь первые подступы к проблеме» [40, с. 125]⁴.

⁴ См. текст в Интернете: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881124.htm>

Еще одна работа ревизионистского толка, также несомненно не потерявшая актуальности и в наши дни и также заслуживающая пристального внимания, вышла в первой половине 1990х гг. В ней ее автор затронул целый ряд тем в жизни, образе мысли и наследии Выготского, детальное развитие которые получили лишь в совсем недавних ревизионистских исследованиях, посвященных, среди прочего, еврейскому вопросу в раннем творчестве Выготского, его критическому литературоведческому наследию, и перекличке его идей с психоанализом. В завершение, автор формулирует вывод, звучащий вполне современно и чуть ли не кощунственно для иных поклонников Выготского и в наши дни: «Л. С. Выготский не был одиноким героем из ницшеанско-большевистской мифологии; тем более не был он мессией, ниоткуда явившимся спасти психологию и сразу нашедшим в ней верных апостолов. Это был человек культуры, интеллектуал, действовавший в основном русле современных ему эстетических, философских, политических и просто жизненных идей. Не родоначальник новых принципов, взявший их из недр своей одаренности, а один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения. Не вундеркинд, родившийся марксистом, а литератор пост-символистской эпохи, пришедший к психологии и марксизму по сложным и характерным путям. Не “Моцарт психологии”, а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области» [49, с. 54]⁵.

Таким образом, мы видим, что на протяжении 1980х и 1990х гг. существовали, хоть и немногочисленные, но постоянные попытки ревизии традиционного нарратива о Выготском, который выстраивался по модели некритически-хвалебного и агитационно- пропагандистского повествования о Льве Семёновиче, Отце-Основателе, Учителе, Великом Человеке и Ученом (все эпитеты сознательно приведены с большой буквы, согласно нормам пропагандистского канона). И тем не менее, реальный прорыв произошел лишь в 21 веке. Исследования и публикации в этом ключе можно условно разделить на несколько групп. Именно эти исследования и составили базу и реальное воплощение ревизионистского поворота в выготсковедении, которые, собственно говоря, и позволили ему сформироваться как особой области знания, международно известной и признанной во всем мире как *Vygotsky Studies*.

Во-первых, важный прорыв состоялся благодаря смещению исследовательского фокуса с фигуры, личности и наследия Выготского на обширный научный коллектив и неформальную сеть контактов, известную в

⁵ См. текст в Интернете: ⁵ <http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934037.htm>

литературе как «круг Выготского», а точнее – как «круг Выготского-Лурии». В этих исследованиях представлен «выготскианский проект» не как плод ума «одинокоего гения психологии», Великого Человека, Нашего Учителя и т.п., а как сетевой проект и результат мультидисциплинарной и разнонаправленной работы географически распределенного и сравнительно мало координированного коллектива исследователей из нескольких десятков человек—сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии как в Советском Союзе, так и за его пределами [122, 125, 127]⁶. Минимальной, ядерной единицей анализа при таком подходе становится дуэт Выготский – Лурия, хотя, несомненно, эта пара исследователей, научных и общественных деятелей при всей их важности для всего проекта далеко не определяет всего объема и масштаба этого проекта в его целостности.

Во-вторых, ревизионистская революция не смогла бы состояться без «архивной революции», произошедшей в ряде исследований, выполненных, начиная с 2006 г., параллельно в РФ и за рубежом на материалах архивных документов, обнаруженных в частных и ведомственных архивах в РФ, Восточной и Западной Европы и в Северной Америке. Среди наиболее заметных собственно архивных исследований и публикаций следует отметить серию работ, выполненных Е.Ю. Завершневой (отчасти в соавторстве) на материалах, обнаруженных в личных архивах семьи Выготского и опубликованных преимущественно в журнале «Вопросы психологии»; см., напр., [15, 21–26, 28, 135–137]. Завершает эту линию архивных исследований публикация избранных заметок и записных книжек Выготского в виде комментированного тома на русском [27] и английском языке [138]. Другой исследовательский проект, также стартовавший в 2006, был реализован в архивах Украины на материале документов, относящихся к коллективу сотрудников Выготского, Лурии и Леонтьева, работавшему в Харькове в довоенные годы [54, 55, 60, 131, 132]⁷. Примечательны сравнительно более редкие работы, проведенные на материале архивов Лурии, например, исторические исследования и комментированные издания архивных документов [1, 7, 35, 36, 61]⁸. В последнее время начинают также появляться публикации, выполненные на основе неопубликованных документов

⁶ Наиболее полный список имен сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии опубликован в Приложении к книге, вышедшей под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера: Revisionist Revolution in Vygotsky Studies. London and New York: Routledge, 2016.

⁷ Все тексты доступны в Интернете на странице первого автора: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>

⁸ См. некоторые источники в Интернете:

https://www.academia.edu/7529463/Комментарии_к_2_документам_из_архива_А.П.Лурии

<http://psyjournals.ru/kip/2012/n2/52531.shtml>

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_VopPsy_4.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_VopPsy_4.pdf),

http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf

Выготского и Лурии из западных архивов за пределами РФ [62, 126], в том числе, например, небольшой очерк о франкофонной статье Лурии по дефектологии, опубликованной в Париже в 1936 г. [106]. Также весьма примечательно и недавнее диссертационное исследование о «теоретической истории» революционной «романтической науки» Александра Лурии, выполненное с привлечением обширного набора архивных документов и защищенное Ханной Проктор в Лондоне в 2016 г. [113]⁹. Интересно также и развитие этой работы в журнальных публикациях [114]. К исследованиям этого рода логически примыкает серия исторических и текстологических работ, посвященная сравнительному анализу текстов Выготского в переводе на английский [118, 119] и в их публикациях в оригинале, то есть на русском языке [23, 28, 29, 93–95, 110, 134]. Связаны с ними, но стоят несколько особняком, исследования по истории создания текстов Выготского, основательно перевернувшие наши традиционные представления о хронологии [57, 120] и даже подлинности тех или иных текстов, традиционно приписываемых Выготскому [14, 17, 33, 41, 68]. Логическим итогом этих работ стала подготовка и публикация самой актуальной и наиболее полной на сегодняшний день библиографии работ Выготского на шести языках, вышедших при жизни автора или сразу после его смерти, вплоть до конца 1930х г. [121].

В-третьих, огромный вклад в ревизионистское движение в выготсковедении внесла ревизионистская историография России и Советского Союза периода нескольких последних десятилетий (в частности, работы Ш. Фитцпатрик, С. Коткина, Д. Хоффмана, М. Дейвида-Фокса, Н. Кременцова, А. Кожевникова, Д. Тодеса и мн. др.), которая основательно перевернула и существенно обогатила наши традиционные представления о советской и русской науке как социальном институте, взаимоотношении власти и общества, научных исследований, идеологии и пропаганде, локальных и международных процессов и явлений, и т.п.¹⁰ При всех важности всех этих работ, в этом контексте следует особо выделить программную и классическую монографию Кременцова под названием «Сталинская наука» (Stalinist science). Этой книге в 2017 г. исполняется уже двадцать лет с момента ее выхода в издательстве

⁹ Proctor, Hannah (2016). Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's 'Romantic science'. Unpublished PhD thesis, Birkbeck, University of London; см. в Интернете: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/> ; окончательная версия полного текста диссертации: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/1/PhD%20Current%20FINAL%20with%20corrections.pdf>

¹⁰ Краткий обзор нескольких ревизионистских волн в историографии России и СССР см. в Дмитриев А. Н. "Академический марксизм" 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. № 88. 2007. С. 10—38, см. в Интернете <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html> ;

Принстонского университета [102]¹¹. И тем не менее, судя по ссылкам, темам и проблемам, представленным в современной русскоязычной историографии, эта работа, обязательная к ознакомлению любого историка русской и советской науки межвоенного периода (т.е. 1920х-1930х гг.), до сих пор остается не прочитанной русскоязычным исследовательским сообществом, что и предопределяет по меньшей мере и по самым оптимистическим оценкам двадцатилетнее отставание русскоязычной историографии психологии и смежных дисциплин от большинства ее международных (в первую очередь, англоязычных) аналогов. Так или иначе, именно эти работы вдохновили исследования истории советской психологии и, в частности, круга Выготского-Лурии в ревизионистском ключе. Так, например, в совсем недавних работах была проведена критическая переоценка истории русской психологии от начала 20 века вплоть до наших дней как, с одной стороны, сравнительной дисциплинарной истории психологии и смежных дисциплин [66]¹², а с другой стороны, с точки зрения, ее реализации в рамках «сталинской модели науки», установившейся к концу 1930х и, хоть и с существенными изменениями, но все же сохранившейся в Российской Федерации наших дней [67, 70, 128]¹³. Критическому пересмотру подверглась и широко распространенное, но документально никаким образом не подтвержденное мнение, согласно которому работы, наследие и имя Выготского находились под административным запретом в годы сталинизма. Недавнее исследование документов, архивов и публикаций того времени показало, что если и имеет смысл говорить о «запрете на Выготского», то не о юридическом, а фактическом, и не во времена сталинизма, а гораздо позже: в 1960е-1970е гг., когда номинальные и самопровозглашенные «ближайшие ученики и соратники» Выготского занимали руководящие позиции на вершине административно-научной пирамиды в Советском Союзе и, по совместительству, международных ассоциациях психологов [80, 81].

В-четвертых, особую группу работ составляют критические и ревизионистские исторические исследования концептуально-теоретического свойства. К их числу следует отнести важнейшие, но еще не в полной мере оцененные по достоинству работы в области лингвистики и психолингвистики,

¹¹ С более детальным описанием литературы и ссылками на конкретные работы, в т.ч. на их полнотекстовые версии в Сети можно ознакомиться в программном тексте «Ревизионистская революция в историографии русской психологии: От "репрессированной науки" и "теории деятельности" к транснациональной истории интегративной психологии»: http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky_2013_2016.pdf

¹² См. текст в Интернете:

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Disciplinary_Draft.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Disciplinary_Draft.pdf)

¹³ См. тексты в Интернете (в хронологическом порядке их публикации):

<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html> ; <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf> ;

подвергнувшие радикальному пересмотру вклад Лурии и Выготского в построение теории сознания, культуры и языкового мышления. В этих работах ставится под сомнение модель Выготского, согласно которой речь проходит в своем развитии фазы от внешней и социальной через приватную к внутренней речи и, далее, собственно мышлению [91], а также подвергается разгромной критике исследование развития логического мышления под влиянием изменения производственных отношений при переходе от феодального строя к социалистическому в результате коллективизации в Средней Азии в начале 1930х гг., которое там в полевых условиях проводил Лурия (под заочным руководством Выготского) [88]. Наконец, в русле этой же традиции лингвистических исследований была проведена критическая работа под заглавием «Переосмысливая Выготского: Критическое прочтение культурно-исторической теории Выготского и ее использования в современных исследованиях» (Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship). Это диссертационное исследование было подытожено в виде двухсотстраничной рукописи и сравнительно недавно защищено в университете Гонконга [139]. Все эти работы современных лингвистов представляют большой интерес, а их значение и вклад в ревизионистское выготсковедение ещё только предстоит оценить и осмыслить. Из числа историко-методологических и историко-теоретических работ следует также отметить критические исследования достижений Лурии-Выготского в ходе полевых исследований в их среднеазиатских экспедициях 1931 и 1932 гг. и в последующем оформлении результатов этих исследований в научных публикациях [18, 34, 65, 72, 87, 105, 107, 112]. Фундаментальным представляется открытие, которое не только выявляет постепенное сближение в методологии проведения эмпирических психологических исследований, но и растущее на протяжении межвоенного периода теоретическое сходство между работами советских научных работников круга Выготского-Лурии и исследованиями немецко-американских ученых, известных как представители психологического направления гештальт-психологии (Макс Вертхаймер, Курт Коффка, Вольфганг Кёлер, Курт Гольдштейн, Курт Левин и мн. др). В некоторых публикациях последнего времени этот укрепляющийся альянс между советскими и германо-американскими психологами и сближение их теоретических позиций был назван «началом большой дружбы» и получил несколько дискуссионное наименование «культурно-исторической гештальт-психологии» [62, 126, 129].

Таким образом, «ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), зародившаяся еще в критических

работах начала 1980х, окончательно оформилась как широкое международное научное движение и набрала полный размах к середине 2010х, свидетельством чему недавняя публикация программной коллективной монографии под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера [133], встретившей большую поддержку ведущих мировых специалистов¹⁴. Так, например, Питер Смагорински (Peter Smagorinsky), председатель специальной профильной группы по культурно-историческим исследованиям Американской Ассоциации по исследованиям в области образования (Chair, Cultural-Historical Research Special Interest Group of the American Educational Research Association, 2012-2014) и профессор Колледжа Образования Университета Джорджии (College of Education, The University of Georgia, USA) оценивает эту программную монографию как «бесценный том с публикацией интеллектуального проекта по освоению теории Выготского и ее применению к современным проблемам в новых контекстах». Энди Байфорд (Andy Byford), профессор отделения русского языка и культуры Университета Дарема (Department of Russian, the School of Modern Languages and Cultures, Durham University, UK), подчеркивает, что авторы и редакторы монографии «вступают в острую полемику с 'культизмом' в выготсковедении, базируя свои ревизионистские аргументы на оригинальной исторической реконструкции и деконструкции наследия Выготского в Советском Союзе, пост-советской России и в мире. Это собрание исследований проливает новый свет на историю рецепции и продвижения Выготского и его 'школы'». Александр Эткинд (Alexander Etkind), в самом недавнем прошлом профессор Кембриджского университета, а в настоящее время профессор по истории отношений между Европой и Россией отделения Истории и Цивилизации Европейского университета во Флоренции (Mikhail M. Bakhtin Professor of History of Russia-Europe Relations, Department of History and Civilization, European University at Florence, Italy) в своей рецензии на книгу напоминает нам, что «Лев Выготский — это один из тех титанов в психологии, которые были исключительно неверно и несправедливо представлены. Утонченно культурный и глубоко политизированный автор, Выготский творчески объединил фрейдистские и троцкистские влияния, находя источник для собственного вдохновения в психологии развития и языкознании. Эта книга предлагает основательный пересмотр наследия Выготского, неизбежный для любого, кто читает Выготского и следует за ним как психологом». Фернандо Гонзалес Рей (Fernando Luis González Rey), бразильский ученый кубинского происхождения, прошедший аспирантуру в московском Институте общей и

¹⁴ Самый недавний обзор этой книги, сделанный в марте 2016 года, см. в Интернете: <http://clayspinuzzi.com/2017/03/reading-revisionist-revolution-in-vygotsky-studies/>

педагогической психологии (ныне: Психологический институт им. Щукиной), бывший президент Общества психологов Кубы (1986-1989) и декан психологического факультета и проректор Университета Гаваны (1990-1995), а в настоящее время профессор Университета г. Бразилиа (Universidade de Brasília), приходит к заключению, что «эта книга одновременно опровергает мифы и в то же время кладет основания современному изучению классических работ Выготского». Александр Метро (Alexandre Metraux), исследователь, аффилированный с Архивами Анри Пуанкаре в Нанси (Archives Henri Poincaré, Nancy, France), и сотрудник Института Отто Зельца Университета г. Мангейм (Otto-Selz Institut für Andewandte Psychologie, University of Mannheim, Germany), ссылаясь на ряд публикаций Ван дер Веера, Завершневой и Ясницкого, составивших костяк книги, как на серию «парадигматических работ, проведенных на основе солидных архивных, текстологических, лексикологических и социо-исторических исследований» утверждает при этом, что «эти исследования парадигматичны еще и иным смысле. Их авторы осознали, наконец, что прежде накопленное знание о работе и жизни Выготского отчасти ограничено, и что необходим свежий взгляд вкупе с использованием новых методов исследования, которые не были использованы еще с 1935 г. (скрупулезное изучение архивных источников, методы филологического анализа, переосмысление развития наук с точки зрения анализа политических и общественных процессов, историческая контекстуализация). Это означает, что в не столь отдаленном будущем выготсковедение, весьма вероятно, подтвердит то, что я предвидел еще в начале 21 столетия, а именно: они подтвердят, что мой подход к тому, что я наивно называл 'культурно-исторической школой советской психологии', оказалось, принадлежит к холодному и бездвижному прошлому».

Все эти отзывы, которые можно найти на обложке книги [133], при всей их краткости, вполне информативны и дают неплохое представление о географическом охвате «ревизионизма в выготсковедении» и поддержке ревизионистскому движению среди известных и авторитетных исследователей Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, США и Франции. В этой связи нельзя не упомянуть то обстоятельство, что расширенная испаноязычная версия монографии, была подготовлена при непосредственном участии и поддержке исследователей из Аргентины, Бразилии, Испании, Мексики и Чили и вышла в середине 2016 г. [130]. Это свидетельствует о том, что ревизионистское движение в настоящее время охватило не только Северную Америку, Западную Европу и, отчасти, Россию, но также Латинскую и Южную Америку. Это издание было расширено за счет блока статей испаноязычных авторов, которые

представили свои исследования развития и канонизации «выготскианства» в испаноязычном мире [71, 84, 85]. В этих работах мы видим транснациональную историю психологии как деятельность научных и общественных активистов левого толка, зачастую членов местных Коммунистических партий или, по крайней мере, явных (или скрытых) сторонников той или иной версии марксизма как политического (реже: философского) течения современной общественной мысли. Эти новые публикации обогащают наше представление об образе Выготского как «марксистского мыслителя» и о его международной популярности (по крайней мере, за пределами США) именно в таком качестве. В совокупности с другими исследованиями транснационального выготскианства и истории развития культа Выготского международным научным сообществом [19, 38, 81-83, 86, 109, 111, 119] эти исследования намечают самую новую и актуальную область историографического исследования наследия Выготского и Лурии как истории международной рецепции, социального конструирования и транснациональной циркуляции научного знания. Эта книга предваряется также вводной главой с анализом «ревизионизма в выготсковедении», написанной преимущественно с позиций испаноязычного научного сообщества.

И тем не менее, наиболее полное и обстоятельное на настоящий день описание ревизионистского проекта можно найти во Введении в книгу [101]. Его автор — известнейший исследователь и пропагандист наследия Выготского на Западе, Алекс Козулин, сотрудник и академический координатор Института Фейерштейна в Иерусалиме (Academic Coordinator of the International Department at the Feuerstein Institute, Jerusalem, Israel), автор классических книг, например, по истории советской психологии [97], интеллектуальной биографии Выготского [98] и выготскианскому обучению и образованию [99, 100], а также автор, пожалуй, наиболее известного и распространенного перевода «Мышления и речи» Выготского на английский язык (1986). Предваряя возможные вопросы читателей относительно введения термина «ревизионистская революция» с точки зрения культурно-исторической психологии, Козулин раскрывает, в чем состоит вышеупомянутый подход и дает его описание содержания отдельным вводящим текстом, который мы не имеем возможности здесь опубликовать целиком, но позволим себе лишь несколько существенных цитат.

В своем Введении Козулин утверждает, что «основным инструментом, используемым авторами для деконструкции выготскианского культа, является очень насыщенный социальный и идеологический анализ соответствующих периодов советской истории. Авторы идентифицировали и описали следующие

факторы советской жизни как фундаментальные для понимания механики советской академической жизни и ее отражения в различных текстах: централизация и контроль, клановая ментальность, ритуальность, разрыв между теорией и практикой, интеллектуальный изоляционизм, культизм и агиографичность. Обсуждение этих факторов существенно обогатило наше понимание контекстов, в которых в реальности действовали советские психологи, работники сферы образования и медицинские работники» [133, с. xii]. Далее, Козулин подчеркивает, что «вдобавок к детальному обсуждению социального контекста жизни в СССР, авторы предлагают нам информативный пример исследования взаимоотношений между выготскианцами и их зарубежными коллегами на Западе; конкретно: представителями школы гештальт-психологии» [133, с. xiv]. И вправду, последняя из трех секций книги посвящена обсуждению вопросов «холизма и транснационализма», что лишний раз свидетельствует о принципиально транснациональной ориентации ревизионистского движения, как по географическому составу его участников, так и по охвату исследовательских тем. Козулин указывает, что «читатели также найдут полезным детальное обсуждение проблем публикации и перевода, которые ассоциируются с текстами Выготского» [133, с. xv]. В целом, обсуждение этой проблематики во многом лежит в русле систематического изучения специфики рецепции и социального конструирования научного наследия Выготского в Советском Союзе и в мире за пределами «железного занавеса», как это уже указывали другие комментаторы (см., например, отзывы Байфорда и Метро, выше). На этом общий обзор ревизионистского движения можно завершить, а заинтересованные читатели приглашаются к ознакомлению с программной коллективной монографией [133], а также и с конкретными ранее опубликованными исследованиями, доступными не только на английском или испанском, но и в значительной мере также и на русском языке.

Сенсационные открытия в архивах Лурии, Выготского и др.: Письмо Лурии в США в августе 1941 года

Данная публикация продолжает собой череду «ревизионистски-революционных» работ по изучению истории, методологии и научного наследия круга Выготского-Лурии и, в известном смысле, знаменует собой начало нового этапа научной работы, выходящей на уровень организованного и системного исследования изучаемого культурно-социального и научного феномена в его историческом развитии во всем мире. Тем не менее, задачи, поставленные авторами в данной конкретной статье, посвященной одному

весьма частному вопросу, гораздо менее глобальны и системны. На суд читателя предлагается одно, но вполне сенсационное открытие. Сенсационным это открытие делает в первую очередь широко распространенное — но, как мы понимаем, ошибочное — убеждение, что, начиная с ранних 1930х и до середины 1950х гг., советская психология как научная дисциплина в ее социальном функционировании была по политическим причинам отрезана от международных научных процессов. Впрочем, этот взгляд был основательно подвергнут сомнению в цикле сравнительно недавних публикаций на тему «изоляционизма советской психологии», вышедших преимущественно на русском языке в журнале «Вопросы психологии», в которых было показано, что советские психологи — как сообщество научных деятелей в целом — стремились (и во многом вполне небезуспешно) к поддержанию двухсторонних контактов со своими коллегами в Западной Европе и в Америке вплоть до начала Второй мировой войны в 1939 г. [56, 58, 59, 61-65, 106, 107, 112, 113, 129]. В целом, можно утверждать, что международные связи советских психологов вполне вписываются в общий исторический тренд, согласно которому контакты между советскими и западными интеллектуалами продолжались и развивались на протяжении двух межвоенных десятилетий, хотя и сравнительно в меньшей степени в предвоенный период второй половины 1930х [20, 77, 103, 104, 117]. И тем не менее, до сих пор казалось непреложной истиной то положение, что никаких контактов между советскими психологами и их западными коллегами во время Второй мировой войны (1939-1945) не было. Наши недавние находки, сделанные в ходе исследовательской работы в различных архивных коллекциях государственных и частных организаций и ведомств, принципиально опровергают и это положение.

В коллекциях документов крупных исследовательских организаций таких как Американский еврейский архив¹⁵ и YIVO Еврейский научный институт¹⁶ мы обнаружили обширную переписку между Хорасом М. Калленом и, с другой стороны, Лурией и Выготским, продолжавшуюся на протяжении 1929-1934, но прервавшуюся ориентировочно в начале 1934 г. и возобновившуюся на регулярной основе уже после смерти Выготского, в послевоенный период во второй половине 1950х. В связи с этим разрывом в активных контактах между корреспондентами тем более примечательным представляется письмо Лурии

¹⁵ American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers.

¹⁶ “Yidisher Visnshaftlekher Institut”; YIVO Institute for Jewish Research [YIVO], New-York: Horace M. Kallen Papers

American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers

Каллену, датированное 26 августа 1941 г. Таким образом, это письмо было написано через два года после подписания Договора о ненападении между гитлеровской Германией и сталинским СССР (нем. *Deutsch-sowjetischer Nichtangriffspakt*) и фактического начала Второй мировой войны, а с другой стороны, через два месяца после начала боевых действий на территории Советского Союза, проходивших в результате нарушения этого Договора и вторжения немецких войск 22 июня 1941 г. Иными словами, письмо Лурии было написано через два месяца после начала Великой Отечественной Войны.

Адресат письма, Хорас М. Каллен (*Horace M. Kallen*) (1882-1974) – совершенно легендарная фигура и воистину ренессансный персонаж, сочетавший в себе таланты и ипостаси сына ортодоксального раввина в Германии, выпускника и лектора Гарвардского университета, американского философа, еврейского мыслителя и активного общественного деятеля, профессора престижного нью-йоркского университета Новая школа социальных исследований (*The New School for Social Research*), крупнейшего американского сиониста и активного сторонника культурного плюрализма [96, 115]. В настоящий момент трудно сказать наверняка, при каких именно обстоятельствах состоялось – скорей всего, заочное – знакомство Лурии и Каллена, но вполне достоверно известно, что их первая очная встреча произошла в ходе визита Каллена в Москву, прошедшего как часть его путешествия по Ближнему Востоку (Египет, Палестина), Восточной Европе (Польша) и СССР весной 1927 г.. Впечатления Каллена о путешествии были опубликованы два года спустя в книге, вышедшей под названием «Территории свободы» (*Frontiers of Hope*) в нью-йоркском издательстве Хораса Лайврайта (*Horace Liveright*), где обсуждение его путешествия в Советский Союз занимает последнюю, третью часть книги. В книге Каллена сохранилось даже курьезное описание его визита к «блестящему молодому ученому с наиболее стремительным интеллектом из всех, кого он встречал в России», который устроил в его честь званый обед «в комнате, в которой он и его жена Верочка спали и готовили пищу, и ели, и работали» [92, с. 289]¹⁷. В этом описании мы безошибочно угадываем портрет Лурии, женатого в ту пору на Вере Николаевне Благовидовой (1903-1993)¹⁸, которая, как и Лурия, в 1923 г. переехала из Казани в столицу и с которой они вместе жили в съемной комнате в Москве.

¹⁷ В оригинале: «A brilliant young scholar with the swiftest mind I met in Russia gave me dinner in the room where he and his *Verotchka* slept and cooked and ate and worked».

¹⁸ По имеющимся у нас сведениям, брак с Благовидовой продлился до 1930 года.

Итак, в августе 1941 г. Лурия после некоторого перерыва в их переписке пишет Каллену новое письмо и тем самым инициирует возобновление их контактов. Приводим здесь полный текст этого письма¹⁹:

26 августа, 1941

Д-ру Хорасу М. Каллену

Нью-Йорк

Новая школа социальных исследований

Мой дорогой Др. Каллен

Прошло немало времени с тех пор, как прервалась наша регулярная переписка; теперь же я возьму на себя смелость воспользоваться любезностью редактора нью-йоркского [издания] *P.M.*, который нанес визит в нашу клинику, — и я надеюсь, что это письмо дойдет до Вас в разумные сроки.

Мы сейчас вовлечены в совершенно ужасную войну; вся наша культура, наши труды и жизни в большой опасности; мы тяжело работаем, — прекрасно понимая, что завтрашний день может принести нам новые и новые трудности и невзгоды. Но все советские люди и русские ученые вполне уверены, что эти месяцы пройдут и принесут [нам] победу в этой великой битве с фашизмом и варварством, и мы счастливы видеть обе наши страны в союзе в этой битве.

Я много работаю над проблемами мозгового поражения, которые заняли несколько последних лет моей жизни. Я планировал еще раз побывать в США, — и приглашение прочитать Салмоновские Лекции делало этот визит возможным, но война нарушила планы, и несколько моих томов [стр. 2] на тему психологического анализа мозговых поражений сейчас ожидают своей публикации.

Тем не менее, я надеюсь, что наступит время, когда я смогу повидать Вас снова, и что это будет то время, когда демократия действительно положит конец варварству.

Прошу Вас передать мой привет Вашему семейству, и уверяю Вас, что мы в эти трудные дни продолжаем работать так же интенсивно, как мы работали и ранее, и, — я бы сказал, — даже гораздо более интенсивно.

Буду рад получить новости от Вас и буду ждать Ваших писем.

Искреннейше Ваш,

[подпись] Ал Лурия²⁰.

¹⁹ Все архивные документы, приведенные здесь полностью или процитированные в русском переводе, хранятся в архивной коллекции YIVO.

²⁰ В оригинале (орфография, стилистика, орфография и пунктуация автора сохранены без изменений): «My dear Dr Kallen,

Письмо было запечатано в конверт с фабрично изготовленным обратным адресом Лурии в Москве на английском языке в левом верхнем углу конверта²¹. Адрес получателя был подписан рукой Лурии на конверте²². И, наконец, судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено из городка Миллертон в штате Нью-Йорк (Millerton, NY) в 3 часа вечера 20 октября 1941 г. Таким образом, письмо дошло до получателя не ранее конца октября того же года, т.е. через два месяца после написания. Такая задержка с отправкой письма совершенно закономерна, если принять во внимание, что Лурия писал письмо по поводу встречи с американским журналистом, издателем и редактором газеты, который, как мы понимаем, вызвался перевезти это письмо в своих личных вещах и отправить его по указанному адресу в Нью-Йорк лишь по возвращении домой после поездки в Советский Союз (и, вполне возможно, еще в какие-то другие страны). Можно предположить, что, несмотря на потерю во времени, это был наиболее надежный способ отправки письма в ту пору, когда активные военные действия разворачивались и на суше, и на море (в частности, в Атлантическом океане), а регулярная и надежная почтовая связь между странами была нарушена.

It is a long time our regulary [sic] correspondence was interrupted; now — I take the liberty in using the kindness of the Editor of the New York "P.M." who visited our clinic, — and hope that this letter will reach you in right time.

We are now in the middle of the most terrific war; our whole culture, our works and lives are in great danger; we are working hardly [sic] — knowing quite well, that the next day can bring us new and new difficulties and troubles. But the whole soviet [sic] people and russian [sic] scientists are quit [sic] sure, that this months [sic] will pass and will bring victory in this great fight against fascism and barbarism, and we are happy to see our both countries to be together in this fight.

I am working hardly [sic] in [sic] the problem of brain injuries which occupied my last few years. It was my plan to visit USA once more — and the invitation for Salmon Memorial Lectures made it possible but the war interrupted it, and several volumes on [page 2] psychological analysis of brain injuries I have accomplished are now waiting for their publication.

I hope — nevertheless — time will come when I shall be able to meet you again, and that will be the time when democracy will make a real end of barbarism.

Please tell my compliments to your family, and be sure that in these hard days we are working so intensively we used to do formerly, and — I should say — much more intensive [sic].

I should be glad to receive news from you and will wait for your letters.

Very sincerely yours,

[signature] Al Luria»

²¹ Адрес отправителя, как он указан на конверте:

«Prof. Alexander R. Luria

13 Frunse St.

Moscow, U.S.S.R.»

²² Адрес получателя, как он указан на конверте:

« Dr Horace Meyer Kallen

New School of Social Research

New York City»

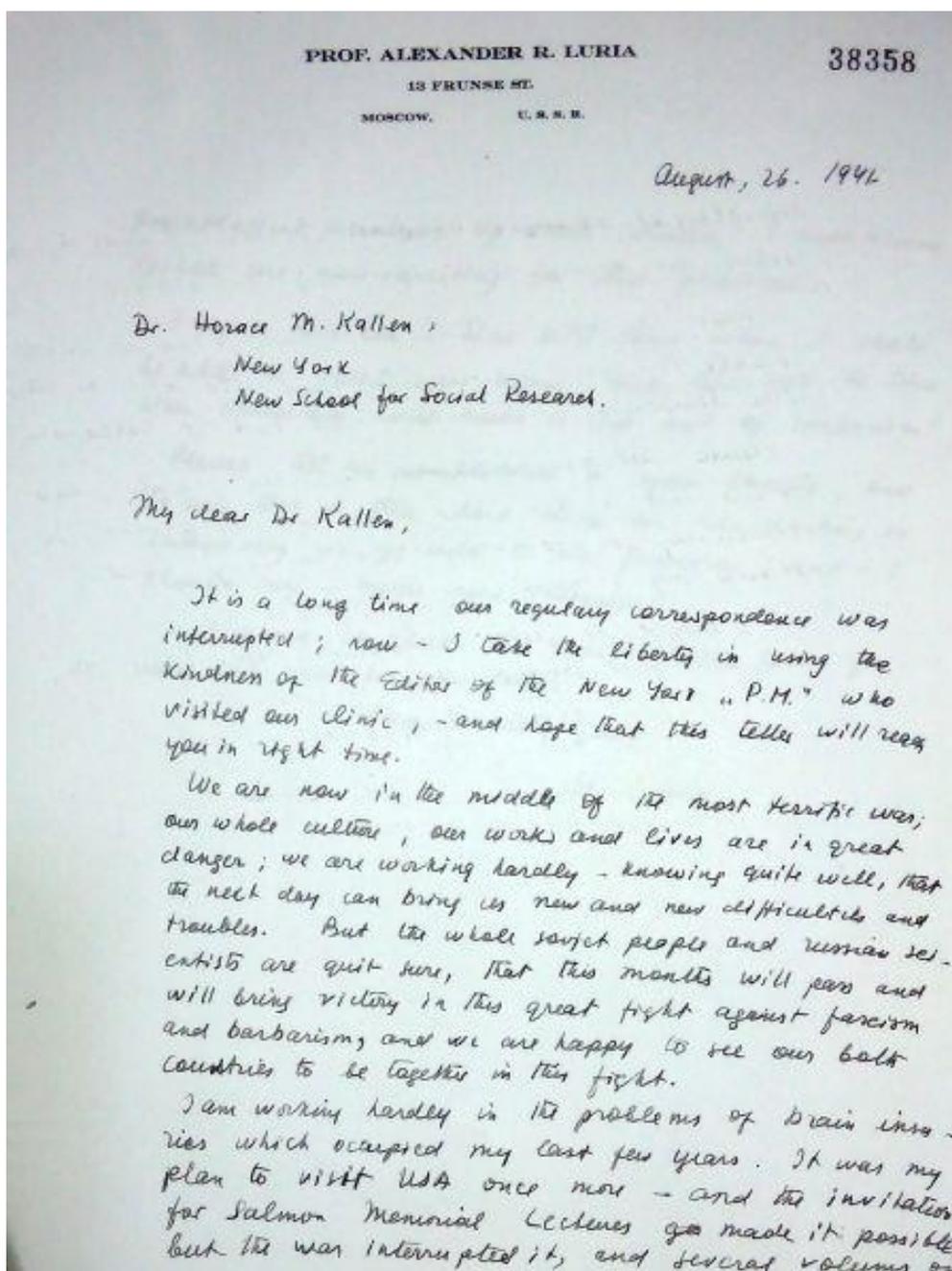

Рис. 1. Первая страница письма Лурии Каллену от 26 августа 1941 г.

Так или иначе, письмо в конце концов дошло по адресу, указанному на конверте. Об этом мы знаем из последовавшего обмена письмами между фактическим отправителем письма, Ральфом Ингерсоллом (Ralph Ingersoll) и его адресатом, Хорасом Калленом. Так, в своем письме от 31 октября Каллен подтверждает получение письма Лурии, выражает радость, что Лурия, вопреки его опасениям, не был уничтожен в ходе одной из сталинских «чисток» и просит своего корреспондента поделиться подробностями о встрече с Лурией и его работе. Ральф Ингерсолл (1900-1985), журналист и редактор ежедневной

нью-йоркской газеты левого толка *PM*²³ [90], в своем письме от 11 ноября ответил, что у него было рекомендательное письмо к доктору Гращенко²⁴, с которым он имел возможность пообщаться дважды в ходе его исключительно интересного визита в клинику. Впечатления от этого визита, как сообщает Ингерсолл в своем письме, были отражены в его заметке под названием «День в русском госпитале для пациентов с ранениями головы» (*A day in Russian hospital for head wounds*), но, по мнению автора, эта заметка не очень информативна, так как его основной задачей было в первую очередь передать общее ощущение атмосферы там. Что же касается Лурии, то Ингерсолл не нашел, что сообщить по поводу его жизни и работы кроме того, что научная и практическая работа в этой клинике ведется в высшей степени интенсивно, и что дисциплина и боевой дух среди работников госпиталя исключительно высоки. В контексте нашего обсуждения темы гипотетического «изоляционизма» советской психологии особенно интересна заключительная ремарка Ингерсолла: «У меня осталось впечатление, что все эти доктора высоко ценят их связи с внешним миром, о чем я сужу как по разным мелочам, которые звучали в разговоре со мной, так и по тому факту, что стены их рабочих кабинетов были буквально покрыты изображениями их друзей и коллег за границей»²⁵.

В ответ на это письмо пару недель спустя Каллен отправил два своих. Оба письма датированы 28 ноября 1941 г. И если первое письмо, адресованное Ингерсоллу, было вполне вежливым по форме, но малосодержательным, то второе представляет для нас определенный интерес, хотя бы по той причине, что оно было адресовано Лурии и, вероятно, в какой-то момент — раньше или позже — было им получено. Письмо Каллена приводится полностью ниже:

²³ Комментарий: название издания передается здесь латинскими буквами, «p.m.», и это название, по мнению историков и биографов, по всей видимости, было образовано как обозначение того, что газета выходила во второй половине дня, т.е. *post meridiem*.

²⁴ Имеется в виду Гращенков (Проппер-Гращенков), Николай Иванович (1901-1965), в 1937-1939 г. первый заместитель и исполняющий обязанности наркома здравоохранения СССР, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944) и АН БССР (1947), в 1947-1951 г. президент АН БССР, а в 1959-1961 г. — заместитель Генерального директора Всемирной организации здравоохранения. С октября 1935 по февраль 1937 г. находился в научной командировке в Англии и США. В период описываемых здесь событий Гращенков был директором института и заведующим первой клиникой Всесоюзного института экспериментальной медицины, а также консультантом по неврологии и нейрохирургии 33-й армии. Для Лурии Гращенков являлся не только вышестоящей инстанцией и научным администратором, но и единомышленником и, впоследствии, соавтором.

²⁵ В оригинале: «I had a feeling that all these doctors cherish their connections with the outside world – both from little things they said and from the fact that the walls of their offices were literally covered with friends and associates abroad».

28 ноября 1941

Мой дорогой Лурия:

С восторгом я разглядывал Ваш почерк и читал Ваше письмо. Я в высшей степени признателен редактору *PM* за то, что он доставил его мне. Я полностью разделяю Ваши чувства. Я бы отправил Вам кой-какие свои брошюры, из тех, что я написал по этому поводу, будь я уверен, что они до Вас когда-нибудь дойдут. Для меня война представляется повторением нашей Гражданской войны, в которой мы сражались здесь, в Соединенных Штатах в шестидесятые, но только в мировом масштабе. Суть, мне кажется, остается неизменной: свобода для всех людей в противоположность рабству для некоторых; единство всего человечества на основе равных свобод для разных народов, вне зависимости от расы, веры, половой принадлежности, цвета кожи или политических взглядов; возможности богатой и полной жизни — духовной и материальной— для всех. Мистер Ингерсолл написал заметку для *PM* о своем посещении вашей больницы, и добавил пару слов мне лично о его впечатлении от той самоотдачи, которую проявляют доктора в вашей клинике. Боюсь, что уже совсем недалеко то время, когда мы тоже будем в полной мере вовлечены [в боевые действия] в Тихом и Атлантическом океанах, и вот тогда уже все пойдет без остановки вплоть до полной и безоговорочной победы свободы. Я завидую доступной Вам возможности проводить конкретную работу по излечению сраженных в бою. К моему сожалению, я задержался только на стадии говорения.

Мы здесь много говорим о вас и в Бруклине, и в Нью-Йорке. Мы с нетерпением ждем счастливой возможности снова встретиться после победы, как ученые и как друзья. Я бы хотел предложить Вам организовать встречу вместе с нашими армиями в Берлине 4 июля 1943 г.

С наилучшими пожеланиями от всех нас,

[подпись]²⁶

²⁶ В оригинале:

«My very dear Luria:

It was a thrill to see your handwriting and to read your letter. I am more than grateful to the Editor of *PM* for having gotten it to me. I entirely share the sentiments you express. I wish I could send you, with some certainty that they would reach you, some pamphlets that I have written about the issue. To me the war seems a repetition of the Civil War that we fought here in the United States in the '60's on a world-wide scale. The issue seems to me to be the same: freedom for all men versus slavery for some; the unity of all mankind on the basis of equal liberty for different peoples, regardless of race, faith, sex or color or political opinion; the opportunity for a rich and abundant life, spiritual and material, for everybody. Mr. Ingersoll wrote a piece in *PM* about his visit to the hospital, and he added a word to me personally about his sense of the devotion of the doctors in the clinic. I am afraid it won't be long before we too are

Как и было сказано, у нас нет никаких сведений о том, получил ли Лурия это письмо, что, впрочем, совершенно не удивительно, если принять во внимание, что бóльшую часть войны начиная с октября 1941 г. он провел в эвакуации будучи руководителем крупного нейрохирургического эвакогоспиталя № 3120 в посёлке Кисегач Челябинской области. Должно было пройти еще полтора десятилетия для того, чтоб эта переписка возобновилась в полной мере. Таким образом, может показаться, что эти несколько писем, представленные в нашей статье, суть лишь частный и случайный эпизод: исключение, которое лишь подтверждает общее правило. Такой вывод был бы неверен по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, само содержание писем, их тон, неформальный характер и всевозможные детали разного рода свидетельствуют о том, что, по словам Каллена из его ответного письма Ингерсоллу от 28 ноября 1941 г., «люди науки в России стремятся к бóльшему миру, [т.е. к разнообразным международным контактам за пределами своей отдельно взятой страны,] так как они не были бы людьми науки, если б они не делали этого»²⁷.

Во-вторых, этот частный и, казалось бы, малозначимый эпизод приобретает совершенно другой смысл, если рассматривать его как одно лишь звено в цепочке других событий в жизни, карьере и интеллектуальном наследии его основных участников. И в самом деле, смена масштаба рассмотрения позволяет нам увидеть то, что осталось за рамками переписки середины-конца 1941 г. Это и последовавшая за встречей 1927 г. в Москве еще одна встреча Лурии и Каллена (и его семейства) в Америке в конце 1929 г. во время американского визита Лурии в США – попытку реконструкции поездки Лурии на IX Международный психологический конгресс в Йельском университете см. в [61]; и трансатлантическая переписка между Лурией, Выготским и Калленом начала 1930х и последовавшая в результате всех этих событий и при активном вмешательстве Каллена американская публикация книги Лурии 1932 г., вышедшая в переводе с авторским посвящением этого труда Хорасу М. Каллену [108]; и номинация Лурии 1939 г. на поездку в Нью-Йорк для прочтения престижных Салмоновских Лекций в Нью-Йоркской Академии

fully engaged in the Pacific and the Atlantic, and then there will be no stopping until the victory of freedom is complete beyond every possible challenge. I envy you the opportunity to do the specific work of healing in terms of the combat. I unfortunately remain in the talking stage.

We think and talk of you a great deal both in Brookline and in New York. We look forward to a happy reunion after victory, both as scientists and as friends. I would like to make an appointment with you to meet with our armies in Berlin on July 4, 1943.

With affectionate greetings from us all,

[signature]»

²⁷ В оригинале: «the men of science in Russia do yearn for a wider world, as they wouldn't be men of science if they don't».

Медицины и даже конкретные планы на осуществление такой поездки в 1940 г., прерванные началом войны; и, наконец, развитие этой истории в виде послевоенных встреч и контактов Лурии и Каллена в 1960е гг. [79]. Кроме того, обнаруженные нами архивные документы, такие как сенсационная переписка Выготского с его иностранным контр-агентом в лице Хораса Каллена—первая известная нам переписка такого рода этого автора, который, как ошибочно считалось до сих пор, предоставлял ведение всей иностранной корреспонденции по их совместным научным проектам своему ближайшему сотруднику и единомышленнику Лурии, – демонстрируют большое стремление Выготского к иностранным научным контактам и известности на международном уровне, а с другой стороны, и бесплодные обещания Выготского Каллену выслать в Америку рукопись какой-нибудь своей книги для публикации в переводе на английском языке (см. Иллюстрацию 2). Впрочем, это уже совсем другая история. Точнее, это целый ряд историй, которые, мы верим, уже в ближайшее время будут рассказаны на русском языке.

Moscow 54, B. Sierpuchovskaja 17 cr. 1. 42558
4. VIII. 1930.

Dr. H. H. Kallen.
The New School for Social
Research.
465 West 23 Street
N.-J. City.

Dear Dr. Kallen!

Luria informed me of your request to
send you my curriculum vitae. Please
find it enclosed.

I hope to finish the work on my
book in the nearest future, and I
shall send it to you and to the editor
immediately upon ending.

With most cordially wishes,
Very truly yours
L. Vygotsky.

Рис. 2. Первая страница письма Выготского Каллену от 4 августа 1930 г.

Ревизионистская революция на марше: от выготсковедения к историографии русской психологии

Итак, ревизионистская революция в выготсковедении уже состоялась как международное научное явление и стремительно развивается в наши дни. Об этом шла речь в первой части этой статьи. И именно в рамках этого революционного движения становятся возможными микро-открытия и частные исследования, подобные нашему исследованию, представленному во второй части этой статьи. В этой – третьей и последней – части мы обсудим значение

ревизионистского поворота для историографии всей русской психологии (и смежных дисциплин), к которым нас подталкивает и даже обязывает свежая струя ревизионистских исследований, связанных с историей, текстологией и научным наследием круга Выготского-Лурии. В этой связи можно наметить две основные проблемные области, которые уходят своими корнями в традиционную историографию советского и позднесоветского периодов и существенно тормозят развитие современной историографии русской психологии. Надо отметить, что успешное преодоление застарелых консервативных тенденций уже наблюдается в целом ряде вполне удачных и интересных исследований, что позволяет нам говорить о ревизионизме в историографии русской психологии как о состоявшемся явлении, но не набравшем еще полного размаха в современных исследованиях. Третья часть этой статьи посвящена обсуждению этих проблем, с иллюстрациями тем или иным выдвигаемым на обсуждение положениям, взятыми из современной русскоязычной исследовательской литературы.

Первое. «Репрессированная наука»

Фраза «репрессированная наука», была введена в оборот в конце 1980х-начале 1990х с подачи М.Г. Ярошевского, и уже тогда, по воспоминаниям современника, она вызывала сомнения и критику как искусственный, не адекватный реальности теоретический конструкт. Вспоминает Кирилл Олегович Россиянов, кандидат биологических наук: «Я хотел бы вспомнить проект «Репрессированная наука», инициатором и организатором которого выступил М.Г. Ярошевский. Я участвовал в нем, записывал интервью с генетиками, пострадавшими от Лысенко. Помню, что тогда некоторые коллеги, историки науки, выказывали скепсис по отношению к идее «репрессированной науки». Дескать, разделение «ученые и власть» во многом искусственное, в этом есть схематизм, это – черно-белая картина истории, и на самом деле научное сообщество неоднородно, в нем есть ученые, сотрудничающие с властью, чтобы добиться каких-то своих целей в науке, и т. д.» [2, с. 188]. «Репрессированная наука» в наши дни вполне заслуживает весь тот «скепсис», о котором говорит Россиянов, причем помноженный на то время, которое прошло с тех пор, как идея «репрессированной науки», к превеликому сожалению, овладела массовым сознанием подавляющего большинства авторов и исследователей, занимавшихся историографией русской психологии и смежных наук.

Казалось бы, все в принципе верно: была наука, и были репрессии, и репрессиям подвергались ученые и даже целые научные направления и

дисциплины оказались под жестким давлением в результате административного вмешательства власти в дела науки. Примеров таких репрессий и административного вмешательства действительно много: это и осужденные и даже расстрелянные (в основном, в 1930е гг.) деятели науки и их родственники; были и постановления власти, тем или иным образом регламентирующие научную деятельность и академические свободы, и закрытия научных изданий и даже целых научных дисциплин (в сегменте психоневрологических наук наиболее ярким примером такого административного вмешательства является Постановление ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпросов²⁸). Преступления сталинизма не должны быть забыты, и, более того, их историческая оценка и глубокое осмысление остаются и по сей день важной задачей постсоветского общества, особенно актуальной в свете того обстоятельства, что подлинная, глубокая и тотальная десталинизация советского и даже постсоветского строя, – подобная денацификации в послевоенной Германии – так никогда проведена не была. А потому абсолютно прав Россиянов, который замечает: «И даже если мы отойдем от самого термина «репрессированная наука» и решим, что списки и воспоминания о замученных и расстрелянных не подвигают нас к созданию какой-то большой теории в понимании сталинизма, все-таки эти воспоминания необходимы, это – благородное дело» [2, с. 188]. И тем не менее, «репрессированная наука», во-первых, никогда не существовала как явление действительности, а во-вторых, должна быть преодолена как теоретический конструкт и объяснительный принцип.

Существует несколько основных проблем с научным исследованием в ключе «репрессированной науки». Во-первых, сама идеология такого исследования предполагает и имплицитно подразумевает существенный перекокс позиции исследователя в сторону обсуждения трагизма человеческого существования и преступности насилия над личной свободой в обществе в условиях доминирования института власти над индивидуумом. Этот перекокс нередко выражается в характерном смещении стиля изложения и значительной долей эмоционально окрашенной лексики, этически-оценочных утверждений и, с другой стороны, недостаточно рационально аргументированным анализом данных, впрочем, как и скудостью эмпирических данных как таковых. Все эти признаки знакомы и гораздо более характерны для агитационно-пропагандистского жанра, чем для аналитически-научного. Можно было бы считать эту проблему сугубо стилистической и относящуюся к контексту

²⁸ См. полный текст этого документа в Сети: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1933>

презентации исследования, а потому малосущественной, если б только она не указывала на гораздо более существенную проблему, связанную с организацией самого исследования и его базовых установок.

Таким образом, во-вторых, идеология и методология научного исследования в традиции «репрессированной науки» базируется на неверном постулате о предположительном существовании двух совершенно различных и изолированных миров: с одной стороны, это наука (представленная, по мысли Ярошевского, «научными школами» и «оппонентными кругами»), а с другой стороны, властью, понимаемой как что-то внешнее и враждебное по отношению к науке. Между этими мирами, согласно этой модели, есть некоторая коммуникация, но она в конечном счете преимущественно односторонняя и направлена «сверху вниз», т.е. от власти к науке. Вся модель выстроена как дихотомия, с заметным преобладанием эмоционально-оценочных и этических характеристик, таких как «преступник» – «жертва», «палач» – «мученик», «друг» – «враг», «свой» – «чужой» или «наш» – «ненаш», и т.п. Основная проблема такого подхода в том, что наука рассматривается как нечто (а) пассивное, (б) реактивное, (в) исключенное из процессов принятия решений и (д) представленное набором индивидуальных судеб, как правило, Великих Людей (т.е. основателей «научных школ») и их «учеников» и «соратников». Последнее представляет собой наибольшую проблему, а потому и подсказывает и своего рода протовоядие, т.е. выход из тупика «репрессированной науки».

Этот выход заключается в самой проблеме. Суть же проблемы в том, что наука – это не исключительно «мир абстрактных идей» или более или менее случайный набор сервильных и пассивных по отношению к власти «научных школ», а научное сообщество: активное, динамическое, самоорганизующееся и способное не только противостоять вызовам власти, но и манипулировать ей в своих интересах. Далеко не в последнюю очередь это связано с тем, что власть и научное сообщество взаимозависимы и в той или иной степени взаимопроницаемы. Между ними постоянно происходит диалог и переоценка социальных позиций, специфика которых определяются их взаимными интересами (в том числе, заинтересованностью друг в друге), а также влиянием других разнообразных факторов, таких как роль идеологических институтов и институций в обществе (например, церковь или политические партии) или, скажем, активность филантропических институтов гражданского общества и крупного и среднего частного предпринимательства в этом непрекращающемся диалоге. Так или иначе, принципиально важно то положение, что наука в ее социальном бытовании это в первую очередь сообщество, состоящее из

активных научных деятелей (иначе, языком социологии, «актеров») и обладающее колоссальными возможностями воздействия на окружающий мир, в том числе на власть.

Такое положение идет принципиально вразрез с унылым образом «репрессированной науки», до сих пор все еще бытующем в историографии с подачи Ярошевского и его последователей. Примечательно, что даже в лучшие годы развития этой депрессивной модели, существовали и альтернативные попытки построения исторического знания о психологии как научной дисциплины, и с каждым годом их число неуклонно растет. Рассмотрим несколько конкретных примеров. Так, ещё в 1990 г. в журнале «Вопросы психологии» вышла статья А.М. Эткинда «Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов»²⁹. Ее автор анализирует историю педологии в СССР и признает, что власть в лице партии большевиков была очень заинтересована в диалоге с научным сообществом и с энтузиазмом поддерживала разнообразные научно-организационные инициативы. А с другой стороны, подчеркивает автор, «Профессиональное сообщество самоорганизуется, идет естественный процесс формирования коллективных субъектов научной деятельности – обществ, ассоциаций», а одним из инструментов их самоорганизации и координации их усилий на местах становятся локальные и общесоюзные научные съезды: «Это научное движение развивалось в большей степени снизу, чем сверху» [48, с. 17].

Явление самоорганизации научного сообщества стало предметом специального рассмотрения в недавнем исследовании О.А. Артемьевой, опубликованном в 2012 под заглавием «К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия»³⁰. Так, говоря о понятии «самоорганизации науки», автор указывает, что оно уже начинает использоваться психологами. С другой стороны, «данная проблема только начинает разрабатываться», а среди важнейших предстоящих задач исследования явления самоорганизации научного сообщества, автор статьи указывает следующие: «необходимо определить понятие, соотнести его с другими феноменами, ответственными за обеспечение и реализацию научной деятельности, выделить и дать характеристику субъекта и условий самоорганизации, определить специфику проявления феномена в случае психологической науки и т.д.» [3, с. 28]. В другом своем тексте, а по

²⁹ См. текст в Интернете: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905013.htm>

³⁰ См. текст в Интернете:

<http://isu.ru/ru/publication/izvestia/article.html?article=71aa9f749afb47bd9ad4bb717211ec06&journal=5ce2fe6831054887936e1529e4523296>

совместительству и докторской диссертации, озаглавленной «Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия», этот же автор на протяжении десятков страниц рассуждает о «коллективном субъекте», активном и деятельном. Эта тема получает дальнейшее развитие и в последующей работе этого же автора, который подчеркивает: «в качестве субъекта рассматривается сообщество ученых, работающих в определенной области знания. Разумеется, это сообщество не монолитно, а состоит из ученых с разными научными подходами, зачастую противоречивыми. Однако развитие науки осуществляется именно через это противоречивое единство индивидуальных подходов. Изучение научного сообщества как субъекта научной деятельности является перспективным направлением в решении проблемы социальной ответственности науки» [5, с. 96]. И далее автор обсуждает исторические корни традиции изучения «коллективного субъекта» в науке, одной из наиболее ярких и ранних из которых (по крайней мере, в 20 веке) является работа Людвика Флека (1896-1961), который ещё в середине 1930х гг. ввел в обиход понятия «мыслительного коллектива» (Denkkollektiv) и «стиля мышления» (Denkstil), присущего этому коллективу, а также развивал идеи культурно-исторически и социально обусловленного конструирования научного факта [47]. Эта работа исключительно важна, и ее необходимо помнить и никогда не выпускать из виду, хотя, с другой стороны, следует также понимать, что упор исключительно на интеллектуально-мыслительной составляющей деятельности научного коллектива уводит нас несколько в сторону от изучения такого коллектива в его реальном социальном функционировании.

Так, благодаря недавним работам, таким как публикация, озаглавленная «“Работа в целом не удалась”: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)», по результатам незавершенного и продолжающегося важного исследовательского и публикационного проекта А.А. Костригина мы начинаем понимать роль самоорганизации научного сообщества не только в его взаимоотношениях с властью, но и в низовых процессах самонастройки и саморегуляции [32]³¹. В результате, на месте черно-белой картины науки, «репрессированной» властью, мы начинаем более отчетливо различать какие-то подгруппы и группы интересов внутри научного сообщества в лице ученых-представителей органов народного и партийного контроля, некомпетентой администрации исследовательского заведения, рядовых исследователей, амбициозных

³¹ См. текст: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/article/view/226>

аспирантов, самопровозглашенных лидеров конкретной научной дисциплины, направления или «школы», взаимосвязанных с ними представителей других научных дисциплин, индустрии или иной общественной практики, и т.п. «Наука» иной раз, как в материалах, опубликованных Костригиным, превращается из некоей абстракции в конкретное учебное или научно-практическое заведение, запятнанное коррумпированным, неэффективным или проворовавшимся (или и тем и другим одновременно) руководством, безответственным ведением хозяйства, катастрофической кадровой политикой и, наконец, низким качеством научной продукции. Все это может, вполне закономерно, привести и к отстранению директора Института (или даже всего административного аппарата) с занимаемых должностей, и к прочей критике его или ее деятельности. В этом свете, «репрессии», в свою очередь, становятся понятнее не как некая «кара», ниспосланная «всевидящим оком» бездушной, бездуховной и, главное, обезличенной и анонимной власти (в лучшем случае представленной некими «хищническими» и «кровавыми», но абстрактными «карательными органами»), а как стечение определенных обстоятельств, результат замыслов, планов, удач, ошибок, страстей, зависти, ревности, тщеславия, жадности, интриг, обсуждений, обвинений, покаяний, карьер сложившихся или разрушенных, скомпрометированных или удачно выстроенных, и т.д. теми или иными конкретными участниками событий и исторических процессов.

В сходном духе разворачивается научный проект и другого современного исследователя, который также фокусируется на истории конкретных научных сообществ и дает нам интересные наработки, проливающие свет на конкретику социального бытования этих научных сообществ в их историческом развитии. Так, в своей работе, озаглавленной «Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики», автор возвращает нас к теме «репрессированной науки», дает критику этого конструкта и разводит понятия «науки» и «научного движения» [8]³². «Научное движение», отличное от «науки» (т.е., «научной дисциплины», напр., психология, педология, психотехника, психогигиена, дефектология, и т.д.), рассматривается здесь как гибрид науки и практики, или же такой вид прикладной научной деятельности, который мотивирован в первую очередь запросами социальной практики и широко понимаемой индустрии. Итак, согласно автору, «в данной статье педология исследуется не как собственно «наука» в строгом смысле, но в качестве характерного для конкретного

³² См. текст в Интернете: <http://cyberleninka.ru/article/n/zagrobnaia-zhizn-nauki-pedologii-k-voprosu-o-znachenii-nauchnyh-dvizheniy-i-ih-istorii-dlya-sovremennoy-pedagogiki> или <http://community.dur.ac.uk/russian.childscience/blog/wp-content/uploads/2013/05/Zagrobnaia-zhizn-pedologii.pdf>

исторического этапа. В этом свете анализ истории педологии може«профессионального/ научного движения», т оказаться полезным при развитии новаторских «профессиональных/научных движений» в области образования, психологии и изучения ребенка в современной России» [8, с. 43]. Также о научно-практических «движениях» пишет этот же автор, которые он продолжает рассматривать на примере педологии в другом своем тексте, озаглавленном «Память о 'репрессированных науках' в истории России: случай педологии» [9]³³ и последовавшей за ней совсем недавней работе, где феномен научно-практического движения (на примере педологии и «наук о ребенке») рассматривается уже как международное явление, не ограниченное локальными рамками советского общества [74]³⁴. Принципиально важное разделение между «научными дисциплинами» и «научно-практическими движениями» было отрефлектировано и изучено в работах Байфорда, очень сходный образ мысли мы наблюдаем и в недавней сравнительной дисциплинарной истории психологии и смежных наук, — по сути, едва ли не первой попыткой такого масштабного исследования [66]; в этой связи см. также [67]. И тем не менее, мы уже знаем целый ряд добротных и вполне убедительных исследований дисциплинарной истории конкретных научно-практических движений в процессе их создания, социального конструирования и институционализации научными сообществами. Это, помимо исследований Байфорда по *педологии*, работы по истории научно-практических движений таких как *психотехника* [4; 6; 39; 44], *дефектология* и *олигофренопедагогика* [10, 31], *психогигиена* [64; 78], *психоанализ* [50] и *психотерапия* [16]³⁵.

Итак, все эти работы изучают «коллективный субъект», «профессиональные/ научные движения» и их самоорганизацию. Ревизионистское выготскоеведение использует несколько иную терминологию и продуктивно оперирует понятиями «сети неформальных личных связей» (informal personal network) [62, 63, 127], частным случаем которого является «кружок» [123] или «круг», как, например, в выражении «круг Выготского-Лурии» [122, 125, 127]. При этом следует понимать, что в том смысле, в котором это выражение используется в ревизионистском выготскоеведении, «сеть неформальных личных связей» (informal personal network) обозначает не только исключительно научных деятелей в конкретной научной дисциплине, связанных иерархически отношениями «ученичества» (а фактически, как

³³ См. полный текст этого доклада: <http://dro.dur.ac.uk/18154/1/18154.pdf?DDD36+mzjs38+d700tmt>

³⁴ См. <http://dro.dur.ac.uk/19689/>; полный текст: <http://dro.dur.ac.uk/19689/1/19689.pdf?DDD36+mzjs38+nvpw35+d700tmt+mzjs38+d700tmt>.

Расширенную библиографию работ этого автора с линками на его тексты можно найти по такому адресу: <https://www.dur.ac.uk/mlac/russian/staff/display/?id=7651>

³⁵ См. текст автореферата этой диссертационной работы: http://www.bekhterev.ru/upload/documents/arf_gayd.pdf

правило, административно-служебными отношениями, сформировавшимися в ходе карьерного роста в том или ином исследовательском, учебно-научном или даже правительственном заведении) с фигурой лидера, именем которого эта группа называется. Именно в таком смысле используется слово «школа» в нарративах о «научных школах», а по факту, научных кликах, кланах и проч. подобных административно-карьерных образованиях и группировках, сформировавшихся и продолжающих бесконечно множиться согласно «сталинской модели науки» в ее современной модификации. Об истории и современности «сталинской модели науки» см. [67, 70, 102, 128], о проблемах построения «школьной историографии» (т.е. историографии «научных школ») в психологии см. работы Богданчикова, напр., [12]. Итак, по контрасту со «школами», «сеть неформальных личных связей» принципиально может включать в себя фигуры, которые по роду своей (основной) деятельности не только не принадлежат какой-то одной научной дисциплине, но и вообще не являются научными деятелями. Отношения внутри такой сети могут существенно различаться по степени их формальности, открытости, близости, постоянству и т.п. И тем не менее, все они, – участники сети – вполне могут совместно выполнять задачи по решению проблем, непосредственно связанных с развитием науки в ее социальном контексте.

Так, например, в конкретном случае исследования эпизода в жизни А.Р. Лурии в 1941 г., взятого за основу во второй части этой статьи, мы видим фрагмент невидимой и обширной сети его корреспондентов и контрагентов по всему миру, далеко не в последнюю благодаря которой Лурия и смог состояться как крупная фигура международной науки и признанный классик нейропсихологии. Эта сеть в данном случае представлена именами самого Лурии (Советский Союз, психолог и психонейролог), Хорас Каллен (США, профессор, философ и общественный деятель) и Ральф Ингерсолл (США, журналист, корреспондент и редактор ежедневной газеты). На периферии этой сети в этой истории фигурируют и такие деятели («акторы») как Хорас Лайвсайт (США, издатель), Вера Благовидова (СССР, актриса, бывшая жена Лурии), анонимные организаторы Салмоновских Лекций в Нью-Йоркской Академии Медицины (США, предположительно медицинские специалисты в широком смысле), семья Каллена (США, неспециалисты), наконец, Николай Проппер-Гращенко (СССР, невропатолог, член-корреспондент АН СССР и директор института) и даже, эпизодически, Лев Выготский (СССР, психолог). В той или иной мере все они участвуют в жизни Лурии, вовлечены в его научную деятельность и так или иначе влияют на нее.

Итак, весь рассмотренный здесь корпус исследовательской литературы, уделяет особенно пристальное внимание групповым, коллективным процессам в науке в ее реальном функционировании в обществе и самоорганизации ученых в различные по степени своей длительности, формальности и официальности «сети», «кружки» и «круги», «школы», «направления», «движения», «общества» и «ассоциации», «совещания», «конференции», «съезды», «конгрессы», «кабинеты», «лаборатории», «музеи», «институты», «академии», и, наконец, «научные дисциплины». В совокупности, это богатое научное наследие очевидно является прямым вызовом окончательно устаревшей модели «репрессированной науки» с ее фактическим игнорированием «коллективного субъекта» как движущей силы развития науки. Наука при этом, тем не менее, понимается как социальная практика по потреблению, производству, передаче и воспроизводству рационального знания. Мы начинаем видеть, каким именно образом административный «запрет» на что-либо в науке—от использования и применения какого-либо метода, теории (и ее концептуального аппарата, т.е. конкретных терминов), «ликвидация» направления, научного движения или даже целой научной дисциплины сравнительно легко, при желании, могут быть обойдены и фактически бойкотированы научным сообществом. Так, например, «педологи» в зависимости от базового образования и (или) их профессиональной аффилиации в мгновение ока превращаются в «педиатров», «педагогов» или «детских психологов» (т.е., соответственно, в специалистов по здоровью, обучению или психологическому развитию детей), а метод «тестов» путем сравнительно несложных манипуляций с исходными формулировками в его проведении и описании становится методом «опроса», «анкетирования», «интервьюирования», «беседы» или «собеседования». «Реактология» и «рефлексология» при необходимости становятся «психологией» или «психофизиологией», то есть начинают именоваться именно так, как они назывались до того, как тот или иной научный деятель выступил с публичной инициативой провозглашения нового научного направления или даже научной дисциплины, например, К.Н. Корнилов с идеей переименования «психологии» в «реактологию», а В.М. Бехтерев – «объективной психологии» в «рефлексологию». Примечательно при этом, что совсем незадолго до этого тот же самый Бехтерев выступил с инициативой сдругой терминологической замены для этой научной дисциплины и агитировал за плод его ума, «объективную психологию», вместо «психологии» [75]. Сходным образом, «психотехника» превращается в «прикладную психологию» или, более конкретно, в зависимости от социального и прикладного контекста,

«психологию труда», «инженерную психологию», «космическую психологию», «военную психологию» (например, как частный случай: «психологию маскировки»)³⁶, «психологию спорта», «психологию профотбора» или даже «эргономику». К слову, именно это и случилось во всем мире с этими самозаявленными научными движениями и дисциплинами, ни одна из которых в качестве самостоятельного научного направления не дожила до начала Второй мировой войны. Самое главное в этих процессах – это то, что научное сообщество, активный и самоорганизующийся коллективный субъект науки, продолжает функционировать, динамически подстраиваясь к изменяющимся социальным условиям своего существования, оставаясь при этом интегральной, – и очень важной притом, – частью этих самых социальных условий. И именно к такому выводу подталкивает нас отказ от давно и безнадежно устаревшей мифологемы о «репрессированной науке», отказ, который мы уже начинаем систематически наблюдать в лучших из современных работ по историографии науки, и, в частности, историографии психологии и смежных наук.

Второе. Разделение: «столичная»–«локальная»–«зарубежная» наука

На этом, казалось бы, можно было бы и остановиться, поскольку все остальное логически следует из предыдущего. И тем не менее, здесь мы затрагиваем настолько принципиальную и застарелую проблему, что она заслуживает особого рассмотрения. Наверное, интересно было бы когда-нибудь провести специальное исследование и изучить исторические корни и культурно-географические границы и особенности явления, о котором речь пойдет ниже, но на сегодня ограничимся лишь его описанием как проблемы, причем проблемы в первую очередь историографии русской психологии³⁷. Мы уже коротко обсудили проблему «репрессированной науки» Ярошевского и его последователей и связанную с ней терминологию «научных школ» и «оппонентных кругов». Теперь сфокусируемся на другом терминологическом нововведении этого же автора: идее «русского пути» в науках о поведении (т.е.

³⁶ О так называемой «военной психологии» см., например, такую недавнюю публикацию: Серова О.Е., Гусева Е.П. Научная жизнь и научные исследования Психологического института в 1941-1945 годах: 70-летию Великой Победы посвящается; <http://publikacia.net/archive/2015/11/7/36>

³⁷ Здесь представляется необходимым повторить, что до настоящего момента под «русской психологией» в этой статье понимается тот свод идей, текстов, экспериментальных и социальных практик, который напрямую завязан на, условно говоря, «психологические» публикации на русском языке, вне зависимости от географической расположенности, национальности или институциональной аффилиации их авторов. Таким образом, с известной натяжкой переводная литература на русском языке и производные от нее теории, дискурсы и практики также включаются в такое расширительное понятие «русской психологии». Тем не менее, в свете того, что в дальнейшем, в третьей части этой статьи обсуждение смещается на существенно отличное толкование «русской психологии» и «русского пути» в науке, представленное в работах М.Г. Ярошевского и его последователей, во избежание двусмысленности и понятийной неясности с настоящего момента мы либо перекрашиваем использование эпитета «русский» (применительно к психологии как научной дисциплине), либо используем синонимичный ему, но несколько менее удачный эпитет «русскоязычный».

психологии и смежных наук) и его воистину разрушительных последствиях для традиционной, а особенно современной русскоязычной историографии психологии.

На самом деле, не стоит преувеличивать вклад М.Г. Ярошевского во внедрение идеи «русского пути» в историографическую литературу. И в самом деле, такая фраза действительно фигурирует в названии его книги «Наука о поведении: русский путь», вышедшей в середине 1990х. Идея «русской науки», по всей видимости, на самом деле увлекала автора в то время: следует обратить внимание, например, на такие выражения как «русская почва», «русский ум», «русские исследователи», «русская мысль», «русская идея» и т.д., которыми изобилует эта книга и другие сходные тексты этого автора³⁸. Несмотря на очевидное сходство фразеологии Ярошевского с великодержавным и неоимперским дискурсом позднесталинского периода начала холодной войны (конец 1940х-начало 1950х гг.), характерного поиском всего «русского» в науке и провозглашением его приоритета и превосходства во всем мире [102], можно предположить, что корни увлечения «русским путем» уходят в ещё более ранний период: в раннесталинскую эпоху 1920х-1930х гг. с ее доминантой построения «новой», марксистской науки и «советской психологии»; об этом давно, с увлечением и хорошо пишет С.А. Богданчиков [13].

И все же, сходство с фразеологией позднего сталинизма и языком самых ранних публикаций Ярошевского, таких как его классические тексты 1952 г. «Кибернетика – наука мракобесов» и «Ответ И. П. Павлова американским реакционным психологам», нельзя не заметить; в этой связи о традиции «сталинской модели науки» в современной русской психологии см. [67]³⁹. Есть тут, впрочем, и новые интонации, присущие пост-перестроечной поре и идеологии историографии «репрессированной науки». Характерна такая цитата из одноименной статьи Ярошевского: «Американские психологи восприняли идеи русских исследователей поведения. Но их пути существенно различались. Преобразовать человека как целостное существо с тем, чтобы его тварная организация была движима высшими духовными ценностями, – такова была русская сверхценная идея» [52, с. 17]. И вправду, рассуждения о духовности — это уже, с одной стороны, радикальный возврат в дореволюционную эпоху неэмпирической психологии и спиритуалистических спекуляций столетней давности, а с другой стороны, связующее звено и важная промежуточная ступенька к современным размышлениям о «духовности» и «духовных

³⁸ См., например, текст в Сети: <http://www.voppsy.ru/issues/1995/954/954005.htm>

³⁹ См. текст: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf> ; приглашение к дискуссии по тексту: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/90.pdf> и, собственно, незавершенную дискуссию: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/98.pdf>

скрепах» русского народа. Таким образом, «духовные скрепы» («духовность») и «репрессированная наука», согласно Ярошевскому, это и есть те две инновации, которые не только неотрывно и навечно связаны с его именем в историографии психологии, но и, по мнению этого автора, то уникальное и принципиально отличное, что Россия явила миру в области науки. Сравните: «Перед нами беспрецедентный в мировой истории феномен репрессированной науки. Под ним следует понимать не только все, что было прямым результатом репрессий в смысле истребления людей, книг, целых наук. Репрессированным оказалось все научное сообщество, деформированы его ценностные устои, сложившиеся, как мы видели, в докоммунистический период» [53, с. 392].

Итак, «русский путь», следуя логике Ярошевского, есть тот позитивный – в отличие от сугубо негативной «репрессированной науки» – вклад России в мировую сокровищницу мысли, причем именно как «русская *сверхценная* идея». Что здесь для нас интересно в контексте текущего обсуждения ревизионистского поворота в историографии психологии, это то, с чем мы остаемся в окончательном итоге поисков и метаний Ярошевского буквально в рамках одного десятилетия от позднесоветской эпохи (1970-1980е гг.) до постперестроечного периода (1990е гг.). И вправду, диапазон мнений и исторических оценок Ярошевского его работ этого периода воистину огромен. Так, например, интересно сравнить его, скажем так, исторические постулаты о «русском пути» и «духовных скрепах» с такими заявлениями этого же автора публикации 1985 г. как, например, следующее: «Великий Октябрь взорвал устои старого мира. Идеалистическая психология утратила социальную почву. Многие из ее приверженцев вскоре оказались в эмиграции... К психологии отношения они больше не имели... Мировоззренческая ориентация тех, кто представлял естественнонаучное направление, сочетавшая материалистические традиции русской мысли с глубоким демократизмом, обусловила органичную связь их научного творчества с зарождавшейся социалистической культурой. Без колебаний они стали ее активными строителями» [51, с. 465]. И далее: «Без преувеличения можно считать, что своим возрождением в СССР в 20-х гг. психология обязана марксизму, ибо, как уже отмечалось, это было время засилья рефлексологических концепций, отрицавших саму возможность объективного и детерминистского изучения сознания (внутреннего мира субъекта) и тем самым создания подлинной науки о нем» [51, с. 488]. И, наконец: «Достижения советской психологии в 20-30-х гг. [двадцатого века] определили ее развитие в последующий период. Освоив идейное богатство марксистско-ленинского учения о психике и сознании, органично соединив методологическую ориентацию с практикой формирования личности

социалистического общества, советская психологическая наука смогла в дальнейшем успешно участвовать в решении актуальных задач коммунистического строительства» [51, с. 528]. Оставим задачу дальнейшего анализа научного наследия и зигзагов его бесконечно изобретательной мысли подлинным последователям Ярошевского и искренним поклонникам его творчества. Нас же сейчас в первую очередь интересует вопрос, а есть ли что-нибудь общее в таких разных текстах, написанных, казалось бы, разными и даже, вероятно, не знакомыми друг с другом авторами.

То, что объединяет все эти тексты, это фундаментальное положение о том, что обязательно существует что-то, что «наша» (т.е., в зависимости от времени написания и публикации текста, «советская», «марксистская», «отечественная» или «русская») наука дала миру, и именно этим определяется ее уникальность и, хотя бы в чем-то, превосходство этого «нашего» над «ненашим», «заграничным». Иными словами, во всех этих работах мы наблюдаем реализацию достаточно жестко проведенного разделения всей психологии на «отечественную» и «зарубежную» (иначе: «мировую») науку, которое неизменно в той или иной мере характерно для русскоязычной историографии психологии от 1930х вплоть до настоящего времени.

Проблематичность и, более того, бессмысленность такого жесткого разделения на «отечественное—зарубежное» более чем очевидна в наши дни, когда множество ученых из разных стран беспрепятственно путешествуют и сотрудничают с коллегами по всему миру, когда иностранцы работают и публикуются не только за рубежом, но и в РФ, а русскоязычные авторы являются гражданами других стран и выпускают свои работы как на русском, так и на других языках международной науки, причем как в РФ, так и по всему миру. Чтоб далеко не ходить за примером, приведем в качестве такового коллектив авторов этой статьи; есть и огромное множество других и разнообразных примеров этого рода. И тем не менее, метафора «отечественной науки» почему-то вполне жива и продолжает определять установки, содержание и направление исследований в современной русскоязычной историографии психологии и смежных дисциплин. Более того, как нам показывают многие работы в духе ревизионистской историографии выготсковедения, такое жесткое разделение зачастую выглядит неоправданным даже в тех случаях, когда мы имеем дело с историческими периодами, в отношении которых, казалось бы, менее всего приложимы категории интернационализма и международного обмена. Пример, опять же, буквально у нас в руках: см. вторую часть этой статьи, посвященную международному взаимодействию и сотрудничеству интеллектуалов по обе стороны

Атлантического океана периода Второй мировой войны (1939-1945). Так или иначе, мы можем с полной уверенностью утверждать, что так называемый «изоляционизм» как навязанное властью явление советской и русскоязычной психологии (и смежных дисциплин) по факту никогда не существовал даже в самые сложные годы глобальной геополитической реконфигурации и внутривосточных репрессий (политические процессы и преследования «космополитов» в СССР и шпионские процессы Розенбергов и др. и маккартизм в США) периода разворачивания «железного занавеса» и ранней холодной войны (пара-тройка лет в самом начале 1950х гг.), а если и допустимо говорить об «изоляционизме», то только как о категории социально-психологической как характеристики большинства русскоязычного научного сообщества в области психологии и смежных дисциплин. Подтверждением и яркой иллюстрацией тому как раз обсуждаемый здесь историографический дискурс в традиции дихотомии «отечественная—зарубежная наука».

Теперь присмотримся более пристально к «отечественной психологии». Как подсказывает опыт исследователя, подкрепленный анализом материалов недавнего научного съезда по истории «отечественной и мировой» психологии⁴⁰, история «отечественной психологии» во многом остается занятием исследователей из Москвы, пишущих о науке в Москве. Так, к примеру, в этом сборнике материалов съезда слово «Москва» и производные от него упоминаются более 400 раз. Второй по численности и значимости город РФ (и СССР), Петербург (ранее: Ленинград, Петроград) и производные от него фигурируют свыше 110 раз. Крупнейшие наиболее значимые для истории психологии города Советского Союза (Киев, Харьков, Тбилиси, Минск) встречаются приблизительно 10 раз каждый; приблизительно такие же показатели у крупнейших современных городов Российской Федерации (т.е. не более 20 упоминаний каждый), за исключением Ярославля (порядка 70), Нижнего Новгорода (порядка 40) и Рязани (порядка 30 упоминаний). Все эти количественные показатели наверняка в чем-то и случайны, когда речь заходит о нестоличных городах. И тем не менее, остается непреложной та истина, что история «отечественной психологии» написана преимущественно москвичами о Москве и, в значительно меньшей степени, петербуржцами о Петербурге. На это можно было бы заметить, что, по всей видимости, эти показатели отражают реальное положение дел и что наука в России делается столичными жителями в столице, и именно к такому выводу нас подталкивает традиционный,

⁴⁰ История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–02 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

канонический вариант «истории отечественной психологии». Справедливости ради, этот канонический вариант признает существование «провинциальной» науки в принципе, но уделяет ей роль второстепенную и вспомогательную.

Таким образом, подводя итоги, отметим здесь принципиальное положение, существующее в массовом сознании исследователей, на уровне своего рода негласного договора и базовой установки, «по умолчанию». Психология как научная дисциплина, как система знания, безусловно, интернациональна, как, впрочем, и любая другая наука. И тем не менее, существует фундаментальное разделение на «отечественную» и «зарубежную» («мировую») психологии (в качестве примера и совсем свежей иллюстрации тому название конференции, материалы которой обсуждались несколько выше). И далее: «отечественная», в свою очередь, воспринимается и позиционируется как второе фундаментальное разделение на «столичную» и «провинциальную» («локальную», «местную»). Барьеры между тремя этими конструктами и категориями настолько велики, что позволяют исследователям рассматривать их и, соответственно, изучать их практически в полном отрыве один от другого. Такой подход является нормой в историографии психологии и воспринимается как нормативный и единственно возможный. На самом деле это далеко не так. Мы уже кратко обсудили немотивированный отрыв психологии «отечественной» от «зарубежной». Теперь покажем, почему отрыв «столичной» от «локальной» науки не менее сомнителен и представляет серьезную проблему для системного, целостного и «холистического» исследования в области историографии психологии (и смежных дисциплин).

Следует уточнить, что, действительно, так исторически сложилось, что две столицы – Петербург и Москва – играют заметно большую роль, чем другие города в истории России ещё с имперских времен: здесь находятся и центральные органы управления государственной властью, и основные культурные, научные и образовательные центры. Все это так. И все же, как мы знаем, на протяжении всего 19 в. постепенно происходила если и не полноценная децентрализация, то, по крайней мере, некоторое перераспределение властных полномочий между «метрополией» и «провинцией», заметно усилившаяся после реформ Александра II (в частности, земской реформы 1864 г.) и начала земского движения во второй половине века. В результате реформ были образованы выборные органы местной власти («земства»), которые наделялись полномочиями принятия решений на местном уровне в целом ряде сфер народного хозяйства, включая те, которые имели непосредственное отношение к наукам о человеке, а именно: в сфере народного образования и медицины. Земские органы власти по всей Империи внедрялись

постепенно и неоднородно вплоть до первых десятилетий 20 в., а потому их влияние было различным в той или иной географической области. Так или иначе, именно благодаря земскому движению и был запущен процесс самоорганизации и самоуправления локальных специалистов, в результате чего стали возникать на местах всевозможные профессиональные объединения врачей (разных специальностей) и педагогов. С какого-то момента у представителей этих профессиональных сообществ возникает потребность объединения на общегосударственном уровне, и вот, мы видим, как уже с конца 19 в. начинают созываться такие объединительные съезды специалистов в области, скажем так, «прикладного человековедения». Так, например, в 1887 г. в Москве прошел Первый съезд отечественных психиатров; в 1906 г. в Санкт-Петербурге был организован Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии; в 1910 – Первый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике и Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (работа съезда официально началась 28 декабря 1909 г.), оба в Санкт-Петербурге; в 1911 – Первый съезд Русского союза психиатров и невропатологов, в Москве, и т.д. Именно этим съездам суждено было заложить основы тех профессиональных союзов, общественных объединений и массовых движений, подлинный расцвет которых мы наблюдаем по всей стране после прихода к власти большевиков в 1917 г.

Как мы видим, первые съезды врачей-психиатров, психоневрологов и педагогов проходили в двух столицах. Тем не менее, это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение на предмет участия в них локальных специалистов из разнообразных районов страны и роли земского движения в поддержке этих местных инициатив. Так, например, в результате того, что по политическим причинам проведение таких массовых собраний в конце 19–начале 20 в. в одной из столиц стало затруднительным, организация Второго съезда отечественных психиатров была организована силами локальных (иначе: «провинциальных», периферийных) специалистов: в Киеве, в сентябре 1905 года [16]. Именно на этих съездах, а вовсе не в каком-нибудь одном прославленном столичном институте, фактически возникло то, что впоследствии будет названо «психологией» в ее прикладном варианте. И напротив, именно в университетах Российской Империи зачастую развивался и пропагандировался консервативный (и даже реакционный) вариант психологии в ее спекулятивном и спиритуалистическом исполнении. Представители этой вариации «психологии» были зачастую весьма враждебно настроены по отношению к попыткам применения психологического знания в общественной практике, например, в таких областях как медицина и здравоохранение,

педагогика и народное образование, криминалистика, военное дело и индустрия, и т.п. [66]⁴¹.

С другой стороны, именно обширная сеть локальных специалистов разделяла многие из убеждений земского либерального движения и составила костяк того высококвалифицированного и зачастую политически активного профессионально-интеллектуального сообщества, которое сформировалось еще до революции. С поправкой на ощутимые персональные и кадровые потери, связанные с гражданской войной, голодом, большевистским террором периода «военного коммунизма» и послереволюционной иммиграцией (в конце 1910х–начале 1920х гг.), многие из этих специалистов продолжали дело революционного обновления общества после 1917 г., но уже при интенсивной поддержке органов государственной власти в лице правительства большевиков. Персональный состав этого сообщества был представлен целым рядом ярких имен научно-практических деятелей и активистов, таких как В.М. Бехтерев (1857-1927), Г.И. Россолимо (1860-1928), В.Н. Ивановский (1867-1939), В.П. Кащенко (1870-1943), А.Н. Бернштейн (1870-1922), А.П. Нечаев (1870-1948), А.А. Крогиус (1871-1933), В.П. Осипов (1871-1947), Ю.В. Каннабих (1872-1939), П.Б. Ганнушкин (1875-1933), В.А. Гиляровский (1876-1959), К.И. Платонов (1877-1969), М.О. Гуревич (1878-1953), Н.А. Рыбников (1880-1961), Д. И. Азбукин (1883-1953), Л.М. Розенштейн (1884-1934), А.Н. Граборов (1885-1949), И.А. Соколянский (1889-1960) и многие другие. В этом же ряду стоят не дожившие до большевистского государственного переворота и захвата власти в октябре-ноябре 1917 г. В.П. Сербский (1858-1917) и А.Ф. Лазурский (1874-1917). Закономерен вопрос, насколько все это имеет отношение к обсуждаемой здесь теме строгого разделения на «столичное»—«локальное»—«зарубежное» в историографии «отечественной и мировой психологии». Ответ: самое прямое.

Итак, если мы внимательно и беспристрастно присмотримся к карьере и траектории жизненного пути этих профессионалов, – исследователей, практиков, научных и общественных деятелей, – мы увидим, насколько тесно и неразрывно в случае практически каждой из этих биографий переплелись в неразрывный узел линии «столичной», «локальной» и «зарубежной» науки. Эти переплетения выражаются в разнообразных формах, например, таких как «провинциальная юность», заграничные поездки, работа в нестоличном университете, активные контакты с коллегами по научному сообществу в разных городах как внутри страны, так и за ее пределами, обмен идеями и практиками, и т.д. и т.п. Игнорирование этого разнообразия и многообразия, предопределенное негласным постулатом о разделении на «столичное»—

⁴¹ См. текст в Сети: [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Disciplinary_Draft.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Disciplinary_Draft.pdf)

«локальное»—«зарубежное» неизбежно приводит нас к фрагментарной и изоляционистской историографии. Такая историография следует установленному канону и строится либо в духе повествований о самобытной «отечественной науке» и «русском пути», либо в ключе краеведческих историй о «науке в провинции», либо в традиции оторванной от историко-социальной реальности «башни из слоновой кости», т.е. «интеллектуальной истории» научного наследия ведущих «зарубежных исследователей». Какова же альтернатива?

Альтернатива изоляционистской историографии, следующей установке на разделение на «столичное»—«локальное»—«зарубежное» заключается в так называемой «транснациональной историографии», которая в случае истории науки подпитывается двумя разными традициями. Первая традиция представлена теми исследованиями, в которых наблюдатель изначально занимает «над-национальную» (иначе: «транснациональную») позицию и избирает такие объекты исследования, которые позволяют изучать «транснациональные» явления и процессы, т.е. такие, которые по определению включают в себя несколько национально-государственных образований. Примеры объектов «транснационального» исследования: массовые миграции населения, крупные наднациональные промышленные, финансовые или политические организации и союзы, военные альянсы и внешнеполитические группы интересов и т.п. Применительно к историографии науки, согласно авторам программной статьи на эту тему, «транснациональный поворот» заключается в организации специальных исследований в трех направлениях, таких как (а) функционирование международных научных институций, (б) транснациональная мобильность ученых и (в) политика транснационального обмена неакадемических институций [89].

Транснациональные исследования по умолчанию рассматривают такие объекты, процессы и явления, которые вовлекают несколько государственных образований. Однако, как нам напоминают редакторы журнала, посвященного публикациям по истории России и Евразии, «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*», у понятия «транснациональный» может существовать и несколько иное значение. Это понятие, по крайней мере в русском языке, может означать нечто, проходящее не только и не столько *между* нациями и государствами, сколько *через* все государство и народы, ее населяющее; для сравнения см. такие примеры с префиксом «транс-»: «транссибирский», «трансконтинентальный», «трансамериканский». Справедливости ради, такая двусмысленность этого слова особенно важна с исторической точки зрения. И в самом деле, целый ряд феноменов, которые сегодня могут быть

квалифицированы как «транснациональные» в первом значении (т.е. такие, которые проходят между разными странами и народами), с точки зрения их исторического развития являлись феноменами «транснациональными» в его втором возможном значении (т.е. такими, которые проходят через всю страну). Примером тому история Российской Империи и Советского Союза и входивших в нее областей и районов, а ныне независимых и самостоятельных государств. На самом деле, с точки зрения развития науки, обмена идеями и взаимоотношений между регионами зачастую далеко не столь важна государственная принадлежность этих регионов, насколько важна их географическая отдаленность и различия в местных условиях. И именно поэтому проблема взаимоотношений «центра» и «периферии» – иначе: диалога «столицы» и «провинции», об этом см. [42]⁴² – также вполне может быть описана с точки зрения «транснациональных» моделей.

Если нужны примеры «транснациональной историографии» психологии, то читатель держит один такой пример сейчас в своих руках и может найти во второй части этой статьи, где объектом исследования выступает трансатлантическая и трансамериканская переписка ряда исторических деятелей, включая известного советского ученого А.Р. Лурию. Эта работа была вдохновлена не в последнюю очередь другим важным и фундаментальным исследованием в духе транснациональной историографии, где объектом изучения был избран VII Международный генетический конгресс, который был заранее согласован и одобрен советскими властями, местными учеными и международным научным сообществом и должен был быть проведен в августе 1937 г. в СССР, но решением высших органов государственной власти в этой стране был перенесен на лето 1938 г., а в результате решением международного научного сообщества в лице его координирующих международных организаций был все же проведен в августе 1939 г., но не в СССР, а в Великобритании [103]. Другие примеры такого же рода представлены исследованиями, уделяющими значительное внимание научным съездам, конференциям и конгрессам в области психологии и смежных наук, например [4, 11, 13, 16, 44–46, 56, 61]. Другого рода «транснациональная историография» представлена серией исследований транснациональной научной кооперации и сотрудничества, например, географически распределенного исследовательского проекта при участии советских и германо-американских ученых, который в недавних работах получил название «культурно-исторической гештальт-

⁴² См. полный текст публикации в Интернете здесь: <http://www.fsn.unn.ru/files/2013/07/StoyuhinaNY-rabota1.pdf> или здесь <https://unn-ru.academia.edu/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%A1%D1%82%D0%BE%D1%8E%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

психологии» [62, 126, 129]. В рамках этого направления, в частности, было проведено ревизионистское исследование международной экспедиции в Среднюю Азию под руководством Александра Лурии, Льва Выготского и Курта Коффки летом 1932 г., которое опрокинуло наши традиционные представления о ходе и достижениях этой экспедиции, опровергло общеизвестную мифологему об отсутствии оптических иллюзий у неколлективизированных слоев населения Советского Узбекистана в начале 1930х гг. («у узбеков ЕСТЬ иллюзий!») и заставило нас переоценить роль и место этих экспедиций в мировой психологической науке [18, 30, 34, 62, 65, 69, 72, 107, 112, 113].

Вторая исследовательская традиция, которая подпитывает наш интерес к транснациональным явлениям, это исследования так называемой «циркуляции знания» [76, 116]. Исследования в этой традиции принимают за исходное положение идею знания (knowledge, les saviors), — где под «знанием» понимаются образы, идеи, тексты, научные теории, технологии, общественные практики, и т.п., — которое не столько производится в одном месте и в таком виде передается дальше, сколько постоянно порождается и трансформируется в процессе непрерывного движения из одного контекста в другой. Согласно этой модели, будучи созданным в одном месте и транслированным в другие контексты, знание в какой-то момент может вернуться в место его изначального порождения, но уже в виде, существенно изменном, вплоть до неузнаваемости. Это, в свою очередь, приводит к тому, что это вновь обретенное знание воспринимается в оригинальном контексте его порождения как нечто совершенно новое и незнакомое. Тем самым запускается новый цикл (или виток: circle, loop) его распространения и видоизменения.

Надо понимать, что согласно этой модели, знание из одного места в другое не переносится чисто механически. Более того, оно никогда не сохраняется неизменным в ходе такого переноса, а видоизменяется в той или иной степени в результате адаптации к иным, местным социальным условиям. О психологической и социальной подоплеке механизма такой «циркуляции знания» хорошо пишет современный автор:

«Большое число переводных публикаций может быть понято только при условии, что они соотносятся со сложной сетью международных обменов между лицами, занимающими ключевые научные должности, обменов различными приглашениями, почетными докторскими званиями и т.п. Затем мы должны задать вопрос: как получается так, что какой-то конкретный автор или издатель становится импортером тех или иных конкретных идей? Почему автора X публикует издатель Y? Очевидно, что в результате такой публикации

импортер получает какую-то определенную выгоду. Импортерами еретических мыслей становятся маргиналы в той или иной области, которые переносят идеи, признанные и авторитетные в смежной области, для усиления собственной позиции в своей области. Иностранцев зачастую используют утилитарно и для решения таких задач, которые они сами, вероятно, отказались бы решать в своей собственной стране. Тем не менее именно таким образом иностранного автора часто можно использовать для атаки на своего соотечественника» [73, с. 223].

И в этом случае нет нужды далеко ходить за примерами исследований «циркуляции научного знания», в изобилии представленными ревизионистской историографией выготсковедения, которая не только показывает нам наследие Выготского-Лурии очищенным от десятилетиями наслоившейся на ней «мифологии выготсковедения», но и анализирует историю международной «рецепции Выготского» и социального конструирования научной мистификации, связанной с именами научных деятелей советской поры. Подробный обзор работ этого рода представлен в первой части этой статьи. Другой пример исследования циркуляции знания, но уже за пределами выготсковедческого спектра, представлен двумя исследованиями, которые были проведены совершенно не зависимо одно от другого, но в чем-то очень сходным образом рассматривают один и тот же эпизод дисциплинарной и транснациональной истории психогигиены (англ.: *mental hygiene*) в США и СССР. Этот эпизод покрывает период в пару десятилетий межвоенного периода, когда первые идеи этого научно-практического движения, зародившегося в Германии и США, в 1910е гг. были импортированы в Имперскую Россию, где были поддержаны местными специалистами, но получили стремительное развитие лишь при власти большевиков, в СССР. Прошло всего лишь два десятка лет и вот уже американские специалисты – основатели этого движения в Америке – начинают наносить нередкие визиты в Советский Союз, и, впечатленные достижениями своих советских коллег, организуют «ре-импорт» советской версии психогигиены в Америку. На этом круг «циркуляции знания» замкнулся [64, 78].

В этом контексте стоит также упомянуть и другой пример, который представляет собой недавнее монографическое исследование, которое формально является разработкой историографии «локальной науки» на примере непродолжительного периода в истории Нижегородского университета, но при этом в той или иной форме демонстрирует черты ревизионистской историографии, преодолевающей радикальное разделение на «зарубежное»—«столичное»—«локальное» и базирующейся на принципах

исследования науки как «транснационального» проекта по производству и циркуляции знания [43].

Подводим итоги: На пути к ревизионистской революции в историографии психологии

Итак, подводим итоги. Эта статья проделала полный круг от ревизионистской революции в выготсковедении (первая часть), проиллюстрировала ее потенциал на материале одного конкретно-исторического архивного исследования (вторая часть) и наметила контуры и направления развития этой революции применительно к историографии психологии, не ограниченной выготсковедением (третья часть статьи).

Кто-то может заметить, что в этой заявленной революции нет ни новизны, ни оригинальности. Мы можем согласиться, что с определенной точки зрения это так, и сделали все возможное и в первой части статьи предоставили ссылки на фундаментальные исследования наших предшественников, на которых, в свою очередь, базируются наши исследования.

Кто-то может возразить, что такая революция в историографии русской психологии уже состоялась. Ну что ж, и с этим трудно спорить, и именно эту идею мы проводим в третьей части статьи: дух ревизионизма вырвался на свободу, и уже много более или менее разрозненных единичных исследований проведено в новом ключе. Ссылки на эти работы можно в изобилии найти в тексте.

Кто-то может прокомментировать, что многие важные работы остались без упоминания в этой статье. Готовы признать правоту этого комментария. И вправду, эта статья по своему жанру не является рефератом или обзором литературы: многие работы приведены здесь как примеры и иллюстрации, потому не следует удивляться, если та или иная важная публикация осталась за рамками данного текста.

И все же, несмотря на обилие отличных примеров высококачественных исследований, до полноценной и тотальной революции, – как это уже случилось в специальной области исследований, посвященных научному наследию Выготского и Лурии и их кругу, – в историографии русскоязычной психологии ещё далеко. Русскоязычная историография психологии в целом стоит ещё на пороге системной ревизии устаревших понятий, мифов и идеологием постперестроечной и позднесталинской поры (таких как «репрессированная наука», «особый путь» русской психологии и ее уникальная и самобытная «духовность», а также изоляционистское разделение на

«столичную», «локальную» и «зарубежную» науки) и радикальной модернизации в духе современных историографических исследований. И чем быстрее и успешнее пройдет эта модернизация базовых установок массовых историографических исследований и переоценка роли и места советской и русской психологии в психологии международной, тем быстрее и эффективнее русскоязычная наука сможет влиться в мировой психологический мейнстрим на правах равного коллективного участника транснационального диалога и интересного собеседника в нестройном хоре голосов других участников этого диалога.

Список литературы:

1. Александрова Е.А. Конференция по нейропсихологии в научной группе Л.С. Выготского (начало 1930-х гг.): результаты исследования архива А.Р. Лурии // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016». Секция «Психология». Подсекция «Актуальные проблемы нейропсихологии», Москва: МГУ, 2016 URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf
2. Аллахвердян А.Г., Сироткина И.Е. «Михаил Григорьевич Ярошевский – историк науки и науковед». К 100-летию со дня рождения. III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии // Социология науки и технологий. 2016. № 2 (7). С. 182-189.
3. Артемьева О.А. К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2012. № 2 (1). С. 28-35.
4. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва: Институт психологии РАН, 2013.
5. Артемьева О.А. Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. № 5 (36). С. 95-103.
6. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Когито-Центр, 2015.

7. Ахутина Т.В. Комментарии к двум документам из архива А.Р.Лурии // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 71-85.
8. Байфорд Э. Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики // Преподаватель XXI век. 2013. № 1 (1). С. 43-54.
9. Байфорд Э. Память о «репрессированных науках» в истории России: случай педологии Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2014. С. 16-29.
10. Баилова Т.А. История обучения слепоглухих детей в России. М.: Эксмо, 2015.
11. Богданчиков С.А. Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 89-98.
12. Богданчиков С.А. Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 7–31.
13. Богданчиков С.А. Проблемы изучения истории советской психологии. Саратов: Издательство СГСЭУ, 2009.
14. Ван дер Веер Р. Рукописи не горят, не так ли? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 139-144.
15. Ван дер Веер Р., Завершнева Е. «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 89-105.
16. Гайдамакина Е.В. Развитие психотерапии в России: по материалам медицинских, психиатрических и психотерапевтических съездов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2011.
17. Гольдберг Э. «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 121-123.
18. Гончаров О.А. Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: "У узбеков ЕСТЬ иллюзий!" Заочная полемика между Лурией и Коффкой» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 26-32.
19. Дафермос М. Критический анализ принятия теории Л.С. Выготского в международном академическом сообществе // Культурно-историческая психология. 2016. № 3 (12). С. 27-46.

20. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы / М. Дэвид-Фокс, М.: Новое литературное обозрение, 2015.
21. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1) // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132-145.
22. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2) // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120-136.
23. Завершнева Е. Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 119–137.
24. Завершнева Е. «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 123-141.
25. Завершнева Е. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 79–99.
26. Завершнева Е. «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 125-142.
27. Завершнева Е., Ван дер Веер Р. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное. М.: Канон-Плюс, 2017.
28. Завершнева Е., Осипов М. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 92-103.
29. Завершнева Е., Осипов М. Сравнительный анализ рукописи «(Исторический) Смысл психологического кризиса» и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 41-72.
30. Задорожнюк И.Е., Мазилев В.А., Базиков М.В. Технологии регулирования конфликтов и запрос на их социально-антропологическое моделирование: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. № 3. С. 35-42.
31. Замский Х.С. История олигофренопедагогики, 2-е изд. Москва: Просвещение, 1980.
32. Костригин А.А. «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)

- // История российской психологии в лицах Дайджест. 2017. № 1. С. 108-138.
33. Коул М. Комментарии к предыдущим комментариям // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 128-132.
34. Ламдан Э. У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 53-65.
35. Лурия А.Р. Письма к Л.П. Липчиной из Харькова // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 11-19.
36. Лурия А.Р. Конспект доклада Л.С. Выготского «О сознании» // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 75-88.
37. Лучков В.В., Певзнер М.С. Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1981. № 4. С. 60-70.
38. Мекаччи Л. Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3 (5). С. 73-80.
39. Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917-1957). Москва: МГУ, 1997.
40. Радзиховский Л.А. Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 124-131.
41. Ренатус. «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 114-117.
42. Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 38 (1). С. 153-156.
43. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2013.
44. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.

45. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Забытый съезд: Первый всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4 (2). С. 251–260.
46. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1 (2). С. 277-287.
47. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта = Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
48. Эткин А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-21.
49. Эткин А.М. Ещё о Л. С. Выготском: Забытые тексты и найденные контексты // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 37–55.
50. Эткин А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Медуза, 1993.
51. Ярошевский М.Г. История психологии, 3-е изд. М.: Мысль, 1985.
52. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 5–18.
53. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1996.
54. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 – 1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 92–102.
55. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95-106.
56. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 101–112.
57. Ясницкий А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 4. С. 1-52.
58. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 108-121.

59. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 124-136.
60. Ясницкий А. Психология в Первой Столице: История и современность // Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / под ред. Т.Б. Хомуленко и М.А. Кузнецова. Харьков: ХНПУ, 2012. С. 309-351.
61. Ясницкий А. Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 86-93.
62. Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60-97.
63. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 100–112.
64. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 66-79.
65. Ясницкий А. Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!» Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25.
66. Ясницкий А. Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века // Науки о человеке: история дисциплин / под ред. А.Н. Дмитриева и И.М. Савельевой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 299-329.
67. Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 407-422.
68. Ясницкий А. «Орудие и знак в развитии ребенка»: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017.
69. Ясницкий, А. / Yasnitsky, A. N. Среднеазиатские психологические экспедиции. Хроника событий в письмах и документах / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3 (6). С. 114-166.
70. Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 334-355.

71. Aguilar E. Vygotski en México: una travesía bibliográfica y otros temas breves // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 361-373.
72. Allik J. Do primitive people have illusions? // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 40-42.
73. Bourdieu P. The social conditions of the international circulation of ideas // Bourdieu: A critical reader / под ред. R. Shusterman. Oxford: Blackwell, 1999. С. 220-228.
74. Byford A. Imperial normativities and the sciences of the child: the politics of development in the USSR, 1920s-1930s // Ab imperio. 2016. № 2. С. 71-124.
75. Byford A. V. M. Bekhterev in Russian Child Science, 1900s-1920s “Objective Psychology”: “Reflexology” as a Scientific Movement // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2016. № 2 (52). С. 99-123.
76. Cohen Y. Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. № 1 (11). С. 11-45.
77. David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
78. Dufaud G., Rzesnitzek L. Soviet Psychiatry through the Prism of Circulation: The Case of Outpatient Psychiatry in the Interwar Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 4 (17). С. 781-803.
79. Feuer L.S. Freud’s Ideas in the Soviet Setting: A Meeting with Aleksandr Luriia // Slavic Review. 1987. № 1 (46). С. 106-112.
80. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky’s Victimization Narrative: A Re-Examination of the «Stalinist Suppression» of Vygotskian Theory // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 128-153.
81. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky’s victimization narrative: a re-examination of the «Stalinist suppression» of Vygotskian theory // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 50-69.
82. García L.N. El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vigotski: An historical and epistemic problem // Revista Culturas Psi / Psy Cultures. 2013. (1). С. 65-86.
83. García L.N. La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991) // Revista de Historia de la Psicología. 2015. № 2 (36). С. 7-30.
84. García L.N. Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974) // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado /

- под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 305-336.
85. García L.N. Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991) // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 337-359.
86. García L.N. Before the “boom”: Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935-1974) // *History of Psychology*. 2016. № 4 (19). С. 298–313.
87. Goncharov O.A. Commentary on A.Yasnitsky’s article “Kurt Koffka: ‘Uzbeks DO HAVE illusions!’ The Luria-Koffka controversy” // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 34-36.
88. Harris R. *Rationality and the Literate Mind*. New York: Routledge, 2009.
89. Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L. Toward a transnational history of the social sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 146-160.
90. Hoopes R. *Ralph Ingersoll. A Biography*. New York: Atheneum, 1985.
91. Jones P.E. From “external speech” to “inner speech” in Vygotsky: A critical appraisal and fresh perspectives // *Language and Communication*. 2009. № 2 (29). С. 166-181.
92. Kallen H.M. *Frontiers of hope*. New York: Liveright, 1929.
93. Kellogg D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 85-97.
94. Kellogg D. Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky’s “The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky’s Main Works and the Chronology of their Composition”) // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 80–81.
95. Kellogg D., Yasnitsky A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 98-158.
96. Konvitz M.R. *The Legacy of Horace M. Kallen*. London: Associated University Presses, 1987.
97. Kozulin A. *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1984.
98. Kozulin A. *Vygotsky’s psychology: A biography of ideas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
99. A. Kozulin, B. Gindis, V.S. Ageev, S.M. Miller. *Vygotsky’s educational theory in cultural context*. New York: Cambridge University Press, 2003.

100. Kozulin A. Dynamic Assessment in Search of its Identity // The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / под ред. А. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 126-147.
101. Kozulin A. Foreword: How to deconstruct deconstructions // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. xii–xvi.
102. Krementsov N. Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
103. Krementsov N. International Science between the World Wars: The Case of Genetics. London: Routledge, 2005.
104. Kuznick P.J. Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
105. Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria’s Central Asian experiments on optical illusions // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 66-76.
106. Lamdan E., Yasnitsky A. «Back to the future»: toward Luria’s holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. (7). С. 509.
107. Lamdan E., Yasnitsky A. Did Uzbeks have illusions? The Luria – Koffka controversy of 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 175–200.
108. Luria A.R. The nature of human conflicts. New York: Liveright, 1932.
109. Mecacci L. Vygotsky’s reception in the West: The Italian case between Marxism and communism // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 173-184.
110. Mecacci L., Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky’s «Thinking and Speech» (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2011. № 4 (4). С. 159-187.
111. Métraux A. Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 154-172.
112. Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 43-52.
113. Proctor H. Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria’s «Romantic science». Диссертация на соискание ученой степени Philosophiae Doctor (Ph.D.). London: Birkbeck, University of London, 2016. URL: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>

114. Proctor H. «A Country Beyond the Pleasure Principle»: Alexander Luria, Death Drive and Dialectic in Soviet Russia, 1917-1930 // *Psychoanalysis and History*. 2016. № 2 (18). С. 155-182.
115. Schmidt S. Horace M. Kallen: Prophet of American Zionism. New York: Carlson, 1995.
116. Solomon S.G. Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. № 1 (9). С. 9-26.
117. Stern L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank. London & New York: Routledge, 2007.
118. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 475-493.
119. Van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. С. 143-174.
120. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer* London & New York: Routledge, 2016. С. 73-93.
121. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky's published works: a(n almost) definitive bibliography // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. А. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. С. 243-260.
122. Yasnitsky A. Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education. Ph.D. dissertation. Toronto: University of Toronto, 2009.
123. Yasnitsky A. Methodological issues of the history of Soviet psychology between the two world wars: case study of Vygotsky Circle // *XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context*. Budapest, 2009.
124. Yasnitsky A. “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives // *Journal of the Russian and East European Psychology*. 2010. № 1 (48). С. 3-13.
125. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 422-457.

126. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. № 4 (50). С. 3-15.
127. Yasnitsky A. Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 27-49.
128. Yasnitsky A. The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the «Stalinist science» of our days // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / Eds. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 3-26.
129. Yasnitsky A. A transnational history of «the beginning of a beautiful friendship»: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / Eds. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 201-226.
130. Yasnitsky A., R. Van der Veer, E. Aguilar, L.N. García. *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016.
131. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 119-145.
132. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. 2008. № 2 (11). С. 101-121.
133. Yasnitsky A., Van der Veer R. *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge, 2016.
134. Zavershneva E. Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology" // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. № 4 (50).
135. Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology* / под ред. А. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 63-97.
136. Zavershneva E. Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934) // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 94-126.

137. Zavershneva E. «The way to freedom»: Vygotsky in 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 127-140.
138. Zavershneva E., Van der Veer R. Vygotsky's Notebooks. A Selection / E. Zavershneva, R. Van der Veer, New York: Springer, 2017.
139. Zhang R. Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship. Диссертация на соискание ученой степени Philosophiae Doctor (Ph.D.). Pokfulam: The University of Hong Kong. URL: http://dx.doi.org/10.5353/th_b51947652013.

References:

1. Aleksandrova E.A. Konferencija po nejropsihologii v nauchnoj gruppe L.S. Vygotskogo (nachalo 1930-h gg.): rezul'taty issledovanija arhiva A.R. Lurii // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchjonyh «Lomonosov-2016». Sekcija «Psihologija». Podsekcija «Aktual'nye problemy nejropsihologii», Moskva: MGU, 2016 URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf
2. Allahverdjan A.G., Sirotkina I.E. «Mihail Grigor'evich Jaroshevskij — istorik nauki i naukoved». K 100-letiju so dnja rozhdenija. III Vserossijskaja konferencija po naukovedeniju i naukometrii // Sociologija nauki i tehnologij. 2016. № 2 (7). С. 182–189.
3. Artem'eva O.A. K probleme upravlenija i samoorganizacii otechestvennoj psihologicheskoj nauki v pervoj polovine HH stoletija // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Psihologija». 2012. № 2 (1). С. 28–35.
4. Artem'eva O.A. Social'no-psihologičeskaja determinacija otechestvennoj psihologii kak stanovlenie i razvitie kollektivnogo sub#ekta nauchnoj dejatel'nosti v pervoj polovine HH stoletija. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologičeskikh nauk. Moskva: Institut psihologii RAN, 2013.
5. Artem'eva O.A. Nauchnoe soobshhestvo kak sub#ekt nauchnoj dejatel'nosti // Psihologičeskij zhurnal. 2015. № 5 (36). С. 95–103.
6. Artem'eva O.A. Social'no-psihologičeskaja determinacija razvitija rossijskoj psihologii v pervoj polovine HH stoletija. M.: Kogito-Centr, 2015.
7. Ahutina T.V. Kommentarii k dvum dokumentam iz arhiva A.R.Lurii // Voprosy psihologii. 2012. № 4. С. 71–85.

8. Bajford Je. Zagrobnaja zhizn' «nauki» pedologii: k voprosu o znachenii «nauchnyh dvizhenij» (i ih istorii) dlja sovremennoj pedagogiki // Prepodavatel' XXI vek. 2013. № 1 (1). С. 43–54.
9. Bajford Je. Pamjat' o «repressirovannyh nauah» v istorii Rossii: sluchaj pedologii Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2014. S. 16–29.
10. Basilova T.A. Istorija obuchenija slepogluhih detej v Rossii. M.: Jeksmo, 2015.
11. Bogdanchikov S.A. Zabytyj s#ezd (O Pervom Vsesojuznom s#ezde po izucheniju povedenija cheloveka) // Voprosy psihologii. 2002. № 3. С. 89–98.
12. Bogdanchikov S.A. Sovremennye otechestvennye avtory o nauchnyh shkolah v sovetskoj psihologii 1920–1930-h gg. (opyt detal'nogo kritičeskogo analiza) // Metodologija i istorija psihologii. 2009. № 2. С. 7–31.
13. Bogdanchikov S.A. Problemy izuchenija istorii sovetskoj psihologii. Saratov: Izdatel'stvo SGSJeU, 2009.
14. Van der Veer R. Rukopisi ne gorjat, ne tak li? // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 139–144.
15. Van der Veer R., Zavershneva E. «To Moscow with love»: Rekonstrukcija poezdki L.S. Vygotskogo v London // Voprosy psihologii. 2012. № 3. С. 89–105.
16. Gajdamakina E.V. Razvitie psihoterapii v Rossii: po materialam medicinskih, psihiatricheskikh i psihoterapicheskikh s#ezdov. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata medicinskih nauk. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij nauchno-issledovatel'skij psihonevrologičeskij institut im. V.M. Behtereva, 2011.
17. Gol'dberg Je. «Spasibo za jeti zamechatel'nye materialy – ochen' interesno» // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 121–123.
18. Goncharov O.A. Kommentarij k stat'e A. Jasnickogo «Kurt Koffka: »U uzbekov EST" illjuzij!« Zaochnaja polemika mezhdur Luriej i Koffkoj» // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 26–32.
19. Dafermos M. Kritičeskij analiz prinjatija teorii L.S. Vygotskogo v mezhdunarodnom akademičeskom soobshhestve // Kul'turno-istoričeskaja psihologija. 2016. № 3 (12). С. 27–46.
20. Djevid-Foks M. Vitriiny velikogo jeksperimenta. Kul'turnaja diplomatija Sovetskogo Sojuza i ego zapadnye gosti, 1921—1941 gody / M. Djevid-Foks, M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.

21. Zavershneva E. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovanija semejnogo arhiva (chast' 1) // Voprosy psihologii. 2008. № 1. С. 132—145.
22. Zavershneva E. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovanija semejnogo arhiva (chast' 2) // Voprosy psihologii. 2008. № 2. С. 120—136.
23. Zavershneva E. Issledovanie originala rukopisi L.S. Vygotskogo «Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa» // Voprosy psihologii. 2009. № 6. С. 119—137.
24. Zavershneva E. «Kljuch k psihologii cheloveka»: kommentarii k bloknotu L.S. Vygotskogo iz bol'nicy «Zahar'ino» (1926 g.) // Voprosy psihologii. 2009. № 3. С. 123—141.
25. Zavershneva E. Evrejskij vopros v neopublikovannyh rukopisjah L.S. Vygotskogo // Voprosy psihologii. 2012. № 2. С. 79—99.
26. Zavershneva E. «Moljus' o dare dushevnoho usilija»: mysli i nastroyenija L.S. Vygotskogo nakanune revoljucii 1917 g. // Voprosy psihologii. 2013. № 3. С. 125—142.
27. Zavershneva E., Van der Veer R. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe. M.: Kanon-Pljus, 2017.
28. Zavershneva E., Osipov M. Osnovnye popravki k tekstu «Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa», opublikovannomu v 1982 g. v sobranii sochinenij L.S. Vygotskogo // Voprosy psihologii. 2010. № 1. С. 92—103.
29. Zavershneva E., Osipov M. Sravnitel'nyj analiz rukopisi «(Istoricheskij) Smysl psihologicheskogo krizisa» i ee versii, opublikovannoj v t. 1 sobranija sochinenij L.S. Vygotskogo (1982) pod redakciej M.G. Jaroshevskogo // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 3. С. 41—72.
30. Zadorozhnjuk I.E., Mazilov V.A., Bazikov M.V. Tehnologii regulirovanija konfliktov i zapros na ih social'no-antropologicheskoe modelirovanie: istorija i sovremennost' // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika». 2014. № 3. С. 35—42.
31. Zamskij H.S. Istorija oligofrenopedagogiki, 2-e izd. Moskva: Prosveshhenie, 1980.
32. Kostrigin A.A. «Rabota v celom ne udalas!»: Delo po chistke apparata Instituta jeksperimental'noj psihologii v 1930 g. (arhivnye materialy) // Istorija rossijskoj psihologii v licah Dajdzhest. 2017. № 1. С. 108—138.
33. Koul M. Kommentarii k predydushhim kommentarijam // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 128—132.

34. Lamdan Je. U kogo byli illjuzii? Sredneaziatskie jeksperimenty A.R. Lurii s opticheskimi illjuzijami // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 53–65.
35. Lurija A.R. Pis'ma k L.P. Lipchinoj iz Har'kova // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2012. № 2. С. 11–19.
36. Lurija A.R. Konspekt doklada L.S. Vygotskogo «O soznanii» // Voprosy psihologii. 2014. № 6. С. 75–88.
37. Luchkov V.V., Pevzner M.S. Znachenie teorii L. S. Vygotskogo dlja psihologii i defektologii // Vestnik MGU. Serija 14. Psihologija. 1981. № 4. С. 60–70.
38. Mekachchi L. Russkaja psihologija i psihologija i psihiatrija v Italii vo vtoroj polovine HH veka // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 3 (5). С. 73–80.
39. Noskova O.G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917-1957). Moskva: MGU, 1997.
40. Radzihovskij L.A. Diskussionnye problemy marksistskoj teorii v sovetskoj psihologicheskoj nauke // Voprosy psihologii. 1988. № 1. С. 124—131.
41. Renuš. «Delo v tom, čto v arhive Vygotskogo našli ponachalu tol'ko anglijskuju versiju jetogo teksta...» // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 114–117.
42. Stojuhina N.Ju. Problemy izučenija istorii «provincial'noj psihologii» // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2013. № 38 (1). С. 153–156.
43. Stojuhina N.Ju. Vydajushhiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.). Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013.
44. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2016.
45. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Zabytyj s#ezd: Pervyj vsrossijskij s#ezd po psihonevrologii // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 4 (2). С. 251–260.
46. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Neizvestnye s#ezdy: Vtoroj psihonevrologičeskij // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2014. № 1 (2). С. 277–287.
47. Flek L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta = Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Moskva: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999.
48. Jetkind A.M. Obshhestvennaja atmosfera i individual'nyj put' učenogo: opyt prikladnoj psihologii 20-h godov // Voprosy psihologii. 1990. № 5. С. 13–21.

49. Jetkind A.M. Eshhjo o L. S. Vygotskom: Zabytye teksty i nenajdennye konteksty // *Voprosy psihologii*. 1993. № 4. С. 37–55.
50. Jetkind A.M. Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii. M.: Meduza, 1993.
51. Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii, 3-e izd. M.: Mysl', 1985.
52. Jaroshevskij M.G. Nauka o povedenii: russkij put' // *Voprosy psihologii*. 1995. № 4. С. 5–18.
53. Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii. Ot antichnosti do serediny XX veka. Uchebnoe posobie dlja vysshih uchebnyh zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 1996.
54. Jasnckij A. Oчерк istorii Har'kovskoj shkoly psihologii: period 1931 — 1936 gg. // *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*. 2008. № 3. С. 92–102.
55. Jasnckij A. Oчерк istorii Har'kovskoj shkoly psihologii: pervaja nauchnaja sessija Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta i pojavlenie «Har'kovskoj shkoly psihologii » (1938) // *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*. 2009. № 2. С. 95–106.
56. Jasnckij A. Ob izoljacionizme sovetskoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920-30-h gg. // *Voprosy psihologii*. 2010. № 3. С. 101–112.
57. Jasnckij A. «Kogda b vy znali, iz kakogo sora...»: K opredeleniju sostava i hronologii sozdanija osnovnyh rabot Vygotskogo // *Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna»*. 2011. № 4. С. 1–52.
58. Jasnckij A. Izoljacionizm sovetskoj psihologii? Uchenye, «import-jeksport» v nauke i vlast' // *Voprosy psihologii*. 2011. № 6. С. 108–121.
59. Jasnckij A. Ob izoljacionizme sovetskoj psihologii: nauchnye publikacii 1920-30-h godov // *Voprosy psihologii*. 2011. № 1. С. 124–136.
60. Jasnckij A. Psihologija v Pervoj Stolice: Istorija i sovremennost' // *Har'kovskaja shkola psihologii: nasledie i sovremennaja nauka / pod red. T.B. Homulenko i M.A. Kuznecova*. Har'kov: HNPU, 2012. S. 309–351.
61. Jasnckij A. Rekonstrukcija poezdki A.R. Lurii na IX Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress // *Voprosy psihologii*. 2012. № 4. С. 86–93.
62. Jasnckij A. K istorii kul'turno-istoricheskoi geshtal'tpsihologii: Vygotskij, Lurija, Koffka, Levin i dr. // *Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna»*. 2012. № 1. С. 60–97.
63. Jasnckij A. Izoljacionizm sovetskoj psihologii? Neformal'nye lichnye svjazi uchenykh, mezhdunarodnye posredniki i «import» psihologii // *Voprosy psihologii*. 2012. № 1. С. 100–112.

64. Jasnicky A. Izoljacionizm sovetsoj psihologii? Intellektual'naja istorija kak migracija, transformacija i cirkuljacija idej // Voprosy psihologii. 2012. № 2. С. 66–79.
65. Jasnicky A. Kurt Koffka: «U uzbekov EST" illjuzij!» Zaochnaja polemika mezhdu Luriej i Koffkoj // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 1–25.
66. Jasnicky A. Disciplinarnoe stanovlenie russkoj psihologii pervoj poloviny HH veka // Nauki o cheloveke: istorija disciplin / pod red. A.N. Dmitrieva i I.M. Savel'evoj. M.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2015. S. 299–329.
67. Jasnicky A. Stalinskaja model' nauki: istorija i sovremennost' rossijskoj psihologii // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 407–422.
68. Jasnicky A. «Orudie i znak v razvitii rebenka»: Samaja izvestnaja rabota L.S. Vygot'skogo, kotoruju on nikogda ne pisal // Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2017.
69. Jasnicky, A. / Yasnitsky, A. H. Sredneaziatskie psihologicheskie jekspedicii. Hronika sobytij v pis'mah i dokumentah / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3 (6). С. 114–166.
70. Jasnicky A., Zavershneva E. Ob arhetipe sovetsoj psihologii kak nauchnoj discipliny i social'noj praktiki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 100. С. 334–355.
71. Aguilar E. Vygot'ski en México: una travesia bibliográfica y otros temas breves // Vygot'ski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 361–373.
72. Allik J. Do primitive people have illusions? // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 40–42.
73. Bourdieu P. The social conditions of the international circulation of ideas // Bourdieu: A critical reader / pod red. R. Shusterman. Oxford: Blackwell, 1999. S. 220–228.
74. Byford A. Imperial normativities and the sciences of the child: the politics of development in the USSR, 1920s-1930s // Ab imperio. 2016. № 2. С. 71–124.
75. Byford A. V. M. Bekhterev in Russian Child Science, 1900s-1920s “Objective Psychology”: “Reflexology” as a Scientific Movement // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2016. № 2 (52). С. 99–123.
76. Cohen Y. Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. № 1 (11). С. 11–45.

77. David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
78. Dufaud G., Rzesnitzek L. Soviet Psychiatry through the Prism of Circulation: The Case of Outpatient Psychiatry in the Interwar Period // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. № 4 (17). С. 781–803.
79. Feuer L.S. Freud's Ideas in the Soviet Setting: A Meeting with Aleksandr Luriiia // *Slavic Review*. 1987. № 1 (46). С. 106–112.
80. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the «Stalinist Suppression» of Vygotskian Theory // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 128–153.
81. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's victimization narrative: a re-examination of the «Stalinist suppression» of Vygotskian theory // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. S. 50–69.
82. García L.N. El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vigotski: An historical and epistemic problem // *Revista Culturas Psi / Psy Cultures*. 2013. (1). С. 65–86.
83. García L.N. La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991) // *Revista de Historia de la Psicología*. 2015. № 2 (36). С. 7–30.
84. García L.N. Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974) // *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 305–336.
85. García L.N. Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991) // *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 337–359.
86. García L.N. Before the “boom”: Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935–1974) // *History of Psychology*. 2016. № 4 (19). С. 298–313.
87. Goncharov O.A. Commentary on A.Yasnitsky's article “Kurt Koffka: ‘Uzbeks DO HAVE illusions!’ The Luria-Koffka controversy” // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 34–36.
88. Harris R. *Rationality and the Literate Mind*. New York: Routledge, 2009.
89. Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L. Toward a transnational history of the social sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 146–160.
90. Hoopes R. *Ralph Ingersoll. A Biography*. New York: Atheneum, 1985.

91. Jones P.E. From “external speech” to “inner speech” in Vygotsky: A critical appraisal and fresh perspectives // *Language and Communication*. 2009. № 2 (29). С. 166–181.
92. Kallen H.M. *Frontiers of hope*. New York: Liveright, 1929.
93. Kellogg D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 85–97.
94. Kellogg D. Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky’s “The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky’s Main Works and the Chronology of their Composition”) // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 80–81.
95. Kellogg D., Yasnitsky A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 98–158.
96. Konvitz M.R. *The Legacy of Horace M. Kallen*. London: Associated University Presses, 1987.
97. Kozulin A. *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1984.
98. Kozulin A. *Vygotsky’s psychology: A biography of ideas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
99. A. Kozulin, B. Gindis, V.S. Ageev, S.M. Miller. *Vygotsky’s educational theory in cultural context*. New York: Cambridge University Press, 2003.
100. Kozulin A. *Dynamic Assessment in Search of its Identity* // *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari*, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. S. 126–147.
101. Kozulin A. Foreword: How to deconstruct deconstructions // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. S. xii–xvi.
102. Krementsov N. *Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
103. Krementsov N. *International Science between the World Wars: The Case of Genetics*. London: Routledge, 2005.
104. Kuznick P.J. *Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
105. Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria’s Central Asian experiments on optical illusions // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 66–76.

106. Lamdan E., Yasnitsky A. «Back to the future»: toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. (7). С. 509.
107. Lamdan E., Yasnitsky A. Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932 // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 175–200.
108. Luria A.R. *The nature of human conflicts*. New York: Liveright, 1932.
109. Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 173–184.
110. Mecacci L., Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's «Thinking and Speech» (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 159–187.
111. Métraux A. Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 154–172.
112. Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 43–52.
113. Proctor H. *Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's «Romantic science»*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni Philosophiae Doctor (Ph.D.). London: Birkbeck, University of London, 2016. URL: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/> .
114. Proctor H. «A Country Beyond the Pleasure Principle»: Alexander Luria, Death Drive and Dialectic in Soviet Russia, 1917–1930 // *Psychoanalysis and History*. 2016. № 2 (18). С. 155–182.
115. Schmidt S. *Horace M. Kallen: Prophet of American Zionism*. New York: Carlson, 1995.
116. Solomon S.G. Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. № 1 (9). С. 9–26.
117. Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank*. London & New York: Routledge, 2007.
118. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 475–493.
119. Van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* /

- pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 143–174.
120. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer London & New York: Routledge, 2016. S. 73–93.
121. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky's published works: a(n almost) definitive bibliography // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer London & New York: Routledge, 2016. S. 243–260.
122. Yasnitsky A. Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education. Ph.D. dissertation. Toronto: University of Toronto, 2009.
123. Yasnitsky A. Methodological issues of the history of Soviet psychology between the two world wars: case study of Vygotsky Circle // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context. Budapest, 2009.
124. Yasnitsky A. “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives // Journal of the Russian and East European Psychology. 2010. № 1 (48). С. 3–13.
125. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2011. № 4 (45). С. 422–457.
126. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. № 4 (50). С. 3–15.
127. Yasnitsky A. Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 27–49.
128. Yasnitsky A. The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the «Stalinist science» of our days // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 3–26.
129. Yasnitsky A. A transnational history of «the beginning of a beautiful friendship»: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 201–226.

130. Yasnitsky A., R. Van der Veer, E. Aguilar, L.N. García. Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016.
131. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 119–145.
132. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. 2008. № 2 (11). С. 101–121.
133. Yasnitsky A., Van der Veer R. *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge, 2016.
134. Zavershneva E. Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology" // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. № 4 (50).
135. Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology* / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. S. 63–97.
136. Zavershneva E. Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934) // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 94–126.
137. Zavershneva E. «The way to freedom»: Vygotsky in 1932 // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 127–140.
138. Zavershneva E., Van der Veer R. *Vygotsky's Notebooks. A Selection* / E. Zavershneva, R. Van der Veer, New York: Springer, 2017.
139. Zhang R. *Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni Philosophiae Doctor (Ph.D.). Pokfulam: The University of Hong Kong. URL: http://dx.doi.org/10.5353/th_b51947652013.

Сведения об авторах:

Ясницкий Антон, неаффилированный исследователь (Торонто, Канада);

Ламдан Эли, аспирант, Программа по Истории, Философии и Социологии Наук, Еврейский Университет в Иерусалиме и Израильское Интер-университетское Сотрудничество по исследованию России и Восточной Европы (Израиль);

Ван дер Веер Рене, профессор, Кафедра Образования, Лейденский университет (Лейден, Голландия); Школа Психологии, Университет Магелана (Пунта-Аренас, Чили).

Читаем забытую классику...

Ленин как психофизиологический тип¹

Залкинд Арон Борисович

Государственный институт экспериментальной психологии

Аннотация. Публикуется по: Залкинд А.Б. В.И. Ленин как психофизиологический тип / Залкинд А.Б. Жизнь организма и внушение. М.-Л.: Госиздат, 1927. 176 с. С. 164-172.

Ключевые слова: классическое произведение, публикация, Залкинд

Lenin as psychophysiological type

Zalkind Aron Borisovich

State Institute of Experimental Psychology

Abstract. It is published on: Zalkind A.B. V.I. Lenin kak psihofiziologicheskij tip / Zalkind A.B. Zhizn' organizma i vnushenie. M.-L.: Gosizdat, 1927. 176 s. S. 164-172.

Keywords: classical work, publication, Zalkind

В.И. Ленин является для всех нас образцом коммунистической системы поведения, и поэтому попытка анализа его психофизиологической индивидуальности может быть нам подспорьем при поисках правильных жизненных путей, т.о. и путей для психотерапии. Конечно, наши соображения будут лишь начальной, робкой пробой подхода к этой колоссальной проблеме.

С самых ранних детских лет до смерти т. Ленин психофизиологически проходит перед нами как индивидуальность, насыщенная колоссальной энергией. Тов. Ленин от рождения обладает могучим энергетическим фондом, снабжающим его такими возможностями напряжения и возбуждения, такими

¹ Публикатор – Н.Ю. Стоюхина (подготовка и редактирование текста).

возможностями устремления вперед, таким неиссякаемым боевым резервуаром, какими в истории человечества, конечно, обладали очень немногие. Этот колоссальный энергетический фонд и является почвой для обостренной восприимчивости, неиссякаемой действенности, напряженнейшей целеустремленности, всего того богатейшего содержания ленинского темперамента, неумолимой воли, которые мы видим на всех страницах его яркой биографии. В содержании этого огромного энергетического резервуара нет в то же время стимулов для того стихийного болезненного возбуждения, которым часто обладают богатые, но психопатические натуры. В энергетическом богатстве т. Ленина содержится, – и в корнях, и в проявлениях его, – исчерпывающе-здоровое начало, – оно, и только оно.

Однако богатый энергетический фонд, сам по себе, не представляет еще собою обязательного творческого начала. Если этот богатый материал не будет экономно организован, если он распылится по частям, если он не сконденсирован, не сжат для концентрированного использования, – ударная сила его теряется, в основном превращаясь в мелко взрывчатое, раздробляющееся и по частичным заданиям, содержание. В лучшем случае, без конденсации, энергетический фонд мог бы выразиться в крупных, но беспорядочных, не последовательных и поэтому непродуктивных взрывах. Только лишь при условии максимальной его конденсации, сжатия возможно было бы действительное творчески-организованное его использование. Личность т. Ленина как раз и характеризуется наилучшей конденсацией этого колоссального энергетического фонда.

Но этого мало. Как бы велико ни было энергетическое богатство, как бы велика ни была сумма возбуждения и напряжения, присущего той или иной индивидуальности, как бы сильно ни были сжаты, сконденсированы в подготовке к боевому удару все эти энергетические силы, они могут и не дать творческих результатов, если нет под ними для их выявления соответствующей устойчиво организованной базы. Во всем этом конденсированном богатстве требуется еще и яркая, глубокая, устойчивая целеустремленность, установка психофизиологического аппарата на определенную цель, являющуюся основным возбудителем всех проявлений такой индивидуальности. Этой целеустремленностью, глубочайшим образом развитым «рефлексом цели», т. Ленин и отличается в огромнейшей степени. Он был со своим врожденным колоссальным энергетическим богатством несомненно одним из счастливейших людей на протяжении истории человечества. Не живи он в условиях отвратительнейшей, бессмысленной, наглой царистско-русской современности, вне всякого сомнения, целевая установка этого энергетического

богатства была бы несколько иной: менее напряженной, менее устойчивой. Не будь вокруг него раскаленной атмосферы революционной борьбы, но будь он окружен невиданно сложной революционной, обстановкой, не окажись в его биографии личного момента, колоссальной важности – смертной казни родного брата, покушавшегося на царя, несомненно в этой целеустремленности были бы не которые изъяны. Но если индивидуальности, подобные т. Ленину, необходимы до зареза революционной эпохе, то не в меньшей степени революционная эпоха нужна подобным личностям, делая их счастливыми избранниками, используя целиком их богатство в интересах новой общественности. Российская и международная революционная современность всеми обстоятельствами, развертывавшимися на протяжении роста личности т. Ленина, сжимала эту конденсированную, колоссальнейшую энергию в определенную линию, в определенное русло, подчиняя все ее выявлению одной исчерпывающей цели, подчиняя этой цели, этой целеустремленности всю жизнь нашего вождя. И успехи революции, и поражения революции, и боевые успехи т. Ленина лично, и ссылка его, – все это оказывалось добавочным, углубляющим питанием для укрепления все той же революционной целеустремленности.

Необходимо, однако, помнить, что как бы ни был велик энергетический фонд человека, как бы он идеально ни был конденсирован, как бы устойчиво ни развернулась целевая установка подобной индивидуальности, всего этого недостаточно для того, чтобы сформировать колоссального политического вождя, именно политического вождя, т.е. организатора политического действия, организатора грандиозного движения колоссальных народных масс. Мы слишком часто встречаем богатейшие целеустремления, энергетически перенасыщенные натуры, которые однако не выявляют колоссальное свое целевое напряжение в действиях вовне, исчерпывал все свое внутреннее возбуждение интеллектуальным процессом [творцы крупнейших философских систем], работой творческой фантазии [большие художники] и т.д. Но для выражения этого внутреннего напряжения именно в действиях требуется огромная динамическая способность, – способность, при которой данная личность не мирилась бы с невыявлением своего напряжения вовне и голодно, жадно требовала бы этого непременно выявления во внешних действиях. Подобный динамизм присущ т. Ленину в чрезвычайной степени. Знаем же мы из мелочей и крупных моментов его биографии, что даже его стратегические выжидания, даже отступления, остановки, боевые паузы были не чем иным, как видоизменением, углублением, маскировкой все того же неиссякаемого действия, направленного вовне. Теоретизаций, самодовлеющей фантастики,

представляющей собой пассивную самозакупорку личности, в биографии т. Ленина мы не видим, не знаем. Он весь, с начала до конца, максимально действенен, гипердинамичен.

Перечисленные черты не обязывают еще к беспощадной объективной, научной точности. Колоссальная энергия, чрезвычайно конденсированная, направленная по путям определенной цели и даже резко действенно выявляющаяся вовне, может быть в то же время брошена на отрыв от реальности, наперерез реальности.

В истории человечества мы знаем большое количество примеров подобного направления на цель, ничего общего не имеющую с реальностью, с конкретной жизненной действительностью. Крупнейшие религиозные реформаторы, – часто просто патологические личности, обладающие большим взрывчатым богатством, направленным по линии бредовой цели, – являются достаточно яркими примерами подобного внереалистического или антиреалистического творчества. Сила психофизиологического аппарата т. Ленина заключалась именно в том, что он был одарен от природы необычайной восприимчивостью реалистического порядка, необычайной чуткостью в отношении к конкретным явлениям окружающей среды. Острое восприятие реальности, чуткое, улавливание мельчайших конкретных деталей того, что скрадывалось обычно во внимании подавляющего большинства его окружающих, изумительная точность его расчетов, – все это говорит не только об устойчивой целевой установке, но и указывает на реалистическую, максимально реалистическую целевую установку, что особенно важно для наиболее реалистического в истории класса и его вождя. Подобные максимально-реалистические свойства, понятно, требовали, с одной стороны, врожденного обострения у т. Ленина воспринимающих его аппаратов, его органов чувств, с другой же стороны, этому реалистическому содержанию восприятий максимально содействовали чрезвычайно благоприятствующие подобному процессу условия современной ему общественности. Тов. Ленин, этот идеальный аккумулятор революционной энергии, не мог не быть реалистом в условиях царской России и, в дальнейшем, в условиях мировой империалистической бойни и социалистической революции.

Однако и всего перечисленного оказывается недостаточно для того, чтобы все эти первичные элементы богатейшего психофизиологического аппарата были использованы действительно продуктивно. Необходимо было их планомерно, последовательно урегулировать, упорядочить, организовать. Подобная, особо развитая способность к самоурегулированию, к

самоорганизации в известной степени является врожденным свойством, – однако биографические моменты [условия среды, семья, школа, самовоспитание] могут и должны этому или сильно препятствовать, или мощно содействовать. В отношении к т. Ленину врожденные и приобретенные моменты самоорганизации были выявлены особенно благоприятно, и эту мощную самоорганизацию мы имеем перед собой во всей как научной, так и практически-политической деятельности т. Ленина. Чрезвычайно сильно развитое чувство делового ритма, умение во-время уловить нужное, отмести лишнее, способность к острому и планомерному учету всех полезных элементов прошлого опыта, жесточайшая требовательность к себе и другим, готовность всегда наиболее экономно, наиболее продуктивно реагировать на те обязательства, какие предъявляла к его работе среда, – все эти моменты максимальной, невиданной организованности т. Ленина явились цементом, скрепой для описанных выше творческих его черт, без чего последние могли бы выявиться в истории рабочей революции далеко не так продуктивно, как это, к счастью, имело место.

Имеете с тем, т. Ленин отличается необычайными интеллектуальными способностями. Мозговой аппарат его обладал огромной гибкостью, чрезвычайной подвижностью во всех наиболее творчески нулевых своих элементах. Достаточно было одного раздражения извне, одного сознательного посыла для того, чтобы вызвать в подсознательном аппарате т. Ленина целый вихрь необходимых ассоциаций, переработок, новых усвоений, учета старых элементов и т.д., и т.д. Эта способность к максимальной синтетической обработке впечатлений при минимальной затрате сознательного, нарочитого, волевого усилия является благодарным, счастливейшим свойством гениальных натур, при котором интеллектуальное творчество, требующее обычно огромного волевого напряжения, совершается с необычайной легкостью, продуктивностью и быстротой. Самовоспитание чрезвычайно многое добавляет к этой врожденной способности.

Вполне очевидно, что все описанные выше элементы индивидуальности т. Ленина в прочном их сочетании являлись неисчерпаемым и совершенно незаменимым материалом для его гениальных интуитивных, синтетических сводок. Натуры менее конденсированные, менее реалистические, менее организованные не могли бы никогда создать подобного синтеза, независимо от богатства своего интеллектуального творчества. Отсюда нам делается понятным, почему на удивление близких своих т. Ленин был в силах одолевать по 120 и больше страниц серьезной книги меньше чем в час, почему одновременно он мог заниматься двумя-тремя делами, требующими большого

напряжения, почему он, выслушивая собеседника, улавливал в его материале такие элементы, о которых сам рассказывающий даже в минимальной степени и помыслить не мог. Этим же свойством объясняется столь характеризующая т. Ленина манера связывать все свои впечатления «с общим и целым». Непрерывно охватывать всю жизнь «в общем и целом» может лишь максимально синтезирующий ум.

Историческое значение т. Ленина, несмотря на наличие в его индивидуальности всех описанных черт, было бы все-таки недостаточно расшифровано, если бы мы при этом не указали еще на наличие в его существе огромного развития так называемого исследовательского рефлекса. Быть реалистом, обладать огромными синтетическими способностями – это еще не значит творить новое. Знаем же мы синтезирующих реалистов, постоянно компилирующих, связывающих во едино лишь опыт прошлого, не добавляя к этому опыту ничего своего, нового, творческого, исследовательского. Для того чтобы прокладывать новые пути, для того чтобы научно-теоретически и практически пионеризировать, необходимо еще врожденное развитие особо острых возможностей вщупывания, внедрения в незаметные для других элементы. Голодное тяготение, ненасытное, жадное стремление к новому [исследовательский рефлекс или инстинкт] не даром, по мнению крупнейших физиологов, можно сопоставить с инстинктом голода. Стремление к новому, к оригинальному, к прокладыванию путей по непроторенным местам – это специфическое свойство, для которого нужно иметь соответствующие как врожденные, так и воспитанные аппараты. Тов. Ленин необычайной остротой своего научного, исследовательского анализа, почти пророческой своей прозорливостью подтверждает наличие в нем этого исследовательского рефлекса в глубочайшей степени его выраженности.

Мы, понятно, в истории человечества знаем целую серию огромных личностей, обладающих большим творческим богатством, сочетанием всех или почти всех указанных выше черт. Но историческая непревзойденность т. Ленина заключается в том, что он комбинировал в себе эти черты в совершенно невиданном еще в истории сочетании, так как современность, создавшая его, современность, которую он обслуживал, сама по себе такова, что не знает себе прецедентов в прошлом человечества. Это подтверждается еще наличием в т. Ленине черты, которую мы назвали бы «социоцентризмом», т.е. полным отвлечением от своего «я» в сторону общественности, к общественной организованной деятельности – в противовес эгоцентризму, присущему огромному количеству крупных и менее крупных научных и практических

деятелей эксплуататорского периода истории: «Не я, – говорил всегда т. Ленин, – а рабочие массы, трудовые массы вместе со мной». «Не я, а партия, и я вместе с партией». Вне коллектива, вне общества т. Ленин себя не мыслил. Он организует партию, готовит массовое восстание, прислушивается самым чутким, трепетным образом к подспудному голосу рабочих масс, – голосу, истинной сущности которого, кроме него, никто из современных социалистов так уловить и не мог. Этому соционизму, – служению обществу, человечеству, пролетариату, партии – соответствовала доброта, ласковость, деликатность, чуткость т. Ленина в отношении ко всем его окружающим – классовая доброта революционного диктатора. Только блестяще организованная, идеально синтезированная, соционизмическая натура способна на подобное воплощение в себе черт холодного интеллектуального анализа, беспощадного политического руководства и естественно-добрых, человечески-ласковых проявлений.

Наконец завершающим моментом, характеризующим; индивидуальность т. Ленина, является необычайный стенизм, необычайно-подъемный, положительный, радостный фон его нервно-психических процессов. Знаем же мы больших политических вождей и государственных строителей трагического типа [Кромвель], болезненно возбужденного типа [Наполеон I, Петр], но радостно-счастливых людей, всегда в ударе, хорошо настроенных так, как это присуще было, независимо от внешней обстановки, т. Ленину, – подобного стенического фона психики при всей колоссальной насыщенности ее ответственнейшей, сложнейшей, деловой нагрузки, подобного примера мы не знаем. Но это и естественно, так как т. Ленин был чрезвычайным историческим удачником. Его богатства попали в самую чувствительную и в самую нужную точку наиболее интересной, наиболее радующей эпохи в истории человечества.

За иллюстрирующими примерами для обоснования приведенной характеристики, конечно, ходить далеко не придется. Вся биография Ленина: строительство коммунистической партии, «Искра», борьба с экономизмом и ликвидаторством, подготовка вооруженного восстания, философские его работы, идея советов, смычка с крестьянством, вся тактика 1917 г., Брест, дискуссия о профсоюзах, новая экономическая политика, ориентация на колониальные народы, международная коммунистическая революционная тактика, внутривосрийские административные реформы, все это достаточно известный материал, который повторять здесь нет нужды². «Подобные вожди считают своих последователей миллионами и миллиардами, а не сотнями и не тысячами»; подобные личности «должны сами все проверять, никому не

² Далее в кавычках – частичные выписки из воспоминаний о т. Ленине, появившиеся в печати после его смерти.

доверяя того, что обостренно ясно только им». «Подобные индивидуальности не отступят от основной линии своих исканий и в жесточайшей полемике не обороняются, а нападают, ибо они вооружены лучше какого бы то ни было противника». «Определив сразу все перспективы дальнейших боев в 1917 году, т. Ленин все же не зарывается и требует терпеливой, постепенной, детальной подготовки массы». «Во всех мелочах этой подготовки непрерывно, неотступно участвует он сам». «Не внешний выигрыш нужен, – говорит он, – а выигрыш по существу». «Необходимо искусство маневрирования, выжидания и отступления, но с непрерывным подчинением всех частных единую принципиальному целому» и т.д., и т.д. Этих примеров колоссальной организованности, неисчерпаемого синтеза мы знаем слишком мною, чтобы была особая нужда, подробно воспроизводить их здесь.

Тов. Ленин, являясь, по врожденным своим свойствам, необычайно богато одаренной организацией, в то же время, всей суммой своих качеств, представляет собой порождение наиболее напряженной революционной эпохи в наиболее сдавленной реакционной властью стране. Отсюда и накопление им колоссального энергетического фонда, гиперконденсация этого фонда, сверхдинамизм, могучая боевая целеустремленность. Тов. Ленин представляет собой одновременно порождение крепнущего, развивающегося международного рабочего класса, отсюда воплощение в нем максимальной организованности, наилучших синтетических способностей, сверхчуткого реализма, углубленного развития исследовательского рефлекса. Этими свойствами наградил своего вождя идущий к власти молодой, организованный, реалистически настроенный, пионерствующий пролетариат. Революционная же современность, идущий к победе рабочий класс наделили своего вождя и такими свойствами, которые характеризуют все человечество, быть может, в далеком лишь будущем: необычайная радость победителя [стенизм], необычайная этическая сосредоточенность, доброта [социоцентризм].

Тов. Ленин, другими словами, представляет собой идеальный тип пролетарского революционера, идеальный тип коммуниста. Этот тип уже зарождается, уже вырабатывается в невыразимо тяжелых условиях современной революционной борьбы пролетариата. В законченном виде мы его еще нигде не встречаем. Однако т. Ленин опередил в этом вопросе историю. Он являет собой идеального предтечу коммунистического типа, он является первым показательным примером, олицетворением этого идеального типа³.

³ Типические черты активного коммуниста пишущий пытался зафиксировать в ряде очерков своей книги: «Очерки культуры революционного времени» (изд. «Раб. просв.» 1924 г.).

Предисловие публикатора к статье: Мерлин В.С. Об обучении и развитии

Богданчиков Сергей Александрович

Академия социального управления Московской области, Россия

e-mail: bogdanch4@yandex.ru

Аннотация. Публикатор представляет подготовленную им работу В.С. Мерлина (1898-1982) «Об обучении и развитии» (1934).

Ключевые слова: история советской психологии, Мерлин, психология личности

Publisher's foreword to article: Merlin W.S. On training and development

Bogdanchikov Sergey Aleksandrovich

Moscow Region Academy of Social Administration, Russia

e-mail: bogdanch4@yandex.ru

Abstract. The publisher presents the work of W.S. Merlin (1898-1982) "On teaching and development" (1934).

Keywords: history of Soviet psychology, Merlin, psychology of personality

Вниманию читателей предлагается повторная публикация ныне мало кому известной, как нам думается, статьи одного из крупнейших советских психологов – Вольфа Соломоновича Мерлина (1898-1982). Статья «Об обучении и развитии» вышла в 1934 г. в «Трудах Саратовского Государственного Педагогического Института»; в Саратовском пединституте В.С. Мерлин работал в 1932-1938 гг. В настоящее время данная статья представляет огромный интерес по многим позициям: здесь и язык, и стиль эпохи (идеологизация!), и содержательные моменты (критика в адрес Л.С. Выготского!), и отношение к зарубежной психологии (в лице Ж. Пиаже), и мощная педологическая составляющая, и социальный заказ, вытекающий из собственно педагогических задач и проблем. Не менее важна статья и как любопытный эпизод в научной биографии самого В.С. Мерлина.

При публикации в исходный текст были внесены минимальные изменения.

Электронную копию (в формате pdf) статьи В.С. Мерлина планируется вскоре выложить, если это технически и юридически возможно, непосредственно на сайте журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест» или же, например, в недавно открытой библиотеке журнала «Методология и история психологии».

Для того, чтобы читатель смог почувствовать всю уникальность публикуемой статьи, достаточно провести небольшой мысленный эксперимент: если бы эта статья дошла до Вас, уважаемый читатель, в полнотекстовом формате, но почему-то без указания автора, сколько бы Вам понадобилось попыток, чтобы правильно «вычислить» имя автора? Решаема ли вообще задача? – Контент-анализ здесь не поможет. Если задача и решается, то далеко не сразу и, похоже, только путем простого механического перебора психологов, работавших в 1933-1934 гг. в Саратовском пединституте и ранее как-то связанных с М.Я. Басовым. А до этих сведений тоже еще надо добраться...

Подробный комментарий статьи В.С. Мерлина публикатор предполагает осуществить в самое ближайшее время непосредственно на страницах журнала «История российской психологии в лицах: Дайджест» в виде специальной статьи, написанной с учетом социокультурного фона и собственно научного (общепсихологического) контекста советской действительности середины 1930-х гг., что, как мы надеемся, позволит в итоге правильно понять и оценить содержание статьи В.С. Мерлина, а также ее место и значение в истории российской психологии советского периода.

*С.А. Богданчиков
Москва, 4 мая 2017*

ПЕРВОИСТОЧНИК:

Мерлин В.С. Об обучении и развитии // Труды Саратовского Государственного Педагогического Института. Т. I. – Саратов, 1934. – С. 61-75. [Наркомпрос РСФСР]

Сведения об авторе:

Богданчиков Сергей Александрович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической психологии личности и индивидуального консультирования, Академия социального управления Московской области (АСОУ МО) (Россия)

Об обучении и развитии¹

Мерлин Вольф Соломонович

Саратовский государственный педагогический институт

Аннотация. Публикуется по: Мерлин В.С. Об обучении и развитии // Труды Саратовского Государственного Педагогического Института. Т. I. Саратов, 1934. С. 61-75. Публикатор – С.А. Богданчиков.

Ключевые слова: история советской психологии, Мерлин, психология личности

On training and development

Merlin Wolf Solomonovich

Saratov State Pedagogical Institute

Abstract. It is published on: Merlin V.S. Ob obuchenii i razvitiu // Trudy Saratovskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta. T. I. Saratov, 1934. S. 61-75. The publisher – S.A. Bogdanchikov.

Keywords: history of Soviet psychology, Merlin, psychology of personality

Наркомпрос РСФСР

ТРУДЫ

Саратовского Государственного Педагогического Института

Т. I

Саратов. 1934 г.

¹ Публикатор работы – С.А. Богданчиков (Москва) (подготовка и редактирование текста).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Наркомпрос РСФСР

ТРУДЫ

Саратовского Государственного
Педагогического Института

Т. I

Саратов 1934 г.

Ответств. редактор Левашов Н. Ф. Тех. редактор Никольский Н. А.
СГПИ № 3. Тир. 1200. Сдано в производство 15/VII-34. Подг. к печ. 5/IX-
34.

Печ. л. 8. Зак. № 524 Крайлит № А-49.
Типография № 1 Саратовского Краймestпрома

Мерлин В. С.

ОБ ОБУЧЕНИИ И РАЗВИТИИ

(По поводу доклада Л.С. Выготского в Ленинградском обществе педагогов-марксистов)

1.

Постановление ЦК ВКП(б) от 26/VIII-32 г. устанавливает в качестве важнейшей очередной задачи требование, чтобы программы, учебный материал и методы преподавания соответствовали возрастным особенностям учащихся. Требование это явилось естественным следствием борьбы за усвоение системы знаний и основ наук. На первом этапе реализации сентябрьского постановления ЦК ВКП(б), стремясь сообщить ученику как можно больше знаний, перестали различать, что доступно и может быть усвоено учащимся данного возраста и что недоступно для него. Отсюда перегруженность программ учебным материалом, трудным и непосильным для учащихся. Требование установить соответствие между обучением и возрастными особенностями учащихся в свою очередь выдвинуло перед педологией вопрос большой теоретической и практической важности. Что следует понимать под этим соответствием и как установить наличие или отсутствие соответствия.

В советской и буржуазной педологии можно установить два основных понимания этого соответствия*. Чаще всего в педолого-педагогической практике о соответствии возрасту учебного материала судят по степени его усвоения. Соответствует возрасту то, что ребенок понял, чем он заинтересовался, чему научился. Если, например, двенадцатилетний ребенок понимает действия с дробями и правильно их применяет, значит прохождение дробей соответствует двенадцатилетнему возрасту. О возрастных особенностях ребенка судят по тому, чему он научился или не научился. Признаком возраста является исключительно то, что усвоено в процессе обучения. Нетрудно видеть, что такое решение вопроса снимает проблему соответствия. Если все неуспо-

енное ребенком не соответствует его возрасту, то отпадает вопрос о том, мог ли бы он усвоить этот материал, и какие условия, какие методы нужны для этого усвоения. Тем самым отпадает необходимость в педологическом анализе

* Впервые их вскрыл и проанализировал Выготский. Ему же принадлежит и самая постановка этой проблемы.

программ и методов преподавания. Любой хороший педагог может заменить педолога, так как любой педагог может установить понял или не понял ученик материал, заинтересовал он его или нет.

Эта фактическая отмена педологии в конечном счете внутренне связана с определенными теоретическими положениями. Наиболее ярким их представителем является в СССР М. Я. Басов. По его формуле «всякая наука имеет свою собственную логику, свою закономерность, которой и определяется процесс проникновения человека в эту науку, т. е. процесс его психологического развития, как деятеля в данной среде». Иначе говоря: процесс развития целиком определяется процессом усвоения науки, т. е. обучением. Обучение отождествляется с развитием.

Другая, противоположная точка зрения, чтобы установить степень соответствия обучения возрасту, пользуется исключительно такими признаками возраста, которые проявляются вне процесса обучения в **спонтанных реакциях** ребенка: в игре, в практической жизни, быту, в специальном эксперименте. Так, например, прослеживают как образуются и развиваются физические понятия у ребенка и подростка и на этом основании делают вывод о возрастных свойствах мышления и о степени их соответствия обучению.

В основе этого практического подхода лежит теоретическое допущение, что лишь спонтанные действия ребенка характеризуют его возраст; то, чему ребенок научился, есть пассивно усвоенная извне схема-штамп. Как всякий штамп, усвоенное в обучении – характеризует лишь учителя и школу, а не самого ребенка. Здесь процесс обучения противоположен процессу развития, не имеет с ним ничего общего. Нетрудно видеть, что частный вопрос о соотношении обучения и развития является конкретизацией другого, более общего вопроса о взаимоотношении внешних и внутренних условий развития. Для кого развитие целиком определяется внешними условиями, для того обучение полностью совпадает с развитием. Для тех, кто развитие выводит целиком из внутренних условий, лишь спонтанные действия характеризуют уровень развития. Развитие противоположно обучению.

2.

Чтобы правильно поставить проблему, необходимо ее конкретизировать и притом конкретизировать в трех различных отношениях. Прежде всего необходимо уяснить, в чем

специфичность того обучения, которое нас интересует. Ребенок научается чему-то во всех обстоятельствах своей жизни: на дворе, в игре, в семье, из книг,

из разговоров с товарищами. Если понимать под обучением всякое приобретение новых знаний, то едва ли есть такой момент в жизни ребенка, когда он не обучался бы, т. е. не узнавал бы что-то новое. Нас интересует, однако, лишь **школьное обучение** и его отношение к развитию. В чем специфичность школьного обучения? Прежде всего школа сообщает не вообще знания, а определенную систему знаний. В этом заключается ее социальная функция и оправдание. Для тех, кто не видит этого специфического отличия школьного обучения, вся жизнь превращается в школу, а школа является такой же частью социальной жизни, как завод, колхоз и т. д. (имеющей ту же социальную функцию («школа цех завода»). Далее, усвоение в школе системы знаний имеет определенные воспитательные цели. В школе сообщаются те знания и в той системе, какие нужны, чтобы приготовить человека к определенной общественной деятельности – сознательного творца социалистического общества с одной стороны или послушный придаток к машине. Всякий процесс обучения есть вместе с тем и процесс воспитания. Цели воспитания определяются в основном политическими целями господствующего класса. Обучение, поэтому, есть всегда общественно-политическое воспитание. Несмотря на то, однако, что в основном цели воспитания определяются политикой господствующего класса, воспитательный процесс в школе не представляет собой чего-либо единого и однородного. Педагогические традиции побежденного класса в советской школе или класса наследника в капиталистической школе неминуемо прорываются в воспитательном процессе и отклоняют его от прямого пути к поставленной цели. В советской школе такими капиталистическими пережитками являются, например, тенденции к схоластическим методам преподавания или к мещански-деляческим приемам метода проектов. Поэтому в процессе обучения мы имеем всегда борьбу классово-враждебных сил.

Отсюда в частности вытекает, что когда мы изучаем, как развивается ребенок в процессе обучения, то мы должны при этом всегда иметь в виду конкретные условия обучения: методы преподавания, состав учителей, организацию работы и подвергнуть эти условия политическому анализу.

В процессе общественно-политического воспитания изменяются все стороны личности ребенка. Воспитывается и изменяется его мировоззрение. Изменяется структура коллектива, в который он входит – пионерский, комсомоль-

ский коллектив. Изменяются психические его свойства – его воля, память мышление. Наконец, преимущественно под влиянием обучения

политехническому труду и физического воспитания изменяется и самый организм ребенка: строение его тела, мышечная система, дыхание и т. д. Таким образом, общественно-политическое воспитание есть вместе с тем и развитие ребенка: социальное психологическое, физическое, однако **такое развитие, которое сознательно регулируется, определенной политической целью.** С другой стороны, развитие ребенка определяется не только влиянием школы, но и какими то другими причинами. 16-летка, учащийся в школе грамоты и 8-летка, обучающийся в 1-м классе обучаются одному и тому же и воспитываются в одинаковом направлении. Их возрастные особенности, однако, различны.

Итак, наш вопрос приобретает следующую форму: в каком отношении находится **процесс общественно-политического воспитания ребенка, сознательно регулируемого определенной классово-политической целью ко всему процессу развитие ребенка вообще.**

Отношение общественно-политического воспитания и обучения к развитию ребенка в известном смысле аналогично отношению трудовой деятельности человека к законам природы. Человек познает законы природы и пользуясь этими законами подчиняет природу своим целям. Подобно этому господствующий класс использует законы развития самого человека, чтобы изменить ход этого развития и подчинить его своим целям. Нас должно интересовать, в каком отношении находится эта классовая переделка человека к процессу его развития.

Таким представляется обучение, рассматриваемое со стороны его социальной функции. Но мы должны рассматривать обучение также со стороны личности ребенка.

Какое место занимает обучение в деятельности ребенка. Процесс обучения не может быть сведен к деятельности одной какой-либо психологической функции. В отдельных моментах обучения, например при заучивании стихотворения может выступать преимущественно какая-либо определенная функция, например, памяти. Тем не менее взятое в целом, а не в отдельных своих моментах, со стороны своей специфической сущности – усвоения системы знаний – обучение требует участия всей психологической деятельности личности: восприятия, памяти, мышления, интереса, внимания и т. д.

В процессе обучения все эти отдельные психологические процессы находятся в целостной связи и системе. Поэтому психологическое обоснование процесса обучения

невозможно путем анализа отдельных психологических функций. Нельзя сделать никаких дидактических выводов из анализа восприятия, памяти, интересов в отдельности, как это имело место раньше в различных исследованиях по педагогической психологии. Мало того, процесс обучения не может быть вообще сведен только к психологической деятельности. Классовая направленность учащегося, его мировоззрение, организация коллектива, точно также определяют процесс обучения. Так, например, соцсоревнование и ударничество в классе отражаются на методах преподавания, конечно, не в меньшей степени, чем мыслительные особенности. Но соцсоревнование и ударничество – категории общественно-политические, а не психологические. Таким образом, обучение представляет собой не только психологическую, но общественно-политическую деятельность учащегося.

Наконец процесс обучения содержит в себе и чисто физическую мышечную деятельность. Так, например, начало обучения письму зависит от степени развития мелких мышц кисти руки.

Итак, обучение является одновременно и общественно-политической, и психологической, и физической деятельностью и потому не может быть сведено ни к одной из них в отдельности. Обучение есть сложный тип деятельности. Тем самым обучение не только зависит от своих общественно-политических, психологических и физических моментов, но и само, в свою очередь, влияет на них и изменяет их. **Ребенок обучается развиваясь:** психологически, физически и политически. Отсюда естественно вытекает, что обучение нужно представлять себе не как формирование личности педагогической средой, но как процесс активного взаимодействия с ней. Вопрос заключается в том, как изменяются отдельные стороны личности в процессе этого взаимодействия.

Но и в таком виде проблема еще недостаточно дифференцирована и потому не может быть разрешена.

3.

Роль советской школы в развитии ребенка неминуемо должна отличаться от роли капиталистической школы.

Основная причина этого различия заключается в том, что классовые цели советской школы совпадают с классовыми интересами трудящихся масс, классовые цели капиталистической школы противоположны этим интересам. Поэтому в капиталистических странах школа воспитывает у ребенка религиозные, националистические, буржуазные предрассудки, **а жизнь**

перевоспитывает ребенка, создавая противоположную классовую идеологию и психологию. В советской

66

школе, наоборот, жизнь воспитывает ребенка в том же направлении, что и школа, с той, однако, разницей, что в школе это воспитание происходит на основе усвоения определенной системы знаний.

Другое отличие роли советской и капиталистической школы объясняется тем, что у **них** ребенок уходит из под влияния школы в 13-14 лет, поступая на производство. У нас обучение в виде начальной, средней и высшей школы, системы курсов, кружков и т. д. охватывает такие широкие слои трудящихся, что едва ли будет преувеличением сказать, что влияние обучения простирается далеко за пределы подросткового возраста, на всю жизнь человека.

Итак, дальнейшая конкретизация нашей проблемы заключается в том, что мы должны рассмотреть отношение **между обучением в советской школе и развитием советского ребенка**.

Какое значение имеет эта конкретизация проблемы, становится особенно ясным, если мы рассмотрим взгляды некоторых немецких, фашистских психологов на обучение и развитие. Так, например, Тумлирц утверждает, что в зависимости от типа школы мы имеем различный тип развития ребенка. Ученик гимназии развивается иначе, чем ученик торговой школы, а последний **иначе**, чем ученик высшей ремесленной школы. Таким образом тип развития определяется не классовой средой ребенка, а характером обучения. Иначе говоря, психологически мы должны различать не типы рабочего, буржуазного, крестьянского ребенка и т. д., а тип торговца, чиновника, ремесленника и т. д. Эта «психологическая теория» явным образом направлена на обоснование фашистского принципа корпоративного воспитания. А между тем, если мы вместе с Выготским примем, без дальнейших оговорок, что обучение есть зона ближайшего развития, то мы неминуемо придем к тем же выводам, что и Тумлирц.

4.

Наконец, следует конкретизировать нашу проблему и в третьем отношении: отношение между обучением и развитием может быть различно в различных линиях развития, а именно в развитии мировоззрения и коллектива, с одной стороны, в психологическом развитии, с другой стороны, наконец, в физическом развитии, с третьей стороны.

Рассмотрим нашу проблему в каждой из этих линий развития в отдельности*. Мировоззрение и коллектив могут

67

быть объединены в одно более общее понятие. Сущность этих понятий заключается в том, что они являются характеристиками не только ребенка, но и общественной группы, класса. В отличие от этого, психологические понятия и физические признаки характеризуют лишь классового индивидуума, но не общественный класс, как целое*.

Мы могли бы обозначить, поэтому, развитие мировоззрения, и коллектива, как общественно-политическое развитие.

Рассмотрим отношение обучения к этой линии развития на конкретном примере развития мировоззрения.

Существующие исследования охватывают мировоззрение с какой-либо одной стороны: классовой направленности, содержания представлений, метода объяснения. Рассмотрим развитие метода объяснения ребенком социальных явлений и явлений природы.

1) У советских детей мы встречаем иные типы ответов, чему их сверстников швейцарцев. Так, например, советские 10 и 11-летки часто отвечают, что лгать можно на войне белым, если попадается в плен, что своим лгать нельзя, **потому что** тогда нельзя будет вместе работать, построить социализм. Такого рода классово-обоснованные и классово-дифференцированные моральные нормы отсутствуют в исследовании Piaget** над швейцарскими детьми.

В различных типах ответов детей выражаются противоположные тенденции развития мировоззрения пролетарской морали, с одной стороны, и буржуазно-идеалистической, с другой.

2) Количественное распределение ответов, характеризующее темп развития мировоззрения, тоже различно у советских и швейцарских детей. Так, например, первую стадию в понимании жизни, когда ребенок приписывает жизнь всем предметам, обнаруживающим какую-либо активность, Piaget относит к 6-7 годам. Между тем в возрасте от 4 до 6 лет у советских детей она встречается в 15,8% (по Зейлигер). Наоборот, четвертую стадию, когда жизнь приписывается лишь животным, Piaget относит к 11-12 годам. У советских детей ответы этого типа встречаются в 50% случаев уже в 8-10 лет.

* Недостатком постановки проблемы у Выготского является именно то, что проблема не дифференцирована: не вскрыты специфические черты школьного обучения, не различены отдельные линии развития. Вопрос разрешается об обучении и развитии вообще.

* Позднее мы увидим, что психика классового индивидуума в свою очередь определяется общественным развитием, в том числе общественной идеологией.

** Piaget Le jugement moral chez l'enfant.

Наконец, в-третьих, самая последовательность развития у советских и у швейцарских детей различна.

Развитие морали по **Piaget** идет от гетерономной к автономной морали, т. е. от морали, основанной на внешнем принуждении, к морали, основанной на осознании внутренен-

68

него долга. Мы в своем исследовании морали **нашли точно такой же путь развития у детей с буржуазной направленностью, что же касается детей с пролетарской направленностью, то у них последовательность развития совершенно иная.** От гетерономной морали они переходят непосредственно, или через другие стадии, к пролетарской догматической морали, затем через стадию неразрешенных противоречий в морали к классово-дифференцированной морали.

Все эти различия в ходе развития мировоззрения у советского и у швейцарского ребенка мы могли бы формулировать так. Развитие мировоззрения со стороны его классовой направленности, темпа, последовательности и закономерности целиком определяется современными ребенку социально-классовыми условиями развития.

Среди этих условий какое-то место принадлежит и условиям общественно-политического воспитания и обучения.

Уже Piaget очень убедительно показывает, что гетерономная мораль возникает благодаря авторитарному принципу воспитания, основанному на внешнем принуждении.

Авторитарное воспитание есть продукт определенного уклада буржуазной семьи. В условиях советского детского сада он либо вовсе отсутствует, либо, во всяком случае, выражен значительно слабее. Таким образом, уже эти предварительные соображения ясно показывают зависимость развития мировоззрения от условий воспитания. Еще яснее эта зависимость обнаруживается, если мы обратимся к исследованию сотрудников Басова над методом объяснений ребенка.

Под уровнем будем понимать степень близости объяснения ребенка к правильному объяснению. При сравнении одноклассников, находящихся на разных ступенях обучения, дети старших классов дают более высокие объяснения, чем их сверстники в младших классах. Мало того, дети в пятом классе дают более высокие объяснения, чем дети 12 лет в четвертом классе. Еще убедительнее роль обучения, если мы возьмем разные школы. Дети пятого класса плохой школы дают такое же количественное распределение разных типов ответов, что и дети третьего класса хорошей школы.

Все эти фактические данные мы могли бы резюмировать следующим образом. Среди современных **советскому ребенку** социально-классовых условий развития основная господствующая роль в развитии мировоззрения принадлежит процессу школьного обучения и воспитания.

Какова, однако, роль психологических возрастных особенностей, главным образом особенностей мышления

69

в развитии мировоззрения. Уровень объяснения ребенка, конечно, зависит от уровня его мышления. Ребенок, мыслящий конкретными образами и схемами, не может диалектически объяснить социальных явлений. Для того, чтобы усвоить диалектическую логику, необходимо вообще логически мыслить. Но конкретизм и схематизм мышления не предопределяет, однако, ни содержания объяснения, ни классовой направленности объяснения. Швейцарец-дошкольник, утверждающий, что реки прорыли люди, и советский дошкольник, говорящий, что реки от дождя, в одинаковой степени мыслят конкретно. Но объяснение, одного артифициально и содержит в себе тенденции развития идеалистического мировоззрения; объяснение другого натуралистично и содержит в себе тенденции развития материалистического мировоззрения.

Итак, возрастные особенности мышления являются лишь предпосылкой развития мировоззрения, обуславливающими лишь возможность усвоения того или иного объяснения. Какова же будет классовая сущность объяснения и каков будет уровень этого объяснения зависит от условий общественно-политического воспитания и в особенности от ступени обучения. Как не может рассуждать и действовать ребенок, каких объяснений он не может дать нам – это становится нам понятным, если мы определим особенности его мышления. Какие же объяснения он дает в действительности, мы можем понять, если в пределах его возможностей будем исходить из знаний, которыми он обладает и из условий его общественно-политического воспитания.

Таким образом, психологический анализ развития мировоззрения может дать нам лишь отрицательную характеристику уровня развития, т. е. определение того, чего **не может** объяснить и сделать ребенок. Для положительной характеристики нужен иной метод исследования, нужен общественно-политический анализ.

К тому же выводу мы, вероятно, пришли бы, если бы стали рассматривать развитие другой общественной категории – коллектива. Мы можем формулировать этот вывод следующим образом: развитие общественных категорий в основном определяется процессом обучения.

Эта особая своеобразная закономерность развития детского мировоззрения, детского коллектива и детского труда впервые была отмечена **Басовым** в его посмертной статье. Отсюда у него естественно возник логический вывод, что эти проблемы и представляют собой особый предмет исследования, отличный от предмета психологии. Он определял его, как единственный предмет педологии. Нам кажется, что этот вывод ошибочен именно потому,

70

что закономерность впервые обнаруженная Басовым при исследовании мировоззрения, имеет значение далеко за пределами этих трех проблем, а именно и в психологическом и в соматическом развитии ребенка.

5.

Перейдем к психологическому развитию и его отношению к обучению. И здесь, чтобы правильно поставить проблему, конкретизируем ее. Рассмотрим развитие специального вида мышления, например, математического. Зависимость развития математического мышления обнаруживается двояко: 1) при сравнении советских и зарубежных детей; 2) при сравнении мышления в различно построенных методически уроках математики. Первый способ мы имеем в работе Семеновой-Болтуновой «Развитие арифметического мышления». Сравнивая результаты своего исследования с данными Альбрехта, полученными при помощи такого же метода составления задач, она устанавливает следующие различия:

1) Большая реальность у советского ребенка арифметических констант, т. е. постоянных величин, употребляемых в задаче, например, цен на продукты, веса тел и т. д. Цены и веса, указываемые советским ребенком при составлении задач, ближе к действительности, чем цены и веса немецкого ребенка.

2) Большая жизненная реальность условий задачи у советского ребенка.

3) Большая широта ситуации задачи у советского ребенка. Советский ребенок берет материал своих задач из жизни колхоза, фабрики, страны. Немецкий ребенок черпает материал своей задачи из окружающего быта.

4) Большее многообразие арифметических действий в задачах советского ребенка.

Итак, в одном и том же возрасте математическое мышление обладает различными признаками в зависимости от различных социально-классовых условий, современных ребенку. Какова роль школы среди этих условий?

Альбрехт проводил свое исследование в народной школе, имеющей преимущественно детей трудящихся. Уже это обстоятельство, в известной

мере, устраняет влияние классового состава и тем самым подчеркивает различия системы обучения. Далее самый характер особенностей мышления советского ребенка, близость его к общественной практике, большая его реальность позволяет предполагать влияние школы. Еще яснее выступает роль школы в развитии математического мышления, если мы сравним

71

проявления мышления при разных методах преподавания. В моем исследовании четвероклассник обнаруживает противоположный метод мышления при различной методике прохождения действий с дробями. Там, где преподаватель опирается на решение отвлеченных примеров с тем, чтобы из них вывести арифметическое правило, там ребенок пользуется динамической схемой, т. е. усваивает лишь общую последовательность действий, механически применяя ее при решении. Там, где преподаватель опирается исключительно на геометрический, наглядный материал, ребенок, правильно осознавая смысл конкретного действия, не осознает, однако, общего математического закона, которому это действие подчиняется. Все эти данные мы можем обобщить следующим образом. Система обучения и воспитания обуславливает внутри каждой возрастной ступени какие-то типические особенности. Каков смысл и значение этих особенностей? Смысл этот ясно выступает при сравнении их с мышлением взрослого человека. Большая близость к реальности, большая связь мышлений с практикой, притом, главным образом, с общественной практикой, конкретность мышления – все это те признаки, которые характеризуют материалистическое мышление. Наоборот, схематичность мышления, осознание лишь общего, лишенное всякого конкретного содержания, отсутствие связи с действительностью и общественной практикой – все это признаки, характеризующие абстрактно-идеалистическое мышление. Но материалистическое и абстрактно-идеалистическое мышление представляют собой определенные классовые признаки мышления. Мы приходим к выводу, что в процессе обучения складываются определенные классовые признаки мышления, или общий определенный классовый тип психики.

Те классовые черты психики, которые формируются в процессе обучения, в нем же должны ранее всего проявляться. Подросток, обнаруживающий схематический ход мышления при обучении дробям, – вне школы, в быту, в практике не обнаруживает его. Зачатки абстрактно-логического мышления еще очень неустойчивы и проявляются поэтому лишь в тех ограниченных условиях обучения, которые эти особенности создали. Эти особенности характеризуют лишь тенденции дальнейшего развития. Но если личность учащегося будет

подвергаться влиянию словесно-схоластических методов преподавания в течение всего периода обучения, то в результате образуется прочный устойчивый тип мышления, который проявится и вне условий обучения. Итак, психологические особенности, складывающиеся в процессе обучения, имеют прогностическое (предсказательное) значение. Они предсказывают, куда сейчас растет ребенок.

72

В каком отношении находятся эти психические особенности, сложившиеся в процессе обучения, к психологическому типу вообще.

Определенные психологические свойства присущи возрасту, как таковому. Они встречаются у детей однолеток различной социальной среды. Такой, например, конкретизм и эмоциональный характер мышления дошкольника, или отсутствие сознания соотносительности понятий в 1-м школьном возрасте. (Данные Piaget и Первухина у нас). Так как эти свойства встречаются у детей различной классовой среды, следовательно, они зависят не от современных ему социально-классовых условий. Эти возрастные признаки определяются всей предшествовавшей историей человечества. Историческая обусловленность возрастных свойств имеет двойкий характер: непосредственный и опосредствованный. 1) Усвоение культурного опыта человечества требует от ребенка определенных психических свойств. Этот культурный опыт человечества усваивается преимущественно также в процессе обучения. Но и жизнь вне школы приобщает ребенка к историческому опыту человечества. Кино, театр, трамвай, на котором он ездит, весь окружающий быт есть результат всей истории человечества и требует от ребенка определенных психических свойств. Поэтому в процессе усвоения культурного опыта человечества эти свойства приобретаются ребенком. В этом и заключается непосредственное влияние истории человечества на психологическое развитие. Там, где этот исторический опыт беден, там и возрастные признаки ребенка иные. Так, например, многие исследователи отмечают отсутствие стадии подростничества у примитивных народов. Бедность социального опыта в этих условиях приводит к тому, что к моменту полового созревания человек уже может успешно справиться с задачами своей общественно-трудовой деятельности и потому не развивается далее. Точно также и в дошкольном возрасте признаками, отличающими ребенка примитива от взрослого примитива, будет не эмоциональность и конкретность мышления, а низкий уровень практической деятельности. Мы устанавливаем возрастные признаки всегда по отношению к следующим стадиям развития и, в конце концов, к взрослому человеку. Психика же взрослого человека обладает различными

свойствами в зависимости от ступени исторического развития общества. Вот почему вся история человечества непосредственно определяет возрастные свойства психики.

Но помимо того история человечества определяет возрастные признаки и косвенно через посредство физиологических особенностей организма. Психические свойства находятся в зависимости от этих физиологических особен-

73

ностей, представляющих собой предпосылки психологического развития. Но самая физиология человека есть точно также продукт длительного исторического развития. Вот почему и косвенно опосредствованные возрастные свойства психики точно также определяются историей человечества.

Итак, психологическое развитие обусловлено двояко: 1) современными ребенку социально-классовыми условиями и, прежде всего, условиями его обучения и воспитания, в зависимости от которых находятся тенденции классового развития психики, складывающийся классовый тип личности; 2) всей историей человечества, которая определяет уже сложившиеся возрастные признаки на каждой стадии развития.

В каком отношении находятся эти признаки друг к другу?

Учебная деятельность, в процессе которой формируются классовые тенденции развития, в своей основе представляет собой выполнение учебного задания. Выполнение задания лишь потому воспитывает новые свойства мышления, что сложившиеся уже в данном возрасте качественные особенности недостаточны для разрешения задания. Если бы задание могло бы успешно выполняться при помощи уже сложившихся приемов мышления, ребенок не приобретал бы новых качественных особенностей мышления в процессе своей деятельности. Подобно тому, как культурно-исторический опыт человечества создал у современного ребенка определенные возрастные свойства психики, подобно этому новый социально-классовый опыт, содержащийся в учебном задании, воспитывает у него новые свойства психики.

Таким образом, движущей силой психологического развития ребенка является несоответствие между требованиями задания на каждой данной стадии развития и сложившимися психическими особенностями. Где этого несоответствия нет, там психологическое развитие ребенка приостанавливается. Так, например, у примитивных народов, у которых социальный опыт очень беден, это соответствие психологического уровня с задачами общественной жизни достигается очень рано и потому детство очень коротко, психологическое развитие скоро заканчивается. Итак, **несоответствие**

возрасту является необходимым требованием обучения. С другой стороны, однако, там, где разрыв между требованиями задания и психологическим уровнем ребенка слишком велик, там выполнение задания становится невозможным. Тем самым прекращается одновременно и процесс обучения и воспитания и процесс развития. Итак, учебный материал и методы преподавания в одно и то же время должны в известной степени соответствовать возрасту и в известной степени не соответствовать. Задача педологического анализа

74

и заключается в том, чтобы найти **меру этого соответствия**, при которой осуществляется одновременно процесс обучения и процесс развития. Именно потому, что эта мера соответствия является одновременно и условием обучения и условием развития она не может быть найдена средствами педагогического анализа. Педагог может установить, усвоил или не усвоил ребенок учебный материал, но он не в состоянии найти, в каком отношении и степени задание соответствует или не соответствует уровню психологического развития и потому не в состоянии достаточно полно оценить образовательно-воспитательную ценность учебного материала.

Психологически этот процесс взаимоотношения уровня обучения и уровня развития по всей вероятности аналогичен процессам компенсации, изученным Адлером. Весьма плодотворно было бы исследовать, как происходит этот процесс компенсации при определенном характере учебного задания. Следует только вместе с Выготским подчеркнуть, что движущей силой этого процесса компенсации является не субъективное осознание своей неполноценности, а объективный характер требований, предъявляемых средой.

В этом частном вопросе о соответствии обучения и психологического развития содержится в скрытом виде более общий вопрос о соответствии общественно-политического и психологического развития. Не только в обучении задачи, возникающие перед ребенком, всегда стоят несколько выше его психологического уровня. То же происходит и в общественно-политической деятельности. Задачи социалистического строительства требуют новых свойств личности: сознательного отношения к труду, политехнически развитой личности и т. д. Этих свойств еще нет в достаточной степени у массового рабочего и колхозника. Пережитки капиталистической психики не соответствуют задачам социалистического строительства. Но именно потому, что они не соответствуют этим задачам, воспитывается новая коммунистическая психика. Общественно-политическое развитие всегда идет впереди психологического развития и движет это развитие. В этом именно и

заключается положительная сторона формулы Выготского «Обучение забегает дорогу развитию».

Мы подошли сейчас к тому пункту, в котором резче всего сказывается отличие нашего взгляда от взгляда Выготского.

Опираясь на эксперименты Мак Карти и др. с тестами на речевое развитие, Выготский пользуется понятием «зоны ближайшего развития» при анализе обучения. Под зоной ближайшего развития при тестовом исследовании понимается

75

тот уровень развития, который обнаруживает испытуемый в своих ответах с помощью экспериментатора. Эти ответы, данные с помощью экспериментатора, как обнаруживается, имеют большое прогностическое (предсказательное) значение. По ним можно судить о будущем уровне самостоятельных ответов. Выготский проводит аналогию между помощью, оказываемой экспериментатором испытуемому, и помощью, оказываемой учителем ученику. Ответы, полученные в процессе обучения, точно также являются показателями зоны ближайшего развития ребенка, или, короче, обучение по Выготскому есть зона ближайшего развития. Из этой формулы вытекает, что из каждой стадии обучения **однозначно** вытекает последующая стадия. Это положение было бы приемлемо, если бы в обучении складывалась лишь однозначная тенденция дальнейшего развития. Но уже вначале выяснилось, что в обучении при господстве какой-либо одной политической цели мы имеем всегда борьбу классово-враждебных воспитательных сил. Каждая из этих сил формирует противоположную классовую тенденцию психологического развития. Существует не одна, а множество враждебных и противоположных зон ближайшего развития. Какая из этих тенденций разовьется сильнее всего и определит классовый тип личности, зависит от всего процесса обучения в целом с начала до конца, а не отдельной его стадии. Отсюда и невозможность в процессе обучения однозначно определить путь дальнейшего развития. Перед педологическим анализом обучения встает задача классово дифференцировать вопрос о возрастном соответствии. Перед педологом всегда должен стоять вопрос, каким классовым психологическим признакам внутри данного возраста соответствует учебный материал, какие классовые тенденции развития формируются этим учебным материалом. Так, например, и отвлеченные арифметические примеры и задачи на наглядном геометрическом материале **могут одинаково соответствовать возрасту, т. е. быть доступными для ребенка** и развивать его мышление. Задача заключается

в том, чтобы выяснить, какому классовому типу мышления соответствует тот и другой метод.

Мы переходим к методам анализа обучения с точки зрения психологического развития. Этот анализ должен иметь две задачи. Первая заключается в выяснении возрастных особенностей мышления, проявляемых в определенных условиях обучения: математики, истории и т. д. Разрешение этой задачи требует аналитического подхода к педагогическому процессу. Для того, чтобы правильно построить обучение, необходимо выяснить значение каждого составляющего условия. Допустим, например, мы анализируем обучение геометрии в пятых классах. Чтобы обосновать обу-

76

чение геометрии с точки зрения развития ребенка, необходимо выяснить отношение каждого составляющего звена этого процесса к возрастным особенностям ребенка. Так, например, исследованию подлежит процесс математической абстракции при решении геометрических задач, роль наглядного материала, усвоение математического закона и пр. Уяснив возрастные особенности мышления в каждом из этих составляющих звеньев процесса обучения, мы можем затем гипотетически построить целостную систему обучения геометрии и проверить ее затем в педагогической практике. Когда говорят о степени соответствия программы и методов обучения возрастным особенностям ребенка, имеют в виду преимущественно эту аналитическую задачу. Социально-классовый тип личности в этих возрастных особенностях выступает, как нечто данное, сформировавшееся, без учета которого невозможен самый анализ. Однако генез этих социально-классовых особенностей не затрагивается такого рода анализом педагогического процесса. Но именно поэтому этот анализ недостаточен. Обучение, как мы говорили, воспитывает новые свойства мышления, которых еще нет у ребенка данного возраста, но которые складываются в процессе обучения. Вторая задача и заключается в том, чтобы выяснить эту воспитательную роль педагогического процесса. Эта воспитательная роль осуществляется, как говорилось, в силу несоответствия педагогического процесса сложившимися уже возрастным особенностям мышления. Мы могли бы поэтому сказать, что вторая задача и заключается в том, чтобы выяснить, в какой степени это несоответствие стимулирует развитие мышления и притом, в какую сторону оно его стимулирует, какой социальный тип развития формируется благодаря этому несоответствию. Разрешение этой задачи требует целостного подхода к обучению. Социально-классовая воспитательная роль обучения осуществляется при помощи целостной системы содержания, организации, приемов и методов

обучения. Каждый такой методический прием в отдельности не выражает ни в какой степени социально-классовой сущности обучения. Каждый частный прием, допустим наглядный геометрический метод преподавания дробей, можно встретить и во враждебных педагогических системах. Вот почему воспитательное социально-классовое значение педагогического процесса выясняется лишь тогда, когда мы берем этот процесс в целом. Допустим речь идет о том же преподавании геометрии в пятом классе. Социально-воспитательное значение этого предмета в развитии мышления обнаруживается лишь в том случае, если мы этот предмет возьмем во всей системе политехнического воспитания в его связи с трудом, с социалистическим строительством и т. д.

77

Таковы две различные задачи анализа обучения с точки зрения психологического развития ребенка. Следует подчеркнуть, что научное обоснование педагогического процесса может быть достигнуто лишь при одновременном разрешении обеих задач. С одной стороны, необходимо так организовать обучение каждому отдельному предмету, чтобы содержание, приемы и методы обучения соответствовали бы возрастным особенностям мышления. Для этого нужно разрешить первую задачу анализа обучения. С другой стороны, надо построить обучение каждого отдельного предмета так, чтобы оно не только соответствовало бы особенностям мышления, но воспитывало бы мышление в определенном направлении. В этом заключается вторая задача исследования.

Различие задач при анализе обучения требует также различных методов исследования. При разрешении первой задачи мы употребляем обычные методы психологического исследования. Мы создаем экспериментальную ситуацию, в которой наиболее ярко отражается какое-либо интересующее нас условие или сторона обучения и ставим в эту ситуацию одну или несколько возрастных групп детей. Этого возможно достигнуть и обычным и «естественным» экспериментом и тестом, в зависимости от проблемы и стадии исследования. Иного подхода, однако, требует решение второй задачи. Здесь в эксперименте должна быть отражена не какая-либо одна сторона обучения, но весь он в его целостном единстве. Только в этом случае эксперимент будет отражать социально-классовую сущность обучения. Экспериментальная ситуация здесь обнимает целостный урок и весь классный коллектив. Притом задачи исследования не могут быть разрешены путем постановки таких эпизодических экспериментальных уроков. Разрешение их требует прослеживания развития ребенка на протяжении длительного и

систематического ряда таких уроков. Эти специфически отличные от чисто психологических методов исследования впервые начали разрабатываться группой учеников Басова: Абельской, Неопихановой, Зейлигер и др. В отличие от методов первого рода их следовало бы назвать педологическими методами анализа педагогического процесса. Тем самым мы положили бы начало разграничению педологического и психологического исследования в определенной области при анализе обучения. Само собой разумеется, что этим не исчерпывается решение общего вопроса о границах педологии и психологии.

Остается рассмотреть отношение обучения к физическому развитию. Здесь, однако, отсутствие экспериментальных исследований побуждает к большой лаконичности.

(Продолжение следует).

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Левашов Н. Ф.</i> За усиление научно-исследовательской работы	3
<i>Волк-Левонович И. В.</i> К вопросу о построении грамматики русского языка	7
<i>Мерлин В. С.</i> Об обучении и развитии	61
<i>Лавров Г. Д.</i> Методическая разработка темы «Строение тела птицы в связи с приспособлением к полету»	79
<i>Познанский Н. Ф. проф.</i> К методике лекционной работы в ВУЗе	87
<i>Богословский И. Т. проф.</i> О влиянии ритма и типа дыхания на кровяное давление	103
<i>Богословский И. Т.</i> К вопросу о сосудодвигательных свойствах хлоридов кальция, калия и натрия	115

Цена 4 руб.

Склад издания: Саратов, Педагогический Институт
библиотека.

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2017
№2
323 с.
17,2 п.л.

ISSN 2415-7953